

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ САРАТОВСКОГО КРАЯ

Вып. 10

САРАТОВ 2012

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР
ПО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
САРАТОВСКОГО КРАЯ**

ВЫП. 10

Издательство
«Научная книга»

САРАТОВ 2012

ББК 63.4 (2)
Ю 16

Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов: Издательство «Научная книга», 2012. 230 с., ил.

ISBN 978-5-9758-1384-8

В десятом выпуске сборника «Археологическое наследие Саратовского края» представлены очередные итоги научных исследований археологических памятников Юго-Востока Европы. Публикуются материалы новых раскопок, охватывающие широкий хронологический диапазон – от раннего энеолита до позднего средневековья. Рассматриваются актуальные проблемы археологии эпохи ранней и средней бронзы Нижнего Поволжья и сопредельных регионов, вопросы пропаганды и охраны археологических памятников, представлены работы в области вспомогательных археологических дисциплин.

Сборник представляет интерес для профессиональных археологов и историков, а также для всех, интересующихся древнейшей историей края и охраной его культурного наследия.

Редакционная коллегия:

А.И.Юдин, доктор исторических наук (отв. редактор);

В.А.Волков, кандидат исторических наук (отв. секретарь).

ISBN 978-5-9758-1384-8

© Авторы статей
© ГАУК «НПЦ по историко-культурному
наследию Саратовской области»

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемый очередной сборник «Археологическое наследие Саратовского края» является десятым, юбилейным выпуском научных трудов, издаваемым органами охраны культурного наследия Саратовской области с 1995 года. В 1991 году была создана Дирекция по охране и использованию памятников истории и культуры, основные функции которой следуют из ее названия. После четырехлетней работы в Дирекции сформировался коллектив исследователей, который к тому времени имел опыт самостоятельных полевых исследований, и возникла настоятельная потребность во введении в научный оборот новых полевых материалов.

С первого выпуска издание «Археологического наследия Саратовского края» позиционировалось как место публикации новых полевых исследований и на протяжении почти двух десятков лет открыто для всех авторов, тематика исследований которых касается древнейшего прошлого Саратовской области, а также смежных регионов.

Первое полностью археологическое издание в области – сборник научных трудов «Археология Восточно-Европейской степи» – с 1992 года, когда в СГУ вышел его третий выпуск, в силу экономических причин было приостановлено и возобновлено только в 2006 г. Все эти годы «Археологическое наследие...» оставалось единственным саратовским изданием, специализированном на археологии, где можно было оперативно ввести в научный оборот как материалы раскопок предыдущих лет, так и итоги новых полевых исследований.

С четвертого выпуска определилось окончательное название сборника: «Археологическое наследие Саратовского края», что должно было подчеркнуть межрегиональный характер издания, поскольку в различные периоды своей истории границы Саратовской области неоднократно изменялись. С 6 выпуска издание производится в формате А 4 с целью повышения качества иллюстративного материала.

В девяти предыдущих выпусках «Археологического наследия Саратовского края» опубликовано 131 статья 53 авторов из городов России (Саратов, Энгельс, Балашов, Волгоград, Казань, Москва, Челябинск, Астрахань, Пенза), Украины (Киев, Донецк), Казахстана (Уральск) и США (Бостон) по различной тематике, так или иначе связанной с археологией Саратовского края и сопредельных регионов. Это, в первую очередь, итоги полевых исследований памятников археологии различных эпох - от палеолита до позднего средневековья. Это также итоги социокультурных исследований обществ эпохи бронзы и итоги камеральных исследований по антропологии, нумизматике, древней металлургии, палеофонографии. В сборниках представлены статьи по истории археологических исследований и организации охраны памятников археологии начиная с ра-

бот исследователей Саратовской ученой архивной комиссии. Опубликованные за эти годы материалы разведочных исследований значительно пополнили археологическую карту Саратовской области. Содержание всех девяти предыдущих выпусков «Археологического наследия Саратовского края» приводится в конце данного сборника.

В вышедших сборниках представлены научные материалы, полученные в результате исследования практически всех типов археологических памятников Нижнего Поволжья и Саратовской области, в том числе таких редких как кварцитовая мастерская верхнего палеолита¹ у с.Непряхино или культовое место праславянского населения у с.Шапкино².

Издание не ограничивается территорией только Саратовской области, здесь представлены материалы как Нижнего Поволжья (Волгоградская, Астраханская области и Калмыкия), так и Среднего Поволжья (Пензенская, Ульяновская области) и других регионов (Тамбовская область, Ставропольский край). Но все же основная часть работ посвящена древностям Саратовского края и выполнена саратовскими исследователями из организаций области, проводящих археологические работы: ГАУК НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области, Саратовского государственного университета, Саратовского и Балашовского педагогических институтов (ныне вошедших в состав СГУ), Саратовского областного музея краеведения, Энгельсского краеведческого музея, Балашовского краеведческого музея, Центров дополнительного образования г.Саратова и г.Балашова.

В сборниках «Археологическое наследие Саратовского края» впервые были опубликованы комплексы таких памятников как нео-энеолитические стоянки Прихоперья, неолитическая Варфоломеевская стоянка, курганные могильники Золотая Гора и Кочетное, грунтовой могильник эпохи поздней бронзы Смеловка, ряд курганов и курганных групп в Саратовском Правобережье. Материалы всех этих памятников в дальнейшем были изданы монографически³ или получили более развернутую характеристику в других изданиях и прочно вошли в научный оборот: палеолитическая стоянка-мастерская Непряхино, стратифицированная стоянка Ураков Бугор (мезолит, средняя и финальная бронза), курганная группа Сторожевка, погребение мастера-металлурга у с.Белогорье⁴.

¹ Захариков А.П. Стоянка Непряхино: орудия на отщепях // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

² Хреков А.А. Культовое место Шапкино II и некоторые вопросы мировоззрения постзарубинцев Прихоперья в первые века нашей эры // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

³ Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит-ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов, 2003. 168 с.; Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 200 с.; Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая гора и Кочетное. Саратов, 2006. 116 с.; Сингатулин Р.А. Введение в палеофонографию. Саратов, 2007. 136 с.; Сингатулин Р.А. Практическая палеофонография. Технология и результаты применения. Саратов, 2007. 96 с.; Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов, 2010. 244 с.; Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005-2006 гг.). Саратов, 2010. 284 с.

⁴ Захариков А.П. Стоянка в районе села Непряхино // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Волгоград, 2006, с. 62-73; Захариков А.П. Стоянка Непряхино: некоторые итоги исследования // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-

В результате публикаций материалов значительно пополнилась источниковая база по средней бронзе – долгое время количество памятников этого времени, введенных в научный оборот было непропорционально мало относительно комплексов других эпох. Среди памятников эпохи поздней бронзы, введенных в научный оборот, особое внимание привлекают курганные могильники раннесрубного (покровского) времени, которые уточняют процессы сложения срубной общности в степях Юго-Восточной Европы. Совершенно новыми для региона являются материалы раннего средневековья и праславянские памятники на северо-западе области.

В ряде статей отражена работа по сохранению культурного наследия Саратовской области, особое внимание уделяется вопросам охраны и публикации материалов единственного средневекового города на территории Саратовской области – городу Укеку.

В десятом выпуске представлены работы коллектива авторов, многие годы сотрудничавших с изданием и охватывающих как широкий хронологический диапазон, так и различную проблематику.

Редколлегия выражает глубокую признательность и благодарность всем авторам, сотрудничающим с изданием.

культурного наследия Евразии. Ижевск, 2008, с. 320-357; Дремов И.И., Ластовский А.А. Мезолитические памятники северной и центральной части Нижнего Поволжья // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Волгоград, 2006, с. 174-198; Ляхов С.В. Курганный могильник к востоку от пос.Сторожовка // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX, с. 130-146; Гак Е.И., Рындина Н.В., Матюхин А.Д. Погребение мастера по металлообработке в Саратовском Поволжье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А.Городцова в Государственном Историческом музее. М., 2003. Ч. I, с. 113-115.

А.А. Хреков, В.Ю. Быков

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ РАННЕГО ЭНЕОЛИТА
ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИХОПЕРЬЯ: ЗАВЬЯЛОВСКИЙ КЛАД
(предварительная публикация)**

Современное состояние изученности раннеэнеолитических памятников лесостепного Прихоперья довольно слабое. На северо-западе Саратовской области и юго-востоке Тамбовской области в результате работ одного из авторов в 80-90-е годы прошлого века стал известен ряд стоянок, содержащих воротничковую керамику, сочетающую культурные признаки лесостепной и степной зон Восточной Европы (Хреков А.А., 1996, с. 64-71). Ее формы и орнамент находят близкие аналогии в культурах мариупольской области, но отсутствуют следы металла.

Большинство исследователей под «энеолитом» понимают период регулярного распространения металлических, а конкретно – медных изделий, в том числе орудий, связанных с основными видами производства, сосуществующих с каменными. Нижняя граница энеолита определяется с большим трудом и документируется спорадическими находками металлических предметов импортного происхождения, отражающими не столько уровень самого производства, сколько интенсивность и характер связей (Мерперт И.Я., 1981, с. 18-20).

В.Н. Черных связывает начало и развитие энеолитической эпохи степных и лесостепных районов Восточной Европы с влиянием культур Балкано-Карпатской металлургической провинции (Черных В.Н., 1978, с. 53-83).

Импортные медные изделия на большинстве памятников мариупольской области – явление вообще довольно редкое. Учитывая большую ценность металла, каждая использованная в древности вещь, видимо, шла на переплавку. Поэтому основой выделения раннеэнеолитических памятников степной и лесостепной полосы Восточной Европы является целый комплекс признаков: воротничковые сосуды с преобладанием плоскостных форм; орнамент из волнистых прочерченных линий; специфический комплекс украшений; наличие крупных ножевидных пластин; крупные и мелкие каменные топоры и долота; украшения из золота и чистой меди и т.д. (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985, с. 27-39; Синюк А.Т., 1988, с. 5-17). Но в большинстве случаев присутствие изделий из чистой меди на раннеэнеолитических памятниках является скорее исключением, чем правилом. Можно исследовать десятки стоянок и не найти следов металла.

Целью данной статьи является ввод в научный оборот сведений о вещевом кладе периода раннего энеолита, обнаруженном в ноябре 2011 г. на территории лесостепного Прихоперья, описание обстоятельств находок и публикация основных серий предметов, составляющих комплекс. В настоящее время клад передан в Балашовский краеведческий музей.

Клад был найден в густозалесенной пойме левого берега реки Хопер, в 800 метрах южнее с. Красный Полуостров (бывшее с. Завьялово) Аркадакского района Саратовской области (рис. 1). Как и большинство подобных комплексов, он был обнаружен

случайно местным учителем истории В.Ю. Быковым. Место находки представляет собой дюнное возвышение размером 300x150 м, окруженное старичными озерами (Круглое, Кривое, Горбатое), промоинами и, большей частью покрытое лесом. По рассказам старожилов, в конце XIX - начале XX вв. здесь была заимка или охотничий домик местного помещика, на которой жил лесник, охранявший лес. Поэтому это место так и называлось – «Караулка». Об этом свидетельствуют обломки красного кирпича, битой стеклянной посуды, а также фрагменты позднеерусской круговой керамики, встречающиеся на поверхности.

В одной из промоин, в юго-западной части дюны, В.Ю. Быковым были обнаружены целая и несколько обломков медных желобчатых пластин.

На месте находки в целях доисследования культурного слоя и исключительной важности обнаруженных предметов по обнажению был заложен шурф 2 x 2 м, который позволил выявить еще ряд предметов.

Общая мощность культурных напластований составила 0,75-0,8 м: верхний нарушенный слой (0-0,3 м) насыщен обломками красного кирпича и фрагментами позднеерусской керамики; слой темной гумусированной супеси (0,3-0,6 м), содержащий керамику раннего железного века и раннеэнеолитическую; темно-серая супесь (0,6-0,8 м) с отдельными фрагментами керамики эпохи бронзы и раннего энеолита; материк – светло-серый песок с глинистыми прослойками. Основная масса находок концентрировалась на глубине 0,6-0,7 м от дневной поверхности. По технико-типологическим признакам керамика (кроме позднеерусской) подразделяется на три группы.

Первая группа представлена рогожной, текстильной и гладкостенной керамикой городецкой культуры (7 венчиков. 5 стенок). Венчики Т-образные, внешняя поверхность покрыта вертикальными бороздами, а также оттисками среднеячеистого и мелкоячеистого штампа.

Ко второй группе отнесена керамика (5 стенок), украшенная горизонтальными оттисками гребенчатого штампа. Цвет внешней поверхности – коричневато-сероватый, внутренний – темный, со следами зачистки. Тесто плотное, с примесью песка и мелкого шамота. Судя по орнаменту и технике исполнения, керамика второй группы относится к раннему этапу катакомбной культуры.

Ранняя энеолитическая керамика третьей группы (11 стенок, 1 днище), в основном, концентрировалась ниже городецкой и катакомбной на глубине 0,6-0,8 м от дневной поверхности. Внешние и внутренние поверхности серого цвета с коричневатым оттенком, в изломе черепок черного цвета. Тесто рыхлое с примесью песка, мелкотолченой раковины и, вероятно, растительности. В орнаментации преобладают оттиски зубчатого штампа, сгруппированные в горизонтальные пояски. Количество зубцов – от 4 до 5. Зоноразделителями выступают ломаные прочерченные линии (рис. 2, 5-9). Часть фрагментов украшена отступающей лопаточкой (рис. 2, 1-2), иногда в сочетании с зубчатыми оттисками (рис. 2, 3-4). Параллельными прочерченными линиями орнаментирован единственный фрагмент плоского днища (рис. 2, 10). Подобная керамика находит довольно широкий круг аналогий в материалах первого и второго периодов нижнедонской (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985, с. 94, табл. 13, с. 95, табл. 14; Котова Н.С., 2002, с. 202, рис. 78) и второго периода азово-днепровской (Котова Н.С., 2002, с. 126, рис. 2,) культур мариупольской области (Васильев И.Б., 1981, с. 18).

В слое с керамикой третьей группы отмечены отдельные угольки и крупная трапеция из качественного полупрозрачного серого кремня (рис. 2, 11). Со стороны спинки трапеция подработана крупной и мелкой односторонней ретушью.

Судя по условиям концентрации раннеэнеолитической керамики, к этому же горизонту относится комплекс медных предметов, представленных целыми и частично сохранившимися желобчатыми пластинами (рис. 3, 1-9), идентичными обнаруженным в

промоине. Семь из них сохранились практически полностью (рис. 3, 1-6, 8; 5, 1), одна деформирована (рис. 3, 7), другая состоит из двух обломков (рис. 3, 9). Все пластины дугообразно изогнуты, на противоположных концах пробиты отверстия для крепления. Длина пластин варьирует от 6,5 до 7,6 см, ширина – 1,2-1,8 см. Изделия практически совпадают по размерам, т.е. явно составляли один тип какого-то украшения (гривна, браслеты, нашивки), диаметром около 9,8 см. Пластины располагались на одном уровне – цепочкой, длина которой не превышала 0,6 м на глубине 0,65 – 0,7 м от дневной поверхности.

В 0,5 м от скопления пластин, на том же уровне, обнаружено еще одно медное пластинчатое изделие в виде ромба, усеченного в верхней части (рис. 4; 5, 2), размером 16,7 x 11,1 см. Центральная часть ромба имеет овально-выпуклую поверхность, на трех углах пробито по два сквозных отверстия, с усеченной стороны их четыре. В левом углу в одном из отверстий сохранилось колечко из медной проволоки. Размеры отверстий, их техническое исполнение практически совпадают с отверстиями на пластинах и, вероятно, выполнены одним и тем же инструментом, что, на наш взгляд, свидетельствует о единстве всего комплекса. В месте находки медных предметов какие-либо следы погребений или сооружений отсутствовали.

Типологически и хронологически близкие пластинчатые изделия из кости клыка кабана, золота, морских раковин известны в материалах Никольского могильника (Котова Н.С., 2002, с. 194, рис. 70, 15), Мариупольского могильника (Котова Н.С., 2002, с. 199, рис. 75, 6-9, 12), Варненского некрополя (Рындина Н.В., Дегтярева А.Д., 2002, с. 59, рис. 19, 9-12), Карбунского клада (Энеолит..., 1982, с. 278, табл. LXII, 25-26, 32).

Что касается ромбовидного украшения, то оно пока не находит точных аналогов в энеолитических комплексах Восточной Европы. Не исключено, что по своему характеру, назначению и очертаниям это было антропоморфное изображение, близкое женским статуэткам трипольской культуры (Энеолит..., 1982, с. 207, табл. LVI, 2, 4, 6), в орнаментации которых присутствуют элементы из треугольников и ромбов – символов женского начала и плодородия (Рыбаков Б.А., 1988, с. 524-525; Амброз А.К., 1965, с. 14-27). С идеологическими представлениями трипольцев связаны более примитивные, антропоморфные глиняные и медные амулеты в виде ромба, иногда с выделенной головкой (Энеолит..., 1982, с. 272, табл. LVIII, 1, 15, 27, 29), более или менее близкие украшению из Завьяловского клада. Овал же в центре ромба является комбинированной модификацией вогнуто-выпуклых подвесок-скорлупок, также известных на территории Балкано-Карпатского региона времени Триполье А, Кукутени А – Триполье В1, Гумельница (Варна), обнаружены они и в материалах I и II Хвалынского могильника (Васильев И.Б., 2003, с. 75, 99, рис. 19). В связи с этим актуально замечание Н.В. Рындиной: «В ранних металлоносных культурах, носители которых делают первые шаги в освоении металла и не знают способов его упрочнения, медь находит применение только в производстве украшений и в меньшей степени орудий колющего и режущего действия...» (Рындина Н.В., 1978, с. 80).

Таким образом, учитывая керамику мариупольского круга, комплекс медных предметов, обнаруженных на Караулке, неподалеку от с. Красный Полуостров (бывш. Завьялово), следует отнести к раннеэнеолитическому времени (без уточнения конкретной даты) и в предварительном плане включить его в ареал Балкано-Карпатской металлургической провинции.

Литература

- Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками» // СА. № 3. 1965.
Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып 3.

- Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
- Мерперт Н.Я.* К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.
- Котова Н.С.* Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1988.
- Рындина Н.В.* К проблеме классификации членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестник МГУ. Сер. История. М., 1978.
- Рындина Н.В., Дегтярева А.Д.* Энеолит и бронзовый век. М., 2002.
- Синюк А.Т.* О понятии «энеолит» для лесостепи Днепро-Дона-Волжского междуречья // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988.
- Синюк А.Т.* Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.
- Хреков А.А.* Раннеэнеолитические памятники лесостепного Прихоперья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Черных Е.Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4. 1978.
- Энеолит СССР* // Археология СССР. М., 1982.

Рис. 1. Место нахождения Завьяловского клада (шурф) в урочище Караулка

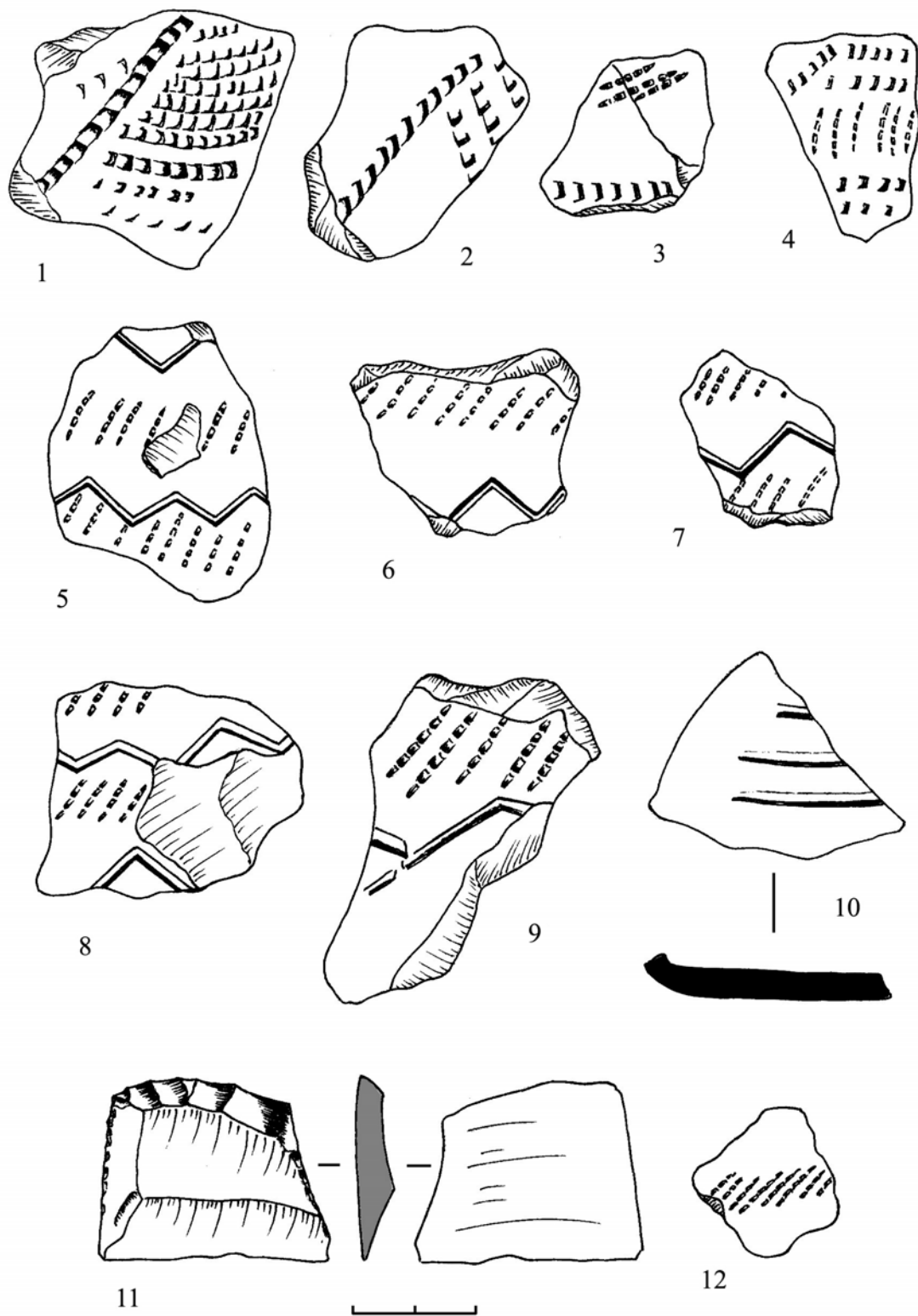

Рис. 2. Караулка. Керамика (1-10, 12), изделие из кремня (11)

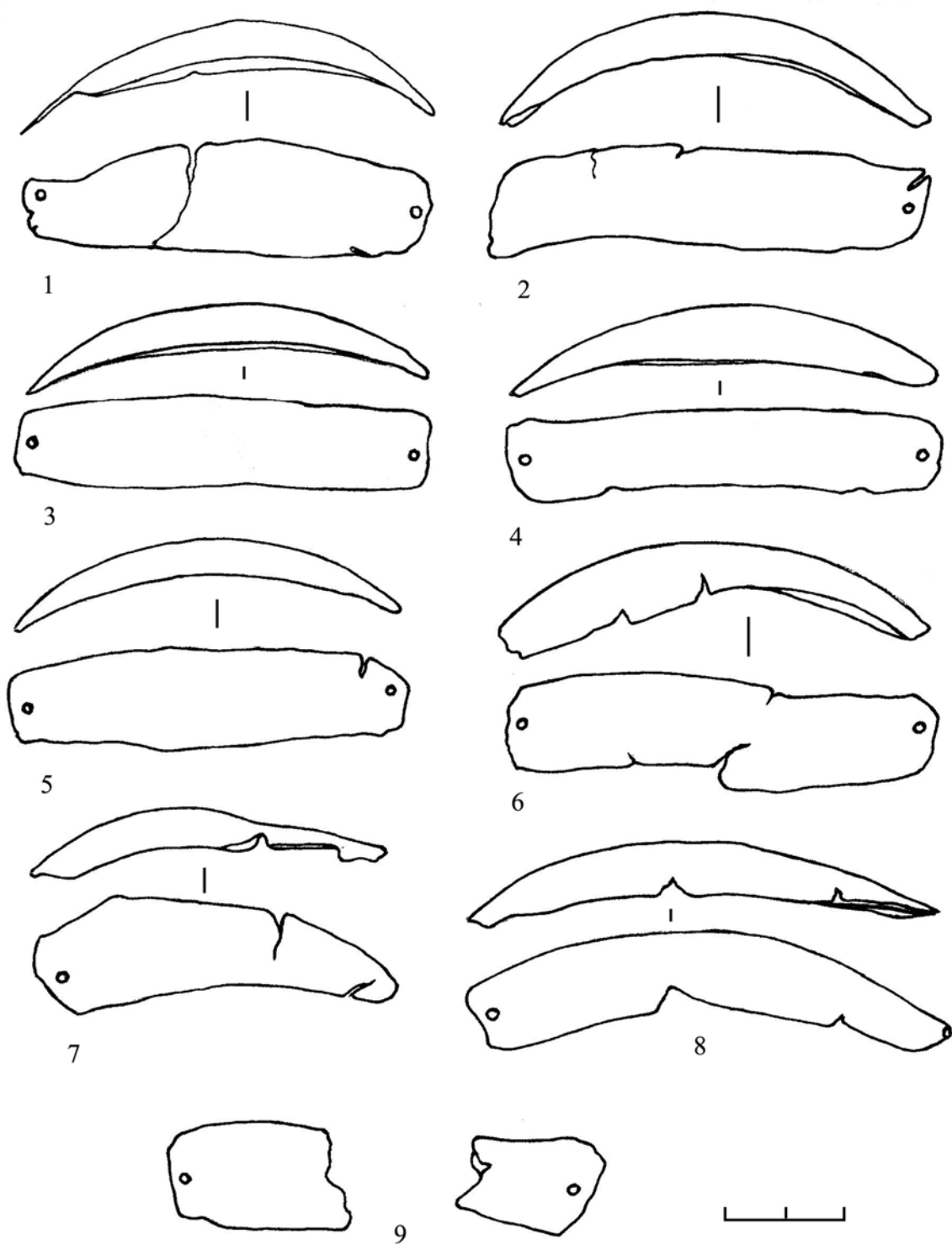

Рис. 3. Завьяловский клад. Изделия из меди (1-9)

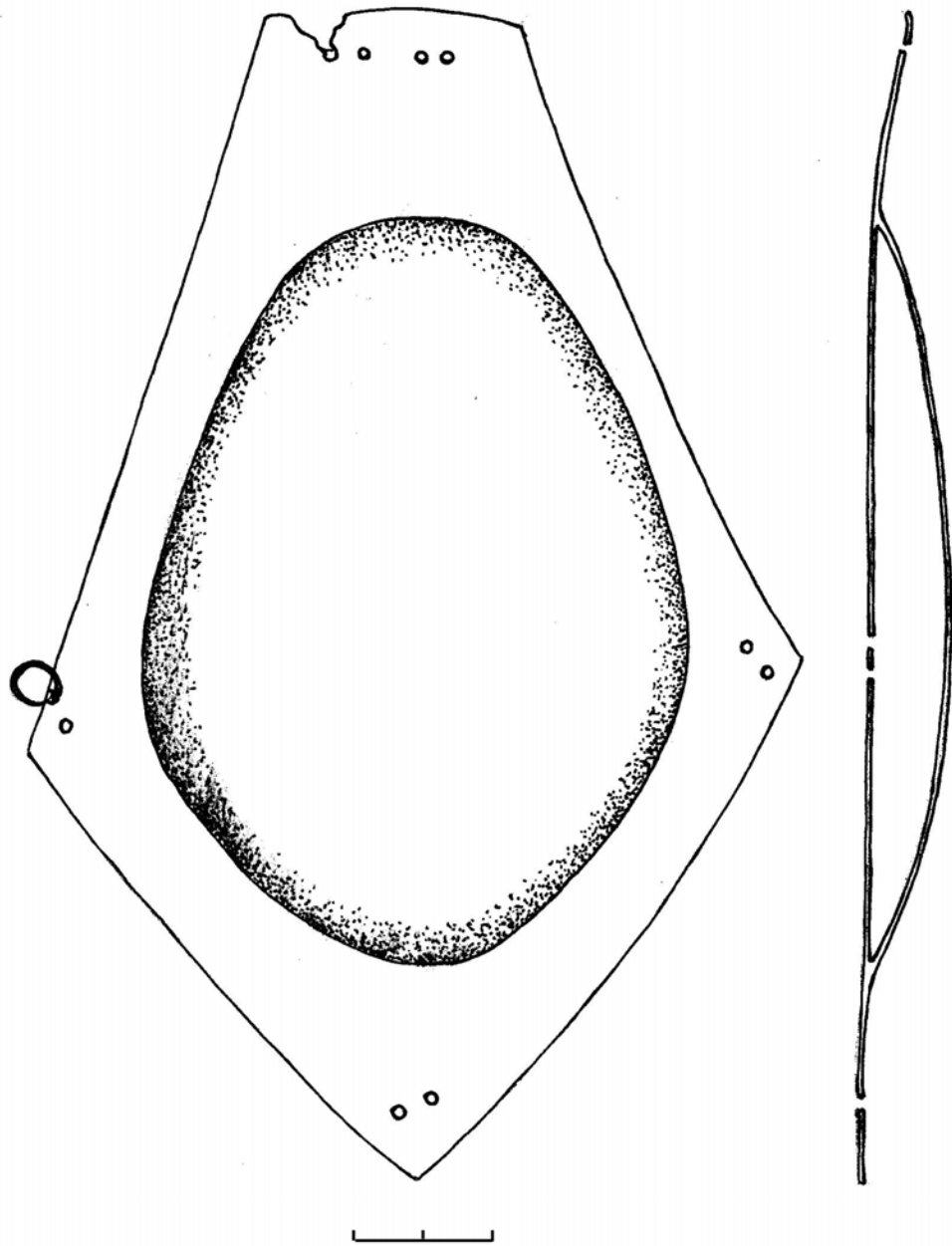

Рис. 4. Завьяловский клад. Изделие из меди

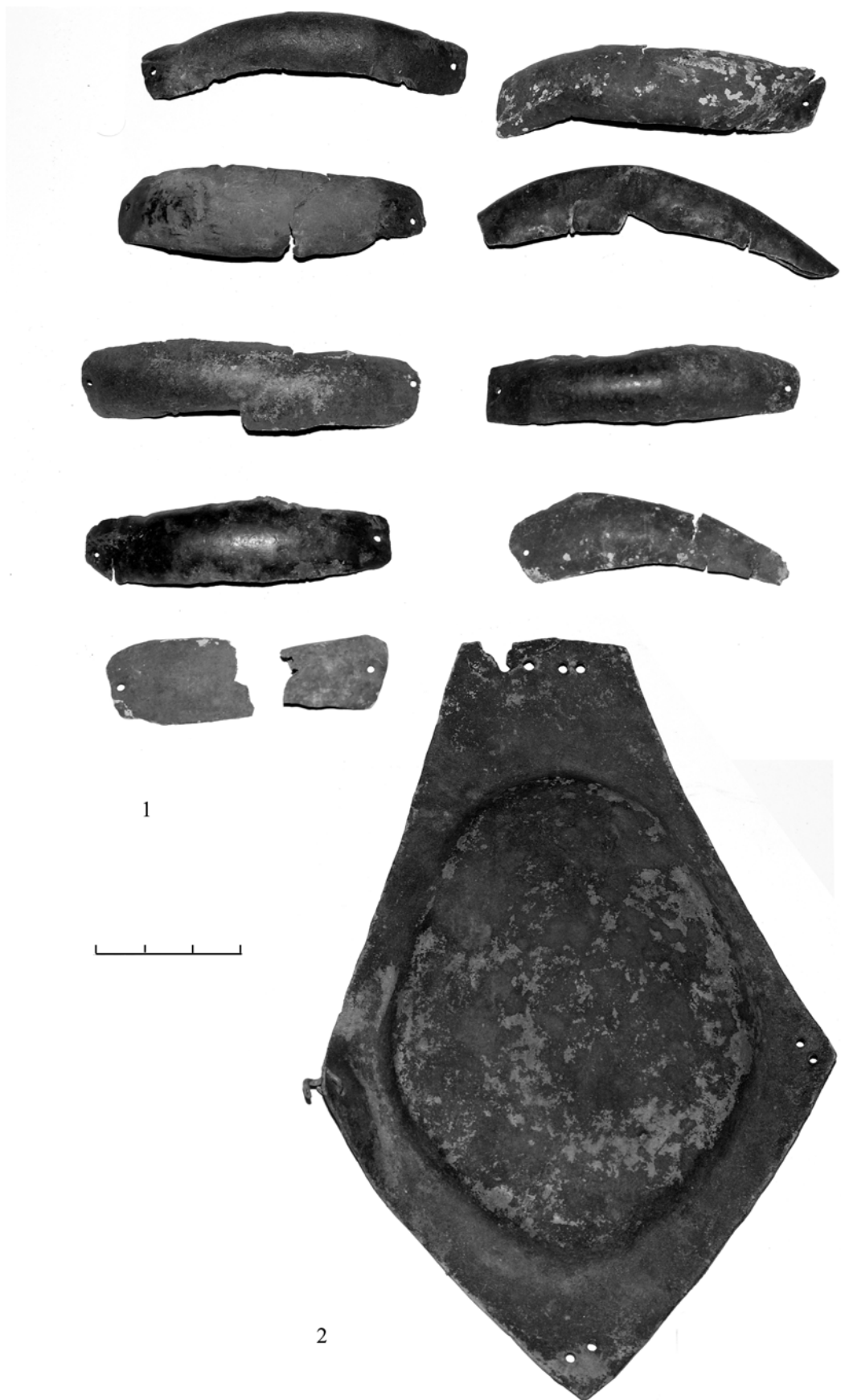

Рис. 5. Завьяловский клад. Изделия из меди

ПОЗДНИЙ ЭНЕОЛИТ СТЕПЕЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Поздний энеолит степного Поволжья представлен по большей части поселенческими памятниками и в меньшей степени погребальными, что создает определенные трудности в поисках истоков ямной культуры эпохи ранней бронзы. Традиционно одним из основных субстратов ямной культуры называют хвалынскую, несмотря на отмечаемый исследователями хронологический разрыв между ними.

Материалы хвалынской культуры уже давно прочно вошли в научный обиход. Хвалынская энеолитическая культура охарактеризована по результатам исследования эпонимного могильника на севере Саратовской области (Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1979; они же, 1990). Культура локализуется в пределах полупустынной, степной и лесостепной зон Поволжья, а ее отдельные материальные проявления известны и севернее. Культура представлена стоянками, грунтовыми могильниками и подкурганскими захоронениями. На всей территории распространения культура выступает как единое целое, без каких либо локальных вариантов (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1986, с. 14). Итоговая характеристика всей хвалынской культуры, распространенной далеко за пределами Нижнего Поволжья, дана в работе И.Б.Васильева (Васильев И.Б., 2003а, с. 61-99). История исследований памятников и изучения хвалынской культуры приводится в работе В.Г.Фадеева (Фадеев В.Г., 2003, с. 100-117). Подробная характеристика культуры, включающая проблемы радиоуглеродного датирования, характеристику керамики, медных и каменных изделий, археозоологических и палеоантропологических материалов, представлена в коллективной монографии по материалам двух могильников культуры – Хвалынского I и Хвалынского II, изданной под редакцией С.А.Агапова (Хвалынские..., 2010). Остановимся лишь на нескольких ключевых моментах развития хвалынского населения, касающихся непосредственно рассматриваемой территории.

Исследования трех крупных грунтовых могильников – двух Хвалынских (I и II) и Хлопковского (Малов Н.М., 2008, с. 34-134) (рис. 1, 1, 2) предоставили исследователям богатейшую источниковую базу и коренным образом изменили наши представления об энеолите региона. И.Б.Васильев сделал вывод о существовании в среднем энеолите хвалынско-среднестоговской культурно-исторической области, которая сформировалась на основе раннеэнеолитических культур мариупольского круга – самарской, прикаспийской, нижнедонской (Васильев И.Б., 1981). Памятники культуры, её территория и хронология получают дальнейшую характеристику в совместной работе И.Б.Васильева и А.Т.Синюка (1985). Хвалынская культура соотносится со средним этапом энеолита, частично синхронизируясь с предыдущими мариупольскими памятниками. Однако существует и мнение о синхронности хвалынских поселений Северного Прикаспия с поселениями, оставившего комплексы «воротничковой керамики» (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998).

Долгое время у исследователей не было единого мнения относительно хронологии хвалынских памятников, но в настоящее время признается существование культуры в пределах IV тыс. до н.э., а по калиброванным значениям радиоуглеродных дат

время хвалынской культуры определяется первой половиной V тыс. до н.э. (Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004, с. 24-37; они же, 2010, с. 121-132).

Эти данные подтвердились и новой серией дат, полученных по керамике с хвалынских стоянок Северного Прикаспия (Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2008, с. 191-193); по керамике с энеолитических стоянок Самарского Поволжья (Моргунова Н.Л., 2009, с. 14-15) и по кости человека из Хвалынского II могильника (Шишлина Н.И., 2007, с. 380).

Но, как уже сказано, все исследователи отмечают хронологический разрыв между хвалынской и ямной культурами на территории Нижнего Поволжья и предпринимают попытки заполнить этот хиатус.

Первоначально складывалось впечатление, что этот разрыв составлял более тысячи лет (Турецкий М.А., 2001, с. 126), но постепенно разрыв стал сокращаться.

В хронологической схеме неолита-бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы В.А.Трифонов разрыв между хвалынскими и ранними ямными с репинскими чертами составляет около 500 лет при отсутствии каких-либо памятников в Нижнем Поволжье в это время. Предполагается, что это время существования репинской культуры (Трифонов В.А., 2001, с. 75-79, табл. 1), присутствие которой в степной зоне пока представлено единичными фрагментами керамики.

Несмотря на то, что калиброванные определения для Хвалынска показывают максимум дат для первой половины V тыс. до н.э., по аналогиям в материальных комплексах среднестоговской и новоданиловской культур можно говорить о продолжении существования хвалынской культуры во второй половине V тыс. до н.э. и в IV тыс. до н.э., по меньшей мере на протяжении первой четверти, так как балкано-карпатский металлургический очаг, металл которого широко представлен в Хвалынских могильниках, прекращает функционировать где-то между 3800-3700 лет до н.э. (Черных Е.Н., Авиллова Л.И., Орловская Л.Б., 2000, с. 21). Наиболее нижние даты для ранней ямной культуры с керамикой репинского облика отсчитываются с третьей четверти, а возможно и со второй четверти IV тыс. до н.э. (Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н., 2008, с. 194-196; Кузнецов П.Ф., 2010, с. 96-98). В последней по времени публикации работе, приведенная серия дат для ямно-репинских памятников Поволжья и Приуралья позволяет авторам сделать вывод о сложении ямной культуры в первых веках IV тыс. до н.э. (Моргунова Н.Л. и др., 2011, с. 54-61, 68). В этом случае хронологический разрыв уже практически отсутствует, так как поздние хвалынские памятники (существование которых допускается чисто теоретически) смыкаются по времени с раннеямными. Тем не менее, это не решает проблемы отсутствия собственно хвалынских памятников после середины V тыс. до н.э.

Однако в последнее время появились новые памятники, как поселенческие, так и погребальные, которые позволяют заполнить этот хронологический промежуток – от хвалынских памятников до ямно-репинских или раннеямных.

К этому периоду позднего энеолита И.Б.Васильевым в его первоначальной схеме для Нижнего Поволжья были отнесены памятники алексеевского типа и древнейшие подкурганые захоронения типа Бережновка I 5/22. Но, как оказалось позднее, алексеевские памятники характеризуют материальную культуру лесостепного, а не степного населения. Остаются немногочисленные подкурганые захоронения с хвалынской керамикой, хронология которых пока до конца не определена, так как отсутствуют радиоуглеродные даты.

Некоторая часть этих погребений и ранее относились к энеолитическим или наиболее ранним ямным (Мерперт Н.Я., 1974, с. 46, 54; Фисенко В.Ф., 1970, с. 32, 49; Даниленко В.Н., 1974, с. 56, рис. 32, I, с. 59-61, 66-68). Материалы Хвалынского I грунтового могильника предоставили возможность к известным ранее энеолитическим под-

курганам погребениям добавить ряд новых (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992, с. 18-27) и охарактеризовать их как энеолитические погребения хвалынско-бережновского типа.

В настоящее время в степном Поволжье исследовано 20 энеолитических подкурганных захоронения из 7 курганов и одно дюнное: Бережновка 1, кург. 5, погр. 22; Бережнока II, кург. 9, погр. 2, 5, 8-12, 16-21; Ровное, кург. 3, погр. 5, 11; Энгельс-Анисовка, погр. 1; Тарлык, кург. 1, погр. 6; Политотдельское, кург. 12, погр. 15, 18; Новопривольное, погр. 16. Часть этих погребений содержала в качестве погребального инвентаря характерную керамику, находящую ближайшие аналогии в Хвалынских и Хлопковском могильниках (рис. 2, 1-5).

Погребальный обряд этой группы древнейших подкурганных захоронений степей Нижнего Поволжья не имеет жесткой регламентации. Ориентировка может быть как северо-восточной, так и юго-западной. Четко не определено положение рук. Большинство скелетов обильно посыпаны охрой, но в некоторых случаях охра зафиксирована только на черепе. Шесть взрослых захоронений сопровождалась погребениями детей или подростков, причем, в двух случаях дети лежали на ступеньках могильной ямы. Преобладают прямоугольные могилы, но имеются и овальные. Глубина и величина могил различны, следы перекрытия отмечены не везде. Наряду с основными могилами в курганах есть и впускные.

Однако сравнение погребального обряда с обрядом грунтовых могильников обнаруживает совпадение по многим параметрам. Погребенные лежали скорченно, с вытянутыми или сложенными на животе руками. Ориентировки грунтовых захоронений, так же, как и подкурганных неустойчивы, но преобладают северо-восточные направления. Имеются погребения обильно посыпанные охрой, но встречаются и неокрашенные. В грунтовых могильниках, как и в курганах, могилы имели овальную и подпрямоугольную форму (Васильев И.Б., 1981, с. 42; Малов Н.М., 1982, с. 85-89).

Инвентарь в подкурганных погребениях, по сравнению с грунтовыми, включает меньшее количество категорий – мелкие круглые бусы из раковины, костяные пронизки и длинные трубочки из полой кости ("флейты"), кремневые ножи и медные височные подвески – но все они находят аналогии в памятниках хвалынской культуры. Керамика по форме и орнаменту аналогична хвалынской. Сосуды имеют венчики с характерным валикообразным утолщением, округлое тулово и круглое дно. Орнамент выполнен наколами, насечками, оттисками зубчатого штампа и створкой раковины. Орнаментальные композиции чаще всего составлены из рядов горизонтальных линий по тулову и вертикальных или наклонных по венчику. Орнамент покрывает срез венчика и его внутреннюю сторону. Подобно хвалынской керамике, в двух случаях орнаментальные зоны разделяются волнистыми прочерченными (рис. 2, 3, 5).

Учитывая аналогии в обряде и совпадение категорий инвентаря, включая керамику, можно говорить о хронологической и культурной близости подкурганных погребений с грунтовыми хвалынскими, но их точное хронологическое соотношение пока окончательно не определяется. Отмеченные различия могут определяться как варианты степного и лесостепного населения одной культуры, так и их разновременностью.

За последние годы исследований в степном Поволжье к этим погребениям добавилось только два (возможно три) захоронения из кургана Паницкое 6Б в Саратовском Правобережье (Мимоход Р.А., 2009, с. 44-65).

В кургане обнаружено 7 разновременных погребений, два из них (погр. 6 и 7) по всем параметрам вполне соотносятся с описанными выше подкурганными захоронениями. Погребения располагались под центральной частью насыпи и совершены по одному обряду. Они основные, содержали парные захоронения – взрослого и ребенка.

Погребальный инвентарь погребения 6 представлен керамическим сосудом и роговой булавкой-рогаткой. Небольшой керамический сосуд имеет плавный S-овидный

профиль и округлое дно. Венчик сосуда слегка утолщен и отогнут наружу. Вся внешняя поверхность сосуда украшена параллельными горизонтальными рядами оттисков зубчатого штампа. По верхнему краю венчика орнамент дополнен короткими наклонными рядами отпечатков того же штампа (рис. 24, б).

Парное погребение 7 сильно повреждено землероями, но, судя по остаткам костей погребенных, это была аналогия погребения 6. Погребальный инвентарь представлен двумя грифельными костями животного.

Не исключено, что погребениям 6 и 7 синхронно или совершено с небольшим хронологическим запаздыванием детское безынвентарное погребение 5, устроенное в южной поле кургана. Неглубокая (до 0,2 м) могильная яма подпрямоугольной формы имела округлые углы. На дне лежали разрозненные кости детского скелета, по которым устанавливается, что умерший был положен на спине, скорченно, головой на северо-восток.

По этим погребениям получено пять дат, одна из которых (п. 6, взр. скелет) относится ко второй половине IV тыс. до н. э. – 4500 ± 120 л.н. или 3370-3020 (1 σ) до н.э. в калиброванном значении, а две других сильно омоложены и не могут приниматься в расчет (Мимоход Р.А., 2009, с. 59, 70). Впрочем, и дата погребения 6 может быть принята пока условно, так как это уже ямное время (табл. 1). По мнению Р.А.Мимохода возраст данного погребения является постбережновским и дорепинским. С этим нельзя не согласиться.

Однако если не брать во внимание радиоуглеродную дату, то по остальным параметрам погребения из Паницкого 6Б как раз укладывается в хронологический отрезок между хвалынскими и раннеямными погребениями, причем, на основании находки булавки-рогатки, которую Р.А.Мимоход считает древнейшей из всех в погребениях со скорченными на спине скелетами (2009, с. 54), их следует считать финально-энеолитическими, то есть позднейшими из перечисленных выше хвалынско-бережновских комплексов.

В степном Поволжье хронологически близкими к хвалынским (хвалынско-бережновским) подкурганым погребениям являются несколько захоронений, не содержащих керамики, но близких к ним по инвентарю и некоторым чертам обряда и относимых к новоданиловской культуре. Это погребения могильников Перегрузное I, Шляховский II в Волгоградской области и несколько курганов в Калмыкии. Все они расположены южнее описанных выше подкурганых хвалынских захоронений, т.е. географически ближе к основному региону распространения памятников новоданиловской культуры, основной ареал которых расположен в степях Азово-Черноморского региона. Погребальный инвентарь в новоданиловских комплексах представлен крупными ножевидными пластинами, каменными топорами, наконечниками копий, дротиков и стрел, булавами и скипетрами, украшениями из раковины *Unio*, а также многочисленными украшениями из меди. Предполагается, что бескурганый обряд занимает более ранние хронологические позиции среди новоданиловских памятников, а в целом время бытования новоданиловской культуры по калиброванным радиоуглеродным определениям укладывается в середину – вторую половину V тыс. до н.э., а сама культура продолжает линию развития культуры могильников мариупольского типа (Телегин Д.Я. и др., 2001. с. 57-64).

В Волго-Донском междуречье наиболее представительны новоданиловские комплексы из курганов в могильнике Перегрузное 1 в Октябрьском районе Волгоградской области (западный склон Северных Ергеней), а также два погребения из кургана 3 курганной группы Шляховский II в Фроловском районе той же области.

В кургане 3 у хут.Шляховский получены наиболее выразительные по погребальному инвентарю комплексы. Два энеолитических погребения располагались рядом и

были основными в кургане. Подпрямоугольные могильные ямы имели сильно скругленные углы и были слабо заглублены в материк. Умершие лежали на спине, скорченно, головой на северо-восток. Кости скелетов посыпаны охрой. Погребения совершены одновременно, что документируется находением обломков кремневого ножа в обеих могилах. Погребение 3 содержало выразительный инвентарь: диоритовый зооморфный схематичный скипетр, два скребка на пластинчатых отщепах и отщеп из кремня, аргиллитовое и кремневое тесла, подтреугольный кремневый наконечник дротика с прямым основанием и точильный камень (рис. 6, 12-15). Погребение 4 сохранилось хуже, здесь, кроме уже упомянутой части кремневого ножа, найдено кремневое тесло, аналогичное орудию из погребения 3 (рис. 6, 10, 11).

Культурный облик погребений 3 и 4 автор раскопок связывает с новоданиловскими памятниками и отводит им промежуточное место между хвалынскими и ямными погребениями (Клепиков В.М., 1994, с. 97-102).

В могильнике Перегрузное 1 исследовано пять курганов (№№ 10, 12, 13, 29, 31) с погребениями энеолитического времени. Все погребения являлись основными, и именно над ними была сооружена насыпь. Особенно предстательно не разрушенное погребение 8 кургана 10. Погребение (трупорасчленение в «пакете») сопровождалось медным браслетом, тремя ножевидными пластинами, двумя наконечниками стрел и 15 кремневыми резцами. Еще одно захоронение из кургана 13 (погр. 7) также сопровождалось кремневым инвентарем: боковой скребок на отщепе и крупная (длина 24,6 см) ножевидная пластина. Погребение было совершено в прямоугольной яме, ориентированной по линии запад-восток. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на восток и был обильно посыпан охрой. Две приведенные даты для кургана 13 погребения 7 – ИГАН-2401, 5780±150 л.н., cal. 4801-4462 и GrA-19260, 5430±50 л.н., cal. 4340 (4323, 4281, 4262) 4236 – хорошо сопоставляются с хронологией памятников новоданиловского типа (Клепиков В.М., 2005, с. 21-23).

Аналогичные погребения известны южнее, в Калмыкии. В.П.Шиловым еще в конце 80-х годов прошлого века в работе «Древние скотоводы Калмыцких степей», которая по финансовым причинам была опубликована только в наше время, выделены и охарактеризованы как энеолитические семь погребений из могильников Три Брата I, Архаринского, ВМЛБ III и Кююки-Толга (раскопки П.С.Рыкова, Н.А.Николаевой, В.А.Сафронова) (Шилов В.П., 2009, с. 13-18).

Эта работа была продолжена Н.И.Шишлиной которая выделяет и описывает уже 18 подкурганых и грунтовых (?) захоронений. Энеолитические курганы отличаются небольшими размерами, сооружались над одним погребением. Погребальный обряд не выходит за рамки позднеэнеолитического: прямоугольные ямы, погребенные уложены на спине, скорченно, головой на восток или север; наличие охры и подстилок. Погребальный инвентарь включает скипетры, ножевидные пластины, ножи острия, наконечники стрел, керамику и др. Комплексы синхронизируются с энеолитическими погребениями Перегрузного I. В целом материалы многокомпонентны и включают несколько культурных традиций. Предполагается, что эти единичные погребения «степного энеолита» были оставлены здесь не местным населением, а жителями поселенческих стоянок по периметру Северо-Западного Прикаспия (Нижний Дон, Нижнее Поволжье, степи Северного Кавказа), которые сезонно появлялись в данном регионе (Шишлина Н.И., 2003, с. 64-67; она же, 2007, с. 26-41).

Н.И.Шишлина считает, что для энеолитических погребений Средних Ергеней и Прикаспийской низменности Калмыкии наиболее близкими по культуре, но не идентичными, являются погребения Северных Ергеней из упомянутых выше могильников Перегрузное I и Шляховский II (Шишлина Н.И., 2007, с. 41).

Поселенческие памятники энеолитического времени в Калмыкии немногочисленны, содержат невыразительный материал и только лишь обозначают присутствие энеолитического населения в данном регионе без какого-либо культурного определения (Кольцов П.М., 2005, с. 297-307).

Памятники новоданиловского типа на юге Нижнего Поволжья пока немногочисленны и возможно в будущем, при накоплении материалов получают иное культурное определение, так как часть комплексов по ряду параметров перекликается с погребениями хвалынско-бережновского типа, а абсолютное отсутствие керамики в новоданиловских погребениях затрудняет их культурное определение.

Возвращаясь к памятникам хвалынской культуры необходимо отметить, что в степном Поволжье они представлены в основном погребальными подкурганскими комплексами. Хвалынская керамика на энеолитических стоянках встречается эпизодически. Из поселенческих к хвалынским можно отнести только один – многослойное поселение Кумыска, но и то в достаточной степени условно, так как небольшая серия хвалынской керамики (рис. 3, 1-5) является скорее хронологическим репером, чем показателем культурной принадлежности (Юдин А.И., 1999). Однако следует отметить, что это не единственный поселенческий памятник с хвалынской керамикой на левобережье Волги: отдельные фрагменты хвалынской керамики встречены в глубинном Заволжье на стоянке Алтата (рис. 3, 6). Здесь фрагменты хвалынского сосуда залегали совместно с керамикой алтатинской культуры (Малов Н.М., 2008, с. 113, рис. 7, 30, 36).

Несколько фрагментов типичной хвалынской керамики обнаружено на энеолитической стоянке с алтатинскими материалами Царица I в 10 км к западу от Волгограда. Они имеют валикообразные утолщенные венчики и орнаментированы шнуром и оттисками аммонита (рис. 3, 7, 8) (Еремин В.И., 1977, с. 67-69). Фрагменты хвалынской керамики известны на многослойном поселении Урочище Мартышкино (Лопатин А.В., Малышев А.Б., 2010, с. 275-276) на берегу Волги в Красноармейском районе Саратовской области. Эти находки только подтверждают регион распространения хвалынской культуры, определенный ранее по погребальным комплексам.

На поселении Кумыска наибольший интерес в плане поиска промежуточного звена между хвалынской и ямной культурами представляет керамика второй группы. Керамика этой группы в количественном отношении доминирует над остальной и составляет основу энеолитического комплекса стоянки. Она представлена банками с прямыми стенками или слегка прикрытым устьем, а также слабопрофилированными сосудами. Срезы венчиков плоские, приострѐнные, округлые или слегка скошены. В некоторых случаях срез венчика украшен зубчатым штампом, а иногда орнаментирована и внутренняя сторона (рис. 4, 1-20).

Керамика второй группы близких аналогий в Нижнем Поволжье пока не имеет или, вернее сказать, не имеет крупных серий. Можно только отметить совпадение елочной орнаментации части керамики этой группы с орнаментом на известном сосуде из энеолитического погребения 15 кургана 12 в Политотдельском (Смирнов К.Ф., 1959, с. 267), плоскодонная форма которого вызвала многие споры относительно его хронологии (Васильев И.Б., 1981, с. 23) (рис. 2, 1). Профилированная керамика второй группы Кумыски с елочным орнаментом (рис. 4, 10, 17) по форме и орнаментации близка нескольким фрагментам керамики с алтатинского поселения Монахов 1 (Юдин А.И., 2010, с. 369-371, рис. 6, 4, 6)

Вторая группа керамики не встречается в раннем энеолите и, судя по профилировке и ряду орнаментальных композиций, получает свое дальнейшее развитие на последнем этапе энеолита.

Еще одна группа керамики (четвертая) поселения Кумыска (рис. 5, 1-4) в степном Поволжье также пока не имеет близких аналогий, но ряд сходных черт в керамике есть

на позднейших алтатинских памятниках. В частности, на Пшеничном, содержащем поздний алтатинский материал, появляются сосуды с высокими раструбовидными венчиками, которые не известны на ранних алтатинских памятниках (рис. 5, 6, 7).

Формы сосудов четвертой группы обнаруживают определенное сходство с материалами энеолитических памятников Нижнего Дона. Это: керамика V и особенно VI-VII слоев поселения Раздорское I (Кияшко В.Я., 1987, с. 75-77, рис. 2; он же, 1994, с. 30-31, рис. 7, 4, 7; 7, 1, 3) (рис. 7, 7-14); керамика 1-ой группы Константиновского поселения (рис. 7, 1-3), где близкие по форме сосуды отличаются способом орнаментации – на Константиновском поселении керамика этого типа украшена, преимущественно, оттисками веревочки (Кияшко В.Я., 1994, рис. 17, 1, 2; 18, 1; 20), а на Кумыске – зубчатым штампом; керамика 3-ей группы поселения Ливенцовка I (Братченко С.Н., 1969, с. 212, рис. 2, 2).

А.Л.Нечитайло также сопоставляла керамику четвертой группы Кумыски с керамикой нижнего слоя Ливенцовки I (Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е., 1997, с. 54-56). Некоторые отдаленные параллели можно провести и с керамикой среднестоговского облика Среднего Дона (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985, табл. 26), но сосуды Кумыски отличаются более высокими венчиками и иной техникой орнаментации.

Не столь важны причины хронологического hiatus, который можно объяснить периодом деструкции, связанной с распадом Балкано-Карпатской металлургической провинции и практически не отражаемой археологическими материалами (Черных Е.Н., 2000, с. 29-40), как важен факт отсутствия погребальных памятников, сопоставимых по количеству с захоронениями грунтовых могильников и синхронных позднеэнеолитическим поселениям, которые могли бы позволить более четко увидеть истоки ямной культуры.

Можно конечно считать, что этот hiatus заполняется позднейшими памятниками хвалынской культуры, но её пока невозможно расчленить на хронологические этапы по материалу. Как одну из возможностей, подобное решение проблемы допускает Ю.Я.Рассамакин (2001, с. 87), а Н.Л.Моргунова допускает продолжение развития хвалынской культуры и во второй половину V тыс. до н.э. на основании нескольких более поздних дат для хвалынских памятников и датировок среднестоговской культуры, которая составляет с хвалынской культурную общность (Моргунова Н.Л., 2009, с. 16).

В качестве одной из попыток преодоления хронологического разрыва между хвалынской и ямной культурами можно рассматривать передатировку энеолитических памятников, в том числе и хвалынских на основании резервуарного эффекта. По мнению ряда исследователей, даты, выполненные по кости человека, не совсем корректны. Если в системе питания древнего человека есть большое количество рыбопродуктов, то collagen костей человека оказывается удревнённым в результате резервуарного эффекта, причем весьма значительно. Методика поправок возраста на основании этого эффекта находится в стадии разработки и, как признают авторы, поправки должны определяться для каждой культуры и региона отдельно (Шишлина Н.И. и др., 2006, с. 135-140). Для погребений Хвалынских могильников поправки составляют 300-350 лет в сторону омоложения и, таким образом, Хвалынские могильники могут быть датированы в интервале 4400 – 4300 лет до н.э. Поскольку система питания взрослых и детей различалась, то у последних в рационе рыбопродукты не являлись постоянной пищей и соответственно при датировке по костям из детского погребения резервуарный эффект не проявляется. Поэтому дата детского погребения новоданиловского типа из погр. 12, кург. 1 могильника Вертолетное поле на Правобережье Дона считается наиболее корректной – ИГАН-2516, 5180±100 л.н. или в калиброванном значении от 4225 : 4206 до 3877 : 3804 лет до н.э. при разных вероятностях (Шишлина Н.И. и др., 2006, с. 136).

Однако даты, полученные в последнее время, в том числе и по керамике поселений Прикаспия, подтвердили возраст Хвалынских могильников в пределах первой половины V тыс. до н.э. (Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2010, с. 121-129; Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2008, с. 191-193), и в таком случае дата по Вертолетному полю 12/1 косвенно может свидетельствовать о возможности существования в это время (последняя четверть V- первая четверть IV тыс. до н.э.) позднего хвалынского населения, оставившего подкурганные захоронения. Но следует отметить, что к радиоуглеродным датировкам следует подходить с достаточной степенью осторожности, так как пока рекомендуемая статистическая выборка (не менее 25 датировок) (Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004, с. 28) в Нижнем Поволжье есть только для Хвалынских могильников. Для остальных энеолитических культур и памятников таких выборок пока нет.

В качестве одного из подтверждений генетической преемственности хвалынской и ямной культур Волго-Уралья И.Б.Васильев приводит данные палеоантропологических исследований А.А.Хохлова, который считает, что антропологические характеристики населения, оставившего ямные курганы в степном Поволжье и Приуралье, очень схожи с характеристиками погребенных в поволжских курганах хвалынского-бережновского типа (Бережновка I, 5/22, Бережновка II, 9/10) и энеолитическими из Хвалынского I могильника (Хохлов, 2000, с. 312). Анализ материалов всех трех могильников хвалынской культуры позволил уточнить антропологическую преемственность ямного населения. Ближайшие аналогии обнаружались, как было и ранее, среди погребений хвалынского-бережновской группы. В несколько трансформированном виде, опосредованно, через среднестоговское население этот антропологический тип представлен в погребениях раннего этапа степного Заволжья (Хохлов А.А., 2010, с. 465).

Еще одно подтверждение непрерывности развития от хвалынской культуры к ямной исследователи видят в грунтовом погребении ямной культуры в степном Заволжье у с.Екатериновка Приволжского района Самарской области. Само погребение разрушено; могила была впущена в материк на 20-30 см. Сохранился сосуд, наиболее ранний среди классических ямных (рис. 3, 9), по форме он близок к керамике второй хронологической группы Нижнего Поволжья по схеме Н.Я.Мерперта. Также отмечена некоторая близость с керамикой первой хронологической группы, особенно с сосудом из Бережновка I, 5/22 (рис. 2, 5). Сосуд из Екатериновки является еще одним аргументом, показывающим связь между хвалынской и ямной культурами. Высказывается предположение, что на позднем этапе хвалынской культуры бескурганный обряд сосуществует с курганным, а в Екатериновке имеется свидетельство обратного явления – курганный, в целом ямный обряд, сосуществует с единичными грунтовыми захоронениями (Васильев И.Б., Фадеев В.Г., 2004, с. 43-46).

В целом, по мнению И.Б.Васильева, в позднем энеолите в лесостепи и степи Нижнего Поволжья происходил сложный процесс взаимодействия племен хвалынской культуры и населения, оставившего памятники других энеолитических культурных типов (репинская культура, алтатинский, алексеевский и турганинский культурные типы), в результате чего сформировалась ямная культура Поволжья (Васильев И.Б., 2003б, с. 55). Однако многие звенья этого процесса до конца не ясны и существует ряд спорных вопросов.

Так, например, по мнению В.А.Трифорова убедительность поволжской модели формирования ямной культуры, когда проводится непрерывная линия развития Хвалынка – Бережновка – ямная культура, в значительной степени ослабляют два момента. Во-первых, отсутствуют данные, подтверждающие принадлежность погребений типа Бережновка I, 5/22 к более поздней и отличной от хвалынской культуре. Вероятно, в степи существовала практика подкурганных захоронений в среде хвалынской культуры, практиковавшаяся еще с предшествующего мариупольского времени, и нет основа-

ний относить бережновские погребения к собственно ямной культуре. Во-вторых, в керамической традиции отсутствует хвалынское наследие, а в древнейших погребениях доминирует керамика репинской культуры, которая послужила основным компонентом в сложении ямной культуры. По мнению В.А.Трифонова «первоначальный этап формирования ямной культуры есть не что иное, как распространение репинской в степные районы. Этот процесс носил характер колонизации с основанием многочисленных долговременных поселений и стоянок» (Трифонов В.А., 1996, с. 4-5).

Последнее утверждение, может быть, и верно для лесостепного Поволжья, где обнаружены небольшие коллекции репинской керамики (Шигонское поселение, II Большераковская, Черемшанская, II Старо-Яблонская стоянки) но никак не подходит для степного Заволжья, где находки репинской керамики единичны. На имеющемся в данный момент археологическом материале справедливее будет говорить не о репинской колонизации, а о распространении представителей поздней хвалынской культуры среди остального позднеэнеолитического населения степи и лесостепи Поволжья.

Сложение ямной культуры Нижнего Поволжья являлось только частью широких этногенетических процессов, происходивших в степях Восточной Европы на рубеже энеолита – бронзы. И в данном случае раскрытие механизмов сложения культуры раннебронзового века невозможно без учета этнокультурной ситуации в прилегающих районах, где наблюдались аналогичные процессы культурной трансформации. Одним из таких районов является Нижнее Подонье.

На Нижнем Дону выявлено намного больше материалов, как поселенческих, так и погребальных, следующих в хронологическом отношении за хвалынскими. Наиболее показательный пример – погребение 7 кургана 5 курганной группы Мухин II у г.Аксай Ростовской области. В погребении, устроенном на уровне древнего горизонта естественного всхолмления, обнаружено три детских скелета (скорченные, два на боку, один на спине), ориентированных строго на запад. Дно могилы густо посыпано темно-красной охрой. Находки представлены кремневым отщепом и двумя остродонными сосудами с высокими отогнутыми венчиками (Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е., 1997, с. 46, 49, рис. 7).

Данное погребение резко отличается от более ранних, входящих в состав нижнедонской подгруппы энеолитических погребений, что, по мнению названных авторов, свидетельствует, если не об иной линии культурного развития, то о несколько более поздней хронологической позиции погребения 7. Оба сосуда (рис. 7, 15, 16) из могилы С.Е.Жеребилов ранее сопоставлял с керамикой из хут. Попова и Стрильчей Скели, а В.Я.Кияшко относит их к материалам первой группы погребений Нижнего Подонья.

Авторы публикации считают, что по технико-типологическим параметрам сосуды близки к третьей группе керамики нижнего слоя поселения Ливенцовка на Дону. Материалы нижнего слоя Ливенцовки С.Н.Братченко сопоставляет с рядом памятников на Украине: остров Похилый, Виноградный, Средний Стог II (средний слой) и отмечает, что погребений соответствующих Ливенцовке I на Дону пока не открыто.

Авторы также отмечают, что с материалами нижнего слоя Ливенцовки О.Г.Шапошникова сближает керамику энеолитического слоя (второй горизонт) поселения Раздольное на Кальмиусе и синхронизирует этот слой поселения со вторым этапом среднестоговской культуры, что по Д.Я.Телегину соответствует заключительному этапу (1) волошского этапа этой культуры (Нечитайло А.Л., Е.В.Козюменко, С.Е.Жеребилов, 1997, с. 53).

Широкое распространение керамики, аналогичной аксайской, позволило говорить о собственно ливенцовской культуре на Нижнем Дону и прилегающих областях Приазовья. Более того, ливенцовская линия развития прослеживается в степном Заволжье среди керамики четвертой группы Кумыски. В хронологическом отношении ливенцов-

ская керамика сменяет нижнедонскую энеолитическую. Примечательно, что относительно погребальных памятников Нижнего Дона авторы пишут о несколько более позднем положении скорченных на боку погребенных с западной ориентировкой и сосудах ливенцовского (кумысского) типа по сравнению со скорченными на спине и сопровождаемые кремневыми ножами и перламутровыми украшениями. Эти памятники ливенцовской культуры (нижний слой Ливенцовки I и аналогичные ему поселенческие материалы, по С.Н.Братченко соответствующие Триполью В II), существуют на Дону в IV тыс. до н.э. (Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е., 1997, с. 40-57).

Таким образом, через аналогии с Нижним Доном в хронологическом отношении керамику четвертой группы поселения Кумыска в степном Заволжье возможно поместить между хвалынскими и собственно ямными памятниками. В таком случае, возможно, этой керамике синхронна и часть хвалынско-бережновских подкурганых захоронений. Более поздний возраст подкурганых бережновских погребений относительно Хвалынских могильников предполагался, в основном, по факту отсутствия большого количества металлических изделий по сравнению с инвентарем хвалынских захоронений, что связано с прекращением функционирования балкано-карпатского металлургического очага между 3800-3700 лет до н.э. Однако хронологическое положение бережновских подкурганых захоронений может трактоваться в нескольких вариантах: 1) они синхронны хвалынским грунтовым могильникам; 2) они частично синхронны хвалынским и переживают их; 3) они следуют за хвалынскими и смыкаются с «городцовскими» ямными погребениями.

На данный момент представляется наиболее вероятным еще один вариант: большая часть их синхронна хвалынским погребениям, а меньшая из известных к настоящему времени была совершена позднее, на протяжении последнего этапа энеолита. О продолжении существования хвалынской культуры в позднем энеолите писал И.Б.Васильев (2004, с. 53-54), с ним согласна Н.Л.Моргунова (2009, с. 21), которая приводит ряд новых доводов в подтверждение более длительного бытования хвалынской культуры. Но пока это находит слабое подтверждение в материалах – одна спорная дата погребения 6 Паницкое 6Б (Мимоход Р.А., 2009, с. 57-62, 70), предполагаемое позднее время подкурганых хвалынских погребений и факт наличия погребений новоданиловского круга (погр. у хут.Шляховский и Перегрузное) (Клепиков В.М., 1994: он же, 2005).

Кроме хвалынских комплексов и позднеэнеолитических материалов поселения Кумыска лакуна между хвалынской и ямной культурами заполняется поселенческими материалами алтатинской культуры (Юдин А.И., 1989, с. 146-167; он же, 2006, с. 153-161; он же, 2010, с. 363-380).

В позднем энеолите алтатинская культура представлена поселениями Пшеничное и Первомайское. При консервации ранних черт, отмеченных в керамическом комплексе данных памятников, они отличаются от предшествующих широким использованием шнурового орнамента, являющегося на части керамики основным орнаментальным элементом. Появляются черты, отсутствовавшие в более ранних комплексах: толсто-стенность и желобчатость венчиков, грубые расчески на поверхности (рис. 5, 6-9).

По поселениям позднего энеолита есть всего две даты, которые укладываются как раз во вторую половину V тыс. до н.э. – первую четверть IV тыс. до н.э. в калиброванном значении (табл. 1). Это дата хвалынской керамики поселения Кумыска ($K_i -16273, 5260 \pm 80$ л.н. или $1\sigma 4170-3980$ и $2\sigma 4260-3940$ гг. до н.э.) и дата гребенчатой керамики стоянки Алтата ($K_i -16493, 5120 \pm 70$ л.н. или $1\sigma 3990-3800$ и $2\sigma 4050-3700$ гг. до н.э.) (табл. 1, №№ 1 и 3). На данном этапе изученности энеолита степного Поволжья они могут быть приняты до получения новых серий. Поэтому, более оправданным представляется синхронизация с памятниками сопредельных регионов.

Хронологические позиции энеолитических комплексов Кумыски и алтатинских памятников уточняются при сравнении со стратиграфическими горизонтами Раздорского I поселения на Нижнем Дону. Типологически материалы позднеэнеолитических памятников степного Поволжья могут быть синхронизированы с VI-VII слоями Раздорского поселения (рис. 7, 10-14). Естественно, что полного тождества хронологической колонке Раздорского I поселения в степной зоне Нижнего Поволжья мы не обнаружим в силу более тесной связи процессов культурогенеза с культурами лесостепного мира, но общие тенденции прослеживаются весьма отчетливо. На Раздорском I поселении в IV слое обнаружена керамика, сопоставляемая с хвалынской (рис. 7, 5) (Кияшко В.Я., 1987, с. 75-79), среди каменных изделий еще сохраняются пластины, но двусторонне-обработанные орудия преобладают. Такие же двустороннеобработанные изделия характерны для алтатинских памятников и, как уже было сказано выше, на стоянке Алтата встречены фрагменты хвалынского сосуда (рис. 3, 6). В IV слое Раздорского I поселения появляется керамика с желобчатым венчиком (Кияшко В.Я., 1994, с. 92, рис. 7, 9), столь характерная для алтатинских памятников (рис. 7, 6).

В V слое пластины исчезают полностью, а обычный орнамент – сетчатые и паркетные мотивы. Аналогичные мотивы прослеживаются на алтатинской керамике поселения Пшеничное (рис. 5, 10-15). Начиная с V слоя и по VII слой включительно, прослеживаются определенные параллели с находками из Кумыски.

Хронологическое положение хвалынского-бережновских подкурганых погребений, как уже говорилось, может толковаться неоднозначно в плане частичной или полной синхронизации с грунтовыми хвалынскими захоронениями. Поселенческие же материалы алтатинских памятников и Кумыски, несомненно, заполняют хронологическую лакуну между хвалынскими и ранними ямно-репинскими памятниками.

Особенно показателен в этом плане пример Кумыски, где поздние признаки выступают в комплексе: керамика с высокими венчиками, находящая аналогии в V-VII слоях Раздорского поселения; двустороннеобработанные формы наконечников стрел и дротиков, в том числе флажковидные (рис. 6, 5, 6), датируемые рубежом позднего энеолита – ранней бронзы. Флажковидные наконечники встречаются и в алтатинских материалах (рис. 6, 7-9).

Вместе с керамикой IV группы на Кумыске встречены фрагменты красноглиняного сосуда с невысоким прямым венчиком, резко переходящим в округлое тулово (рис. 5, 5). По своим характеристикам фрагменты этого сосуда обнаруживают некоторые параллели среди майкопской керамики, да и находки фрагментов ямно-репинской керамики (рис. 6, 1, 2) в верхней части энеолитического слоя также являются верхним хронологическим репером позднего энеолита на Кумыске.

Нижнюю границу ямной культуры Волго-Уралья по радиоуглеродным калиброванным датам определяют с 3500 г. до н.э. (Кузнецов П.Ф., 2008, с. 318; Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н., 2008, с. 194-199; Турецкий М.А., 2008, с. 359). По последним данным культура удревняется, ее начало отсчитывают от 3800 г. до н.э. (Моргунова Н.Л., 2009, с. 21-25) и даже с начала IV тыс. до н.э. (Моргунова Н.Л. и др., 2011, с. 61).

Приведенные материалы показывают, что позднеэнеолитический этап, охватывающий временной промежуток между хвалынскими могильниками и древнейшими ямными погребениями, представлен не только позднейшими подкургаными хвалынскими (хвалынского-бережновскими) захоронениями, но позднеэнеолитическими поселенческими памятниками – поздними алтатинскими и Кумыской (керамика второй и четвертой групп). По аналогии с лесостепной и полупустынной зонами можно предполагать наличие хвалынских поселений, но пока известны только серии керамики или отдельные фрагменты хвалынской керамики на нескольких стоянках, о которых говорилось выше (рис. 3, 1-8).

Возможно, этот факт не является случайностью – это уже время трансформации хвалынской культуры в ямную, а хвалынское население выступало в качестве формирующей культурной основы для разнокультурного на этом этапе населения (позднего прикаспийского, представленного на Кумыске, и позднего алтатинского). Этому периоду соответствует и ряд дат для позднеэнеолитических погребальных и поселенческих памятников: для хвалынской керамики из Кумыски (табл. 1, № 1), керамики с Алтаты (табл. 1, № 3); для раннеямных погребений из Скатовки и Шумейки в Нижнем Поволжье, Скворцовки и Петровки в Приуралье (табл. 1, №№ 5-10) (Моргунова Н.Л. и др., 2011, с. 54-61). В южном пограничье степного Поволжья к этому времени относится Перегрузное I 13/7 и Вертолетное поле 1/12 на левобережном Дону (табл. 1, №№ 13-15) (Клепиков В.М., 2005, с. 21-23; Шишлина Н.И., 2007, с. 380).

В этом плане интересно сравнение с датами энеолитических поселений Самарского Поволжья, полученных по фрагментам хвалынской керамики, которая, как и на стоянках степного Поволжья здесь единична (Моргунова и др., 2010, с. 22-23, табл. 4). В целом она совпадает с датами Хвалынских могильников и стоянок Северного Прикаспия (табл. 1, №№ 16-25). Авторами исследования отмечено, что дата по поселению Чекалино IV выглядит несколько более поздней (табл. 1, № 25). Однако эта дата совпадает с датой по хвалынскому фрагменту поселения Кумыска (табл. 1, № 1). Разумеется приходится учитывать, что это пока единичные даты и на их основании нельзя делать окончательные выводы, тем не менее это указывает на возможность бытования хвалынской культуры на протяжении второй половины V тыс. до н.э.

Таким образом, новые радиоуглеродные даты сократили до минимума разрыв между хвалынской и раннеямной (ямно-репинской) культурами. Этот разрыв сократился, с одной стороны, за счет удревнения ямной культуры, как минимум, до второй четверти IV тыс. до н.э., а возможно, что формирование культуры начинается на рубеже V-IV тыс. до н.э. Для окончательных выводов о начальной дате ямной культуре радиоуглеродных определений пока недостаточно.

С другой стороны, появляются данные и о возможности длительного существования собственно хвалынских памятников или культурно родственных им – Перегрузное I, Вертолетное поле, Паницкое 6 Б. Дата для погребения 6 (взрослый скелет) Паницкого 6 Б представляется несколько омоложенной (табл. 1, № 4), так как приходится на время развитого этапа ямной культуры. Автор раскопок на основании полученной по C¹⁴ даты и наличия рогатковидной булавки принимает эту дату и считает, что данное погребение является древнейшим из ямных, на примере которого видна генетическая связь хвалынско-бережновских и ямных памятников (Мимоход Р.А., 2009, с. 54). Однако керамический сосуд хвалынско-бережновского типа и три явно дефектные даты, полученные в этом же кургане (одна из них в погр. 6) дают возможность предположений о более раннем времени сооружения кургана, как минимум, в конце энеолитической эпохи.

Ранее уже отмечалось, что хвалынские поселения есть к северу от степного Поволжья – в лесостепи, южнее – в полупустынном и пустынном Северном Прикаспии и отсутствуют только в степной зоне. Грунтовые могильники есть только в Правобережной лесостепи, и возможно, в песках Прикаспия. Все немногочисленные подкурганые захоронения расположены на левом берегу (кроме одного пункта) вдоль Волги, в степной зоне. Поселений с выраженным хвалынским слоем, как это наблюдается в лесостепи, в степи нет (Юдин А.И., 2006, с. 38-39). Поселенческие памятники позднего энеолита (поздние алтатинские и поздние прикаспийские типа Кумыски), судя по отдельным фрагментам керамики, вероятно, попали в зону интеграции позднего хвалынского населения, культурные признаки которого стали доминирующими в момент сложения ямной культуры степного Поволжья. Чем это обусловлено – особым путем развития,

приведшим к формированию подвижного пастушеского населения в степях Нижнего Поволжья или недостаточностью источников на данный момент – покажут будущие полевые исследования.

Литература

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.* Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.* Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.
- Барынкин П.П., Козин Е.В.* Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене (краткие итоги исследования) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- Братченко С.Н.* Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. Київ, 1969. Т. XXII.
- Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981.
- Васильев И.Б.* Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003а. Вып. 3.
- Васильев И.Б.* Культурно-хронологическое соотношение мариупольских и хвалынских памятников в Поволжье // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова. М., 2003б.
- Васильев И.Б.* Некоторые итоги исследования хвалынской энеолитической культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. Волгоград, 2004.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- Васильев И.Б., Снюк А.Т.* Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
- Васильев И.Б., Фадеев, В.Г.* Сосуд из грунтового могильника ямной культуры на юге Самарской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. Волгоград, 2004.
- Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. М., 2008. Т. I.
- Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. Этноисторическое исследование. Киев, 1974.
- Дремов И.И., Юдин А.И.* Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА. 1992. № 4.
- Еремин В.И.* Стоянки предьямного и ямного времени на территории Нижнего Поволжья // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1977. Вып. V.
- Кияшко В.Я.* Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону // КСИА. 1987. Вып. 192.
- Кияшко В.Я.* Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 3.
- Клепиков В.М.* Погребения позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье // РА, 1994. № 3.
- Клепиков В.М.* Энеолитические комплексы могильника Перегрузное 1 // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4.
- Кольцов П.М.* Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005.
- Кузнецов П.Ф.* Ямная культура Волго-Уралья: периодизация, хронология, межрегиональный контекст // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. М., 2008. Т. I.
- Кузнецов П.Ф.* Население степного пояса в эпоху ранней бронзы от Приуралья до Поднепровья // Индо-европейская история в свете новых исследований. М., 2010.
- Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н.* Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Лопатин В.А., Малышев А.Б.* Культурно-хронологические комплексы поселения Мартышкино (материалы эпохи средневековья) // АВЕС. Саратов, 2010. Вып. 8.
- Малов Н.М.* Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
- Малов Н.М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы-раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. Материалы охранных археологических исследований. М., 2009. Т. 10.
- Моргунова Н.Л.* Хронология и периодизация энеолита Волжско-Уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009.

- Моргунова Н.Л. и др.*: Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА, 2010. № 4.
- Моргунова Н.Л. и др.*: Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2011. Вып. 9.
- Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е.* Новые объекты эпохи энеолита в Нижнем Подонье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Матер. междунар. конф. Саратов, 1997. Ч. 2.
- Рассамакин Ю.А.* Проблемы периодизации энеолитических памятников Поволжья, Подонья и Северного Причерноморья на примере «скелянской» погребальной традиции // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. Самара, 2001.
- Смирнов К.Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60.
- Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В.* Среднеостоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск, 2001.
- Трифонов В.А.* Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: Матер. междунар. науч. конф. Волгоград, 1996.
- Трифонов В.А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. Самара, 2001.
- Турецкий М.А.* О периодизации и хронологии ямных памятников Среднего Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. Самара, 2001.
- Турецкий М.А.* Абсолютная хронология ямной культуры Волго-Уральского региона и проблемы интерпретации комплексов эпохи раннего – среднего бронзового века // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. М., 2008. Т. I.
- Фадеев В.Г.* Историография хвалынской энеолитической культуры (краткий очерк) // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.
- Фисенко В.Ф.* Племена ямной культуры Юго-Востока. Саратов, 1970.
- Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов.* Самара, 2010.
- Хохлов А.А.* Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Хохлов А.А.* Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалыnsk I, Хвалыnsk II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара, 2010.
- Черных Е.Н.* Эпоха раннего металла: темп и ритм кардинальных инноваций // Тр. ГИМ. М., 2000. Вып. 113.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б.* Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б.* Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // РА, 2004. № 4.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б.* Радиоуглеродная хронология Хвалыnskских некрополей // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара, 2010.
- Шилов В.П.* Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста, 2009.
- Шишлина Н.И.* Степной энеолит Северо-Западного Прикаспия // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. М., 2003.
- Шишлина Н.И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.). М., 2007.
- Шишлина Н.И., Плихт Й. Ван дер, Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А.* К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.
- Юдин А.И.* Энеолитическое поселение Пшеничное на р.Торгун // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.
- Юдин А.И.* Многослойное поселение Кумыска на р.Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

Юдин А.И. Памятники алтатинского типа и проблемы взаимодействия населения лесостепи и степи // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.

Юдин А.И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2006.

Юдин А.И. Алтатинская энеолитическая культура Нижнего Поволжья // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). М., 2010.

Таблица 1.

Радиоуглеродные даты памятников Нижнего Поволжья и сопредельных регионов.

№	Памятник	Лабораторный номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	культура
1	Кумыска	Ki-16273	5260 ± 80	1σ 4170-3980 BC 2σ 4260-3940 BC	хвалынская
2	Кумыска	Ki-16271	5870 ± 70	1σ 4810-4670 BC 2σ 4860-4540 BC	прикаспийская
3	Алтата	Ki-16493	5120 ± 70	1σ 3990-3800 BC 2σ 4050-3700 BC	алтатинская
4	Паницкое 6Б, п. 6, взр. скелет	Ki-13050	4500 ± 120	1σ 3370-3020 BC 2σ 3550-2850 BC	хвалынская (?)
5	Скатовка КМ 5/3 с. 2	Ki-16487	4890 ± 70	1σ 3770-3630 BC 2σ 3810-3510 BC	раннеямная
6	Скатовка КМ 5/3 с. 3	Ki-16488	5080 ± 80	1σ 3970-3799 BC 2σ 4040-3690 BC	раннеямная
7	Шумейка комплекс А	Ki-16276	5290 ± 100	1σ 4230-3980 BC 2σ 4350-3900 BC	раннеямная
8	Шумейка комплекс В	Ki-16277	5420 ± 100	1σ 4360-4050 BC 2σ 4460-3990 BC	раннеямная
9	Скворцовка КМ 5/2	Ki-16268	5140 ± 70	1σ 4000-3800 BC 2σ 4050-3700 BC	раннеямная
10	Петровка КМ 1/1	Ki-14521	4730 ± 90	1σ 3640-3490 BC 2σ 3750-3300 BC	раннеямная
11	Хут. Репин (обр. 1)	Ki-16486	4830 ± 80	1σ 3710-3520 BC 2σ 3780-3490 BC	репинская
12	Хут. Репин (обр. 2)	Ki-16272	5060 ± 80	1σ 3960-3770 BC 2σ 3990-3660 BC	репинская
13	Перегрузное, к. 13, п. 7	ИГАН-2401	5890±153	1σ 4941-4555 BC	новоданиловская
14	Перегрузное, к. 13, п. 7	GrA - 19260	5430±50	1σ 4339-4253 BC	новоданиловская
15	Вертолетное поле, к. 1, п. 12	ИГАН-2516	5180±100	1σ 4225-3804 BC	новоданиловская
16	Каиршак VI	Ki - 14908	6070±80	1σ 5070-4840 BC 2σ 5300-4700 BC	хвалынская
17	Каиршак VI	Ki - 14909	5920±80	1σ 4860-4690 BC 2σ 5000-4580 BC	хвалынская
18	Каиршак VI	Ki - 14910	5780±80	1σ 4720-4530 BC 2σ 4810-4450 BC	хвалынская

Таблица 1 (продолжение).

№	Памятник	Лабораторный номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	культура
19	Кара-худук	Ki – 14907	5980±90	1σ 4960-4770BC 2σ 5250-4600BC	хвалынская
20	Кара-худук	Ki – 4911	5820±80	1σ 4730-4580BC 2σ 4850-4490BC	хвалынская
21	Кара-худук	Ki – 14912	5950±80	1σ 4860-4770BC 2σ 5040-4680BC	хвалынская
22	Ивановское	Ki – 14514	6180±90	1σ 5260-4490BC 2σ 5320-4900BC	хвалынская
23	Лебяжинка IV	Ki – 15427	5920±90	1σ 4920-4780BC 2σ 5030-4540 BC	хвалынская
24	Гундоровское	Ki – 14524	5790±80	1σ 4720-4540BC 2σ 4810-4460BC	хвалынская
25	Чекалино IV	Ki – 15074	5260±80	1σ 4230-4190BC 2σ 4260-3940BC	хвалынская

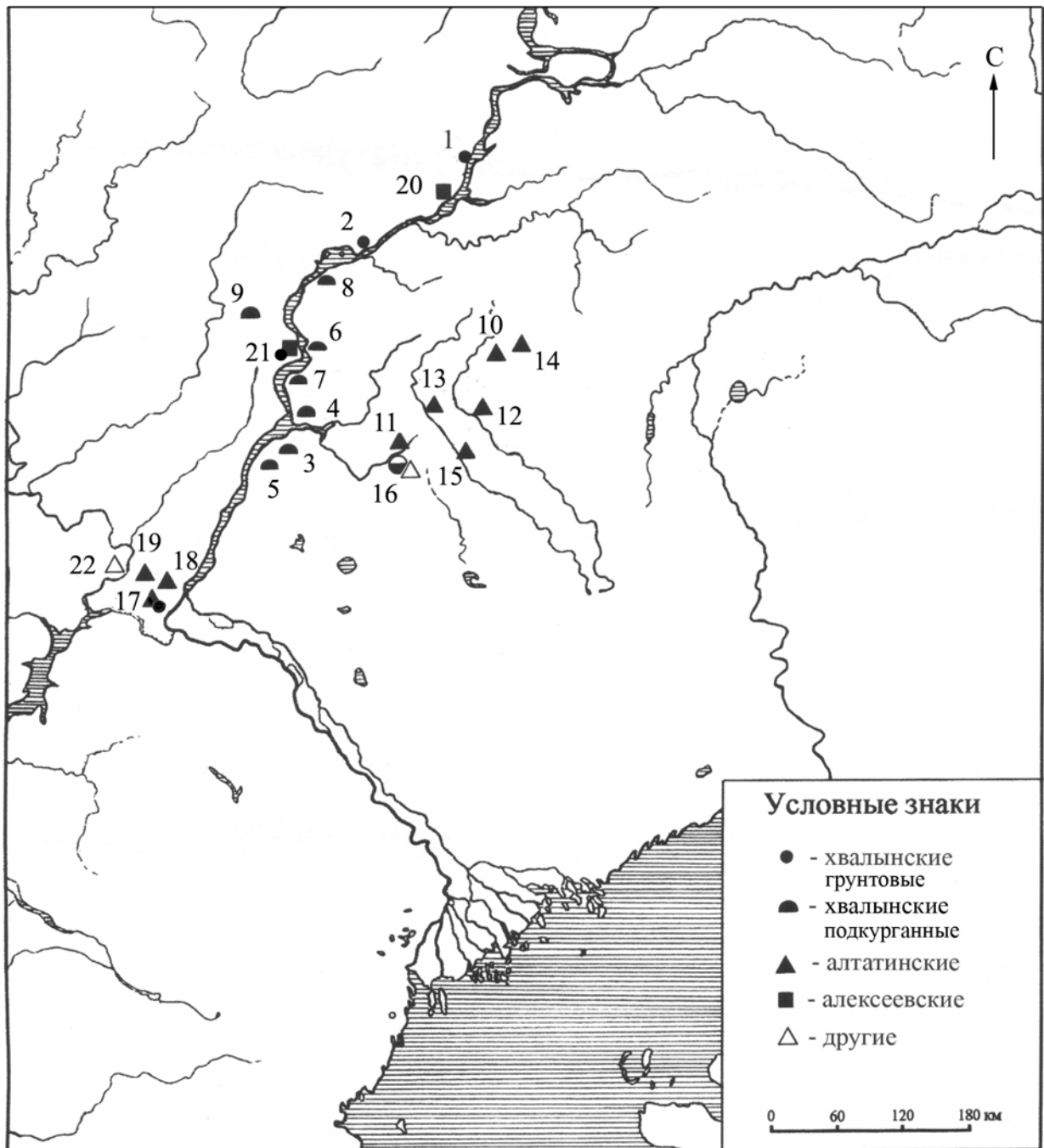

Рис. 1. Энеолитические памятники степного Поволжья и юга лесостепи.
 1 – Хвалынские I и II могильники; 2 – Хлопковский могильник; 3 – Бережновка I, II; 4 – Ровное; 5 – Политотдельское; 6 – Тарлык; 7 – Новопривольное; 8 – Энгельс-Анисовка; 9 – Паницкое ББ; 10 – Алтата; 11 – Пшеничное; 12 – Монахов I; 13 – Первомайская; 14 – Петропавловка; 15 – Ветёлки; 16 – Кумыска; 17 – Царица I и II, 18 – Латошинка; 19 – Каменка I; 20 – Алексеевка; 21 – Мартышкино; 22 – Репин хутор

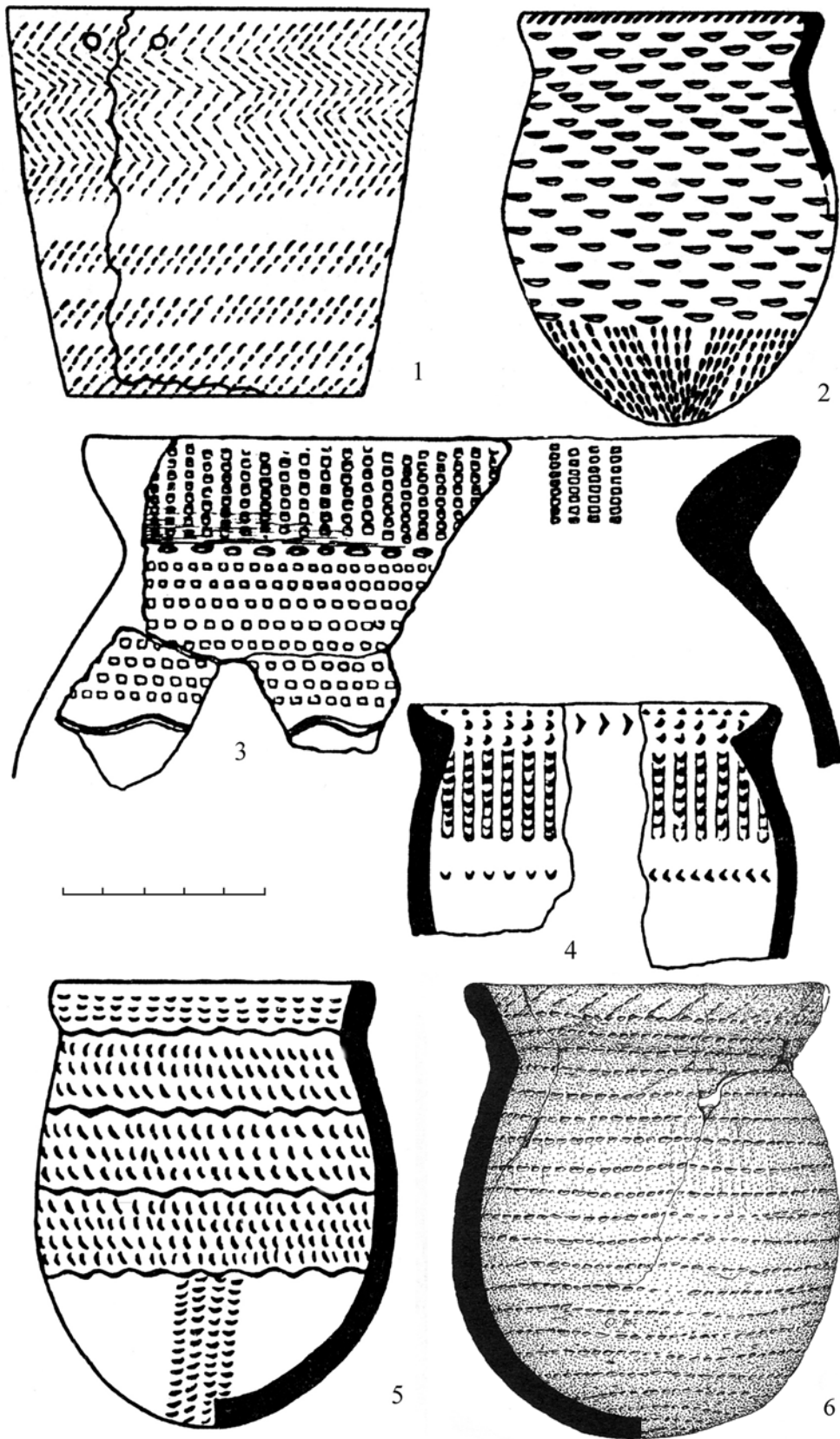

Рис. 2. Энеолитическая керамика из подкурганых захоронений степного Поволжья:
 1, 2 – Политотдельское 12/15; Бережновка II 9/20-21; 4 – Ровное 3/5; 5 – Бережновка I
 5/22; 6 – Паницкое 6Б/6

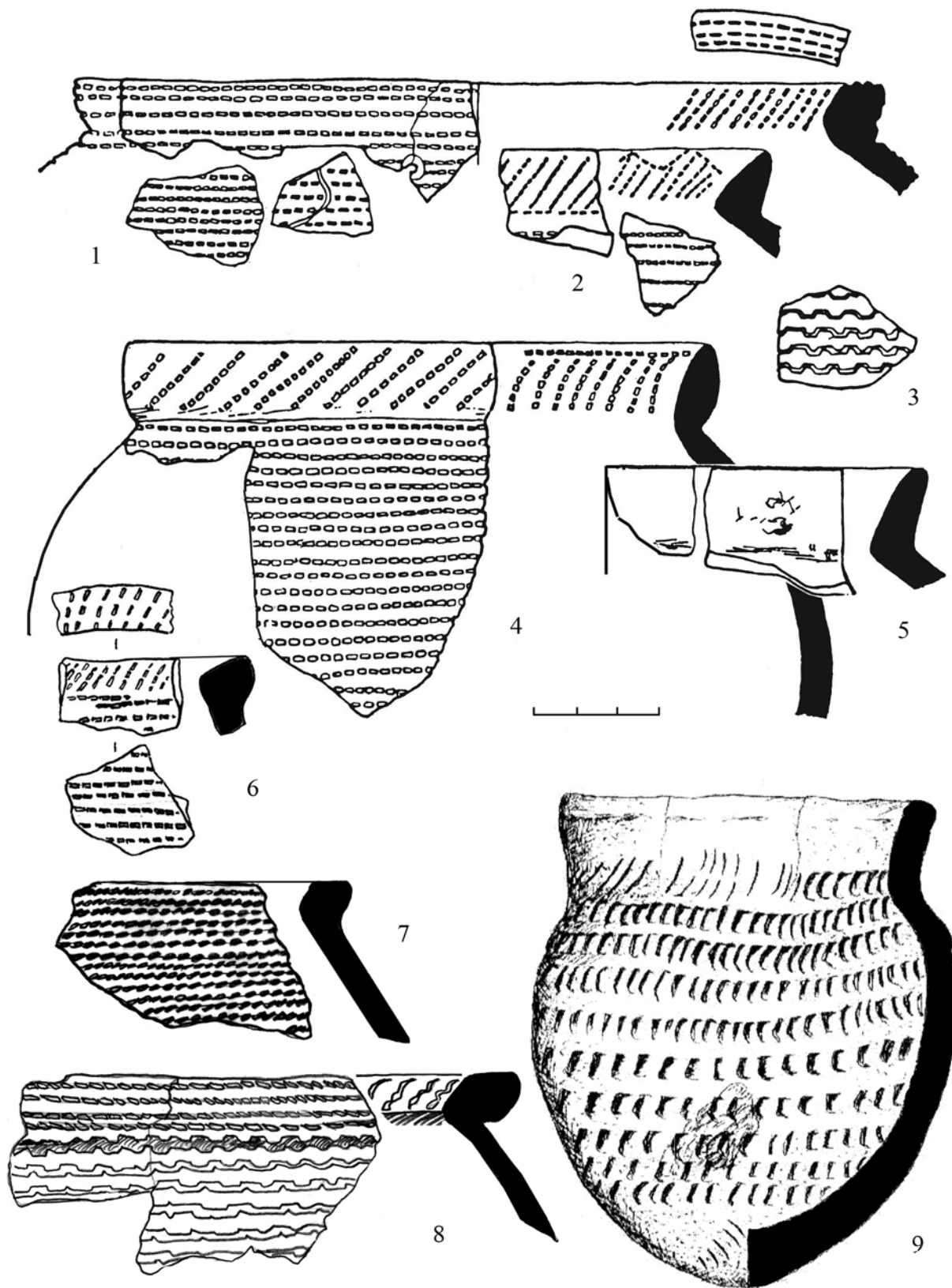

Рис. 3. Энеолитическая керамика с поселенических памятников степного Поволжья: 1-5 – поселение Кумыска; 6 – стоянка Алтата; 7, 8 – стоянка Царица I; 9 – Екатериновка, погребение в грунтовом могильнике

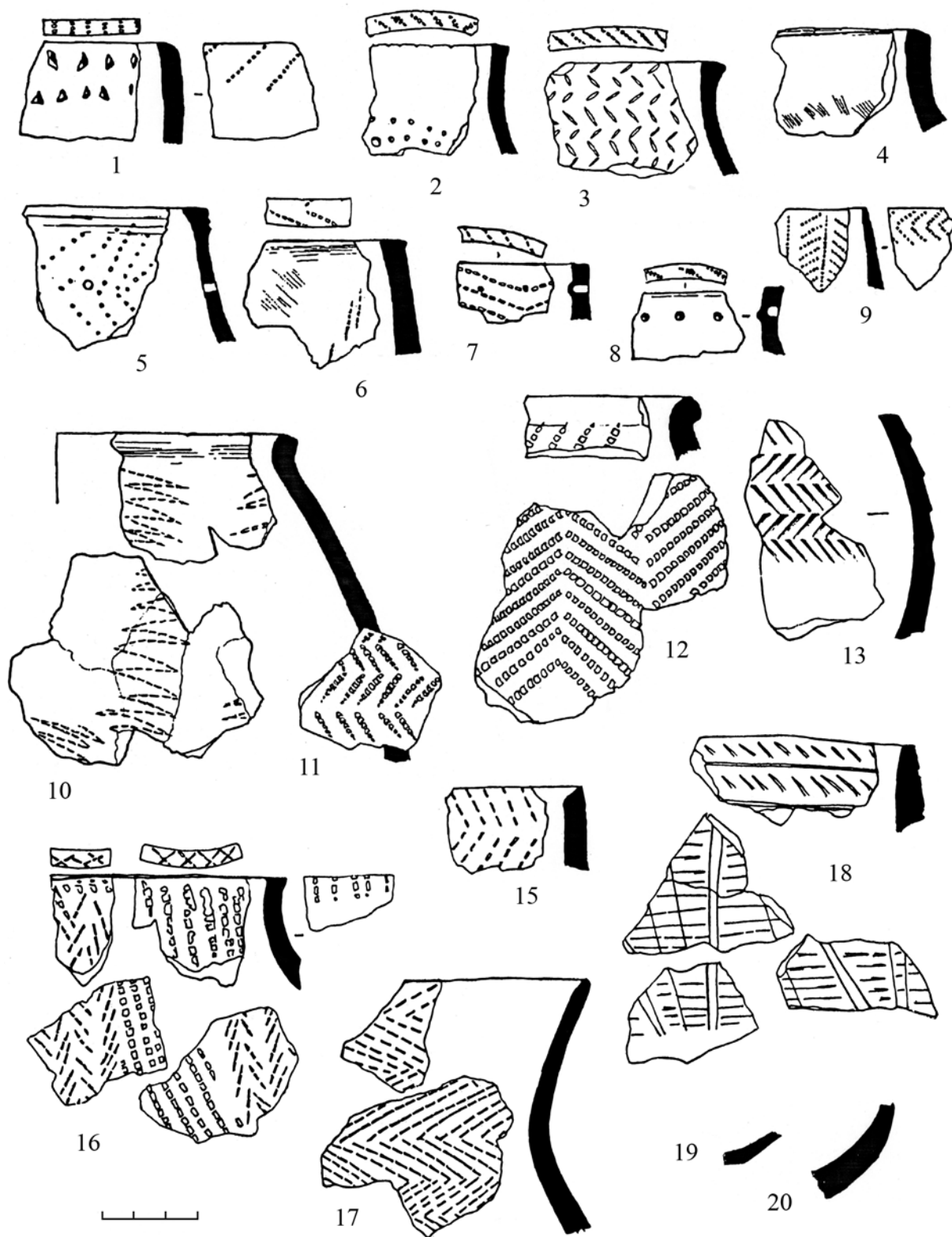

Рис. 4. Энеолитическая керамика 2-ой группы поселения Кумыска

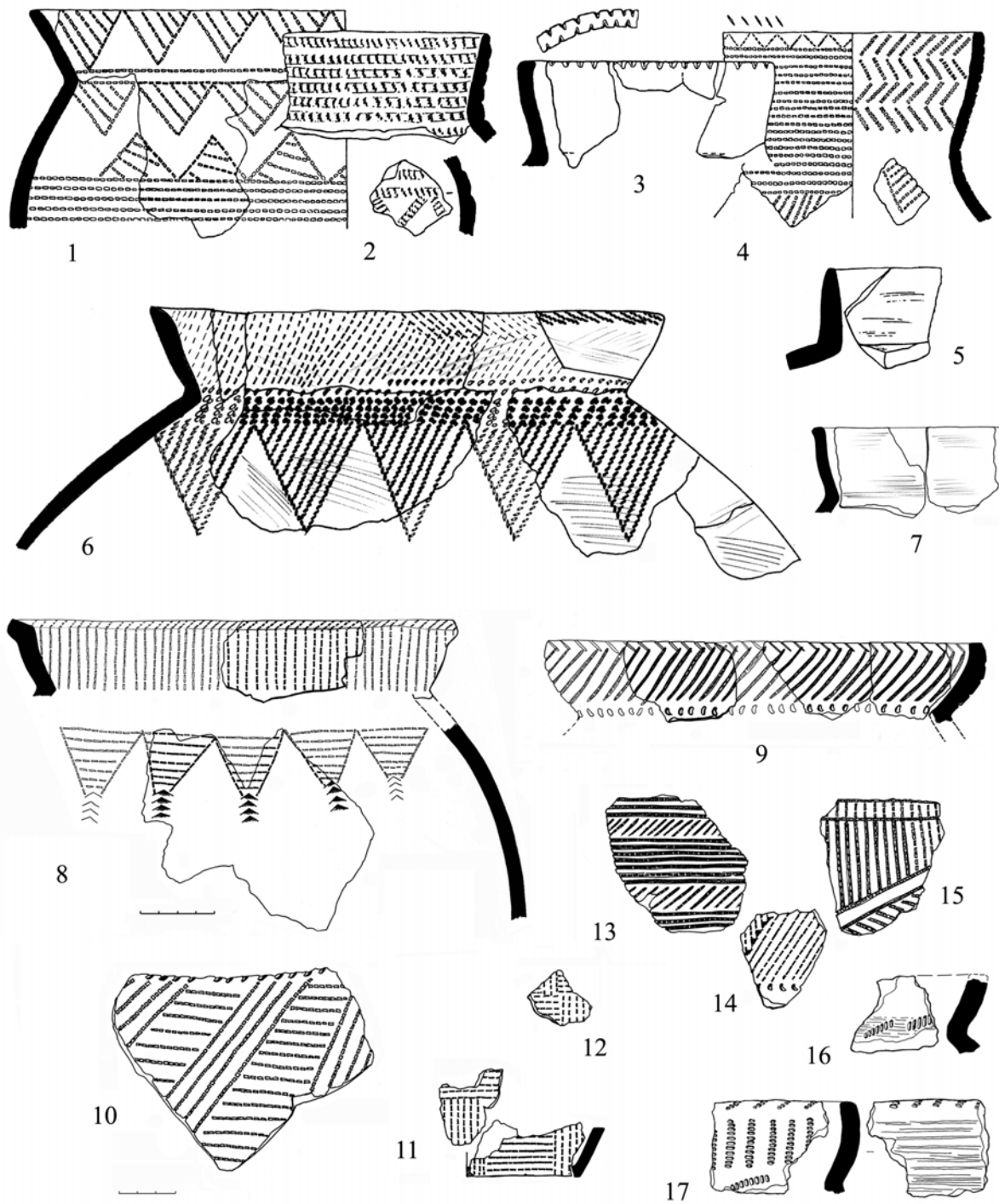

Рис. 5. Энеолитическая керамика с памятников степного Поволжья: 1-5 – поселение Кумыска; 6-15 – поселение Пиеничное; 16, 17 – стоянка Алтата

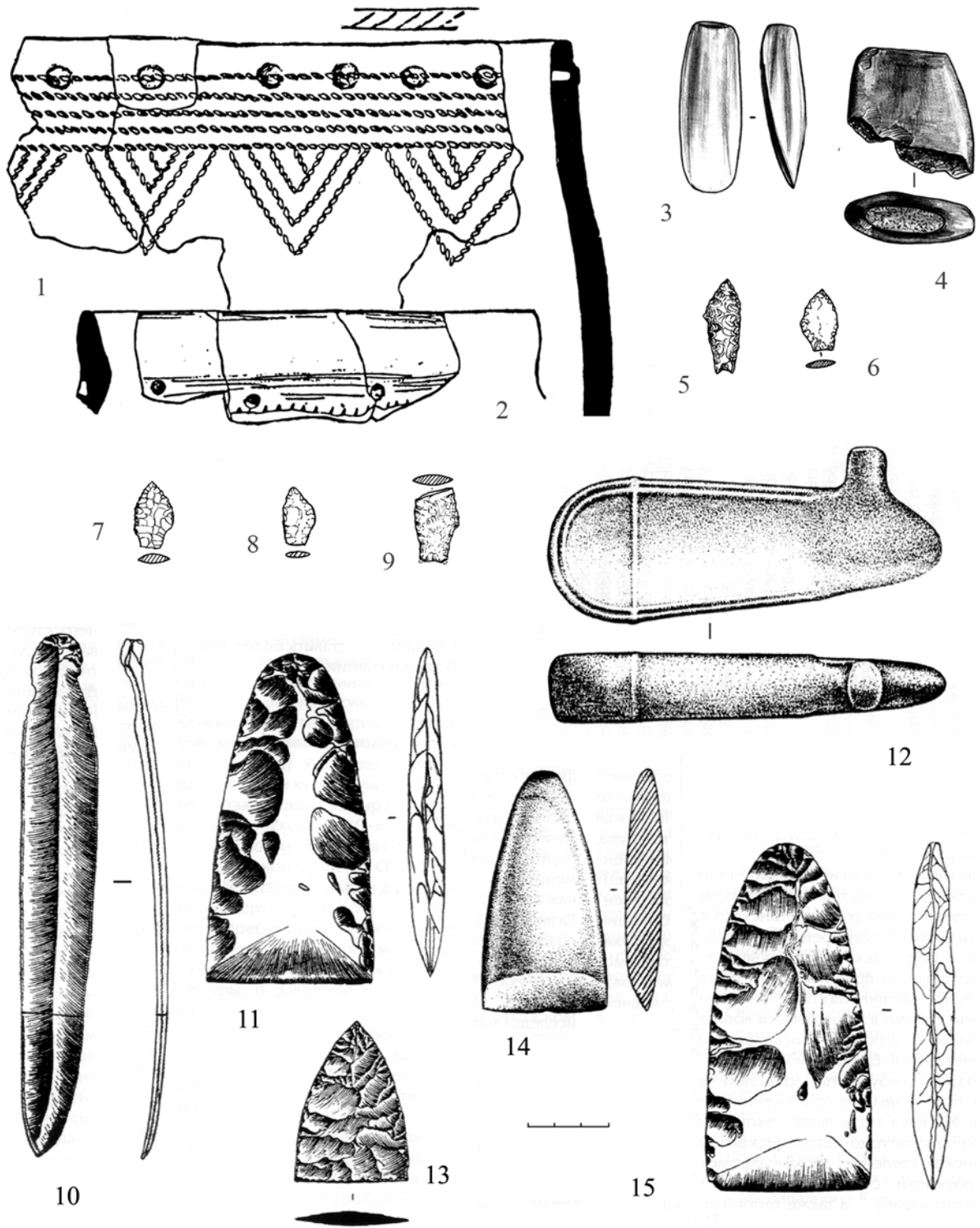

Рис. 6. Керамика и каменные изделия с памятников Нижнего Поволжья: 1-6 – Кумыска; 7-9 – Пшеничное; 10, 11 – Шляховской-II 3/4; 12-15 – Шляховской-II 3/3

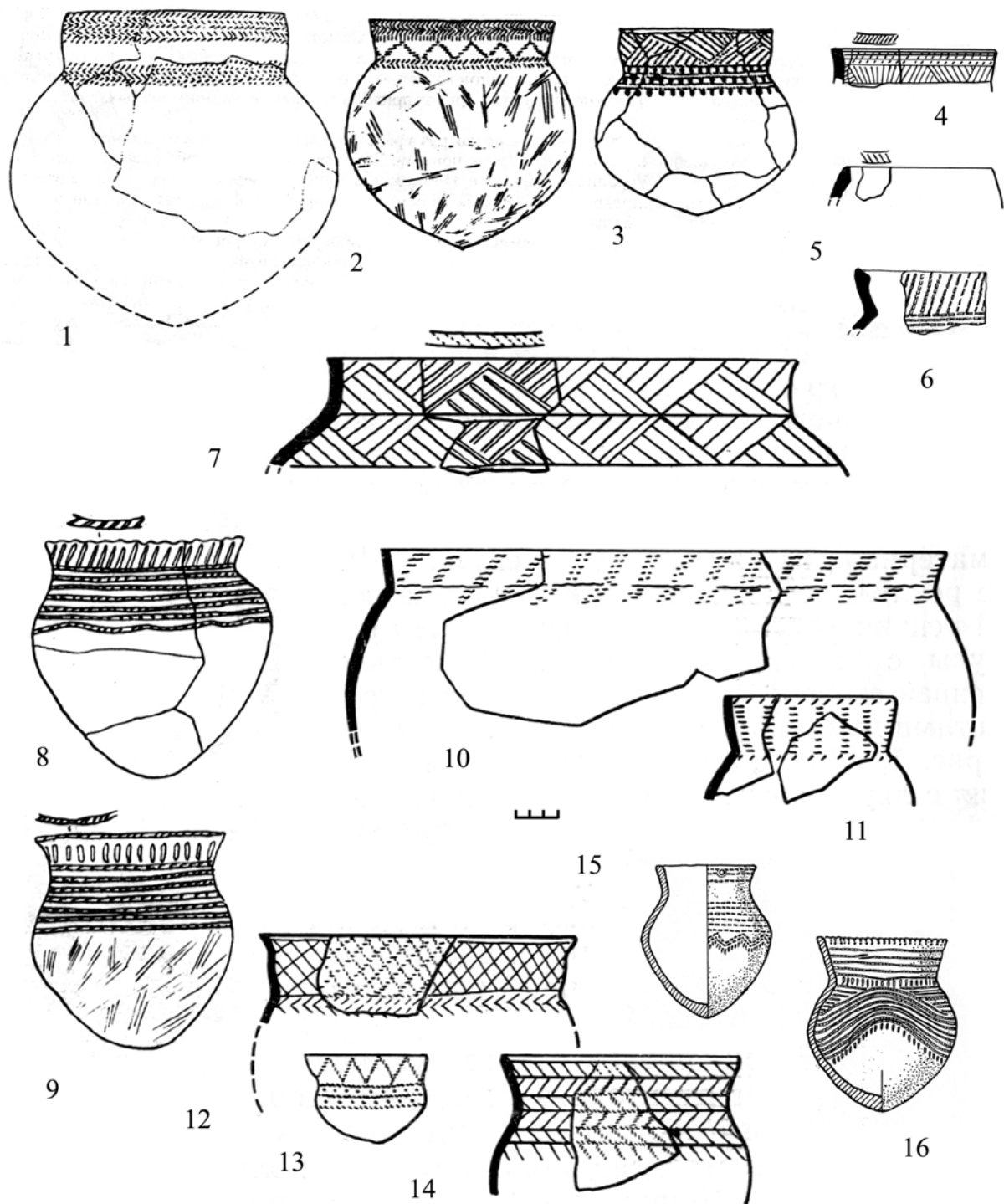

Рис. 7. Энеолитическая керамика Нижнего Дона: 1-3 – Константиновское поселение; 4-6 – Раздорское I, слой IV; 7 – Раздорское I, слой V (нижний горизонт); 8, 9 – Раздорское I, слой V (верхний горизонт); 10, 11 – Раздорское I, слой VI; 12-14 – Раздорское I, слой VII; 15, 16 – Мухин II 5/7

ПАМЯТНИКИ ВОРОНЕЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ ХОПРА

Одним из достижений в изучении бронзового века лесостепного Подонья является выделение массива памятников так называемой воронежской культуры (Пряхин А.Д., 1982; Беседин В.И., 1984, с. 68-77), историческая оценка которой до настоящего времени остается неоднозначной (Синюк А.Т., 1996, с. 170-183; Синюк А.Т., 2001, с. 85-90).

В конце 70-х – начале 80-х гг. XX века материалы воронежской культуры были обнаружены на территории лесостепного Прихоперья. В настоящее время известно восемь памятников (рис. 1). Среди них выделяются пойменные (Инясево, Шапкино I, Расказань III, Разнобрычка, Аленкин курган) и расположенные на первой надпойменной террасе (Никольевка, Алмазово I, Шапкино VI). В основном, они характеризуются слабым культурным слоем и немногочисленными фрагментами с прочерченной, валиковой и защитной орнаментацией и едиными технологическими признаками. Иногда это вообще редкие включения керамики, рассредоточенные на обширной площади. Судя по количеству керамики, все пойменные памятники, видимо, носили сезонный характер.

Наиболее представительная коллекция воронежской керамики получена на городище у с. Никольевка Балашовского района Саратовской области (рис. 2).

Городище открыто автором в 1978 году и изучалось в течение нескольких полевых сезонов (Хреков А.А., 1981, с. 178; он же, 1986, с. 82-83). Оно расположено на мысу правого берега р. Хопер в 1,5 км к юго-западу от с. Никольевка. Высота склонов достигает 10-12 метров. Длинными сторонами городище вытянуто с севера на юг более чем на 180 м при ширине 100-150 м. В самом узком месте, с напольной стороны, мыс перерезан рвом и валом. Южная часть городища ограничена довольно крутыми склонами и промоинами, выходящими к реке, на западе – глубоким оврагом. С восточной стороны городище имеет более или менее пологие склоны, постепенно переходящие в заболоченную, поросшую кустарником и лиственным лесом чащеобразную старицу Хопра. В настоящее время территория памятника занята сосновыми лесопосадками, лишь на южной кромке местами остались свободными от насаждений площади, где и были сосредоточены основные исследования.

На городище между промоинами заложено три раскопа общей площадью 460 кв.м. Мощность культурного слоя колеблется от 0,55 до 1,1 м. Это в разной степени гумусированная супесь темного и серого цвета, подстилаемая желтоватым материковым суглинком. Стратиграфически культурный слой не расчленяется, стерильных прослоек нет. Тем не менее, характер полученных материалов, подсчет керамики по пластам и стратиграфические данные отдельных квадратов позволили выделить на городище четыре горизонта, соответствующие различным историческим периодам: эпохе бронзы (воронежская, срубно-хвалынская культуры), раннего железного века (городецкая культура) и древнерусского времени (XIII-XIV вв.). В целом, количественные показатели указывают на предшествование воронежской керамики срубно-хвалынской. Го-

родецкие и древнерусские материалы занимали более верхнее стратиграфическое положение.

Строительные комплексы представлены хозяйственными ямами, открытыми очагами и остатками каких-то наземных построек древнерусского времени, не поддающихся полной реконструкции. Зачистка рва и вала вдоль оврага показала, что эти оборонительные сооружения относятся к городецкому или древнерусскому времени.

С горизонтом воронежской культуры надежно увязываются котлованы пяти ям. Три из них – довольно крупных размеров (2,6 x 1,3 м; 2,0 x 1,95 м; 2,15 x 2,15 м), глубиной в материке 0,65 x 0,9 м. Форма ям округлая, стенки вертикальные, дно ровное. Заполнение состояло из кусков спекшейся глины, угольков, осколков кремня, костей животных, сильно фрагментированной керамики и прослойки чистого материкового песка. Судя по размерам и заполнению, ямы могли выполнять какие-то производственные функции. Две другие ямы имели среднюю величину (0,8 x 0,7 м; 0,6 x 0,4 м, глубиной в материке 0,2 – 0,3 м) и однородное заполнение темной супесью с включениями отдельных фрагментов посуды.

Основную массу находок на городище составили фрагменты керамики. По составу теста, технологии изготовления, форме и орнаментации керамический комплекс может быть разделен на четыре группы, соответственно указанным горизонтам. Особый интерес представляет посуда воронежской культуры. Как правило, она находилась в нижней части и основании культурного слоя. Всего обнаружено 78 венчиков, 282 стенки, 12 днищ и 14 развалов, из них 12 практически реконструированы в полный профиль. Все сосуды изготовлены из плотного, хорошо промешанного глиняного теста с добавками мелкого песка и какого-то тонковолокнистого материала. Характерная их особенность – гладкие поверхности с тщательной, вплоть до лощения, обработкой без применения инструментов, которые бы оставляли следы штриховки или расчесов. Обжиг, вероятно, костровый, ровный, придававший внешним поверхностям коричневатый цвет, варьирующий в оттенках у разных сосудов. Внутренние поверхности серые, темно-серые, вплоть до черного цвета. В единичных случаях отмечены иные цветовые сочетания: от желтоватого до кирпично-красного.

Все сосуды отличаются яйцевидной формой и стройными пропорциями с небольшим расширением в верхней части. Днища плоские, уплощенные, без закраин. Диаметр верха колеблется в пределах 15-28 см, дна – от 5-6 до 12 см, в зависимости от величины сосуда, высота 14-35 см. По морфологическим признакам и с учетом имеющейся типологии (Беседин В.И., 1984, с. 65; Синюк А.Т., 2001, с. 19-22, 43-45) сосуды воронежской культуры можно разделить на три группы: горшки, горшковидные сосуды и банки.

К горшкам отнесены сосуды с профилированным туловом и вертикальной или отогнутой шейкой, отношение высоты которой к диаметру сосуда по верху не менее 1/10. Диаметр их наибольшего расширения приходится на верхнюю треть высоты. Основной признак горшков – наличие горла. По особенностям его оформления выделяются следующие типы сосудов.

Тип А – горшки с прямо выведенным горлом и приостренным верхним срезом венчика (рис. 3, б). Переход тулова в горло с внутренней стороны, в основном, плавный.

Тип Б – горшки с ровным раструбовидным горлом и реберчатым переходом тулова в горло изнутри. По оформлению верха венчика они составляют две разновидности: первая – с косым срезом наружу (рис. 3, 2; 7, 2); вторая – с приостренным верхом (рис. 6, б). К типу Б первой разновидности относится единственный острореберный сосуд, который имеет трехчленный ломаный профиль (рис. 3, 2).

Тип В – с известной натяжкой, к нему можно отнести один желобчатый венчик с округлым верхом (рис. 5, 15).

Тип Г – горшки, имеющие воротничковое оформление верха и плавный переход тулова в горло (рис. 3, 1, 3-4, 7-8; 5, 5, 7-8, 10; 6, 1). Венчики варьируют по высоте. Края их, как правило, приострены. Воротнички короткие, треугольные в сечении. Ряд венчиков оформлен при помощи наклепных (рис. 3, 3-4) и оттянутых валиков (рис. 5, 10).

Тип Д – горшки с профилированным, отведенным наружу венчиком и плавным переходом тулова в горло изнутри (рис. 3,5; 4,7; 5,9).

Горшковидные сосуды зачастую имеют более или менее профилированное тулово и едва намеченную шейку. Диаметр их наибольшего расширения приходится как на середину, так и на верхнюю треть высоты. Они образуют не менее половины керамического комплекса на городище. Большим разнообразием характеризуется оформление венчиков: ромбовидные (рис. 4, 2, 3); утолщенные (рис. 4, 1, 4, 6; 6, 3-5, 7); подпрямоугольные (рис. 5, 2, 6); Г-образные (рис. 5, 3; 6, 2, 8).

К банкам или банковидным типам относятся бесшейные сосуды, к которым, с известной долей вероятности, принадлежат сильно фрагментированные венчики – с плоско срезанным утолщенным верхом (рис. 5, 11), грибовидные (рис. 6, 11, 12) и воротничковые (рис. 6, 10). Типология сосудов, разработанная В.И. Бесединым и А.Т. Синюком, не всегда соответствует форме и оформлению венчиков городища Никольевка и, видимо, требует дополнения.

Следует отметить, что резкой грани между приведенными типами нет. Довольно часто встречаются промежуточные формы, что свидетельствует о единстве керамического комплекса.

Подавляющее большинство сосудов, обнаруженных на памятнике, орнаментировано, причем нередко на большей части их поверхности. Как правило, свободной остается придонное основание сосуда. Иногда орнамент встречается на днище и верхнем срезе венчика.

Основными элементами орнамента являются прочерченные линии (они доминируют), ногтевые зацепы, насечки, сочетания которых образуют большинство композиций. Значительно реже встречаются горизонтальные и вертикальные валики, отски зубчатого штампа, шнура, наколы, «личинки». У ряда сосудов на шейке отмечены ямки и ямчатые вдавления, иногда с негативом на обратной стороне.

Орнаментальные композиции отличаются геометричностью. Это паркетные построения (рис. 3, 3-4, 6; 4, 1, 5; 6, 1, 2), заштрихованные треугольники (рис. 4, 7; 5, 1; 6, 5, 7), вертикальная елка (рис. 4, 2), решетка (рис. 3, 2), вертикальный зигзаг (рис. 4, 3), горизонтальная волна (рис. 4, 6). Наиболее сложные орнаментальные композиции покрывают поверхности горшков, форма которых предполагает зональное размещение узоров (рис. 3, 1-4). Обычно по венчику наносились пояски наклонных, пересекающихся или в горизонтальную елочку насечек. Шейка и плечики сосудов украшались заштрихованными треугольниками. Нижнюю половину тулова занимал паркет, решетка, вертикальная и горизонтальная елка, реже – треугольные в сечении валики (рис. 4, 7), а придонную часть – вдавления и зацепы (рис. 3, 2; 5, 16, 17).

На горшковидных сосудах и банках композиционные построения более просты и однообразны и, как правило, образованы одним сюжетом – зацепами (рис. 4, 4), паркетом (рис. 4, 1), вертикальной елкой (рис. 4, 2). Тулово одного сосуда украшено вертикальным ломаным зигзагом, разделенным в верхней части «личинками» (рис. 4, 3). Прочерченный орнамент с обрамлением из «личинки», точек, наколов (рис. 6, 10-12, 16) встречается на других фрагментах, что собственно не свойственно керамике воронежской культуры, как, впрочем, и многорядовая горизонтальная волна, покрывающая верхнюю часть полностью отреставрированного сосуда (рис. 4, 6).

Важным диагностирующим признаком для керамического комплекса воронежской культуры Никольевского городища является наличие отдельных фрагментов, украшенных оттисками шнура и тесьмы (рис. 6, 13; 7, 3), особенно в виде шнуровых петель, известных как элемент орнамента в материалах ямно-катакомбного времени. Некоторые венчики (рис. 5, 12; 6, 6; 7, 4) и один горшок (рис. 6, 17), видимо, относятся к переходному иванобугорско-воронежскому облику. В целом, следует отметить близость всех названных типов сосудов между собой, которая доказывается тождеством технологических признаков, наличием промежуточных форм, общими орнаментальными элементами и взаимовстречаемостью мотивов и композиций орнамента. При этом важно напомнить, что по условиям залегания весь комплекс не имеет признаков членения, а поэтому должен ограничиваться весьма узкими хронологическими рамками.

Из индивидуальных находок, выявленных на городище, к воронежской культуре с уверенностью можно отнести два кремневых концевых скребка на пластинчатых отщепках (рис. 7, 8-9), кварцитовый отщеп с ретушью, заготовку глиняной бусины (пряслице?) шаровидной формы (рис. 7, 11) и кварцитовый наконечник стрелы с выемкой в основании (рис. 7, 10).

Для уточнения хронологии воронежского горизонта, или его нижней границы несомненный интерес представляет кварцитовый наконечник стрелы, поскольку находки такого рода синхронизируются с катакомбными древностями развитого этапа среднедонской катакомбной культуры. Точные аналогии ему известны в материалах поселения Университетское 3 (Тихонов Б.Г.; Матвеев Ю.П., 1981, с. 85, рис. 6, 10).

Пока нет достаточных аргументов для бесспорного определения характера поселения воронежской культуры городища Никольевка. С одной стороны, оно могло быть определено в качестве сезонной стоянки группы пастухов. В пользу этого свидетельствует отсутствие остатков построек (не считая хозяйственных ям), характерных для стационарных поселков, хотя они могли и не попасть в площадь раскопов, или это были наземные сооружения. С другой стороны, достаточная насыщенность культурного слоя и занимаемая площадь показывают, что данное место могло использоваться населением воронежской культуры или постоянно, или неоднократно.

Видимо, близкую хронологическую позицию занимают материалы воронежской культуры пойменных многослойных поселений: Шапкино I, дюна 5, раскоп 2 (Хреков А.А., 2005); Разнобрычка (Хреков А.А., 2005) и Аленкин курган (сборы учителя истории Семеновской средней школы Аркадакского р-на Саратовской обл. Быкова В.Ю.). Все памятники, видимо, носили временный характер.

Поселение Шапкино I, дюна 3, раскоп 2 расположено на левом берегу реки Вороны (приток Хопра) у села Шапкино Мучкапского района Тамбовской области (рис. 1). Обнаруженная керамика (3 венчика, 26 стенок) представлена горшковидными сосудами (рис. 7, 12-19), поверхность которых украшена паркетом, вертикальной елкой, сплошными и расчлененными валиками. Защипной орнамент практически отсутствует. Венчики двух типов – воротничковый тип Б с желобком на внутренней стороне (рис. 7, 12), другой – с наплывом подпрямоугольной формы (рис. 7, 15). Судя по незначительному количеству фрагментов и топографии, поселение носило временный характер.

Поселение Разнобрычка расположено на дюне в широкой пойме левого берега реки Карай (приток Хопра) в 1,3 км к югу от села Подгорное Романовского района Саратовской области (рис. 1). Длинными сторонами дюна вытянута с севера на юг. Размеры 1175 x 450 м, высота склонов достигает 6-7 м. Изрезанная впадинами, лощинами и буграми, поверхность большей частью занята сосновыми насаждениями, мелким кустарником и отдельными листовыми деревьями. Работы проводились в южной части дюны у озера Разнобрычка. Материалы воронежской культуры (11 венчиков, 21 стенка, 1 днище) были выделены в раскопе 2, в нижней и средней части культурного слоя. Прак-

тически такое же стратиграфическое положение занимала керамика развитого и позднего этапа катакомбной культуры, а также покровско-абашевская. Технология изготовления, примеси, цвет полностью соответствуют керамике воронежской культуры. Форма сосудов в полный профиль не восстанавливается. Судя по сохранившимся фрагментам, это были плоскодонные более или менее профилированные сосуды с прямым или чуть отогнутым наружу венчиком (рис. 8, 1-8): тип А, тип Г (по А.Т.Синюку). Основным элементом орнамента являются прочерченные линии, ногтевые защипы, наколы, валики. Часто элементы орнамента комбинируются, дополняя друг друга. Достаточно четко фиксируется зональное расположение орнамента. На шейках преобладают горизонтальные построения, тулово украшено паркетом, наклонными линиями и различного рода вдавлениями, верхний срез венчиков – короткими резными оттисками.

В отличие от других памятников, материалы воронежской культуры Аленкина кургана представлены только сборами. Поселение расположено на дюне в залесенной пойме левого берега реки Хопер в 1,3 км на юго-юго-восток от села Красный полуостров Аркадакского района Саратовской области (рис. 1). Длинными сторонами дюны вытянута по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Размеры 350 x 100 м, высота склонов достигает 3-4 м. Практически вся поверхность памятника занята лиственным лесом и мелким кустарником. На самой возвышенной части фиксировались остатки кирпичной постройки. Более крутые западные склоны ограничены глубокой промоиной и интенсивно разрушаются в период паводков. Здесь была собрана коллекция керамики воронежской и городецкой культур. Керамика воронежской культуры (18 венчиков, 31 стенка, один развал) сильно фрагментирована (рис. 8, 12-16, 19-20). Реконструирован в полный профиль только один сосуд (рис. 8, 11). Он имел горшковидную форму, отогнутый наружу валикообразный утолщенный венчик (тип Г, по А.Т. Синюку) и плоское дно. Размещение орнамента зональное. Верхнюю треть сосуда занимали горизонтальные прочерченные линии и заштрихованные треугольники. Нижняя часть вплоть до дна украшена паркетом, зоноразделителем является пояс ногтевых защипов. Венчики других сосудов в основном имели воротничковое оформление верха (тип Г, по А.Т. Синюку) и плавный переход тулова в горло изнутри. Поверхность украшена прочерченными линиями, рамчатым и треугольным штампом, полулунными вдавлениями, защипами, узкими расчлененными валиками, наклонными рядами насечек с гладким основанием, опоясывающими тулово сосудов. Следует отметить, что некоторые элементы орнамента, такие, как рамчатый, треугольный штампы, полулунные вдавления, прямые насечки с гладким основанием (рис. 8, 13-15, 19-20) находят аналогии в материалах иванобугорского и переходного иванобугорско-воронежского облика (Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001, с. 34-43, рис. 22-31. Правда, форма венчиков иванобугорских и переходных иванобугорско-воронежских сосудов отлична. Все они имеют венчики с ребристым переходом к тулову на внутренней стороне, а не плавные. Вероятно, ближе к керамике воронежской культуры Аленкина кургана находятся материалы примокшанской культуры (Королев А.И., Ставицкий В.В., 2006, с. 153-164, рис. 95-105), но и здесь имеются определенные отличия. Кроме всех перечисленных выше элементов орнамента, на пяти фрагментах зафиксированы оттиски шнура (рис. 8, 17-18, 21-22), образующие горизонтальные и треугольные композиции. Форма сосуда горшковидная, с высоко поднятым, плавно отогнутым наружу венчиком. Подобные сосуды А.Т. Синюк относит к позднему этапу среднедонской катакомбной культуры (Синюк А.Т., 1996, с. 164, рис. 37, 1).

Небольшие коллекции керамики воронежской и иванобугорской культур получены на многослойных поселениях Шапкино VI (Хреков А.А., Юдин А.И., 2003, с. 43, рис. 12, 1-7) и Инясево (Хреков А.А., 1987).

Поселение Шапкино VI находится на левом берегу реки Вороны в 2 км к северо-западу от с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области (рис. 1). За три полевых сезона на памятнике вскрыто 608 кв. м культурных напластований, включающих находки различных эпох – от неолита до раннего железного века. Поселение занимает мыс коренной террасы левого берега реки Вороны. Поверхность памятника довольно ровная, но почти вся занята сосновыми посадками и лиственным лесом. Размеры, вероятно, соответствуют размерам мыса – 100 x 80-100 м. Наибольшая мощность культурного слоя 95-105 см. Интересующая нас керамика залегала в верхних пластах темной гумусированной супеси совместно с ямно-репинской и ниже – типа марьяновско-маклашеевской. Остатки жилищ или хозяйственных построек, относящихся к рассматриваемому периоду, не обнаружены.

Сильно фрагментированный керамический комплекс (12 венчиков, 1 днище, 29 стенок) позволяет выделить горшки (рис. 9, 6-10, 12) и горшковидные сосуды (рис. 9, 11, 14). Горшки, по типологии А.Т. Синюка, относятся к категории Б-В, горшковидные сосуды, с плавно профилированным, отведенным наружу венчиком, – к категории Д. Пережиточно энеолитическая иванобугорская (или иванобугорско-воронежская) керамика отличается своей характерной орнаментацией, которая включает ромбовидные и круглые штампы с гладким и рубчатым основанием (рис. 9, 3-4, 6-7, 14), ногтевые защипы (рис. 9, 9-10, 12, 15), зерновидные вдавления (рис. 9, 11-13), аморфные (рис. 9, 16). Прочерченные линии (рис. 9, 5, 11) и зубчатый штамп, видимо, не играли существенной роли в украшении сосудов. Один фрагмент, имеющий высокий раструбовидный венчик с оттисками рамчатого штампа, ограниченного горизонтальными и наклонными поясками (рис. 9, 6), с рубчатым основанием находит прямые аналогии в материалах иванобугорского облика (Синюк А.Т., 1996, с. 74, рис. 14).

Иванобугорско-воронежские признаки отмечены на сосудах пойменного поселения на правом берегу р. Хопер в 0,5 км к северо-западу от с. Инясево Романовского района Саратовской области (рис. 1). Скорее всего, это была довольно кратковременная стоянка, о чем свидетельствуют единичные фрагменты керамики (1 венчик, 5 стенок) и два неполных развала. Стоянка занимала дюну размером 400 x 60 м с культурными напластованиями от позднего мезолита до средневековья. Стационарными исследованиями вскрыто 748 кв. м.

Обнаруженная при раскопках керамика представлена в разной степени профилированными горшками (рис. 7, 22; 9, 1, 2) с плавно профилированным отведенным наружу горлом, типа Д (по типологии А.Т. Синюка). Днища не обнаружены. Гладкая поверхность украшена прочерченными линиями, подпрямоугольными и клиновидными вдавлениями.

Единичные фрагменты воронежской керамики, наряду с катакомбной покровско-абашевской и срубной, также обнаружены в поселениях Алмазово I (рис. 7, 20-21) (Хреков А.А., 1982) и Рассказань III (рис. 9, 17-18) (Хреков А.А., 1997).

Все перечисленные выше памятники, видимо, являются наиболее восточной локальной группой воронежской культуры (Беседин В.И., 1984, с. 62, рис. 1; Синюк А.Т., 1996, с. 184, рис. 42), общее содержание которой, вопросы генезиса, этапов развития, сущности процессов, обусловивших неоднозначность проявления культуuroобразующих признаков, по-прежнему далеки от окончательного решения.

Разрабатывая вопросы хронологии воронежской культуры, А.Д. Пряхин и В.И. Беседин выделили два этапа в ее развитии. На раннем этапе (середина II тыс. до н.э.) в ее материалах ощутимо проявляется катакомбное влияние. К этому этапу они отнесли поселения Шиловское, Архангельское, Чертовичское. Поздний этап (начало второй половины II тыс. до н.э.) характеризуется постепенным усилением абашевского влияния, что, в конечном счете, приводит к распаду культуры. В рамках этого этапа могут быть

рассмотрены Малое Боршевское, Животинное и другие (Пряхин А.Д., 1982, с. 138; Беседин В.И., 1984, с. 72-74). Скорректированная позднее датировка воронежской культуры определялась В.И. Бесединым в рамках XVI-XV вв. до н.э., с возможным удревнением нижней границы (Беседин В.И., 1997, с. 65).

При изучении бронзового века бассейна реки Дон А.Т.Синюком было высказано предположение о более ранней датировке воронежских древностей и их стыковке с памятниками иванобугорского типа, причем воронежская культура была синхронна всем периодам развития донской абашевской и среднедонской катакомбной культур. Хронологический же разрыв между иванобугорскими и воронежскими древностями отсутствует, так как они отражают собой последовательные этапы развития единого этнокультурного образования (Синюк А.Т., 1996, с. 170-183). Практически, правда с некоторыми дополнениями, это находит подтверждение в воронежских памятниках Прихоперья. На эталонном памятнике – городище Никольевка – в качестве «импортной» присутствует катакомбная керамика развитого этапа (рис. 6, 9, 13), абашевская (рис. 7, 7), переходная иванобугорско-воронежская (рис. 6, 6, 17; 7, 4, 5). Причем «переходная» керамика по технологическим признакам (состав теста, обработка поверхности, цвет) ничем не отличается от воронежской. Использование ямок (рис. 3, 8) и ямчатых вдавлений (рис. 3, 7; 4, 2; 5, 9; 6, 3) на шейке сосудов свидетельствует о сохранении каких-то репинских традиций.

Своеобразной чертой иванобугорской керамики является использование защитного орнамента (Синюк А.Т., 2001, с. 19). Показательны в этом плане два никольевских сосуда, украшенных по всему тулову ногтевыми защипами. Один из них шаровидной формы (рис. 3, 5) с раздутыми боками, другой – вытянутый яйцевидный, с уплощенным орнаментированным дном и насечками по утолщенному венчику (рис. 4, 4). Поверхности светло-коричневые с красноватым оттенком. Похожий по форме и орнаментации сосуд был обнаружен в позднеэнеолитическом погребении 1, кургана 8 Сасовского могильника (Синюк А.Т., 1983, с. 108, рис. 6, 2). А.Т. Синюк датировал это погребение концом III тыс. до н.э., но считал его связанным с катакомбным влиянием (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985, с. 55-56). Ямно-катакомбные признаки отмечены еще на одном фрагменте стенки с Никольевского городища, на котором шнуровые петли чередуются с ногтевыми защипами (рис. 7, 3). Шнуровые петли, овы, спиралевидные отпечатки – довольно распространенный мотив на керамике ямно-катакомбного времени Нижнего Подонья (Кияшко А.В., 1999, с. 77; с. 102, рис. 46, 2-4; с. 141, рис. 85) и Поднепровья (Бондарь Н.Н., 1984, с. 40, рис. 3, 16). В целом, стандартные мотивы и элементы орнамента никольевской посуды находят многочисленные аналогии в материалах воронежской культуры (Пряхин А.Д., 1982, с. 90-144), за исключением некоторых фрагментов, украшенных прочерченной многорядовой ломаной волной (рис. 4, 6) и вертикальным зигзагом (рис. 4, 3).

Интересные результаты в плане хронологии и генезиса воронежской культуры получены на поселении Курино I на Верхнем Дону (Синюк А.Т., Бессуднов А.Н., 1996, с. 43-58). Обнаруженная здесь керамика сохраняет иванобугорские технологические традиции. Сосуды характеризуются яйцевидной формой, стройными пропорциями, приостренными и небольшими уплощенными без закраин доньшками и разнообразным оформлением верха. Орнамент состоит из прочерченных линий (паркет, вертикальная елка, заштрихованные треугольники), нарезок, ямок, ногтевых защипов. По многим показателям (технология изготовления, форма сосудов, орнамент, оформление верха) воронежская керамика поселения Курино I находит прямые аналогии в наборе никольевской посуды, что, на наш взгляд, говорит об их хронологической и культурной близости. Исключением является наличие в керамическом комплексе Никольевки воронежских горшков, несущих наиболее яркие черты катакомбной культуры (форма, иногда с

приостранным ребром, орнамент из сплошных и расчлененных валиков), но украшенных паркетно-елочным орнаментом (рис. 3, 2, 6-7; 4, 7; 7, 1-2). И, вероятно, прав А.Т. Синюк, который считает, что последний, возможно, и не заимствован из катакомбной среды, а имеет иной этнокультурный очаг своего зарождения и географическую направленность. Речь идет о неолитических материалах дронихинского типа. В качестве рабочей гипотезы предлагается доживание этого своеобразного типа сосудов вплоть до распространения катакомбного влияния (Синюк А.Т., 1996, с. 183), что в настоящее время подвергается сомнению (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003, с. 37-48). Возможно, в Курино I проявились не хронологические, а локальные особенности воронежской культуры в чистом виде как этапа в развитии иванобугорской, не испытавшей воздействия катакомбников и сохранившей энеолитические традиции – приостранные и уплощенные днища, форма сосудов, воротнички. А это предполагает корректировку не только верхней границы куриных и николевских материалов, но и все воронежской культуры. Появление паркетно-елочного орнамента на катакомбной посуде и посуде КМК (бабинской), видимо, следует связывать с влиянием воронежской культуры на вышеназванные культурные образования, а не наоборот.

Рассматривая проблему генезиса воронежской культуры, видимо, следует обратить внимание и на позднеэнеолитические памятники имеркского типа в Примокшанье (Королев А.И., Ставицкий В.В., 2006, с. 94-149). Важную особенность имеркской керамики составляют приемы и система орнаментации, где доминирующую роль играют прочерченные линии, сгруппированные в паркет, заштрихованные треугольники, елочка со стеблем, сетка и т.д. Керамика содержит примеси органики, поверхность сосудов изнутри и снаружи обрабатывалась мягким предметом, иногда просматривается лощение. Обжиг достаточно хороший, цвет сосудов – серый, желтовато- или красновато-коричневый. Сосуды имели приостранные, округлые, плоские днища, прямые либо отогнутые венчики с наплывом на внутренней стороне в месте отгиба. Редки приостранные венчики со слабовыраженным наплывом и без наплыва. Подобные элементы орнамента, форма сосуда, профилировка венчика, технологические особенности в той или иной степени находят аналогии в керамике Николевского городища и других памятников воронежской культуры. А.И. Королев и В.В.Ставицкий считают, что истоки происхождения имекской прочерченной орнаментации, видимо, восходят к тому же корню, что и соответствующие орнаментальные приемы на керамике воронежской и среднедонской катакомбной культур. Данная традиция зарождается где-то на западе (в Поднепровье?) и потом распространяется в восточном направлении (Королев А.И., Ставицкий В.В., 2006, с. 148).

Особенно следует выделить разновидности венчиков, которые не вошли в разработанную типологию воронежской посуды: уплощенные снаружи и изнутри, Т-образные скошенные во внутрь, овальные (рис. 10, 7-14). Возможно, эти аналогии предполагают наличие каких-то связей (генетических, хронологических, стадиальных) между двумя группами населения. Естественно, есть и существенные различия.

В настоящее время хронологию имеркских древностей позволяют уточнить результаты радиоуглеродного анализа двух образцов с поселения Волгапино – 3550±120 л.н. (ГИН 9417) и 3750±70 л.н. (ГИН 9418), в большей мере соответствующие завершающему периоду существования культуры в Примокшанье в рамках конца III тыс. до н.э. (Королев А.И., Ставицкий В.В., 2006, с. 146-149).

Заметное влияние на население воронежской культуры в ее восточном ареале, видимо, оказали древности примокшанского типа, которые, по современным оценкам, представляют собой локальный вариант иванобугорской культуры (Королев А.И., Ставицкий В.В., 2006, с. 173). В целом, существование примокшанских древностей на территории Примокшанья синхронизируется с ранним и развитым этапами среднедонской

катакомбной культуры. О степени взаимодействия вышеперечисленных культур (имеркской, иванобугорской, примокшанской, воронежской) говорить пока не приходится, но по мере продвижения в более северные районы Прихоперья оно, несомненно, будет возрастать. Фиксируемый же их последовательный хронологический стык дает основание интерпретировать эти материалы не только в плане преемственности гончарных традиций, но и как свидетельство активных контактов, видимо, в рамках одной культурной общности (или области?).

Литература

- Беседин В.И.* Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы Восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1984.
- Беседин В.И.* Воронежская культура эпохи бронзы: выделение и проблемы исследования // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Воронеж, 1997.
- Бондарь Н.Н.* К вопросу о взаимоотношениях племен среднеднепровской культуры и населения катакомбной культурно-исторической области // Эпоха бронзы Восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1984.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Энеолит Восточноевропейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
- Кияшко А.В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Королев А.И., Ставицкий В.В.* Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза, 2006.
- Пряхин А.Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.
- Синюк А.Т.* Сасовские курганы на реке Потудань // Древнейшие памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы-ранний железный век). Воронеж, 2001.
- Синюк А.Т., Бессуднов А.Н.* Новые материалы характеристики культур энеолита-бронзового века Верхнего Придонья // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк, 1996. Вып. 1.
- Ставицкий В.В., Хреков А.А.* Неолит-ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов, 2003.
- Тихонов Б.Г., Матвеев Ю.П.* Университетские поселения среднедонской катакомбной культуры в пойме реки Воронеж // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.
- Хреков А.А.* Исследования на Хопре // АО – 1980. М., 1981.
- Хреков А.А.* Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1982 год по раскопкам донной стоянки у села Шапкина Мучкапского района Тамбовской области и селища у села Алмазово Балашовского района Саратовской области. Балашов, 1982. Архив БКМ.
- Хреков А.А.* Исследования в бассейне реки Хопер // АО – 1984. М., 1986.
- Хреков А.А.* Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1987 год по раскопкам у села Инясево Романовского района Саратовской области. Балашов, 1987. Архив БКМ.
- Хреков А.А.* Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1990 год по раскопкам у села Инясево Романовского района Саратовской области и села Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Балашов, 1990. Архив БКМ.
- Хреков А.А.* Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1997 год по раскопкам у села Рассказань Балашовского района Саратовской области и села Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Балашов, 1997. Архив БКМ.
- Хреков А.А.* Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 2005 год по раскопкам многослойной стоянки Разнобрычка у села Подгорное Романовского района Саратовской области. Балашов, 2005. Архив БКМ.
- Хреков А.А., Юдин А.И.* Многослойная стоянка Шапкино VI // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.

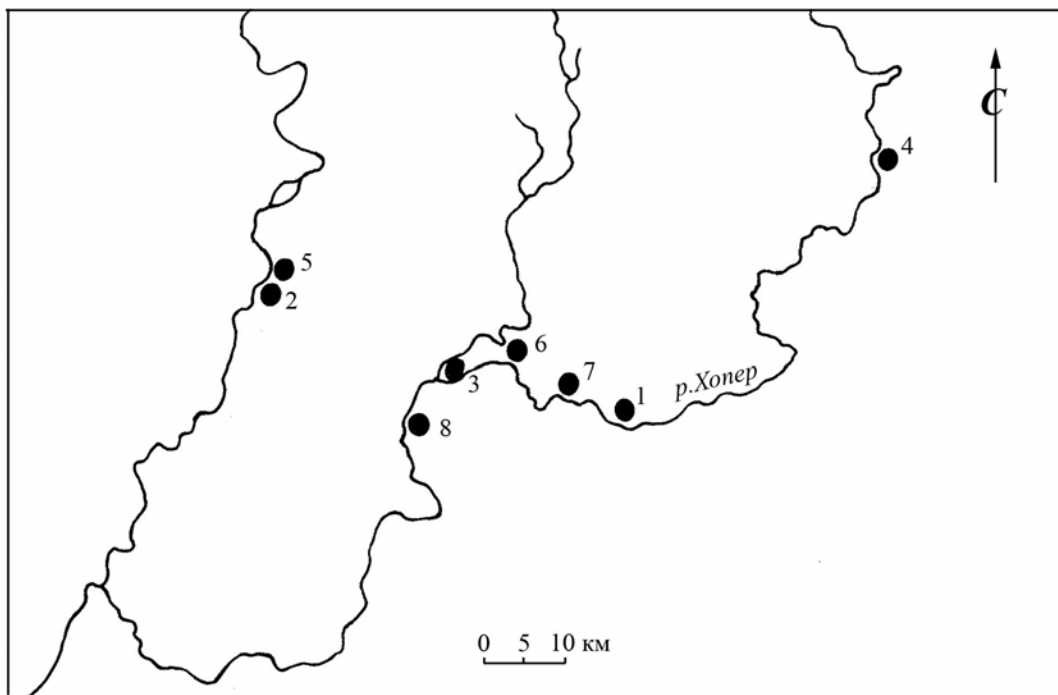

Рис. 1. Археологические памятники воронежской культуры в лесостепном Прихоперье:
 1 – Никольевка; 2 – Шапкино I; 3 – Разнобрычка; 4 – Аленкин курган;
 5 – Шапкино VI; 6 – Инясево; 7 – Алмазово I; 8 – Рассказань III

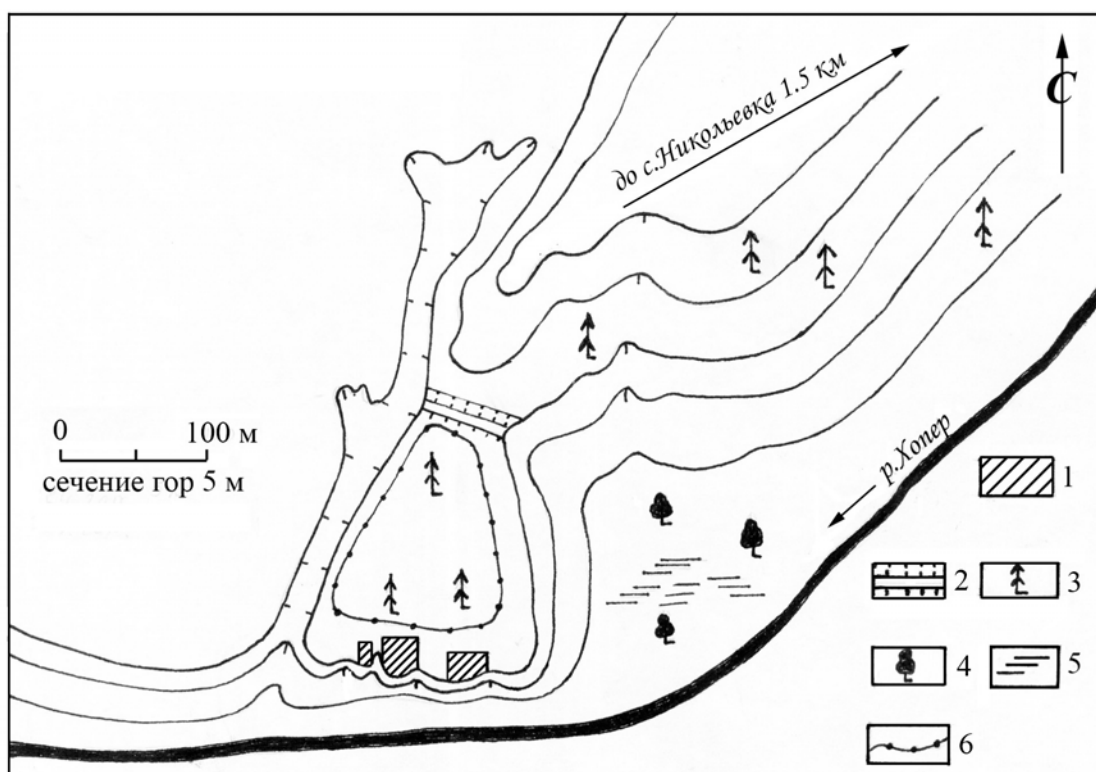

Рис. 2. План городища Никольевка. Условные знаки: 1 – место раскопа, 2 – ров, вал, 3 – сосновые лесопосадки, 4 – лиственный лес, 5 – заболоченная местность, 6 – граница лесопосадок

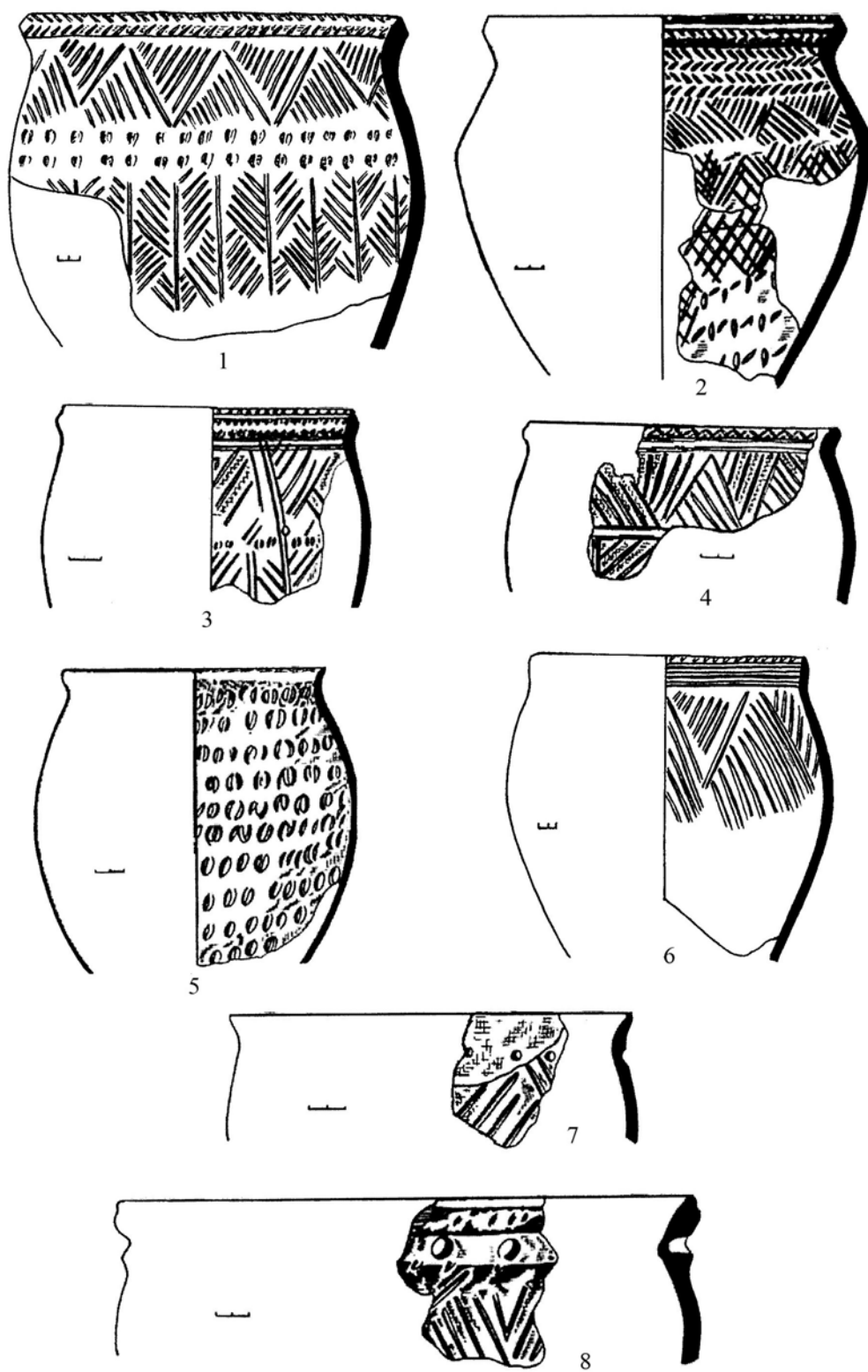

Рис. 3. Никольевка. Керамика воронежской культуры (1-8)

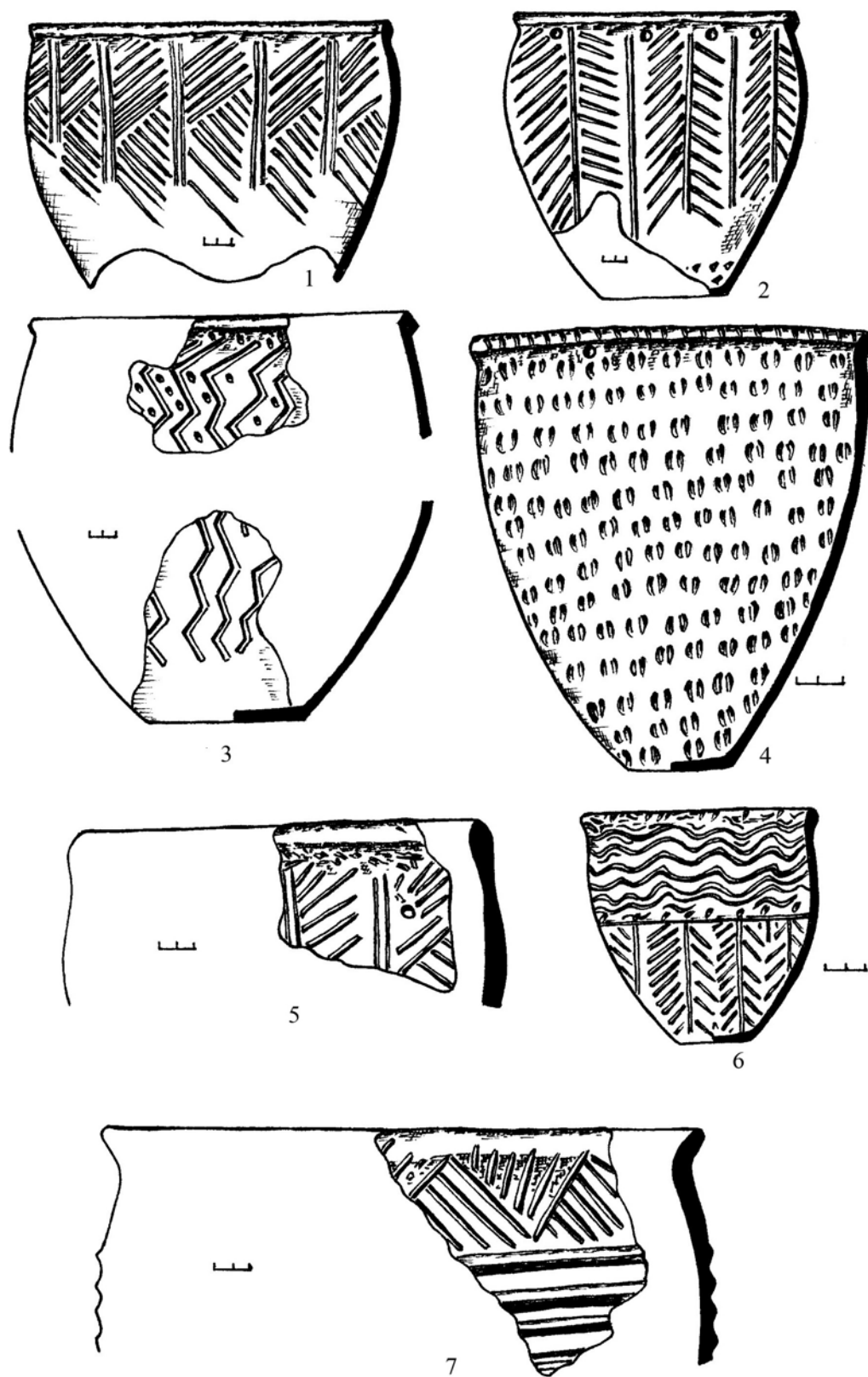

Рис. 4. Никольевка. Керамика воронежской культуры (1-7)

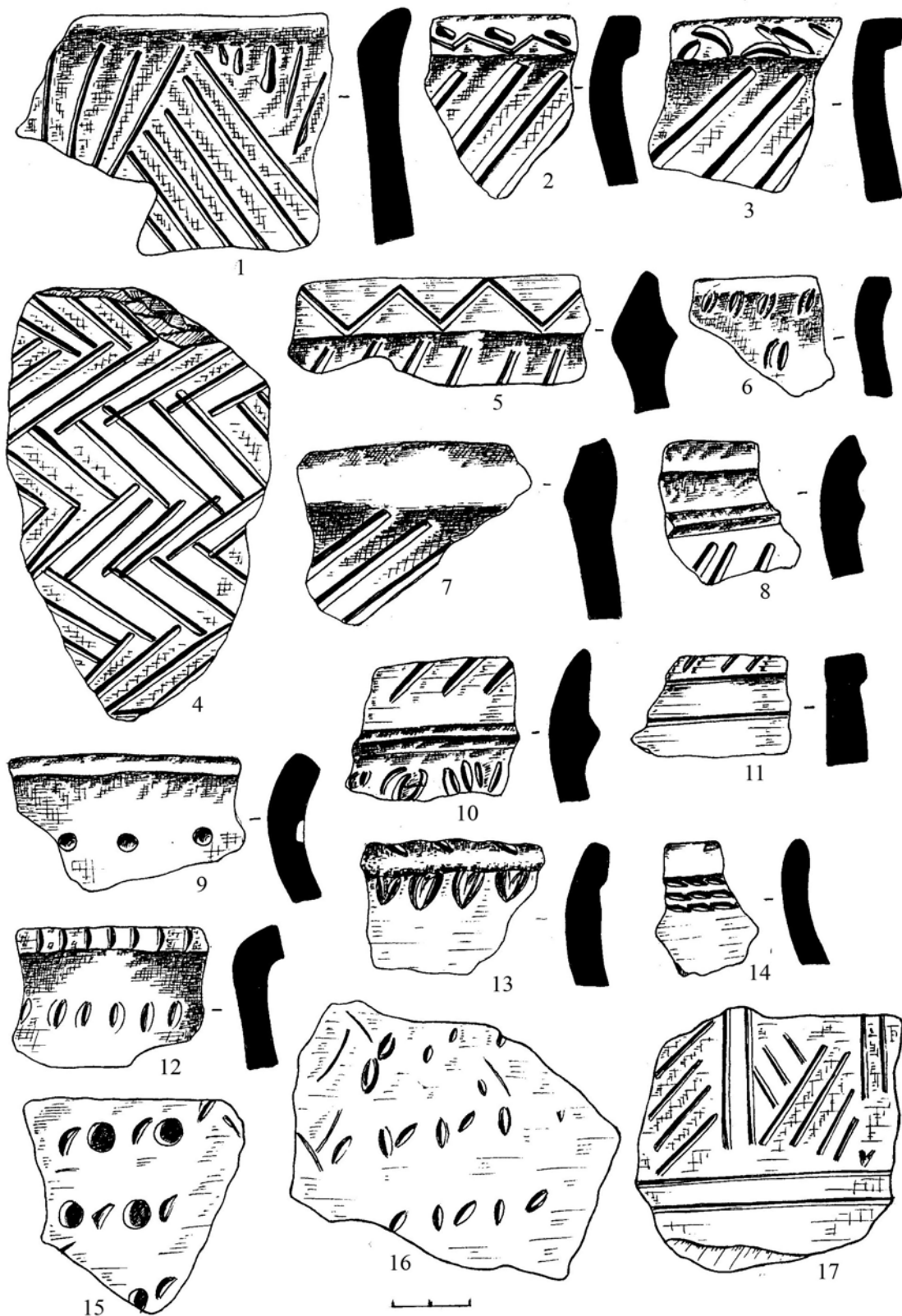

Рис. 5. Никольевка. Керамика воронежской культуры (1-18)

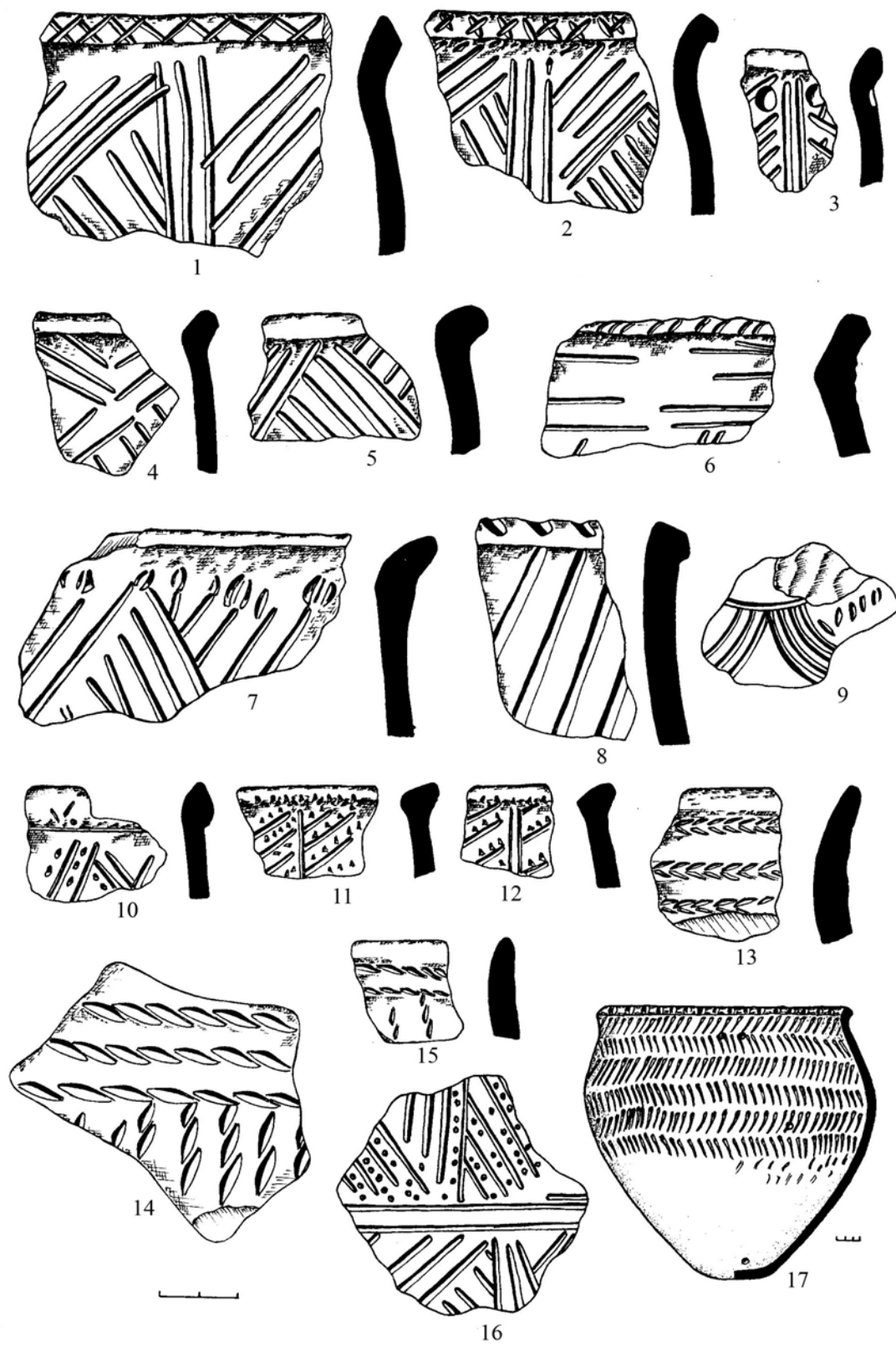

Рис. 6. Никольевка. Керамика воронежской (1-8, 10-12, 14-17) и катакомбной (9, 13) культур

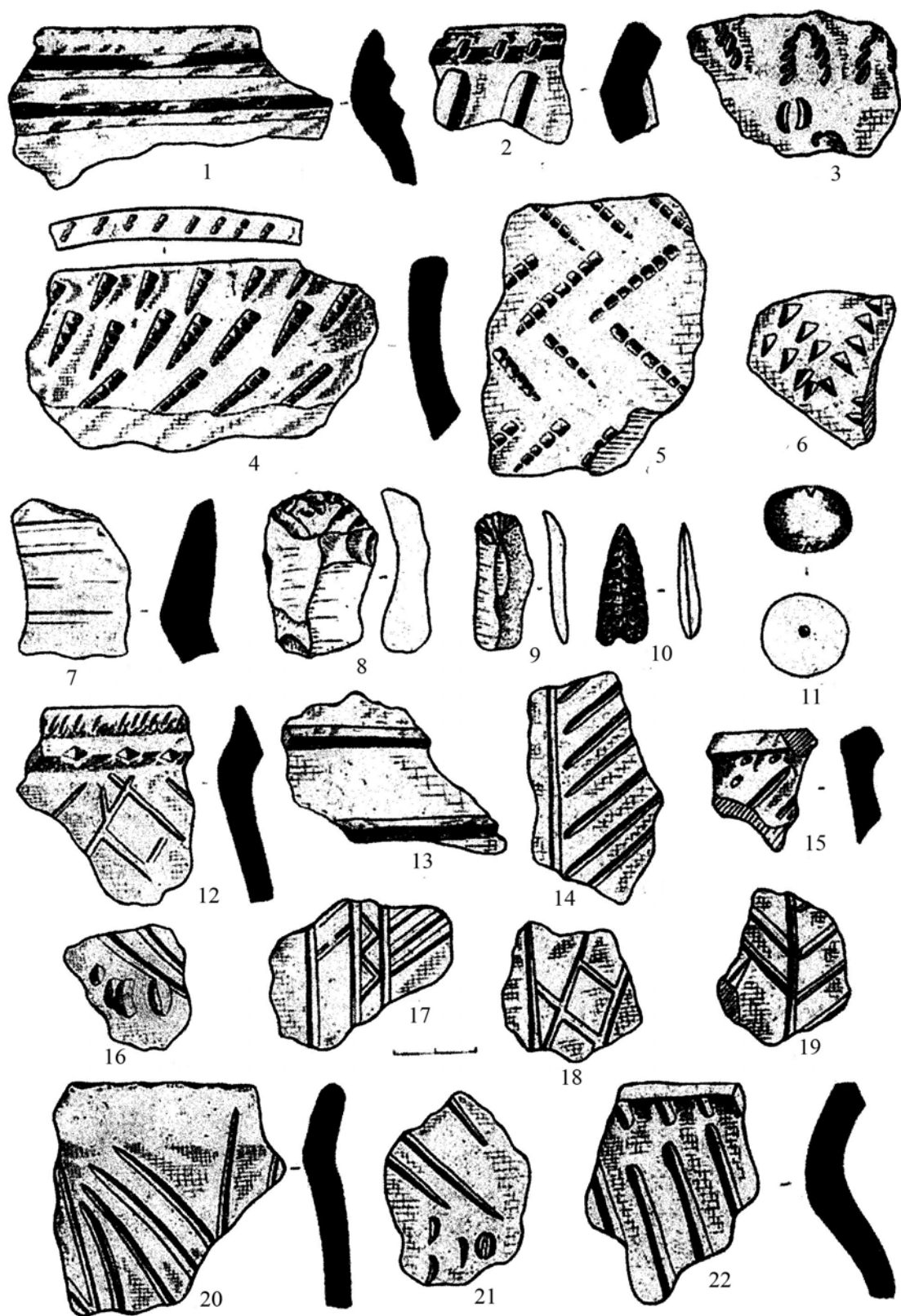

Рис. 7. Керамика (1-7, 12-22), каменные (8-10) и глиняные изделия (11) с поселений воронежской культуры лесостепного Прихоперья. 1-11 – Никольевка; 12-19 – Шапкино I; 20-21 – Алмазово I; 22 – Инясево

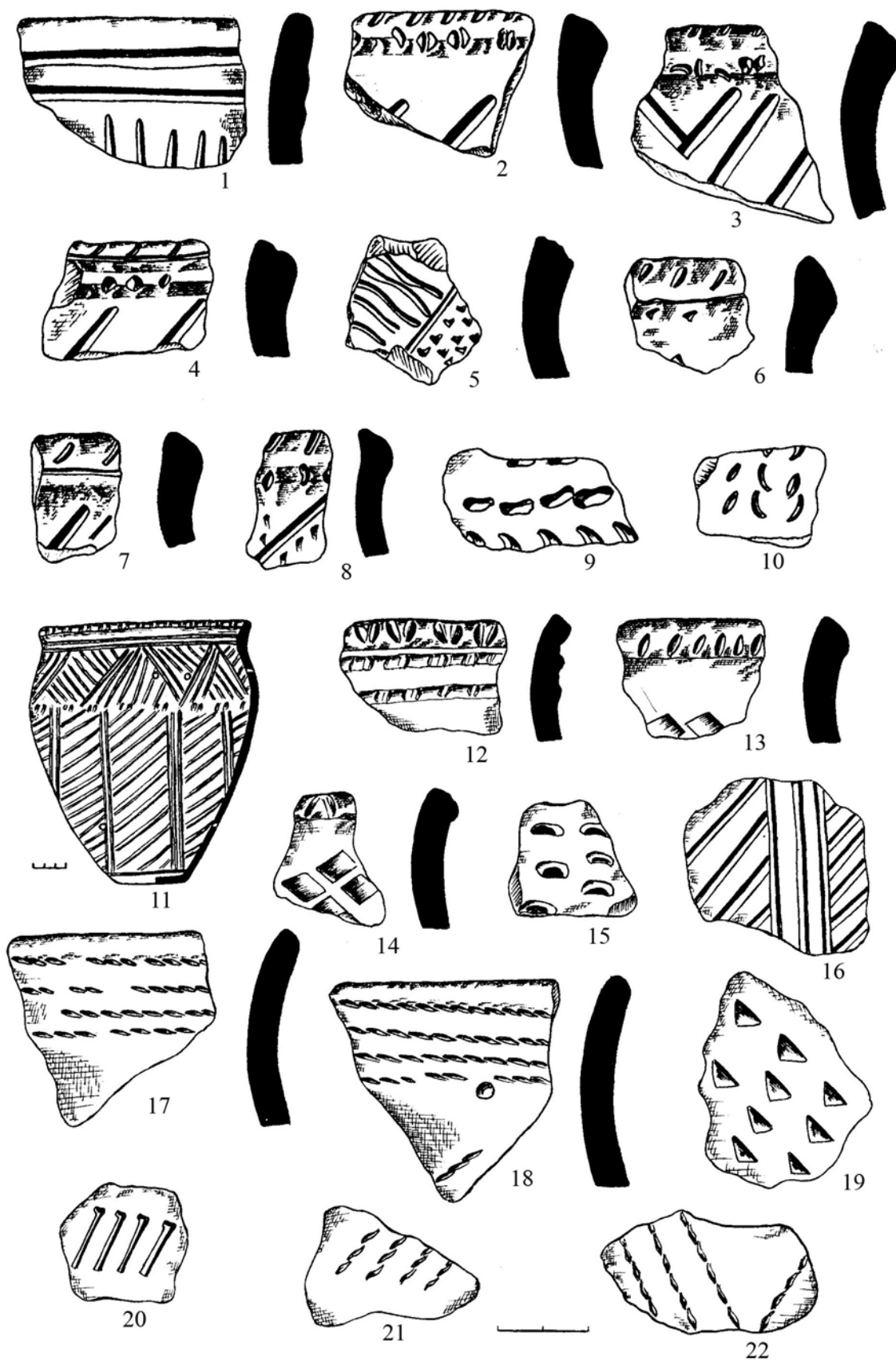

Рис. 8. Керамика воронежской культуры с поселений лесостепного Прихоперья. 1-10 – Разнобрычка; 11-22 – Аленкин курган

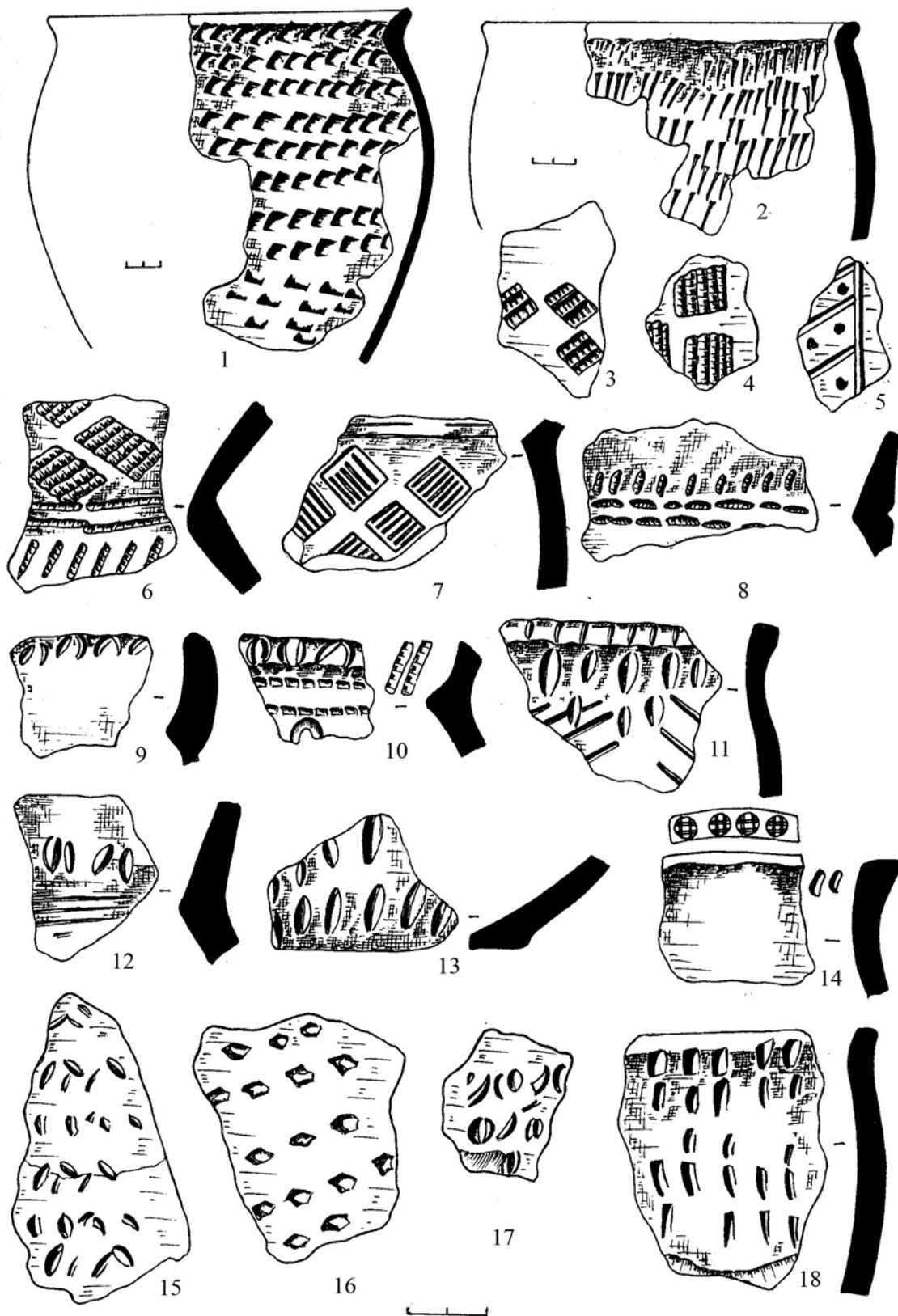

Рис. 9. Керамика иванобугорско-воронежской культуры с поселений лесостепного Прихоперья. 1-2 – Инясево; 3-16 – Шапкино VI; 17-18 – Рассказань III

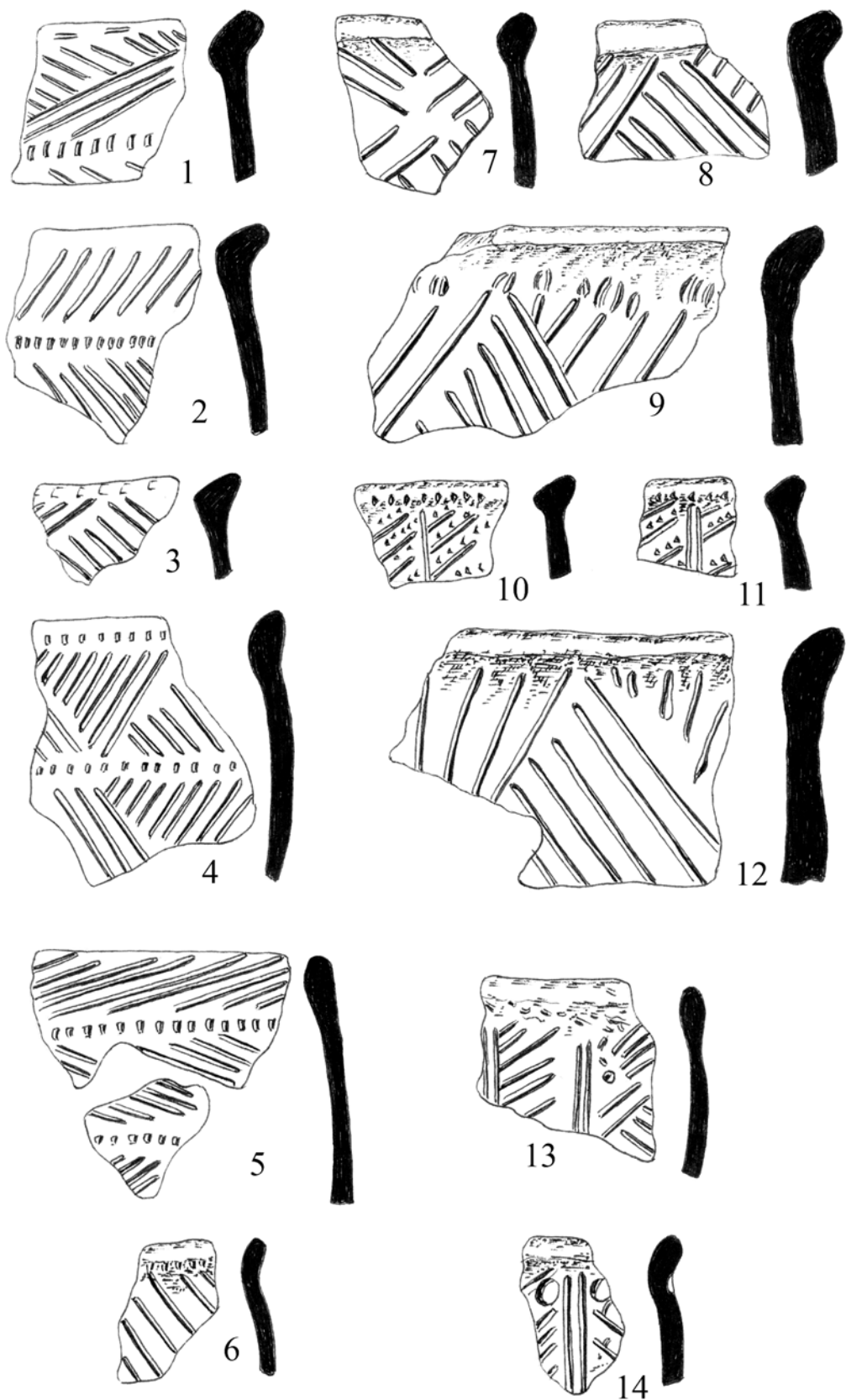

Рис. 10. Керамика имерской (1- 6) и воронежской (7- 14) культур. 1-3 – Имерка V; 4 – Новый Усад IV; 5 – Скачки; 6 – Лебяжий Бор VI; 7-14 – Никольевка

ВОЛЬСКО-ЛБИЩЕНСКИЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

К интерпретации памятников вольского типа исследователи периодически обращались на протяжении последних 100 лет. За это время проблема обросла своей историографией, которая наиболее подробно рассмотрена моими саратовскими коллегами совсем недавно в работе, посвященной эпонимному памятнику – Вольскому городищу «Попово Блюдечко» (Малов Н.М. и др., 2009, с. 19-25). С момента его открытия в 1913 г. (Зайковский Б.В., 1914, с. 120-124) интерес к этой теме возникал не часто, по мере выявления новых аналогичных материалов и при попытках их осмысления в контексте развития общих представлений о культурах бронзового века Нижнего Поволжья. Оригинальная керамика вольского типа долгое время оставалась мало понятной, и даже более чем полвека спустя ее культурно-хронологическая интерпретация вызывала обоснованные затруднения (Васильев И.Б., 1975).

В начале XX столетия проблемную коллекцию Вольского городища определяли как «архаическую» поры медного века (там же, с. 122; Спицын А.А., 1923, с. 34), относили к хвалынской культуре эпохи бронзы (Орехов В.Ф., 1927, л. 14) или срубно-хвалынской культуре позднего бронзового века (Синицын И.В., 1952, с. 72-73). Отметив яркое своеобразие вольской керамики и ее явное отличие от срубной посуды, П.Д.Степанов предложил удревнить этот комплекс и относить его к неолиту-ранней бронзе (Степанов П.Д., 1956, с. 9-10).

П.Д.Либеров, анализируя керамический комплекс Вольского городища «Попово Блюдечко» и возражая против точки зрения П.Д.Степанова, пытался отнести наиболее ранние сосуды из нижнего слоя к абашевской культуре по таким критериям, как «вазообразный» профиль, внутреннее ребро, геометрический орнамент, ракушечная примесь (Либеров П.Д., 1964, с. 150-151). Тогда же большинство специалистов и раньше всех А.А.Формозов, относивший «вольск» к кругу катакомбных культур (Формозов А.А., 1965, с. 95), не приняли аргументации П.Д.Либерова, посчитав ее неубедительной. В ходе дальнейшего осмысления феномена «вольска» интерпретация П.Д.Степанова, относившего памятник к неолитической эпохе (Степанов П.Д., 1956, с. 20-21), также подверглась критике, но всеми были отмечены устойчивые архаические реминисценции в технологии изготовления и орнаменте этой керамики.

Особый «вольский» культурный тип был выделен Н.М.Маловым в 1979 году (Малов Н.М., 1979, с. 82-83), а согласно последним разработкам такие памятники предложено рассматривать в рамках вольской археологической культуры и датировать полтавкинско-катакомбным временем (Малов Н.М., и др., 2009, с. 30). Подобную датировку предлагал и И.Б.Васильев, который собрал вольские комплексы на широкой территории от Среднего Поволжья до Южного Приуралья и назвал выборку вольско-лбищенской культурной группой (Васильев И.Б., 2003).

Памятники вольского (вольско-лбищенского) типа – это особая тема, которая заслуживает пристального внимания, поскольку в контексте проблемы волго-уральского культурогенеза она затрагивает вопрос становления «покровска» (Малов Н.М., 1992, с.

14; Цимиданов В.В., 2005, с. 75). Известен уникальный комплекс из кургана «Усть-Грязнуха» рубежа эпох средней и поздней бронзы, исследованный на границе Советского и Энгельского районов Саратовской области, где в двух синхронных детских захоронениях зафиксированы покровские сосуды с заметными признаками вольского формообразования и декора (Дремов И.И., Семенова И.В., 1999). Эта специфика проявляется в виде сложного, многочастного профиля и оригинальной узкозональной орнаментации. Подобный сосуд есть и в материалах синкретичного комплекса из Широкого Карамыша (Дремов и др., 2005, с. 28, рис. 4, 4). Кроме того, реминисценции «вольска» проявляются в узкозональных пышных декорах не только покровской, но и раннесрубной керамики, как правило, реберчатой. Но, как показывают наблюдения за памятниками лесостепного доно-волжского междуречья, многочастные профили венчиков характерны также для сосудов воронежского типа, и данное обстоятельство позволяет рассматривать вопрос на более широких примерах, отражающих интеркультурный характер этого явления.

Принципиальная позиция Н.М.Малова, возражающего против «вольско-лбищенской» трактовки памятников с вольскими чертами в керамике и настаивающего на сохранении эпонимной терминологии П.Д.Степанова, вполне объективна по ряду причин, среди которых для нас наиболее важно следующее обстоятельство. Даже поверхностный анализ всей «вольско-лбищенской» выборки И.Б.Васильева позволяет предполагать неодновременность этого материала (Васильев И.Б., 2003, с. 113-115, рис. 1-3). Наиболее архаичен комплекс Вольского городища, в котором сохраняется значительное количество признаков энеолитического характера в орнаменте посуды (Малов Н.М. и др., 2009, с. 35-40, рис. 2-7). Лбищенская выборка отличается не столь массивными венчиками, формы сосудов здесь более близки образцам финальнокатакомбного и посткатакомбного (бабинского) типа. Коллекция керамики Царева Кургана может быть синхронна лбищенскому материалу, а найденные здесь бронзовые предметы отнесены В.С.Бочкаревым к покровскому типу изделий (Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф., 2003, с. 60-81; Бочкарев В.С., 2010, с. 96).

Материалы Алексеевского III могильника, не имеющие керамики и отнесенные к вольско-лбищенскому типу на основании находок металлических украшений, вместе с тем, по обряду погребений практически идентичны посткатакомбным криволукским и бабинским захоронениям. Это еще одна привязка к покровскому времени, поскольку получены устойчивые данные по сосуществованию и взаимодействию криволукской и покровской культурных групп на территории Нижнего Поволжья (Лопатин В.А., 2010, с. 165).

Керамика Екатериновского поселения, отнесенная В.В.Ставицким к вольско-лбищенскому типу, также неоднородна. Здесь присутствуют сосуды, близкие классическому «вольску» (Ставицкий В.В., 2004, с. 25, рис. 3, 1,2; с. 27, рис. 5, 1). Это крупные формы со сложными ломаными профилями и пышной узкозональной орнаментацией, такие же элементы характерны для керамики Попова Блюдечка. Здесь же имеются более поздние экземпляры, аналогичные лбищенским, но, несомненно, демонстрирующие генетическую преемственность с вольской классикой.

По-видимому, процесс развития вольского культурного типа был длительным и занимал промежутки времени с конца третьей четверти III тыс. до XVIII-XVII вв. до н.э., стыкуясь с периодом формирования «покровска» и оказывая на него определенное влияние. Но поскольку это так, то контакты «вольска» с «абашево» также были, скорее всего, неизбежны, их взаимодействие представляется как фрагмент многокомпонентного культурогенеза «покровска». Косвенно это может подтверждаться отмеченным И.Б.Васильевым совместным местонахождением вольской керамики и абашевских украшений на дюне «Человечья Голова» (рис. 6, 32, 33) (Васильев И.Б., 2003, с. 110), а

также весьма не беспочвенным «заблуждением» П.Д. Либерова, пытавшегося выделить в керамике Попова Блюдечка абашевские сосуды. Симбиоз вольской и абашевской культур на определенном этапе мог порождать синкретичные комплексы керамики. В Екатериновке есть крупные колоколовидные формы с вольской орнаментацией, как округлобокие, так и реберчатые (Ставицкий В.В., 2004, с. 24, рис. 2, 5; с. 26, рис. 4, 1; с. 27, рис. 5, 2-5, 11). Рассуждения В.В.Ставицкого об одной из генетических (среднепозднестоговской) подоснов такого (колоколовидного) формообразования вполне приемлемы для рабочего анализа вариантов вольского генезиса, но в позднепозднестоговской выборке, приводимой автором в той же публикации, нет реберчатых сосудов. В вольской коллекции Попова Блюдечка колоколовидные формы редки, они характерны наиболее простыми типами закраин (Малов Н.М. и др., 2009, с. 35, рис. 2, 1; с. 36, рис. 3, 13; с. 39, рис. 6, 1; с. 40, рис. 7, 8), но здесь есть и покровская керамика с яркими чертами «абашоидности» (там же, с. 41, рис. 8, 7).

Наметив, таким образом, краткий историографический обзор вольско-лбищенской проблемы, попытаемся разобраться в своеобразиях керамики, поскольку именно она является основным диагностирующим показателем этого феномена. Серьезный системный анализ керамического комплекса городища Попова Блюдечко был проведен лишь недавно (Малов Н.М. и др., 2009). Цель этой работы с коллекциями Вольского городища – показать яркое своеобразие наиболее архаичного комплекса, отделить его от материалов лбищенского типа и устранить, таким образом, сразу два сложившихся в литературе нонсенса – источниковедческий и терминологический. Поскольку авторы имели в своем распоряжении исключительно фрагментированную керамику (это главная сложность в работе с материалами вольского типа), то системными итогами их исследования стали типологические ряды венчиковых закраин (рис. 2, А) и композиционных вариантов декора (Малов Н.М. и др., 2009, с. 33, табл. 5). Это создавало интересные возможности для сравнительного анализа широкого круга памятников вольского типа, а также синкретичных керамических комплексов и лбищенских материалов.

Для этого автором представляемой работы был проведен фронтальный обзор всех известных городищ, поселений и погребальных памятников Нижнего и южной части Среднего Поволжья, Северного Прикаспия, Южного Приуралья, где встречалась керамика с вольскими и лбищенскими признаками (рис. 1). Выборку пространственного анализа составили только те памятники, на которых выявлены наиболее яркие диагностирующие артефакты.

Итогом данного обзора и анализа стало выделение трех групп керамических форм, где учтены критерии не только типов венчиков, но и общих пропорций сосудов (рис. 2, Б, В, Г). Второй критерий, безусловно, весьма гипотетичен, поскольку абсолютно целые экземпляры вольского или лбищенского типа практически неизвестны. Но у нас имеются редкие варианты ориентиров в виде графических реконструкций сосудов, которые будут представлены при рассмотрении указанных групп. С учетом формального характера типологизации, в каждой из групп усредненно представлены по шесть наиболее типичных вариантов форм сосудов, которые, на мой взгляд, отражают процесс развития вольского культурного типа.

Вольская группа (рис. 2, Б; рис. 3) составлена в большей степени на материалах керамического комплекса Попова Блюдечка, где отмечена классическая архаика пережиточно-энеолитического характера. Она выражается, прежде всего, в пышной орнаментации, сложные композиции набраны узкими горизонтальными зонами, где представлены линии, ряды, короткошаговые и широкие зигзаги с бахромой, горизонтально-елочные сюжеты. Широких диагональных построений орнамента практически нет. Техническое исполнение декора элементами не столь разнообразно и культурно устой-

чиво, это оттиски коротких штампов (гребенчатых и гладких), линзовидные отпечатки, зерновидные наколы.

Вольскую группу представляют в основном сосуды крупных размеров и вертикальных пропорций, с толстыми стенками и массивно сформованными венчиками, конструкции которых сложны и вариативны, и это также представляется признаком архаики. Выделяются варианты с вертикальным венчиком и массивным воротничком (рис. 2, *Б-1*; 3, 2, 8), с воротничком и отогнутым наружу венчиком (рис. 2, *Б-2*; 3, 7, 11), со сложным двучастным венчиком и скошенным наружу обрезом устья (рис. 2, *Б-3*; 3, 13). Самые сложные типы венцов, вертикальные или отогнутые наружу, ломаного или прямого изнутри профиля, оснащены с внешней стороны характерной и очень редкой, пожалуй, не встречающейся более ни в одной из синхронных культур, ступенчатой поверхностью (рис. 2, *Б-4*, 5, 6; 3, 1, 3, 12). Эта особенность достигалась при нанесении орнамента частыми рядами оттисков, создававшими эффект рельефности.

Ориентиром, своеобразным эталоном при обобщенной трактовке форм наших моделей вольской группы, послужил сосуд из курганного могильника Владимировский II, исследованного на юге Самарской области, в пограничье Среднего и Нижнего Поволжья (Скарбовенко В.А., 2006, с. 286-293). В нашей вольской группе этот горшок относится к типу Б-5 (рис. 3, 12), это самый сложный профиль венчика, слабо отогнутого наружу, с двучастной закраиной, воротничком и ступенчатой внешней поверхностью. Он орнаментирован узкими горизонтальными зонами, в которых размещены частые, вертикальные или косые оттиски короткого гребенчатого штампа. Очень оригинально выполнены разделительные линии узких зон – уголком зубчатого штампа получены волнообразные горизонталы, напоминающие некоторые катакомбные орнаментальные сюжеты. Декор доходит до максимального расширения тулова, и в нижнем ряду расположен многорядный зигзаг с «бахромой».

Обстоятельства присутствия этого сосуда в погребальном комплексе принципиально важны. Прежде всего, отметим, что оба погребения кургана № 3 Владимировского II могильника представляются относительно одновременными. На это указывают особенности подкурганной планиграфии и характер вещевого материала. Авторская трактовка времени сооружения этого памятника и поликомпонентного характера инвентаря в целом абсолютно верна. Это, действительно, раннепокровский вектор культурогенеза, вобравший абашевскую генетическую традицию, синташтинско-потаповские культуроформирующие элементы, а также яркий признак участия в этих процессах вольского компонента.

Известные сложности интерпретации заключаются в планиграфическом соотношении комплексов. Основное погребение № 2 разрушено, что весьма досадно, но вещи из этой могилы позволяют предположить, что этот комплекс, при всей его синхронности с погребением № 1 выглядит архаичнее, и выражен в несколько ином культурном содержании. Представляется, что здесь в большей степени проявляются генетические корни абашоидного характера (нож с ромбической пяткой черешка, массивный браслет из круглого дрота с заходящими друг за друга притупленными окончаниями, а также сосуд, сохранивший архаичные абашевские признаки в виде примеси крупнотолченой раковины, рельефных расчесов, тонких стенок, максимального диаметра по линии устья). Возможно, это одно из самых ранних погребений покровского типа.

Погребение № 1 расположено в подкурганном пространстве в явном соподчинении основному, оно как бы прикрывает вход в створ охранительного ровика с северо-восточной стороны, а также имеет иную (СЗ ориентировку). Это явное подхоронение, акцентированное на основное близкородственное, или предковое (но также ближайшее) захоронение. Скорее всего, здесь погребена женщина. При ней найдены: малого диаметра и округлой формы желобчатая височная подвеска, свернутая в полтора оборота,

которая относится к абашевскому типу, два браслета, откованные из круглого в сечении дрота с окончаниями, свернутыми в разнонаправленные спирали, и три сосуда. Наиболее диагностичен крупный горшок биконической формы с резко отогнутым наружу коротким венчиком и орнаментом в виде рядов горизонтально штрихованных треугольников (Скарбовенко В.А., 2006, с. 290, рис. 4, 7). Подобные орнаментальные мотивы присутствуют на керамике из некоторых комплексов Потаповского могильника (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 144, рис. 40, 6,9; с. 150, рис. 46, 3), что следует расценивать как синстадиальное явление в культурогенезе Среднего Поволжья, где одновременно формировались потаповский дериват Синташты и ранние памятники покровского типа.

Похоже, что в становлении «потапово», помимо абашевской и синташтинской культур участвовал и вольский компонент, поэтому, вероятно, в декоре потаповских сосудов присутствуют узкозональные композиции с разделительными линиями, характерные «елочные» комбинации, принцип «лепки» рельефной поверхности горшка с помощью орнамента, а также некоторые типы украшений, например, часть очковидной подвески (там же, с. 145, рис. 41, 2, 9). Представляется, что редкий тип браслетов из погребения 1 третьего кургана Владимировского II могильника также являет собой местную реплику «шнуровой» традиции изготовления украшений со спиралями. Комплекс этого раннепокровского захоронения ярко эклектичен, в нем соединились признаки нескольких культурных компонентов: абашевского (подвеска), синташтинско-потаповского (керамика), вольского (браслеты, орнамент) (Скарбовенко, 2006, с. 290, рис. 4). По сравнению с ним основное погребение № 2 выглядит более целостным, в полной мере сохранившим основные генетические (абашевские) черты. Это позволяет предполагать, что на определенном этапе абашевские племена контактировали с вольскими группами населения, в том числе и при заключении межэтнических браков. В таком случае вполне очевиден смысл супружеского подхоронения с вольскими чертами в инвентаре, при котором, в ходе обряда, за юго-западным отрезком ровика была оставлена поминальная тризна с сосудом вольского типа (рис. 3, 12).

Интересно, что явно выраженные в культурном отношении сосуды с вольскими или лбищенскими чертами (к сожалению, всегда фрагментированные), в курганах чаще всего помещены в комплексы тризн. Подобная ситуация отмечена также в могильнике Полудни II (бассейн р. Самары), где в насыпи кургана № 2 обнаружены фрагменты сосуда с примесью мелкотолченой ракушки, среди которых один был покрыт типично вольским орнаментом (Мышкин В.Н. и др., 2010, с. 212, рис. 10, 6). Примечательно, что эта «вольская» тризна могла быть посвящена только основному погребению № 7, очень раннему комплексу, отнесенному авторами к репинско-ямному периоду эпохи ранней бронзы (там же, с. 202).

Вольско-катакомбная группа (рис. 2, В; рис. 4) составлена по материалам целого ряда высокорасположенных памятников преимущественно нижневолжского правобережья. Но отдельные комплексы, встреченные в курганах и на поселениях не только к западу от Приволжской возвышенности (Барановка), но и в заволжской степи (Советское, Осинковский Овраг), позволяют несколько шире смотреть на процессы активного катакомбно-вольского взаимодействия. В целом эта подборка выглядит несколько аморфной, но в ней проглядываются и весьма заметные общие тенденции – средние размеры сосудов, их приземистость относительно предыдущей группы, а также явная преемственность с вольской классикой по оформлению закраин венчиков и построению композиций декора. Вместе с тем, яркий синкретизм этой группе придают характерные профилировки сосудов, заимствованные из среднедонских катакомбных традиций и обобщенно воспринимаемые как кубковидность форм с высокими раструбовидными венчиками.

Воротничковых вариантов закраин (рис. 2, В-3, 4; 4, 6, 7) здесь значительно меньше, они переработаны, вероятно, в оригинальные типы скошенных наружу и несколько утолщенных обреза устья (рис. 2, В-1, 2; 4, 3, 4, 5, 8). Встречаются принципиально новые типы – с орнаментированным скосом внутрь (рис. 2, В-5; 4, 1, 11) и нависающим внутренним краем уплощенного устья (рис. 2, В-6; 4, 10). Есть и простейшие варианты – без воротничков, с округленной или прямой закраиной (рис. 4, 9, 12).

Заметна также вариативность по характеру плечиков, в частности, выделяются экземпляры с коротким плечом, иногда оформленным в виде подреберчатого уступчика, что еще более сближает их с формами кубков (рис. 2, В-5, 6; 4, 10, 11).

Декор вольско-катакомбной группы, безусловно, демонстрирует явную преемственность с вольской классикой (рис. 4, 4, 5, 6, 8), но заметны также несколько более выраженные катакомбные типизации орнамента, где доминирует «елочка», или присутствует крученный шнур (рис. 4, 2, 3, 7, 10-12).

Эталонами в данной группе являются целые сосуды из погребальных комплексов Советского, Белогорского и Барановки (рис. 4, 3-5, 8), которые, во-первых, позволяют вполне достоверно представить обобщенные модели вольско-катакомбного комплекса, а во-вторых, уточнить культурно-хронологический интервал, в рамках которого шло его формирование.

Публикацию материалов эпохи средней бронзы из курганов, исследованных в начале 90-х гг. XX в. около пос. Советское в степном Заволжье, вряд ли можно считать удачной, эта работа малоинформативна, поскольку в ней отсутствует подробное описание источника (Баринов Д.Г., 1996, с. 84-97). Особенно интересно было бы сопоставить данные планиграфии и прямой стратиграфии кургана 2, где в погребении 14 обнаружен сосуд вольско-катакомбного типа (рис. 4, 3). По имеющимся сведениям, однако, очевидно, что в кургане 2, возникшем в ямно-катакомбное время, интересующие нас погребения №№ 13-15, представляют позднейший горизонт.

Комплекс 2/14 с вольско-катакомбным сосудом является впускным, он удален от центра в западную полу, к ровику с разрывами, и устроен в насыпи кургана. Здесь расчищен скелет взрослого человека, погребенного скорченно на правом боку, головой к востоку, на охристых подсыпках. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. В ногах зафиксирован скелет ребенка (п. 13), лежавшего в неясной позе головой к северу. Между детским и взрослым скелетами обнаружен развал сосуда с примесью шамота, орнаментированного в верхней части до линии максимального расширения тулова трехрядной «елочкой» и косо штрихованными треугольниками. Край уплощенного доньшка украшен зигзагом (рис. 4, 3). Орнамент выполнен коротким гребенчатым штампом. Автор раскопок отметил присутствие валика на внешней стороне венчика, однако, осмотр сосуда, хранящегося в фондах краеведческого музея г.Энгельса, показал, что эта рельефность связана с манерой нанесения орнамента. По всей вероятности, традиция формовки рельефа при помощи орнамента транслирована в этот пласт из вольской архаики.

В курганном комплексе захоронение 2/14 можно синхронизировать с криволукским погребением в овальной яме, где обнаружен скелет взрослого человека, погребенного головой к северо-востоку, на левом боку в позе «скачущего всадника» с разворотом на спину, перед которым лежали кости ног КРС (там же, с. 92, Б-Г, 4). Таким образом, в нижнем рубеже вольско-катакомбное взаимодействие здесь приблизительно отсекается позднекатакомбным временем, а именно позднедонецким этапом, поскольку в материалах погребения 2/11 имеется бронзовое тесло привольненского типа. Такие тесла одновременны появлению колонтаевских топоров (Кияшко А.В., 2002, рис. 28), которые характерны не только для катакомбных, но также для воронежских и вольских памятников.

Грунтовые могильники у с.Белогорское, раскопанные в Саратовском Правобережье в конце 80-х гг. прошлого столетия, представляют интерес именно в контексте выявления микрохронологии множества культурных импульсов и векторов взаимодействия в конце средней-начале поздней бронзы. Здесь зафиксированы два комплекса с сосудами вольско-катакомбного типа (рис. 4, 4, 5) (Дремов И.И., 1996, с. 105, рис. 4, Д, 3; с. 108, рис. 6, Г, 2).

В обоих случаях интересующие нас сосуды связаны с детскими погребениями, тяготеющими к периферийным участкам двух кучевых скоплений могил на памятнике Белогорское I. Погребение 15 – парное, в овальной яме со ступенькой, где умершие лежали скорченно на левом боку, с северной ориентировкой, один в позе адорации, другой – «скачущего всадника». Между двумя детскими скелетами помещен кубковидный сосуд, украшенный однорядной елочкой и косо штрихованными треугольниками, параллельные стороны которых удлиняются в виде узких «лесенок» (рис. 4, 4).

Погребение 28, судя по размерам могилы, также детское, но не содержавшее скелета, почему-то интерпретировано как подбойное, что весьма сомнительно. Скорее всего, это также была простая овальная яма с северной ориентировкой, и не исключено, что кенотаф¹. В центре ямы обнаружен кубковидный сосуд с типично вольской организацией орнамента, нанесенного, правда, с использованием не только короткого гребенчатого штампа, но и крученого шнура. В декоре представлены короткошаговые и широкие зигзаги с разделительными линиями (рис. 4, 5).

Характер материалов I Белогорского могильника и особенности планиграфии также указывают на позднекатакомбное время появления таких симбиозных форм, что было отмечено автором раскопок в более поздней работе (Дремов И.И., 1997, с. 67, рис. 3).

Еще один детский кенотаф с вольско-катакомбным сосудом (рис. 4, 8) исследован в курганном могильнике Барановка I около станции Петров Вал на севере Волгоградской области в нижневолжском правобережье (Сергацков И.В., 1992, с. 98, рис. 1, 4, 5). Форма сосуда довольно близка поздним среднедонским катакомбным прототипам, но орнаментация, выполненная оттисками короткого гребенчатого штампа, построена по вольскому канону. Верхняя часть украшена «елочкой» с разделительными линиями, а ниже, на плече и максимальном расширении тулова чередуются парные короткошаговые зигзаги и ряды вертикальных коротких оттисков штампа. Придонный край орнаментирован таким же рядом отрезков.

Удивительно, что этот, судя по размерам простой могилы с заплечиками, детский комплекс (10/7) был основным в кургане, досыпанном в посткатакомбное время при сооружении в толще первичной насыпи безынвентарного комплекса, где в прямоугольной яме, обложенной деревянными плахами, по обряду бабинской культуры (скорченно на левом боку, головой к западу) погребен взрослый человек. Таким образом, определяется некий *terminus ante quem* для периода вольско-катакомбного взаимодействия, как начало посткатакомбной экспансии. Вместе с тем, представляется, что эта синкретичная группа могла еще некоторое время сосуществовать с носителями черт поздней среднедонской катакомбной, бабинской, криволукской, абашевской и ранней покровской культур.

Лбищенская группа (рис. 2, Г; рис. 5; 6; 7, 1, 2, 5, 6) демонстрирует заметную изменчивость в основных показателях форм сосудов. Налицо упрощение венчиков, исче-

¹ В авторской публикации на рисунке показан очень необычный тип катакомбы, который не имеет аналогов. В прямой проекции сверху контуры входной штольни и подбойной части смотрятся как овальное очертание обычной ямы, разрезанное поперек линией «свода». Думается, что в ходе раскопок за свод подбоя были приняты фракции переотложенного материкового грунта, который использовался в забутке простой ямы.

зают сложные многочастные варианты закраин и ступенчатая рельефность внешней поверхности, на смену ей приходит каннелирование, воротничков становится меньше, они удлиняются и не столь рельефны, появляются баночные и слабопрофилированные формы. В орнаментации нарушается строгий принцип узкозональности организации декора, больше становится широких диагональных сюжетов, например, длинношаговые зигзаги с «бахромой». Вместе с тем, если изменчивость форм ощутима как внедрение посткатакомбных (бабинских) стандартов (рис. 5, 5-7; 7, 1, 2, 6), то в орнаменте явно заметно наследование вольской традиции, изменяющейся в ходе эволюции древнего канона (рис. 5, 5-7, 13, 18). В этой аморфной эклектике, типичной для пиковых фаз культурогенеза, прослеживается также тонкий шлейф вольско-катакомбного взаимодействия в виде чисто «елочных» мотивов (рис. 5, 4, 11, 15; 7, 6).

К лбищенским вариантам, сохранившим элементы архаики, относятся сосуды с вертикальными венчиками, имеющие изменившиеся воротнички и каннелированные участки внешней поверхности (рис. 2, Г-1-3; 5, 1-4, 8, 9). Новые варианты – самые простые, это банки и слабопрофилированные сосуды с несложными, уплощенными по обрзу, округленными, или скошенными закраинами, вертикальными или слабоотогнутыми наружу венчиками (рис. 2, Г-4-6; 5, 5-7, 10-18; 7, 1, 2, 6). Как уже отмечалось, эти варианты с длинными пологими плечиками, имеющие иногда валикообразные утолщения (рис. 5, 8; 7, 2) напоминают сосуды бабинского комплекса, вероятно, принявшего участие в развитии и трансформации вольской культуры после деструкции предшествующего катакомбного фактора.

О контактности лбищенских групп населения с племенами посткатакомбного блока культур свидетельствуют очень редкие погребальные комплексы степного Волго-Уралья. Один из них – небольшой индивидуальный курган, исследованный автором в 1983 году, в группе «Рунталь», расположенной в Саратовском Заволжье (Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007, с. 118, рис. 4, 1-4). В центре подкурганного пространства выявлена одна могила овальной формы с погребением криволукского типа (левобочная поза «скачущего всадника», восточная ориентировка, кости МРС), а рядом, на уровне погребенной почвы – остатки тризны в виде двух крупных фрагментов сосуда лбищенского типа, на основе которых проведена графическая реконструкция (рис. 7, 6). Отметим, что декор на сосуде из Рунталя содержит явные реминисценции катакомбной традиции в виде «елочного» мотива и полукруглых фестонов, похожих на ногтевые оттиски, но вместе с тем отражает и явные признаки деградации орнаментальных канонов эпохи средней бронзы, что выражается в небрежности построения композиции. Примечательно, что этот фрагмент сосуда, найденный в криволукском комплексе, косвенно маркирует его определенным хроносрезом, и не исключено, что уже завершающим время лбищенского культурного типа.

Второй комплекс исследован в степном Волго-Уралье, на границе России и Казахстана, в курганной группе Светлое Озеро (Жемков А.И., Лопатин В.А., 2008, с. 184, рис. 2, 1-6). В интересующем нас впускном погребении 1/1, в могиле подбойного типа зафиксированы скелеты взрослого человека и ребенка, похороненных скорченно на левом боку, в позе адорации, с ориентировкой на ССВ. Здесь сочетаются элементы архаики средней бронзы (подбой, охра, пронизки из распилов трубчатых костей) и стандартные посткатакомбные признаки волго-уральской группы (адорация, ориентировка, кости МРС).

Погребение 1/1 являлось подхоронением в предковый курган, где основной комплекс (1/2) относится к культурной группе, завершающей эпоху средней бронзы в степном Волго-Уралье. В этом захоронении присутствует известная архаика – правобочное положение в позе «скачущего всадника», ориентировка на ВСВ, охра, листовидный нож с узким черешком. Вместе с тем, здесь же найдено шило с упором (рис. 7,

3), аналогичное таким же изделиям из сидячих погребений Тамар-Уткуля, определяемых как «вольско-лбищенские» (рис. 7, 12, 13) (Ткачев В.В., 2006).

В ходе подхоронения и отправления предкового культа, около северо-восточного края основного погребения была совершена поминальная тризна, зафиксированная в виде скопления золы, пережженных костей МРС и остатков двух разбитых сосудов (рис. 7, 1, 2). Совершенно очевидно, что, по сравнению с рунтальским горшком, здесь все еще заметна вольская классика в орнаментации (узкозональное построение с разделительными линиями), но по формам это уже лбищенские сосуды с вертикальными и слабоотогнутыми венчиками, простыми закраинами, валикообразным утолщением на максимальном расширении тулова.

По всей вероятности, в данном сюжете мы наблюдаем некий интервал между деструкцией позднекатакомбного культурного фона в Заволжье и заменой его на новый, очень пестрый в этнокультурном отношении субстрат, представленный различными группами, мозаично распределяющимися в огромном пространстве между Волгой и Уралом. Для нас принципиально важно, что в этом движении участвуют носители лбищенских признаков, проявляющихся не только в керамике, но и в характернейшем инвентаре, а также в оригинальной обрядности.

Диспропорция между известными инвентарными комплексами Вольска и Лбища весьма значительна. Не исключено, что данная ситуация проистекает из невозможности стратифицировать материалы средневожских памятников, квалифицированных И.Б.Васильевым как «вольско-лбищенские», но с которых и происходит весь основной массив вещевого инвентаря (рис. 6). Но с другой стороны, на классических пережиточно-энеолитических памятниках раннего вольского типа, возможно, и не следует рассчитывать на обнаружение предметов сквозного металлического импорта, которые активно начинают поступать лишь на лбищенском этапе.

Достоверно известно, что на Поповом Блюдце были найдены бронзовое обоюдоострое шильце с прямоугольным сечением катакомбного типа (рис. 3, 5). Два таких бронзовых шила присутствуют в комплексе Березовского поселения в степном Заволжье, вместе с характерной позднекатакомбной керамикой, украшенной налепными, треугольными в сечении валиками (Лопатин В.А., 2002, рис. 2, 18-38). На Вольском городище найдены также каменные предметы – по большей части отходы кварцевой отщепной индустрии (Малов Н.М. и др., 2009, с. 42-43, рис. 9-10). Имеется фрагмент каменного топора (там же, с. 43, рис. 10, 5), который может относиться к усеченно-коническому варианту фатьяновско-балановского типа, но это не вполне ясно.

Инвентарь средневожских комплексов имеет сквозной характер и происходит из традиций западных, так называемых «шнуровых» культур, преимущественно поднепровских. В первой публикации материалов эпохи средней бронзы Лбищенского городища (Васильев И.Б. и др., 1987, с. 40-54, рис. 7-8) представлен полный инвентарный набор – различные изделия, в основном из камня и кости, среди которых наиболее примечательны заготовка для крестовидной булавы и кремневый наконечник стрелы листовидной формы с усеченным основанием (рис. 6, 11, 12). Авторы отметили, что крестовидные булавы были широко распространены во времени и входили в арсеналы многих культур, в том числе и бабинской (КМК), ссылаясь на находку парадной инсигнии из Бородинского клада (там же, с. 48). Среди трех навершенных бородинских булав крестовидный экземпляр особенно выразителен (две другие имеют шаровидную форму, одна из них – с нижним бортиком) и несколько отличается от прочих, как ранних, так и более поздних вариантов (Кривцова-Гракова О.А., 1949). Он, действительно, близок лбищенской заготовке по такому признаку, как выступающая по вертикали в обе стороны массивная втулочная часть, усиливающая общую конструкцию булавы.

Наконечники стрел, выявленные в комплексе с керамикой лбищенского типа на памятнике «Пещера Братьев Греев» (рис. 6, 8-10), по характеру обработки и основным формам очень близки вариантам из «ливенцовской» группы культуры Бабино. Это невыразительные, небрежно ретушированные экземпляры удлинённых пропорций, листовидные, в том числе с усечёнными основаниями и выделёнными короткими черешками (Археология..., 1985, с. 459, рис. 124). Представительная выборка наконечников типа «Ливенцовка-Каратаево» в известной работе С.Н.Братченко демонстрирует явную культурную целостность бабинских колчаных наборов (Братченко С.Н., 1976, с. 126, рис. 68). Здесь есть немногочисленные экземпляры с жальцами, но они, скорее всего, являются поздними репликантами катакомбной традиции, причем, в значительной мере переработанными. А подавляющее большинство представлено узкими листовидными формами с короткими черешками и округлыми основаниями. Близкие им лбищенские наконечники совершенно не похожи на тщательно выделанные стрелы «сейминского» типа и, тем более, на позднекатакомбные с выемчатым основанием и удлинёнными жальцами. Между тем, последние выявлены в отдельных комплексах Южного Приуралья, например, на Турганинской стоянке и у с.Привольного (Ткачев В.В., 2007, с. 341, рис. 76, 31-33), а также в Среднем Поволжье, в материалах Уваровского могильника (Кузьмина О.В. и др., 2003, с. 235, рис. 6, 1-5). Но вместе с ними ни разу не встречена керамика вольского или лбищенского типов. Это весьма примечательно, поскольку характеризует устойчивость в лбищенском культурном комплексе именно бабинского оружейного набора. Несмотря на длительное сосуществование вольских и лбищенских племен с полтавкинскими и катакомбными, степные образцы стрелкового вооружения ими так и не были заимствованы.

В коллекции уже упомянутой «Пещеры Братьев Греев» имеются, также относящиеся к предметам вооружения, два оригинальных бронзовых ножа (рис. 6, 1,2). Их лезвия широко раскованы в пластинчатом варианте без продольного ребра, выделены перехваты, черешки короткие, а пятка одного оформлена концевой расковкой.

Классические варианты ножей и кинжалов подобного типа содержатся в комплексах юго-западного варианта Бабино (КМК), например, в погребении 9/28, исследованного у с.Дамяны (Березанская С.С. и др., 1986, с. 11, рис. 3). Ножи с аналогичной расковкой пятки черешка есть в бабинских материалах Северного Приазовья (Братченко С.Н., 1976, рис. 72, IV-13), где они синхронны предметам бородинского типа (обломок топора) и некоторым кавказским украшениям (двухрожковый бисер).

Ножи с концевой расковкой черена оказались устойчивы на продолжительном этапе культуригенеза, в Нижнем Поволжье они известны в покровских и даже раннесрубных комплексах. Правда, унифицирующим признаком в этой группе всегда является форма черешка, а все прочие показатели весьма вариативны. И здесь необходимо указать погребальный набор из Идолги, в котором сочетаются нож, дисковидный псалий покровского типа и сейминские наконечники стрел (Малов Н.М., 2003, с. 219, рис. 13). Идолгинский нож весьма своеобразен. При наличии известного унифицирующего признака в целом он, все же, представляется неким репликантом, причем на довольно ранние типы катакомбных ножей. Этот экземпляр имеет удлинённое лезвие изящной пламевидной формы, края которого при плавном переходе на черенок выделены проковкой и напоминают перехват. Черешок узкий, прямоугольного сечения, с раскованной пяткой. Максимальное расширение линзовидного в сечении клинка ближе к черенку, это расстояние примерно в 1/3 общей длины лезвия.

Очень близкий аналог идолгинскому ножу известен в комплексе богатого раннекатакомбного погребения возничего с повозкой из Большого Ипатовского кургана (п. 168) с весьма почтенной радиоуглеродной датой (XXV в. до н.э.) (Кореневский С.Н. и др., 2007, с. 191, рис. 51, 4; с. 109). Сходство ипатовского ножа из раннекатакомбного

погребения и экземпляра из покровского комплекса Идолги настолько велико, что объяснить этот феномен практически невозможно. Даже при самой ранней дате Идолги (XIX-XVIII вв. до н.э.), а это скорее всего, именно так, интервал в 600-700 лет остается слишком велик даже для самой относительной синхронизации.

Раннесрубные аналогии представлены двумя ножами из Кочетного (кенотафы в курганах 6 и 7) и одним экземпляром из первого кургана Золотой Горы (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 91, рис. 6, 2; с. 93, рис. 8, 1; с. 103, рис. 18, 1). Золотогорский нож, обнаруженный в богатом захоронении с псалием староюрьевского типа, вопреки авторской интерпретации, следует, видимо, считать несколько более ранним и относить не к раннесрубному, а к покровскому времени. Но для нас теперь более важно, что катакомбная традиция в изготовлении оружия ближнего боя (ножи и кинжалы с раскованной концевкой черешка) оказывается весьма стойкой. Она переживает рубеж средней и поздней бронзы, с основным носителем (бабинские племена) проникает в арсеналы лбищенской и покровской культур, сосуществует с абашевской технологией (ножи с ромбической пяткой черешка) и находит недлительное продолжение в срубном арсенале.

По поводу «медного» тесла из коллекции «Пещеры Братьев Грече» (рис. 6, 3) в статье И.Б.Васильева с характеристиками вольско-лбищенской культурной группы вскользь замечено, что это изделие полтавкинского типа (Васильев И.Б., 2003, с. 108). По всем признакам такие тесла могут относиться к широкому хронологическому этапу развития кавказской металлургии, по С.Н.Братченко – к успенско-привольненскому кругу деревообрабатывающих металлических инструментов (Братченко С.Н., 2001, с. 75, рис. 73), что, действительно, соответствует катакомбному (донецкому) и полтавкинскому времени. Это означает, что предмет мог попасть в несколько более ранний, не лбищенский, а вольский комплекс, в результате контактов с южными степными племенами.

Узкая стамесочка из материалов III Алексеевского могильника (рис. 6, 14), которая также должна быть причислена к инструментам деревообработки, в сводной работе И.Б.Васильева не получила интерпретации. Автором раскопок она связывается с погребением № 17 (сильно скорченная левобочная адорация с завалом на грудь, северная ориентировка), что абсолютно идентично срубной обрядности, но аналогии предмету не найдены (Пестрикова В.И., 1979, с. 106). Не только по морфологии, но и по характеру заточки лезвия и, вероятно, по специфической функциональности это орудие отличается от широких тесел и желобчатых долот этого времени. Скорее всего, эта миниатюрная стамеска абсолютно эксклюзивна, возможно, ее изготовили вопреки действовавшим на тот момент стандартам для некой исключительной производственной операции, или же она сугубо votivna.

В инвентарной выборке, адресованной лбищенскому комплексу, наиболее заметен топор колонтаевского типа из Царева кургана (рис. 6, 34). Примечательно, что из всей кладовой серии этого памятника, в целом интерпретированной в качестве «покровской», специалисты выделили это изделие, как не вписывающееся в критерий «покровска» и, возможно, связанное с выявленным здесь лбищенским комплексом керамики (Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф., 2003, с. 74). Примечательно, что подобные топоры маркируют также воронежские комплексы на Среднем Дону. Топор колонтаевского типа обнаружен, к примеру, в материалах Воргольского поселения (Пряхин А.Д., 1982, с. 121, рис. 40, 1). Но в целом их ареал гораздо более широк – от среднего Поднепровья и Дона до Нижнего Поволжья (Кореневский С.Н., 1976, с. 186-188). Наибольшее количество экземпляров выявлено в составе клада Скакун, отнесенного к кругу катакомбных древностей (Черных Е.Н., 1966, с. 62; он же, 1970, с. 115). Варианты подобных из-

делий типичны для полтавкинских и волго-донских катакомбных комплексов, ранее считавшихся позднеполтавкинскими (Качалова Н.К., 1983, с. 8-9).

Весьма интересна серия металлических украшений, которые выявлены вместе с керамикой лбищенского типа на памятниках «Пещера Братьев Греев» (рис. 6, 4-7), «Лбище» (рис. 6, 13), «Алексеевский III могильник» (рис. 6, 15-20), дюна «Человечья Голова» (рис. 6, 21-33).

Среди них подвески малых размеров, свернутые в 1,5 оборота, литые и желобчатые (рис. 6, 13, 32, 33), а также малые очковидные подвески (рис. 6, 27, 28) относятся специалистами к абашевскому ювелирному комплексу (Васильев И.Б., 2003, с. 110).

Крупные очковидные подвески (рис. 6, 4, 17, 24-26) и проволочные кольца с раскованной листовидной концевкой (рис. 6, 7) или спиральным щитком (рис. 6, 16) типичны для фатьяновско-балановских древностей (Крайнов Д.А., 1972, с. 161, 163). Эти же изделия, а также круглые слабовыпуклые и плоские бляшки с отверстиями (рис. 6, 5, 6, 18-20), «лунницы», кованые из овального в сечении дрота (рис. 6, 21-23), плоско раскованные подвески в 1,5 оборота (рис. 6, 15) более всего характерны для западных, так называемых «шнуровых» культур, в частности среднеднепровской и унетицкой (Васильев И.Б., 2003, с. 108).

Вполне обоснованным является предположение И.Б. Васильева о дериватном характере фатьяновских памятников, сложившихся на лесном направлении экспансии «шнуровых» культур. Эта дальняя миграция носителей «традиций боевых топоров» затронула также лежащую южнее широтную зону днепро-донецкой и доно-волжской лесостепи, повсюду маркируя местные пережиточно-энеолитические культурные комплексы характерными типами керамических орнаментов, типичными каменными изделиями (серпы, топоры), но в большей степени – оригинальными женскими украшениями (очковидные подвески, проволочные спирали с раскованными концевками, полусферические нашивные бляшки). В Поволжье эти события начались на вольском этапе, а своего максимума достигли на лбищенском. Параллельно сюда проникало влияние и других культуртрегеров, известных по данным археологии полтавкинско-катакомбными, абашевскими, бабинскими материалами.

Эти явления видоизменили традиционный поведенческий императив местных лесостепных племен (иванобугорские, вольские). Под влиянием мощных культурных диффузий формируются более активные группы (воронежская, вольско-катакомбная, лбищенская). Спокойная «затворническая» жизнь на высокорасположенных труднодоступных поселениях сменяется парадигмой освоения широких вмещающих пространств, и пестрые конгломераты постшнуровых и посткатакомбных культур хлынули в степи Волго-Уралья.

В археологическом отношении это пространство и теперь еще следует считать малоизученным, но по отдельным данным вполне объективным кажется предположение о тотальном характере освоения лесостепной, сухостепной и аридной зон Заволжья, Южного Приуралья, Северного Прикаспия и даже Каспийско-Аральского междуморья на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Об этом свидетельствуют красноречивые комплексы, выявленные в глубинной степи на памятниках Чапаевка, Рунталь, Светлое Озеро (рис. 7, 1-6) (Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007; они же, 2008), а также южноуральские погребения Большого Дедуровского Мара и Тамар-Уткуля (рис. 7, 7-14) (Ткачев В.В., 2007).

В литературе два последних памятника традиционно относят к «вольско-лбищенскому» типу. Однако представляется, что здесь мы наблюдаем наиболее эклектичный сплав различных культурных традиций, соединившихся на острие самого дальнего вектора экспансии. Постшнуровой компонент здесь иллюстрирован крупными очковидными подвесками и лунницами (рис. 7, 8-10), позднекатакомбные и постката-

комбные черты отразились в наличии шильев с упорами (выделенными короткими черешками) и костяных пряжек гинчинского типа (рис. 7, 11-13). В данном контексте отметим прозвучавшее в литературе, очень важное предположение об участии в поликомпонентных процессах культуругенеза «волго-уральских» посткатакомбных групп, в основе развития которых просматриваются черты предкавказской раннелолинской культуры катакомбного круга (Мимоход Р.А., 2009-2010, с. 67-82). Здесь, возможно, следует ожидать выявления еще одного культуругенетического вектора, направленного из северо-восточного Предкавказья, через аридные пространства Северного Прикаспия – к южноуральским медно-рудным источникам. Время действия совпадает с лбищенским движением из лесостепи в том же направлении, и для нас особенно важно, что керамика из погребений Дедуровского Мара и Тамар-Уткуля в большей степени близка не вольской классике или лбищенским образцам, а сосудам «вольско-лбищенского» типа прикаспийских стоянок (рис. 7, 15-17) (Васильев И.Б. и др., 1986). Абсолютно идентичными их делают формы венчиков (утолщенные и скошенные наружу), а также орнаменты, набранные длинношаговыми зигзагами, которые придают декору диагональный характер.

Похожим образом организован орнамент токсанбайской керамики, выявленной на поселениях северо-восточного Устюрта (рис. 8, 1-6) (Самашев З. и др., 2009), правда, авторами исследований отмечены также воронежские черты в данном комплексе, и с этим следует согласиться. Примечательно, что в арсенале Токсанбая есть также знакомые нам ножи бабинского типа с округло раскованной пяткой черешка (рис. 8, 7).

Думается, что наряду с вольской, вольско-катакомбной и лбищенской культурными группами в едином блоке следует рассматривать и эту прикаспийскую группу памятников, объединяющую южноуральские погребения, поселения Токсанбая и дюнные стоянки Рын-Песков.

Вне всяких сомнений процессы трансформации воронежского, вольского, лбищенского субстратов на определенных этапах были связаны с активизацией доно-волжской абашевской культуры, а также с экспансиями позднекатакомбных (среднедонская, лолинская) и посткатакомбных культур, оставивших в регионе памятники круга «бабино – кривой луки». В это время наблюдается одна из пиковых фаз культуругенеза на широчайшей территории от Среднего Дона до Зауралья, распространяются комплексы бронзового оружия и колесницы, быстро формируются культуры, усиливающие активизацию политогенеза (Синташта, Потапово, Новый Кумак, Петровка, Покровск).

В сложении памятников покровского типа отразились драматические процессы взаимодействия, с неравнозначными долями участия, таких культур эпохи средней бронзы, как доно-волжская абашевская, воронежская, поздняя среднедонская катакомбная, вольская, лбищенская, бабинская. В ходе становления и развития покровский комплекс, в котором доминируют генетические признаки абашевской культуры, сосуществует и взаимодействует с поздними абашевско-воронежскими, бабинскими, потаповскими, синташтинскими, криволукскими комплексами.

О том, насколько разнообразны и порой причудливы были процессы формирования комплексов покровского типа, свидетельствует совсем небольшой микросрез материалов этого времени, который приводится в завершение представленной работы. На сосуде из покровского погребения 7 Смеловского могильника (рис. 8, 8) совместились черты абашоидности (колоколовидная форма, примесь раковины) и типично вольский декор, построенный узкими зонами, с разделительной линией (Лопатин В.А., 2010, с. 200, рис. 4, 9). В комплексе уже упомянутого кургана в Усть-Грязнухе представлены уникальнейшие раннепокровские сосуды с воронежскими и вольскими признаками, баночный сосуд предположительно посткатакомбного (криволукского) типа, фаянсовые

бусы и керамическая пронизка – подражание кавказскому лепестковому бисеру (рис. 8, 9-20) (Дремов И.И., Семенова И.В., 1999). Сосуд из разрушенного могильника у с. Терновка² Энгельсского района Саратовской области демонстрирует покровские признаки (расчесы, внутреннее ребро), бабинский элемент (подтреугольный валик) и вольскую манеру орнаментации узкими зонами (рис. 8, 21). Этот ряд примеров яркой эклектики волго-уральского культурогенеза, в ходе которого формируется покровский культурный тип, можно продолжить, если препарировать давно известные и опубликованные материалы, воспринимаемые в контексте устоявшихся концепций.

Различающиеся по содержанию, но ориентированные в одном направлении векторы этих активных взаимодействий и быстро сменяемых процессов становления новых культурных групп, уже в рамках позднего бронзового века, к середине II тыс. до н.э., приводят к формированию своеобразных, но единых в культурно-историческом контексте локальных вариантов срубной культуры.

Литература

- Археология Украинской ССР*. Киев: Наукова Думка, 1985. Том 1.
- Баринов Д.Г.* Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чердиченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова Думка, 1986.
- Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф., Царев Курган.* Каталог археологической коллекции // Древности Самарского края. Самара, 2003.
- Бочкарев В.С.* Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб, 2010.
- Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Братченко С.Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. I, II. Луганськ, 2001.
- Васильев И.Б.* «Загадочная» керамика // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки Куйбышевского областного музея краеведения. Куйбышев, 1975. Вып. III.
- Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф.* Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г.* Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: изд-во «Самарский университет», 1994.
- Васильев И.Б.* Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Дремов И.И.* Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.
- Дремов И.И.* О планиграфии и стратиграфии погребений конца средней – начала поздней бронзы степного Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов: изд-во СГПИ, 1997.
- Дремов И.И., Семенова И.В.* Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.
- Дремов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В.* Курган у с. Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 6. Саратов, 2005.
- Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.
- Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Зайковский Б.В.* Еще одно погибшее городище // Труды СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.
- Качалова Н.К.* О локальных различиях в полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ, 24. Л., 1983.
- Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

² Экспонат хранится в фондах Археологического музея Института археологии и культурного наследия СГУ. Публикуется впервые.

- Корневский С.Н.* О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА, 1976. № 3.
- Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
- Кривцова-Гракова О.А.* Бессарабский клад. М., 1949.
- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г.* Новые раскопки Уваровского курганного могильника // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Либеров П.Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.
- Лопатин В.А.* Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов: изд-во СГУ, 2002.
- Лопатин В.А.* Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середица II тыс. до н.э.). Саратов, 2010.
- Малов Н.М.* О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов. Донецк, 1979.
- Малов Н.М.* Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: тез. докл. науч. конф. Липецк, 1992. С. 130-132.
- Малов Н.М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.
- Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г.* Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7.
- Малов Н.М., Сергеева О.В.* Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8.
- Мальшев А.Б.* Исследования Алексеевского городища в 2006 году // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологический збірник. Донецьк, 2009-2010. № 13/14.
- Мышкин В.Н., Турецкий М.А., Хохлов А.А.* Курганный могильник Полудни II // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Самара, 2010. Вып. XV.
- Орехов В.Ф.* Разведки на месте погибшего городища в меловом карьере «Попово Блюдец» в г. Вольске Саратовской губернии в 1927 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 1/1927. Д. № 89.
- Пестрикова В.И.* Фатьяновский могильник на севере Саратовской области // Древняя история Поволжья. Т. 230. Куйбышев, 1979.
- Пряхин А.Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.
- Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н.* Поселения токсанбайского типа на Северо-Восточном Устье // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009.
- Сергацков И.В.* Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987-1988 гг.) // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.
- Синицын И.В.* Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК, 1952. Вып. 45.
- Скарбовенко В.А.* Погребальный комплекс начала эпохи поздней бронзы Владимировка II // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006.
- Спицын А.А.* Саратовские стоянки медного века // Труды ИСТАРХЭТ. Ч. 1. Саратов, 1923. Вып. 34.
- Ставицкий В.В.* Екатериновское поселение бронзового века на р. Сура и проблема происхождения вольско-лищенских древностей // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2004. Вып. VI.
- Степанов П.Д.* Вольское городище // Труды СОМК. Саратов, 1956. Вып. 1.
- Ткачев В.В.* Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. Челябинск, 2006.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Цимиданов В.В.* Доно-Волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005.
- Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Юдин А.И.* Катакомбные поселения эпохи средней бронзы в степном Заволжье // Нижневожский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6.
- Юдин А.И., Матюхин А.Д.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.

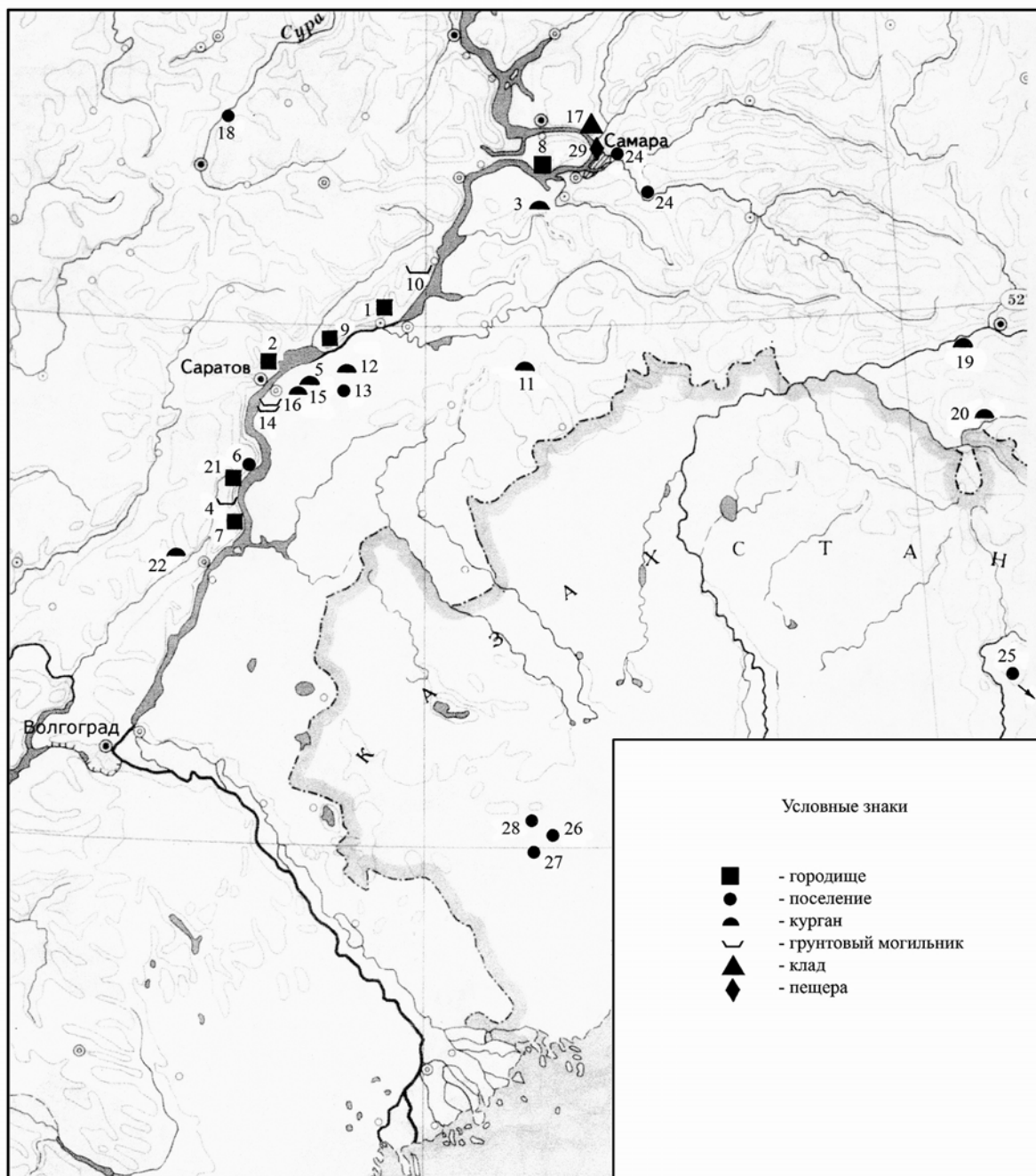
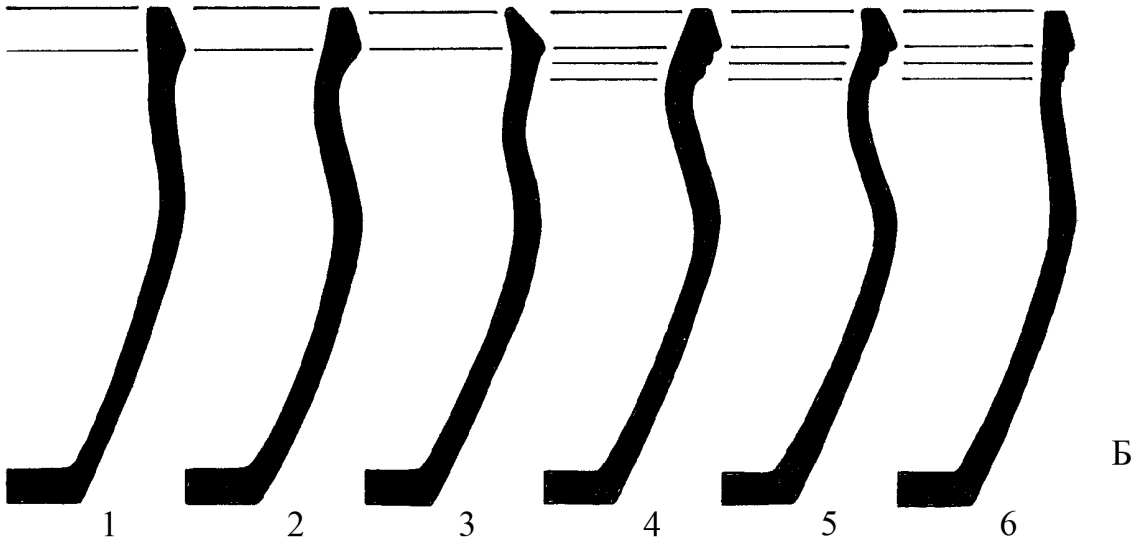

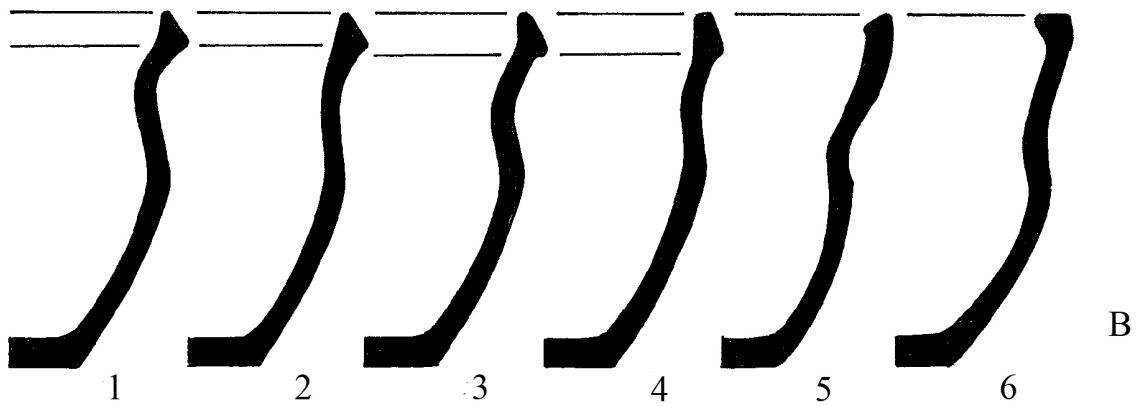
Рис. 1. Памятники вольского типа и комплексы с вольскими чертами: 1 – Вольское (Попово Блюдечко); 2 – Алексеевское; 3 – Владимировский II; 4 – Белогорский; 5 – Советское; 6 – Мартышкино; 7 – Утес Степана Разина; 8 – Лбище; 9 – Хлопков Бугор; 10 – Алексеевский III; 11 – Светлое Озеро; 12 – Рунталь; 13 – Осиновский Овраг; 14 – Смеловка; 15 – Усть-Грязнуха; 16 – Терновка; 17 – Царев Курган; 18 – Екатериновка; 19 – Большой Дедуровский Мар; 20 – Тамар-Уткуль VII; 21 – Андриановское; 22 – Барановка; 23 – Кирпичные Сарай; 24 – дюна Человечья Голова; 25 – Токсанбай; 26 – Кара-Кудук; 27 – Кызыл-Молла; 28 – Северный Букей; 29 – Пещера Братьев Греше

форма венчика												
тип	I		II	III		IV	V		VI		VII	VIII
подтип	1 простой	2 утолщенный		1 простой	2 утолщенный		1 простой	2 утолщенный	1 прямой	2 скошенный		
%	5,7	2,8	8,5	27,1	15,7	7,1	10	7,1	5,7	1,4	1,4	2,8

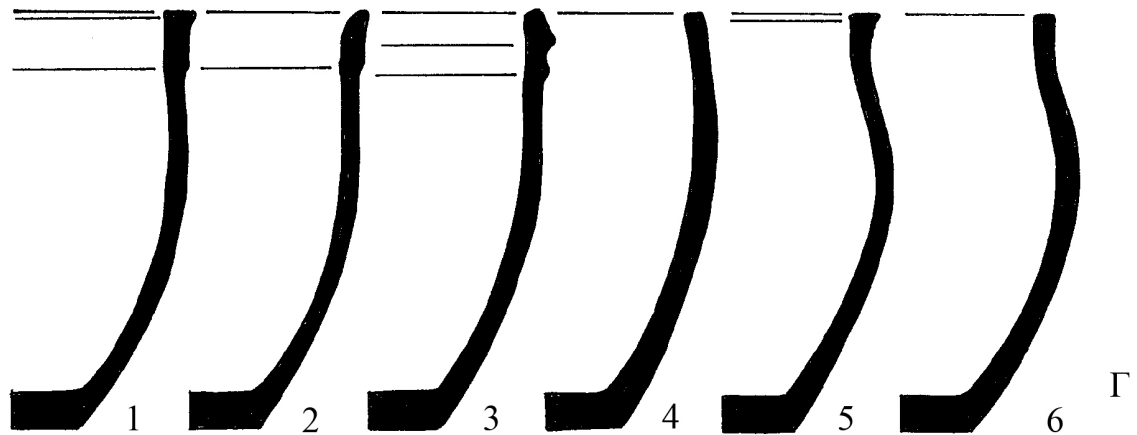
А

Б

В

Г

Рис. 2. Типология форм сосудов: А – закраины венчиков Вольского городища (Малов и др., 2009); Б – модели сосудов вольского типа; В – модели сосудов вольско-катакомбного типа; Г – модели сосудов лбищенского типа

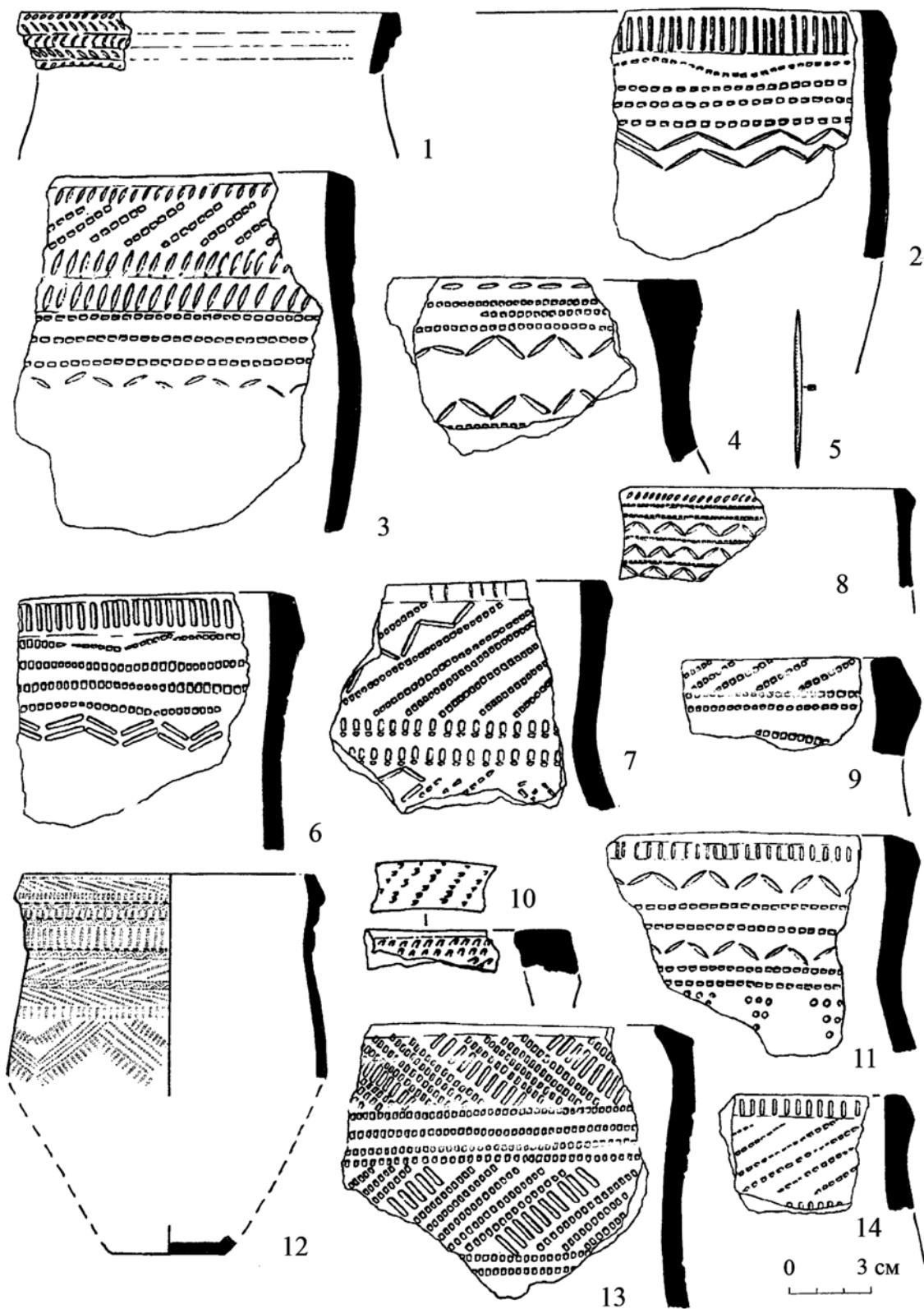

Рис. 3. Сосуды вольского типа: 1-9,11,13,14 – Вольское городище (Малов и др., 2009); 10 – Алексеевское городище (Мальшев, 2008); 12 – Владимировский II курганный могильник (Скарбовенко, 2006)

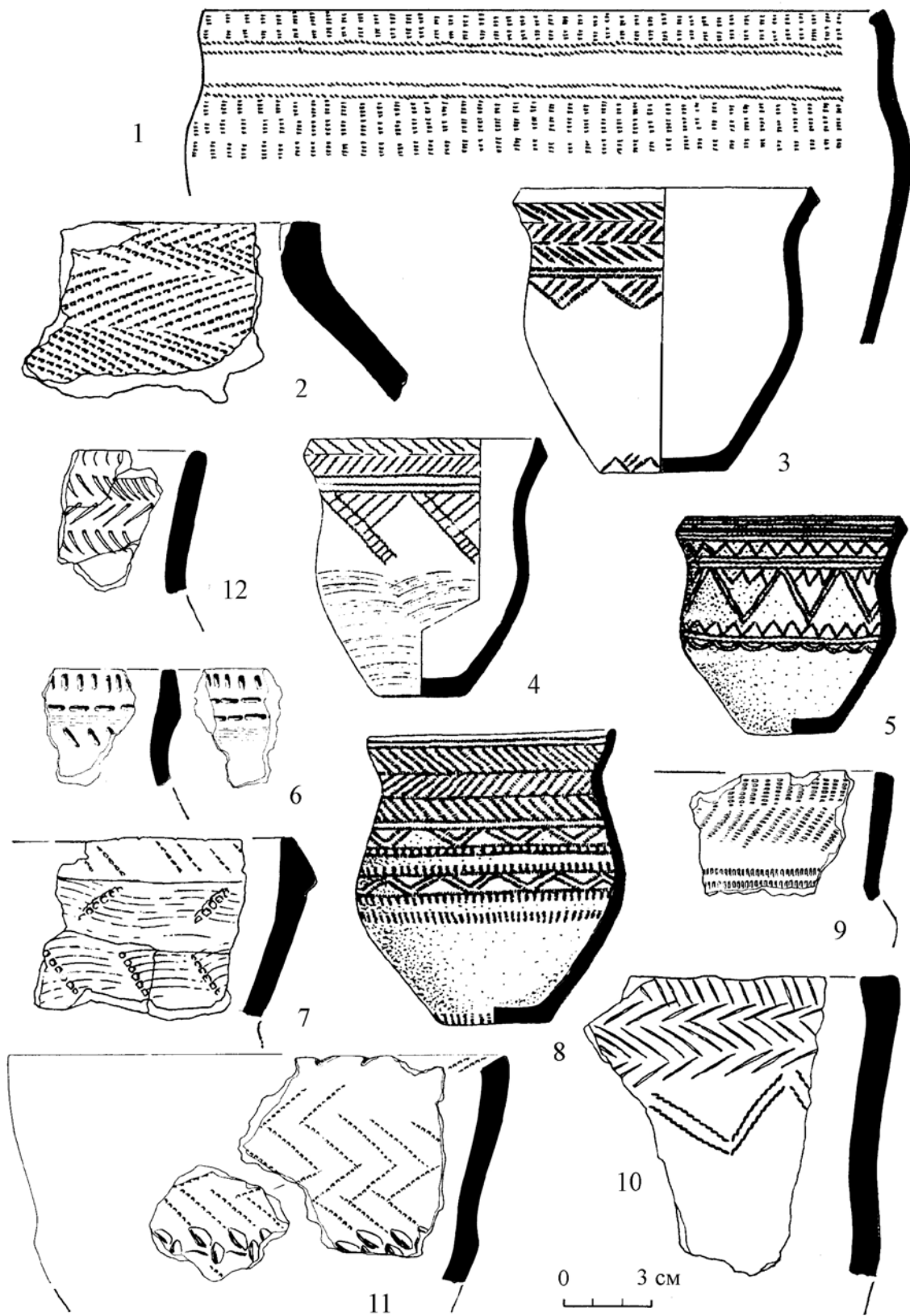

Рис. 4. Сосуды вольско-катакомбного типа: 1 – Екатериновка (Ставицкий, 2004); 2 – Алексеевское городище (Мальшев, 2008); 3 – Советское (Баринев, 1996); 4, 5 – Белогорское (Дремов, 1996); 6, 9, 11 – Мартышкино; 7 – Осиновский Овраг (Юдин, 2003); 8 – Барановка (Сергацков, 1992); 10 – Андриановское городище (Малов, Сергеева, 2010); 12 – Утес Степана Разина (Малов, Сергеева, 2010)

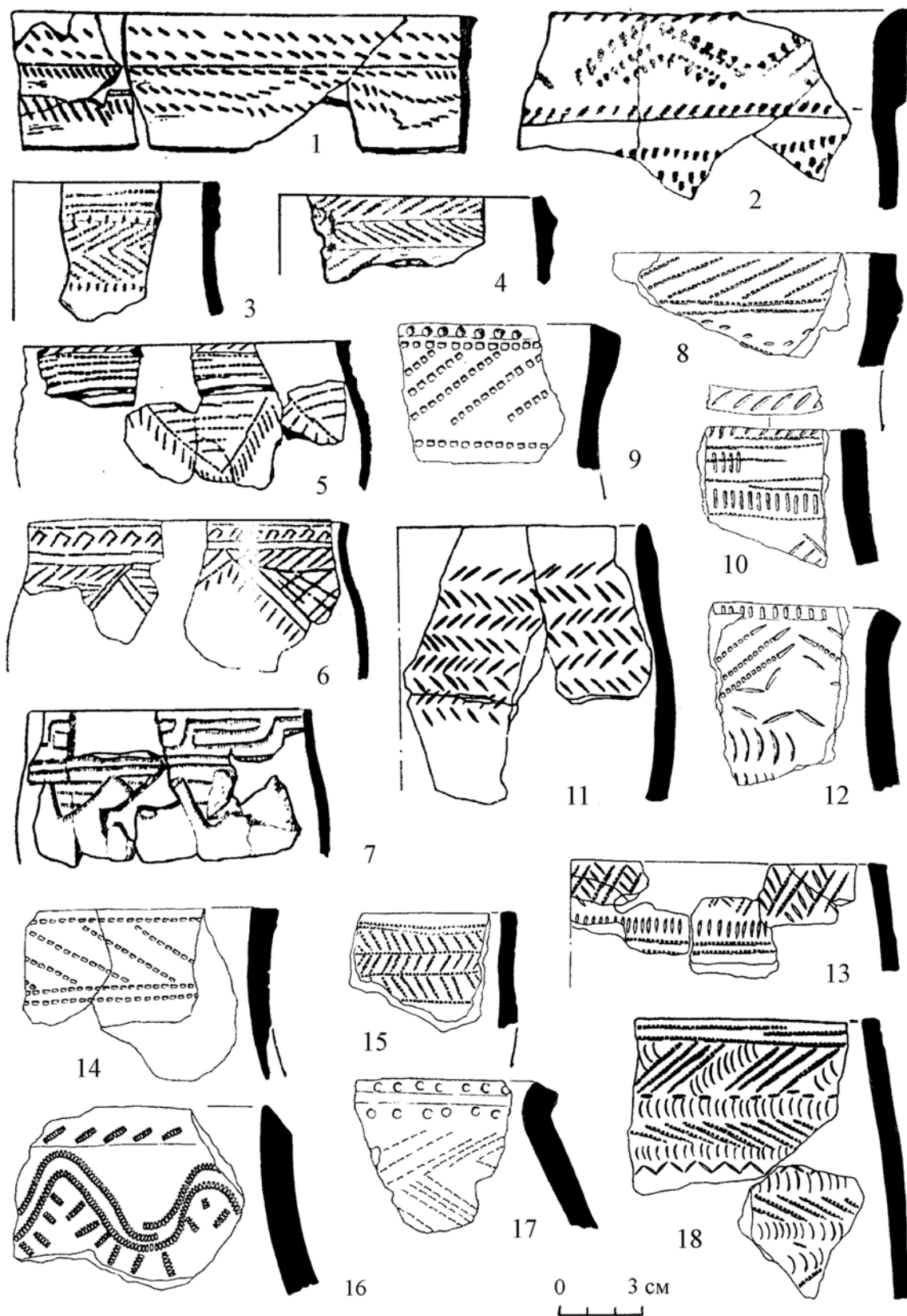

Рис. 5. Сосуды лбищенского типа: 1, 3, 7 – Лбище (Васильев и др., 1987); 2 – Кирпичные Сарай (Васильев, 2003); 8-10, 12, 14, 17 – Вольское городище (Малов и др., 2009); 11, 13, 15, 18 – Хлопков Бугор (Малов, Сергеева, 2010); 16 – Андриановское городище (Малов, Сергеева, 2010).

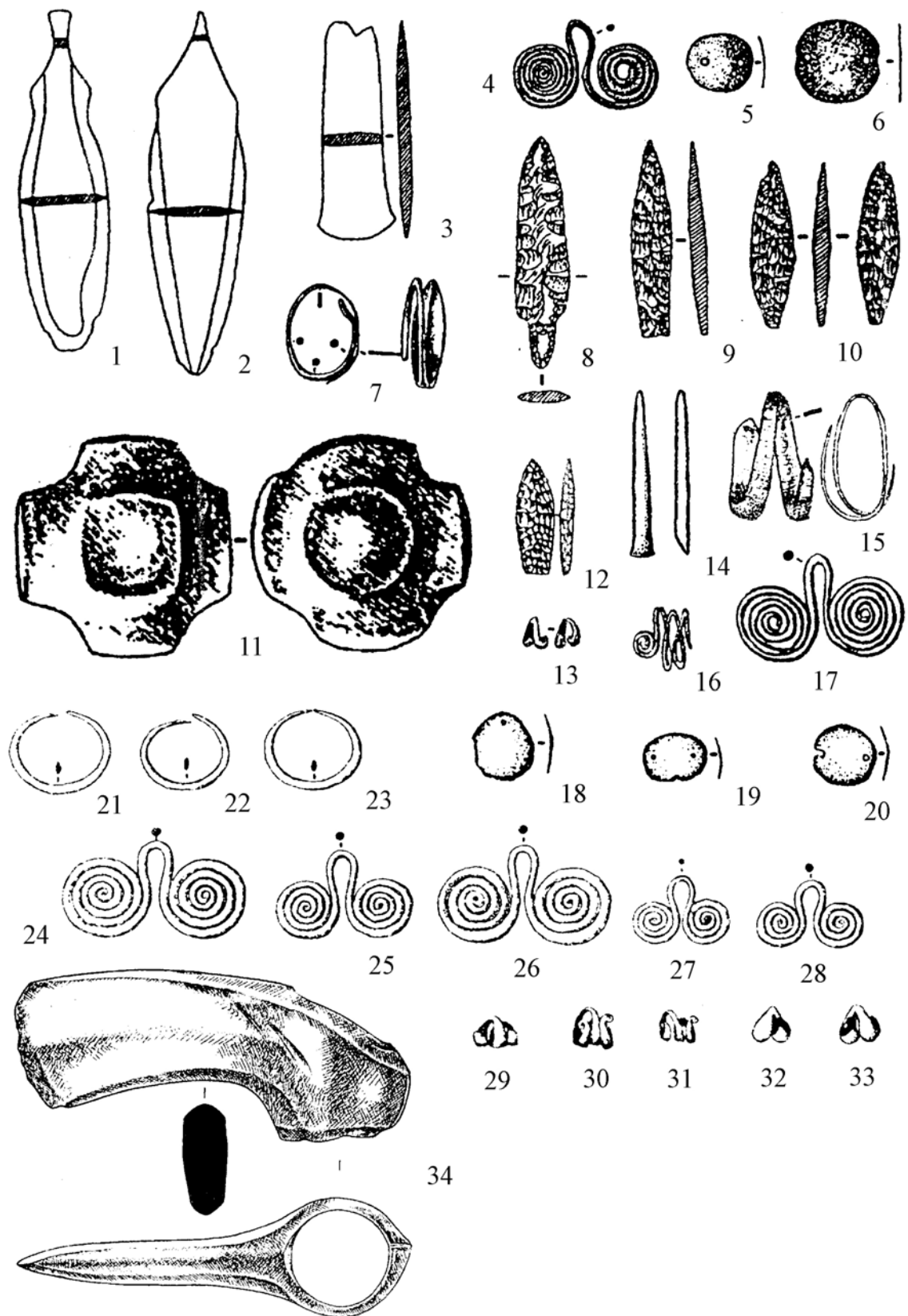

Рис. 6. Вещевой инвентарь из комплексов вольско-лбищенского типа Среднего Поволжья: 1-10 – Пещера Братьев Греше; 11-13 – Лбище; 14-20 – Алексеевский III могильник; 21-33 – дюна Человечья Голова (Васильев, 2003); 34 – Царев Курган (Бочкарев, Кузнецов, 2003)

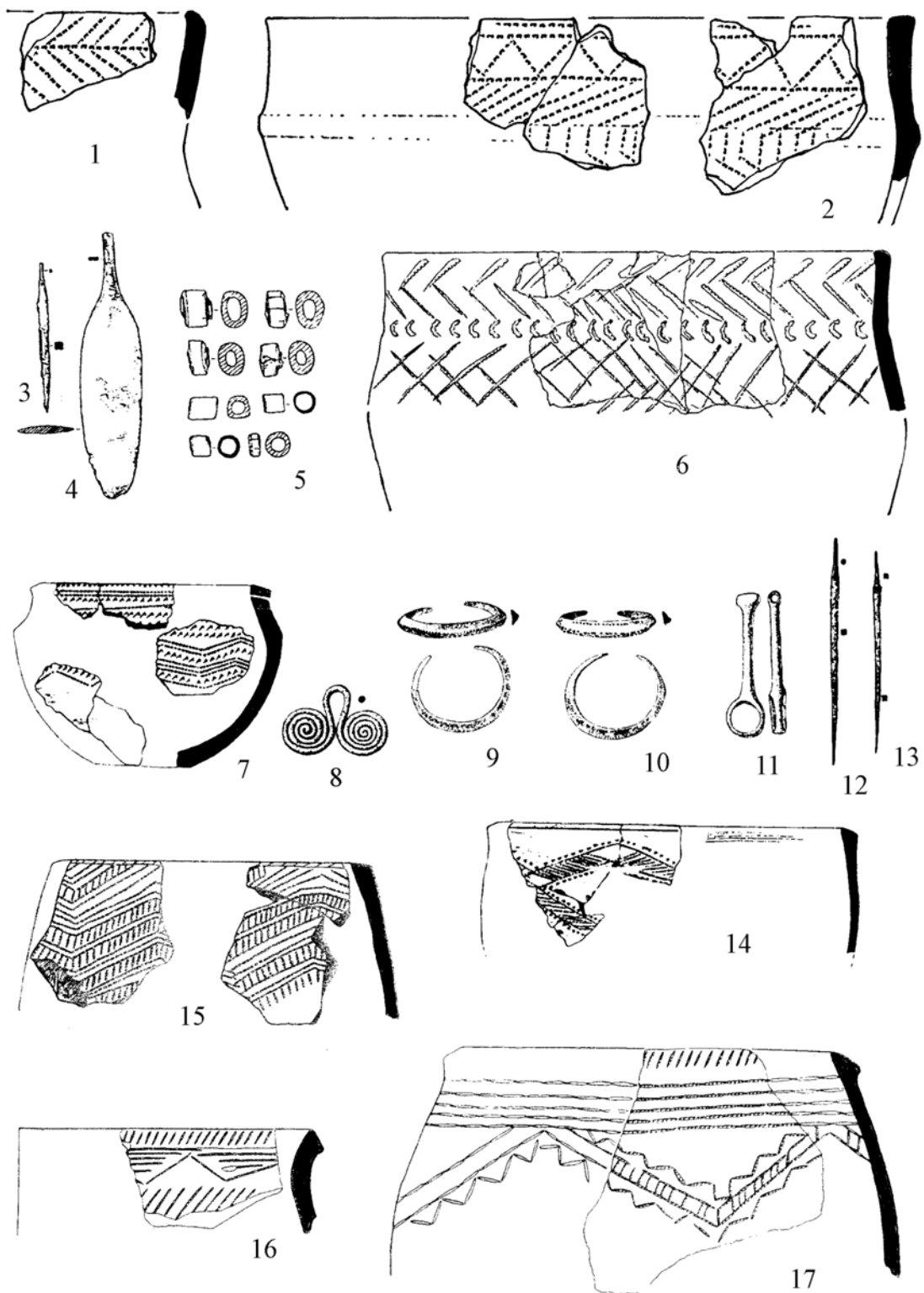

Рис. 7. Памятники вольско-лбищенского типа Волго-Уралья и Северного Прикаспия: 1-5 – Светлое Озеро (Жемков, Лопатин, 2008); 6 – Рунталь (Жемков, Лопатин, 2007); 7-13 – Тамар-Уткуль VII (Ткачев, 2007); 14 – Большой Дедуровский Мар (Ткачев, 2007); 15 – Северный Букей; 16 – Кара-Кудук; 17 – Кызыл-Молла (Васильев и др., 1986)

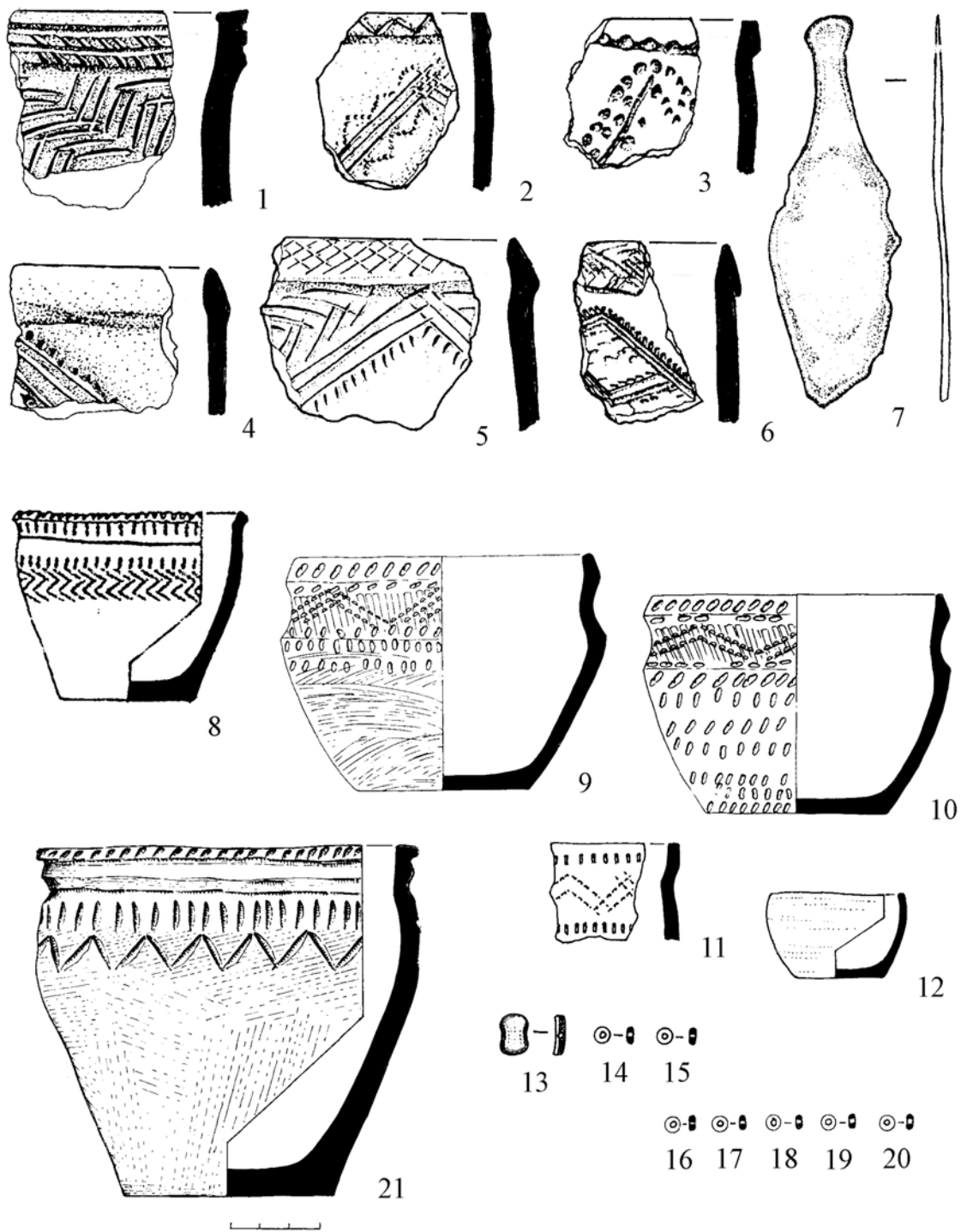

Рис. 8. Материалы токсанбайских поселений и раннепокровские комплексы с вольскими чертами: 1-7 – Токсанбай (Самашев и др., 2009); 8 – Смеловский могильник, погр. 7 (Лопатин, 2010); 9-20 – Усть-Грязнуха (Дремов, Семенова, 1999); 21 – Терновка

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КАЗЁННЫЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ САРАТОВА

В полевом сезоне 2010 г. экспедиция ГАУК «Научно-производственный центр по историко-культурному наследию Саратовской области» под руководством автора проводила охранные археологические раскопки в зоне реконструкции Песчано-Уметской станции подземного хранения газа на курганном могильнике «Казённый».

Курганный могильник располагался на южном склоне водораздельной террасы правого берега р.Грязнуха (левый приток р.Идолга, левый приток р.Медведица, Донской бассейн), в 2,1 км к северо-западу от п. Красный Октябрь и в 3,2 км к западу-юго-западу от с. Верхний Курдюм Саратовского района Саратовской области. В 0,44 км к северо-востоку от памятника на вершине водораздела находится лес «Казенный».

Курганный могильник включал три задернованные насыпи.

Курган 1.

Курган 1 к началу работ имел относительно хорошо сохранившуюся насыпь. Северная пола несколько более крутая, что связано с естественным рельефом местности, который понижается в южном направлении. Диаметр насыпи около 21,5 м. Современная высота от подошвы до вершины со стороны южной полы – 1,91 м. На вершине кургана находится геодезический знак. Насыпь кургана снималась с помощью бульдозера. Ввиду наличия геодезического пункта и глубоких траншей вокруг него для получения целостной стратиграфической картины насыпи была оставлена бровка шириной 10 м по линии север-юг, которая после изучения стратиграфии была снята до материка с оставлением земляного «попа» под геодезическим знаком. Всего в кургане выявлено 4 погребения (рис. 1, 1).

Стратиграфия кургана. По западному фасу бровки устанавливается, что первоначальный диаметр кургана в данном разрезе равен 17 м. В дальнейшем курган под воздействием природных факторов стал расплываться и за счет перемещения части насыпи с вершины кургана на полы (т.н. слой смыва) его диаметр увеличился.

По западному фасу получена следующая стратиграфия (рис. 1, 2). Верхнюю часть насыпи составлял гумус и дерновой слой тёмно-серого цвета. Общая их толщина достигала 0,25-0,3 м. Между отметками 1,5 м С – 1,25 Ю от осевой линии запад-восток фиксировался перемещённый грунт (вероятно, из котлована для геодезического знака) – рыхлый гумусированный суглинок тёмно-серого цвета.

Сразу под гумусом залегала насыпь, которая в центральной части достигала толщины 1,45 м. Насыпь была сложена из суглинка тёмно-серого цвета и изрыта норами мелких землеройных животных. По краям насыпи фиксировался тёмно-серый гумус (слой смыва). В центральной части насыпи, к югу от осевой линии запад-восток на погребенной почве на протяжении 2,45 м залегал материковый выкид из светло-желтого суглинка. Толщина материкового выкида составляла до 0,4 м, постепенно уменьшалась и выклинивалась в южном направлении.

Выкид залегал на слое хорошо сохранившейся погребенной почвы толщиной до 0,3 м. Она отличалась от насыпи более тёмным цветом и плотной структурой и простиралась на всем протяжении насыпи, выклиниваясь к краям пол кургана. Верхняя граница с насыпью кургана четкая, нижняя граница с материком – плавная. Погребенная почва выклинивалась по краям насыпи.

Материк – светло-желтый суглинок с вкраплениями светло-желтой супеси. Погребенная почва и материк прорезаны погребением 2 – на протяжении 0,5-2,0 м к северу от осевой линии. В этом прорезе на уровне погребенной почвы и в заполнении могилы хорошо читается древесина от перекрытия могильной ямы. Материк плавно понижался в южную сторону в соответствии с рельефом местности.

Стратиграфия восточного фаса в целом повторяла стратиграфию западного (рис. 1, 3). Здесь также на вершине кургана, сразу под дерновым слоем и гумусом отмечен слой современного перекопа толщиной до 0,25 м, залегавшего на 1 м к югу и на 3,15 м к северу от осевой линии восток-запад.

Насыпь – суглинок темно-серого цвета, изрытый норами – в центральной части достигала 1,25 м высоты. Слой смыва, сильно гумусированный и имеющий более темный цвет относительно насыпи, залегал по ее краям, достигал толщины 0,8 м и простирался далеко за пределы первоначальной насыпи.

В западный фас, в его северной части попал угол погребения 3 – 3,75-5,0 м к северу от осевой линии запад-восток. В южной части бровки отмечен светло-желтый материковый выкид толщиной до 0,3 м, залегавший на погребенной почве на участке 3,1-5,75 к югу от осевой линии запад-восток. Именно под этим выкидом лучше всего сохранилась погребенная почва, которая здесь достигает толщины 0,3 м.

Погребенная почва сохранилась практически на всем протяжении насыпи, выклиниваясь только по ее периметру. Контакт погребенной почвы с насыпью четкий, с подстилающим материком – светло-желтым суглинком – плавный.

Планиграфия кургана.

В кургане было сооружено 4 погребения, которые располагались в центре и северной половине насыпи. Погребения 1 и 2 сопровождалась материковыми выкидами на погребенной почве. У погребения 1 выкид залегал к востоку, западу и югу (основная часть) от могильной ямы в виде полуокружности. Максимальная толщина до 0,4 м у могильной ямы. Выкид постепенно выклинивался к краям. Выкид погребения 2 также залегал к югу от могилы в виде длинного языка. Ширина выкида до 3 м, длина 7,7 м, толщина до 0,3 м.

Погребение 1.

Могильное пятно темного цвета выделялось на фоне светло-жёлтого материка. Оно имело почти прямоугольную форму с сильно закруглёнными углами (рис. 2, 1). Длинной осью пятно было ориентировано по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток.

Его размеры по поверхности материка 1,56 x 0,94 м. Стенки могилы почти отвесные. Дно зафиксировано на глубине 2,81-2,85 м от нулевого репера (около 0,7 м от уровня фиксации по поверхности материка). Заполнение могилы – тёмно-серый гумус с вкраплениями материкового суглинка, супеси и крупных фрагментов древесины от перекрытия. Заполнение и частично дно были разбиты ходами землеройных животных.

Скелет на дне могилы сохранился не полностью (через него проходиланора землеройного животного). Часть костей скелета была вынесена из погребения землероями или перемещена из первоначального положения. В положении *in situ* находились плечевые кости рук, часть позвонков и рёбер, бедренная и большая берцовая кости правой ноги и часть черепа. Череп находился на левой височной кости. Правая плечевая кость была направлена к коленям. Остальные кости рук отсутствовали. Часть нижней челю-

сти перемещена грызунами в район тазовых костей. Правая бедренная кость находилась под прямым углом к линии позвоночника, по отношению к бедренной – под острым. Остальные кости ног отсутствовали.

По сохранившимся костям можно установить, что погребённый был уложен в скорченном положении на левом боку. В процессе снятия скелета выяснилось, что левая часть черепа была покрыта охрой. Под черепом зафиксирована органическая подстилка белого цвета. При обследовании хода землеройных животных была обнаружено большое количество костей скелета. Отметим, что стопы ног скелета были покрыты красной охрой.

В погребении обнаружены два орнаментированных лепных сосуда (рис. 2, 2, 3).

Сосуд 1 – низких пропорций, профилированный, округлобокий, с отогнутым венчиком. Находился в северо-восточном углу могильной ямы. В верхней части сосуда, между венчиком и максимальным расширением тулова нанесён геометрический орнамент в виде горизонтального двойного зигзага и подчеркивающей его горизонтальной линией, выполненных зубчатым штампом. Поля между зигзагом заполнены оттисками того же штампа и ногтевыми вдавлениями. Почти на всей поверхности сосуда прослеживаются лёгкие следы расчёсов (рис. 2, 2). Визуально в тесте глины примеси не фиксируются. Внешняя поверхность имеет коричневый цвет с небольшими пятнами тёмно-серого цвета, внутренняя часть – тёмно-серого цвета.

Общая высота сосуда составляет 14 см, от дна до наибольшего расширения тулова около 10 см. Диаметр по дну достигает 10 см, наибольшего расширения тулова – 19,7 см, по краям венчика – 17,5 см. Толщина дна и боковины составляет 0,7-1 см.

Сосуд 2 – подострорёберный, низких пропорций, несколько ассиметричный. Он имеет слегка отогнутый венчик, высокое вогнутое плечо. По верхней половине сосуда, под венчиком и по ребру нанесены два зигзага, нанесённых зубчатым штампом (рис. 2, 3). Внешняя поверхность тёмно-серого цвета с небольшими пятнами светло-коричневого цвета, внутренняя часть – светло-серая с серыми пятнами. В тесте глины визуально прослеживается примесь песка.

Высота сосуда 13-12,3 см, от дна до основания плеча около 7,2 см, плеча около 5 см. Диаметр дна 11-11,2 см, наибольшего расширения тулова 20,5 см, венчика 19,5 см. Толщина дна 0,9-1 см, стенки – 0,6-1,1 см.

Погребение 2.

Погребение располагалось под центральной частью насыпи. Могильное пятно прослеживалось с уровня погребенной почвы.

Погребение было расположено непосредственно под геодезическим знаком, перенос которого был запрещен руководством СПХГ. С целью установления его размеров был по возможности максимально обрезан земляной столб, на котором располагался геодезический знак. Могильное пятно располагалось несколько к югу от геодезического знака и выступало из под оставленного земляного столба в южном и восточном направлении. В результате чего удалось установить приблизительные размеры могильной ямы: длина 2,8 м, ширина 2,1 м. Могильная яма была ориентирована по запад-восток и имела округлые углы (рис. 1, 1). Дальнейшие работы из-за опасности травматизма при обрушении земляного столба под геодезическим знаком были прекращены. К тому же шлейф газопровода проходил по восточной поле, что дало возможность законсервировать погребение. После окончания исследования кургана насыпь была восстановлена на прежнюю высоту. Культурная принадлежность и время сооружения погребения не устанавливаются, можно только быть уверенным, что данное погребение было сооружено не позднее эпохи поздней бронзы, так как остальные погребения как раз датируются поздней бронзой.

Погребение 3.

Погребение обнаружено в северо-восточном секторе кургана, в 4 м к северу от осевой линии запад-восток. Могильное пятно выделялось более тёмным цветом на фоне светло-жёлтого материка. Западная часть пятна уходила под бровку (рис. 1, 1). По уровню материка границы пятна были размыты и простирались с запада на восток на 3,6 м и с юга на север на 2,6 м. По мере выборки плотного, затечного заполнения оконтурились приблизительные размеры могильной ямы: 1,7 x 0,7-0,9 м. Глубина ямы – до 0,7 м в южном углу. Длинными сторонами могильная яма была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Сохранилась только юго-западная стенка могильной ямы, а другие стенки и дно могилы уничтожены землероями. Захоронение также полностью уничтожено землеройными животными. На глубине 2,03 м от нулевого репера обнаружен только фрагмент бедренной кости человека. Время сооружения и культурная принадлежность погребения не устанавливаются. Можно только предполагать на основании ориентировки могильной ямы, что погребение относится к эпохе бронзы.

Погребение 4.

Обнаружено в западной поле кургана, в 1,5 м к западу и 4 м к северу от нулевого репера. Могильная яма имела подпрямоугольную форму с закруглёнными углами. Длинной осью она была ориентирована по линии юг – север с небольшим отклонением.

Её размеры по уровню поверхности материка 1,25 x 0,94 м. Западная и восточная стенки почти отвесные. Две другие слегка наклонные. Дно ровное, зафиксировано на глубине 2,57-2,54 м от нулевого репера (около 0,6-0,7 м от верхнего уровня материка).

Заполнение состояло из тёмно-серого гумуса с вкраплениями крупных кусков материкового суглинка. На дне могилы обнаружен раздавленный скелет ребёнка. Кости сохранились не все и находились в плохом состоянии. По сохранившимся костям устанавливается, что умерший ребёнок был уложен в скорченном положении на левом боку в позе адорации, головой на северо-северо-восток. Погребённый был уложен в западной половине могилы. Перед умершим, практически по осевой линии могилы были поставлены два глиняных лепных сосуда (рис. 2, 4).

Сосуд 1 – ассиметричный, слегка профилированный и с массивным дном. По плечу и горловине нанесён орнамент: два горизонтальных ряда наклонных ногтевидных вдавлений. На верхней трети внешней поверхности сосуда прослеживаются лёгкие вертикальные расчёсы (рис. 2, 5). Внешняя поверхность сосуда ровная, в тесте глины имеется примесь песка. На внутренней поверхности прослеживаются следы нагара. Обжиг неравномерный.

Высота сосуда составляет 12-13 см, от дна до основания плеча – около 9 см. Высота плеча достигает 1,3 см, горловины – около 1,3 см. Диаметр по дну находится в пределах 8,3-9 см, максимального расширения тулова – 16,6 см, венчика – 16,2 см. Толщина дна 1,2-1,3 см, стенок – 0,8-1 см.

Сосуд 2 баночной формы, с прикрытым устьем, в погребении обнаружен во фрагментах. Развал находился севернее первого сосуда, примерно в 3 см. Сосуд реконструирован графически (рис. 2, 6). В верхней половине сосуда нанесён геометрический орнамент, выполненный прочерченными линиями по тулову (двойной зигзаг) и ногтевыми вдавлениями под срезом венчика. Поверхность сосуда бугристая. В тесте глины имеется примесь шамота. Обжиг неравномерный. Внешняя поверхность сосуда имеет светло-коричневый цвет, а внутренняя – жёлто-коричневый и серый. По внутренней поверхности сосуда нанесены грубые горизонтальные расчёсы.

Высота сосуда 10,2 см, от дна до диаметра наибольшего расширения – 7,3 см. Диаметр дна около 8,5 см, наибольшего расширения – 12,5 см, по венчику – 11,5 см. Толщина дна 0,7-0,9 см, стенки – 0,6-0,9 см.

Курган 2.

Курган 2 ранее распахивался, но к моменту раскопок был время задернован. Высота кургана от северной подошвы до вершины составляет 0,87 м, диаметр около 23 м.

Насыпь кургана снималась с помощью бульдозера с оставлением стратиграфической бровки по линии север-юг шириной 1 м. Зачищались и фиксировались оба фаса – западный и восточный.

Находки в насыпи. В процессе снятия насыпи в западной поле кургана, на глубине 64-65 см от нулевого репера, приблизительно по верхнему уровню погребенной почвы, было обнаружено скопление костей животного. Кости – конечности мелкого рогатого скота – находились в хаотичном состоянии. Судя по бровке, для этих костей в погребенной почве была выкопана неглубокая ямка.

В этой же поле, к югу от осевой линии запад-восток и севернее края могильной ямы погребения 1, под выкидом и на уровне погребенной почвы было обнаружено скопление золы и истлевшая древесина. После снятия погребенной почвы до верхнего уровня материка, южнее этого скопления дерева и золы обнаружилась могильная яма единственного погребения в кургане.

После полного снятия насыпи и зачистки бровок была получена следующая стратиграфия.

Стратиграфия кургана 2.

Верхнюю часть насыпи составлял гумус и дерновой слой тёмно-серого цвета. Общая их толщина достигала 0,25-0,3 м. Сразу под гумусом залегала насыпь, которая в центральной части достигала толщины 0,75 м. Насыпь тёмно-серого цвета была сложена из смеси суглинка и гумуса и изрыта норами мелких землеройных животных.

Под насыпью, на всем протяжении стратиграфической бровки залегала хорошо сохранившаяся погребенная почва. Цвет почвы – тёмно-серый, структура плотная. Контакт с насыпью четкий, с материком – плавный. Её максимальная толщина в центральной части достигала 0,4 м, к краям насыпи погребенная почва постепенно выклинивалась. Между отметками 2 м Ю – 1,1 Ю погребенная почва прорезана могильной ямой погребения 1, в заполнении которой по верхнему уровню погребенной почвы залегали деревянные плахи от перекрытия.

В центральной части насыпи между отметками 0,8 м Ю и 0,65 м С на погребенной почве прослеживается материковый выкид толщиной до 0,35 м из светло-жёлтого материкового суглинка. На восточном фаса бровки на выкиде залегала деревянная плаха от перекрытия могильной ямы. Под выкидом, на погребенной почве имеется тонкая (3-4 мм) прослойка серого цвета. Материк – светло-жёлтый суглинок с вкраплениями светло-желтой супеси. Материк плавно понижался в южную сторону.

Погребение 1.

Погребение расположено в 0,51 м к западу от нулевого репера и в 1,52 м к югу от осевой линии запад-восток. Оно фиксировалось в бровке с верхнего уровня погребенной почвы. Там же прослеживалась крупная нора сурка, которая захватила всю площадь погребения и участок к северу от него. Эта нора другие ходы землеройных животных почти полностью разрушили стенки могилы и её дно. По сохранившейся южной части могильной ямы устанавливается, что могильная яма была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток, имела ширину до 0,85 м и округлые углы. Длина могильной ямы предположительно достигала 1,53 м, что устанавливается по сохранившейся материковой перемычке между собственно могилкой и обширной сурчиной к северу от нее. У южной сохранившейся стенки дно зафиксировано на глубине 1,95-2,0 м от нулевого репера. Заполнение могилы – сильно гумусированный суглинок – представляло из себя сплошной сурчиный перекоп. В заполнении,

ближе ко дну найдены обломки и мелкие кости человеческого скелета (а также в норе ниже уровня дна могилы) и фрагменты истлевшего деревянного перекрытия. Большая часть скелета была перемещена сурком в нору севернее и «складирована» в наиболее ее глубокой части.

Культурная принадлежность и время захоронения не определяются, хотя по ориентировке могильной ямы можно предполагать, что курган был сооружен в эпоху поздней бронзы.

Курган 3.

Внешняя поверхность кургана задернована, ввиду того, что последние десятилетия она не распаивалась. Насыпь вытянута с северо-запада на юго-восток. Размеры древней насыпи (по бровке): диаметр ~24x18,50 м, высота – до 0,5 м. Насыпь кургана снималась с помощью бульдозера. Для наблюдения за стратиграфией кургана были оставлены две стратиграфические бровки шириной 0,5 м, ориентированные по линии восток-запад (рис. 3, 1).

Стратиграфия. Центральная бровка. Верхний слой насыпи представлен почвенным слоем – гумусом чёрного цвета. Толщина этого слоя варьирует в пределах 20-25 см. Сразу под гумусом находится насыпь – тёмно-серая супесь, обильно изрытая норами грызунов. Толщина насыпи в центральной части достигала 0,5 м, по краям она постепенно выклинивалась. В западной поле хорошо заметно ниспадание насыпи на расстоянии 5-7 м от нулевого репера. В восточной поле, под насыпью на протяжении от 3 до 4,25 м от репера сохранился небольшой участок погребенной почвы, отличающийся от насыпи более рыжеватым оттенком и более плотной структурой. Толщина слоя погребенной почвы 25 см. Контакт с материком плавный из-за большого количества мерзлотных трещин и затеками по ним гумуса. Участок погребенной почвы и собственно насыпь подстилаются легкой супесью материка светло-желтого цвета. Контакт с вышележащим слоем очень сильно размыт многочисленными норами грызунов (рис. 3, 2, 3).

Южная бровка 2 шириной 0,5 м проходила параллельно центральной бровке, в 6 метрах южнее. Стратиграфии бровки 2 принципиально не отличается от стратиграфии центральной бровки, за исключением меньшей толщины насыпи – не более 0,3 м в центральной части, в районе погребения 4, прорезавшего бровку. Погребение 4 являлось основным, что хорошо видно по стратиграфии – оно было впущено с уровня погребенной почвы. Погребенная почва прослеживалась по бровке по обеим сторонам могильной ямы, выделяясь более плотной структурой и вкраплениями сизого глея. Погребенная почва простирается не далее одного метра по сторонам могильной ямы. Как и на центральной бровке, верхний уровень отделяется от насыпи, а нижний плавно переходит в материк – светло-жёлтую супесь. В заполнении могильной ямы хорошо читаются остатки деревянного перекрытия (рис. 3, 4).

В кургане обнаружено 4 погребения. Все они основные, насыпь возводилась единовременно, после сооружения всех 4-х погребений.

Погребение 1.

Погребение располагалось в центральной части кургана, к югу от нулевого репера центральной бровки. Практически полностью уничтожено норами грызунов. Могильное пятно по уровню материка имело подовальную форму с сильно «разъеденными» краями. Заполнение могильной ямы содержало большое количество гумуса и мелких фрагментов истлевшей древесины от перекрытия.

Могильная яма в плане имела почти овальную форму из-за сильно округлых углов, длинными сторонами она ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Размеры могилы по уровню материка – 1,9 x 1,2-1,25 м. Вся северная часть могилы

представляет из себя обширную нору размером 1,25 x 0,85 м и глубиной до 0,67 м от верхнего уровня материка (рис. 3, 1). В южной части могилы сохранился непотревоженный участок дна могилы размером 0,5 x 0,4 м покрытый белесым тленом органического происхождения. По этому участку устанавливается глубина могильной ямы – 1,66 м от нулевого репера или 0,6 м от верхнего уровня материка.

Здесь же, на несколько сантиметров выше дна, залежали две бедренные кости скелета человека. Кости плохой сохранности, были явно перемещены грызунами. Возможно, к этому погребению относятся фрагменты лепного сосуда без орнамента, найденные в насыпи неподалеку от погребения (рис. 4, 2-5). Однако один фрагмент этого сосуда был найден в перекопе на дне могильной ямы погребения 2 (рис. 4, 6).

На основании ориентировки могильной ямы и керамики можно предполагать срубную культурную принадлежность погребения 1.

Погребение 2.

Располагалось в 7,4 м к востоку от нулевого репера и в 4,35 м к югу от центральной бровки (рис. 3, 1). Заполнение могильной ямы состояло из серой гумусированной супеси с обильными краплениями черного гумуса в верхней части могильной ямы и содержало остатки деревянного перекрытия. Оно было сильно повреждено норами грызунов в се-верной части.

Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: длина 2,3 м, ширина 1,7-1,8 м, глубина 0,85 м от верхнего уровня материка. В процессе выборки заполнения по всем четырем стенкам могилы постепенно обнажались остатки деревянного сруба в разной степени сохранности. Лучшее всего сруб сохранился вдоль короткой юго-западной стенки и вдоль длинной северо-западной.

Двухвенцовый сруб был сооружен из крупных колотых плах. Сохранились фрагменты плах значительных размеров. Длина самой большой из плах, у северо-западной стенки могильной ямы, достигала 1,47 м, высоты 0,3 м и толщины 0,12 м.

Насколько можно судить по сохранности, плахи длинных стенок распирались плахами более коротких стенок. Особенно хорошо сруб сохранился в юго-западной части могилы. Здесь он прослежен на высоту до 0,4 м. Могила была перекрыта продольными плахами, ширина которых достигала 0,35 м.

После снятия фрагментов перекрытия на дне могилы обнаружены остатки скелета погребенного. Сохранились кости таза и ног, по которым устанавливается, что умерший был положен по центру могилы, скорченно на левом боку. Судя по положению таза – с небольшим завалом на спину. Ориентирован погребенный был головой на северо-восток. Вся северная часть могилы была уничтожена норами грызунов, ответвления которых прослеживались по углам могильной ямы. В северо-восточной, центральной и юго-западной частях могилы по дну, под костями и находками сохранился органический тлен белого цвета (рис. 4, 1).

На дне могилы обнаружены следующие находки:

1. Фрагмент венчика лепного неорнаментированного сосуда (рис. 4, 6). Найден непосредственно на дне могильной ямы. Остальные обнаружены в перекопе и заполнении погребения 1. Судя по фрагментам, это был довольно крупный сосуд.

Он имел отогнутый венчик, средней высоты горловину, выгнутое плечо. На поверхности сосуда прослеживаются местами лёгкие расчёсы. Толщина стенки достигает 1 см. Внешняя поверхность фрагментов – светло-коричневая с серым оттенком, внутренняя – серая. В изломе керамика тёмно-серого цвета. В тесте глины имеется примесь шамота.

2. Лепной острорёберный приземистый сосуд с орнаментом (рис. 4, 7). Он был поставлен приблизительно в центре могильной ямы, перед грудью умершего. Сосуд

имеет выделенный поддон, довольно высокое слегка вогнутое плечо, округлый венчик. Тулово имеет форму усеченного конуса. Бордюрный орнамент нанесен на плечико сосуда: между двумя прочерченными горизонтальными линиями нанесен горизонтальный елочный орнамент в одну линию, заполненный каплевидными насечками.

Обжиг сосуда неравномерный, поверхность – светло-коричневая с серыми пятнами. В изломе керамика тёмно-серого цвета. Визуально примеси в тесте глины не просматриваются.

Общая высота сосуда достигает 13,5 см, высота плечика 5 см. Диаметр дна 12 см, максимального расширения тулова – 30,8 см, венчика – 19,5 см. Толщина дна 1-1,4 см, стенок – 0,8-0,9 см.

3. У коленей умершего на дне могилы обнаружены остатки туска, сплетенного из осоки. Сохранилось дно туска, имевшее овальную в плане форму размерами 10 x 15 см. Высота сохранившейся стенки туска достигала несколько сантиметров (рис. 4, 8).

После разборки сруба на одной из стенок могильной ямы стали хорошо видны следы от землеройного орудия (типа кайла), которым была выкопана могила.

Погребение 3.

Погребение обнаружено в 8,1 м к югу от нулевого репера на бровке 1 и 1,5 м на восток (рис. 3, 1). Могильная яма была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток, имела округлые углы и следующие размеры: длина 1,25 м, ширина 0,8-0,85 м и глубина 0,34 м от верхнего уровня материка. Заполнение могильной ямы состояло из сильно гумусированной супеси с примесью истлевшего дерева от перекрытия.

На дне могилы вдоль ее осевой линии лежал скелет подростка (?), на левом боку, сильно скорченно, с небольшим завалом на спину. Руки согнуты в локтях, кисти položены перед грудью (рис. 5, 1). Пятки ног подтянуты к тазу.

На дне могилы обнаружен следующий погребальный инвентарь.

1. Сосуд 1. Стоял в западном углу могилы, напротив головы умершего. Простая неорнаментированная банка с узким дном, небольшой закраиной по дну и слегка прикрытым устьем. Обжиг неравномерный, примеси в тесте глины визуально не прослеживаются. Размеры сосуда: высота 11,6 см, диаметр устья 13,6 см, максимального расширения тулова – 14,6 см, дна – 9,2 см (рис. 5, 3).

2. Сосуд 2. Располагался между локтями и бедренными костями. Острорёберный, со слегка отогнутым венчиком, без визуально заметных примесей в тесте глины. Сосуд асимметричен, высота 9,7-9 см, диаметр устья 13 см, диаметр максимального расширения тулова 14,3 см, диаметр дна 6,9 см. По плечу сосуда нанесен орнаментальный фриз. Под срезом венчика и по ребру проходят две горизонтальные полосы наклонных насечек. Между ними проходит двойной зигзаг. Свободные поля между зигзагом заполнены длинными наклонными и короткими вертикальными оттисками. Орнамент выполнен плоским штампом с едва намеченными зубцами (рис. 5, 2). Внешняя и внутренняя поверхность сосуда имеют темно-серый цвет.

Погребение относится ко второму, развитому этапу срубной культуры эпохи поздней бронзы и относительно синхронно погребению 2.

Погребение 4.

Захоронение выявлено в 6,75 м к югу и в 3,25 м на восток от нулевого репера. Могильная яма была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: длина 1,4 м, ширина 0,94 м, глубина 0,5 м от верхнего уровня материка. Заполнение могилы – мешаный слой материковой супеси и гумуса, фрагменты древесного тлена от перекрытия. Стенки могилы почти отвесные.

В могиле обнаружен раздавленный человеческий череп и два крупных фрагмента деревянного перекрытия. Самый крупный из них имел размеры: длина 52 см, ширина 23 см, толщина 5 см. Других находок в погребении не обнаружено.

Культурная принадлежность погребения не определяется, но по обряду захоронения можно предполагать, что оно относится к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Культурная принадлежность и хронология курганного могильника Казенный.

Курган 1 сооружен на развитом этапе срубной культуры эпохи поздней бронзы. Вероятно, курган составляет единый погребальный комплекс и насыпь возводилась в один прием сразу над всеми погребениями. Все погребения относительно одновременны и относятся к развитому этапу срубной культуры и могут быть датированы XV- XIV до н.э. Не совсем ясно хронологическое положение погребения 3, но условно можно его относить к комплексу, так как планиграфически оно составляет дугу с севера от центрального погребения наряду с погребениями 1 и 4. Центральное погребение 2, как уже было сказано, не могло быть совершено позднее эпохи поздней бронзы.

Хронология и культурная принадлежность единственного погребения в кургане 2 с уверенностью не определяются. Но, учитывая его близкое расположение к кургану 1 (в 48 метрах), размеры кургана, характер насыпи, размеры могильной ямы и ее ориентировку, а также наличие остатков деревянного перекрытия, можно предполагать, что курган 2 сооружен в один исторический период с курганом 1.

Курган 3 также оставлен населением срубной культуры развитого периода и также представляет собой единый в культурном и хронологическом отношении комплекс. Не совсем обычным элементом обряда является наличие сруба в погребении 2 кургана 3. Обычно такой способ оформления могильной ямы практиковался у племен раннесрубной культуры. Например аналогичный, но одновенцовый сруб известен в раннесрубном могильнике Кулатка (курган 3, погребение 1). Так же, как и в Казенном, более длинные бревна были расперты короткими (Ляхов С.В., 2009, с. 25, 26, 36, рис. 9). Еще более ранние двухвенцовые срубы известны в погребениях 1 и 2 кургана Дубовый Гай, утроенные по тому же принципу (Зеленеев Ю.А., Юдин А.И., 2010, с. 135-136, рис. 60; 62).

В самарском Поволжье наличие срубов чаще всего отмечается в раннесрубных могилах бережновской линии развития (Семенова А.П., 2000, с. 168-169), хотя имеются и в покровских. На развитом этапе бытования срубной культуры сруб зафиксирован только в одном случае – в погребении 2 кургана 1 I Подстепкинского могильника (Семенова А.П., 2000, с. 173).

Погребение 2 кургана 3 могильника Казенный также содержит еще один достаточно редкий предмет погребального инвентаря – так называемый туесок. Причем туесок выполнен из осоки, а обычно встречаются подобные изделия круглой формы, сделанные из бересты. Как и в случае со срубами, данные предметы встречаются на раннем этапе срубной культуры как в захоронениях покровской линии развития – Натальино II, курган 14, погребение 1 (Памятники..., 1993, с. 133, табл. 3, 1), так и в захоронениях бережновской линии – Кочетное, курган 5, погребение 9 (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 10-11, рис. 5, 6; рис. VII), а также в погребениях 2 и 4 уже упоминавшегося кургана Дубовый Гай (Зеленеев Ю.А., Юдин А.И., 2010, с. 147, рис. 62; с. 152, рис. 66).

Эти два ранних признака – сруб в могиле и туесок – позволяют отнести курган 3 могильника Казенный, как минимум к началу развитого периода срубной культуры, а возможно и к более раннему времени.

Литература

- Зеленев Ю.А., Юдин А.И.* Курган у с.Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005-2006 гг.). Саратов, 2010.
- Семенова А.П.* Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Ляхов С.В.* Погребения эпохи поздней бронзы из курганов у станции Кулатка Хвалынского района Саратовской области // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1 – 10. Т. 1.*
- Юдин А.И., Матюхин А.Д.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.

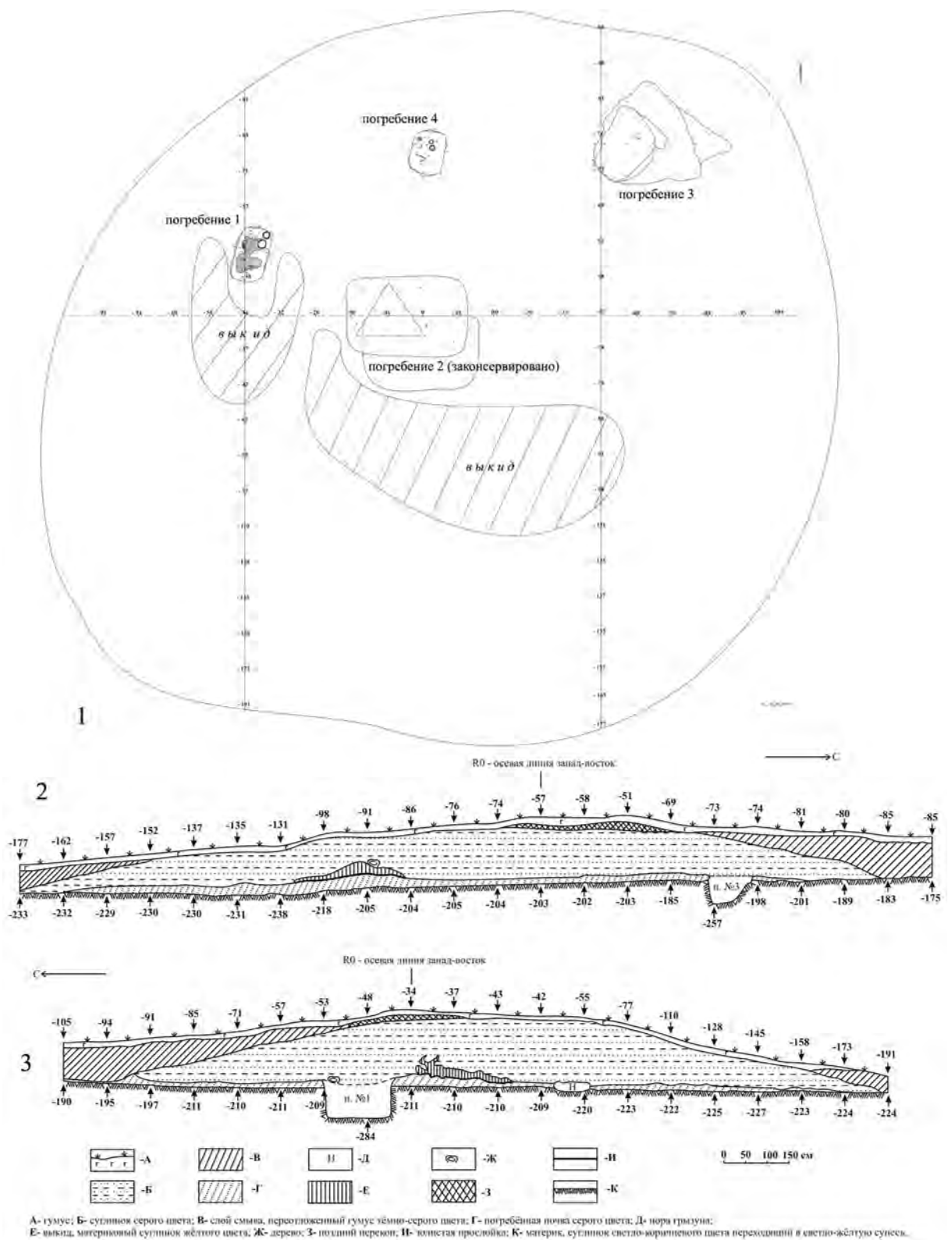

Рис. 1. Курганный могильник Казенный, курган 1. План (1) и стратиграфия (2, 3)

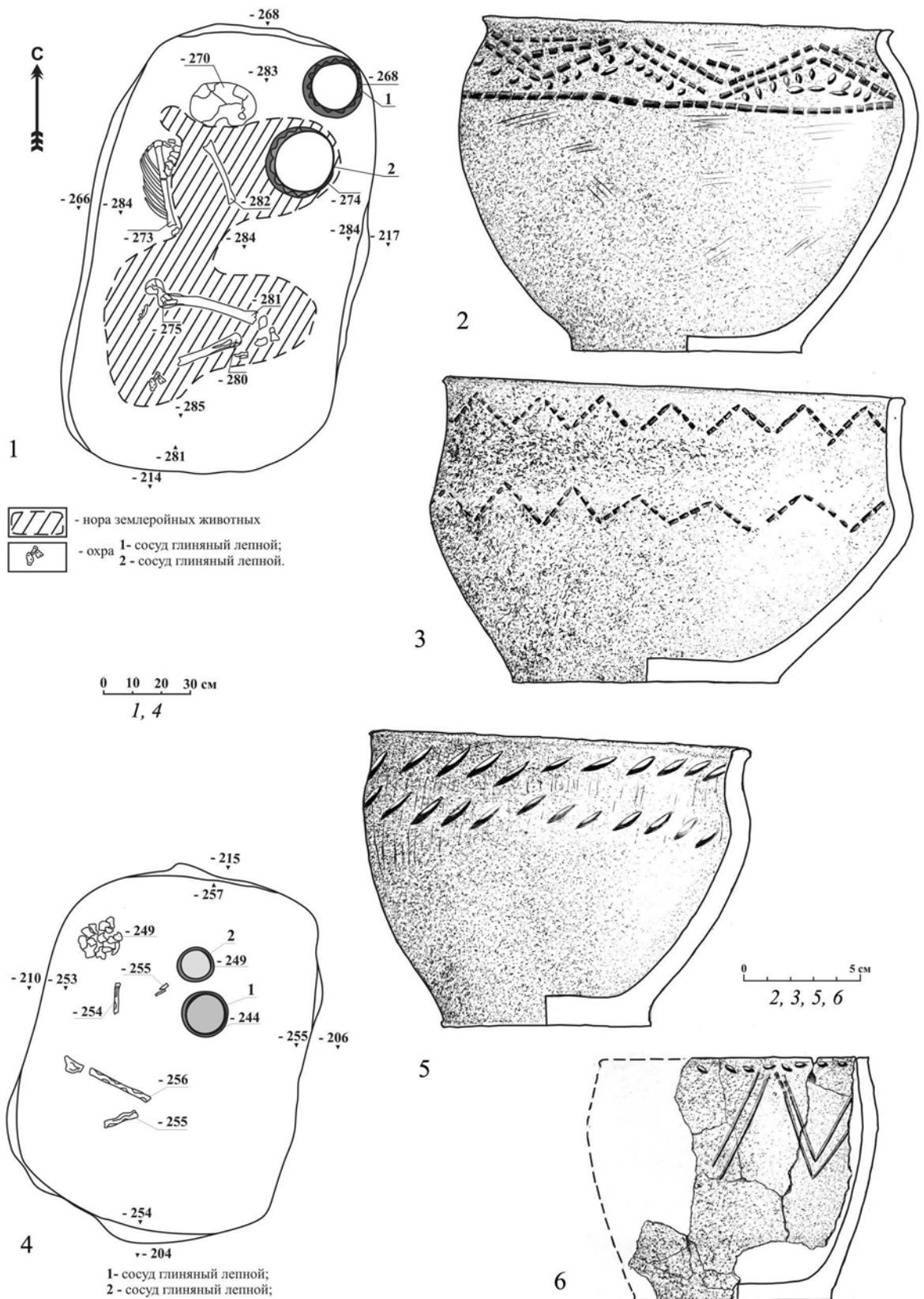

Рис. 2. Курганный могильник Казенный, курган 1. 1 – погребение 1; 2, 3 – керамика из погребения 1; 4 – погребение 4; 5, 6 – керамика из погребения 4

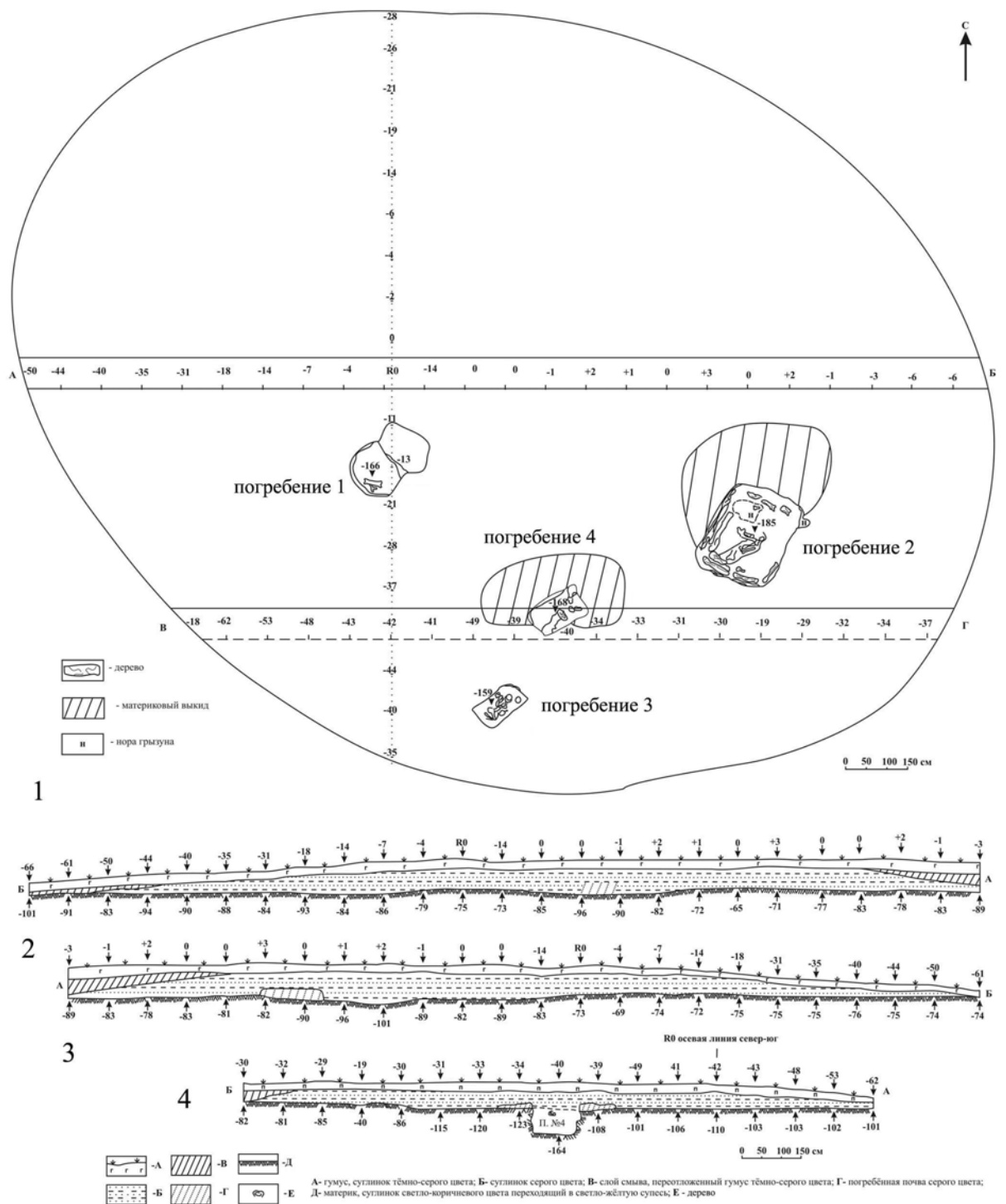

Рис. 3. Курганный могильник Казенный, курган 3. 1 – план кургана; 2 – южный фас центральной бровки; 3 – северный фас центральной бровки; 4 – северный фас южной бровки

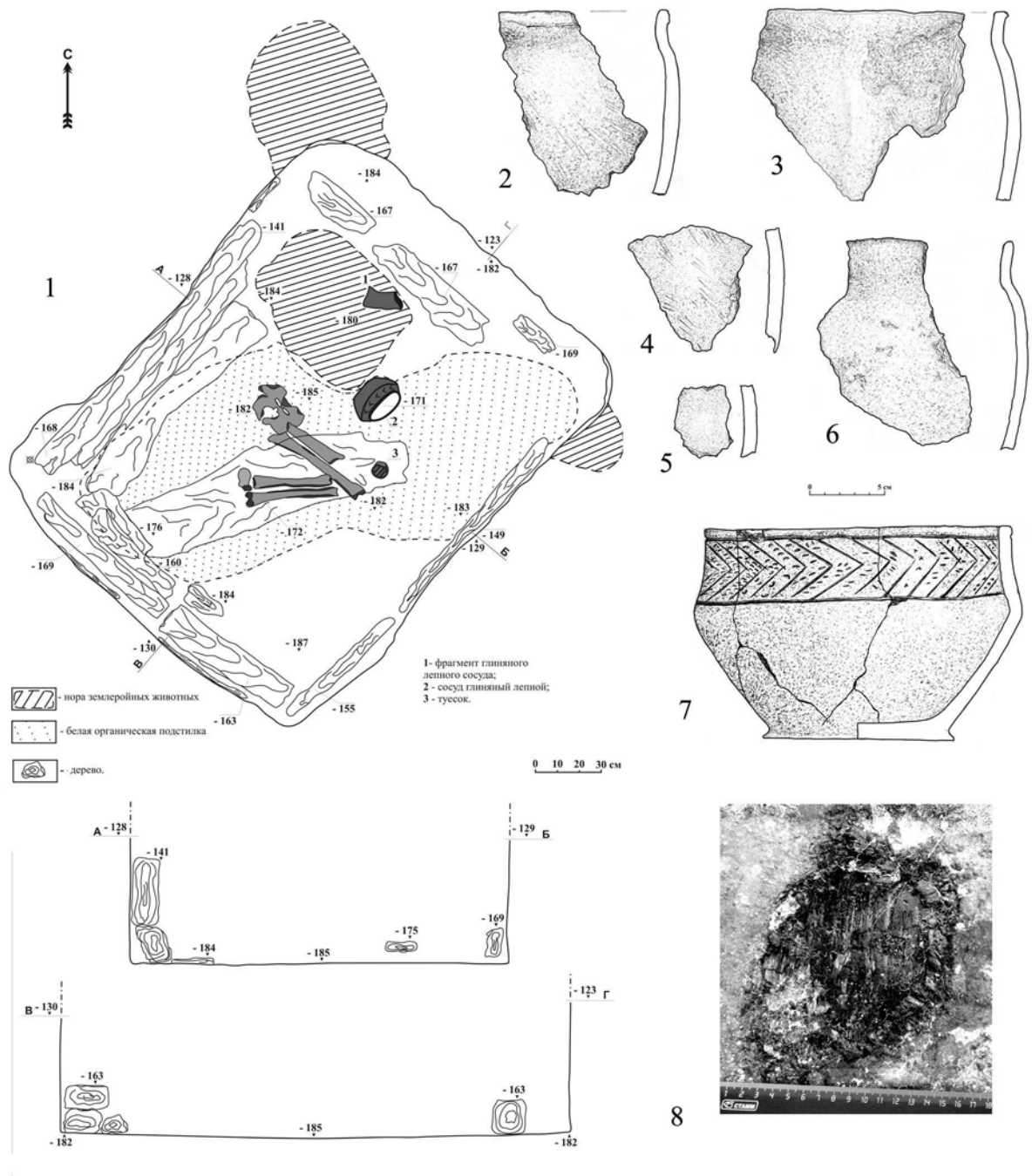

Рис. 4. Курганный могильник Казенный, курган 3. 1 – погребение 2; 2-5 – керамика из насыпи кургана 3; 6 – фрагмент керамики со дна могилы погребения 2; 7 – сосуд из погребения 2; 8 – туесок из камыша из погребения 2

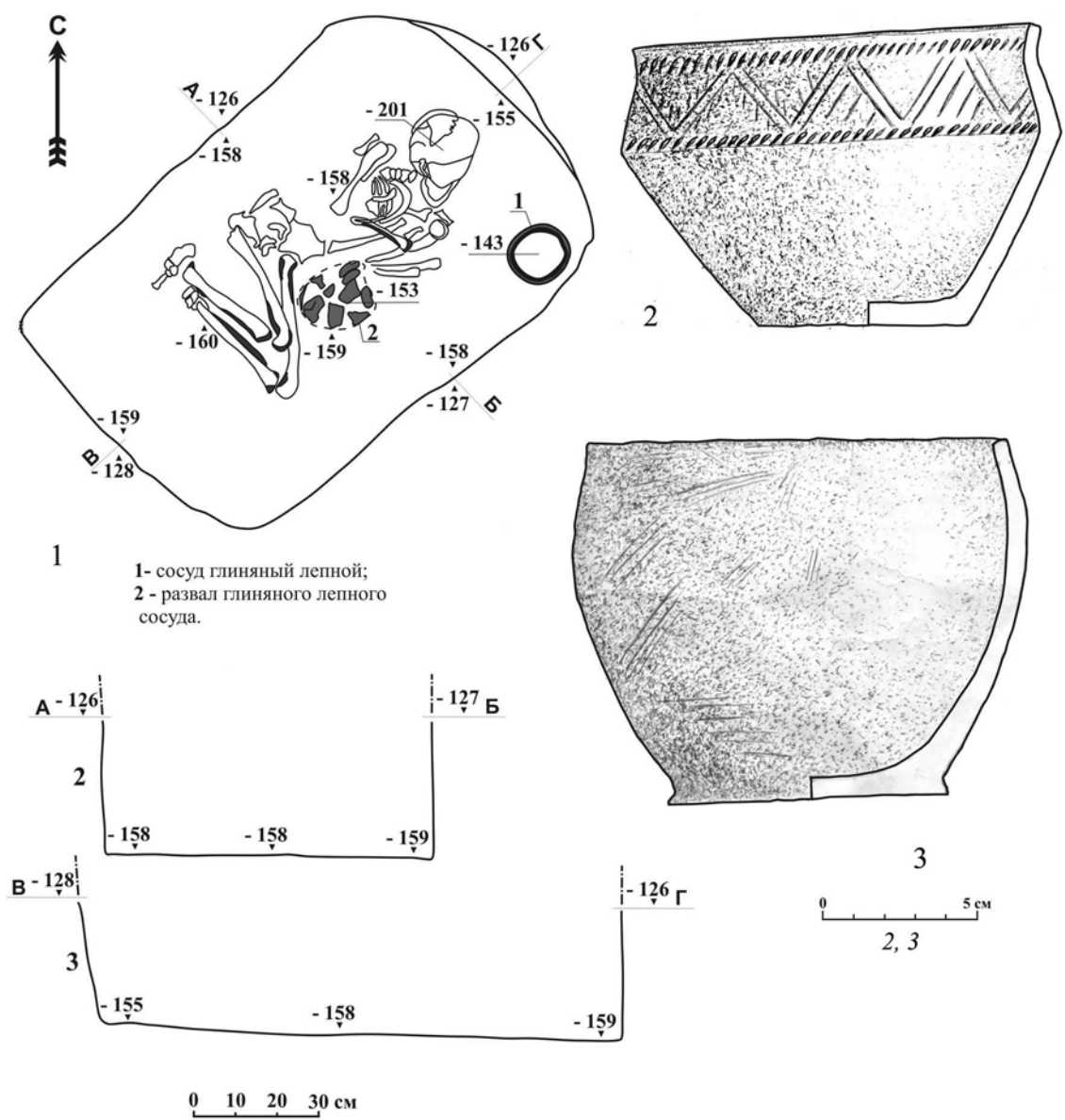

Рис. 5. Курганный могильник Казенный, курган 3. 1 – погребение 3; 2, 3 – керамика из погребения 3

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ В МАРКОВСКОМ И БАЛАКОВСКОМ РАЙОНАХ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2009 г.

В декабре 2009 г. отрядом археологической экспедиции ГУК «НПЦ по историко-культурному наследию области» были проведены охранные археологические исследования на курганном могильнике «Балка Быковка» в Балаковском районе и курганном могильнике «Ястребовка» в Марковском районе Саратовской области, входящих в полосу отвода и попадающих под разрушение в ходе строительных работ в створе планируемого строительства «ВЛ-500кВ от «Балаковская АЭС – ПС «Курдюм» (рис. 1).

Всего исследовано четыре курганных насыпи, содержащих шесть погребений эпохи поздней бронзы и одно погребение сарматского времени.

Курганный могильник «Балка Быковка» открыт в 2009 году И.В.Тупаловым при обследовании оси трассы ВЛ-500 кВ. Он расположен в 9 км к югу-юго-востоку от элеватора с. Маянга Балаковского района Саратовской области, в 8 км к юго-западу от аэропорта г. Балаково, на водоразделе. В 2,1 км к востоку проходит балка «Быковка», давшая название памятнику. Могильник находился на пахотном поле и состоял из двух сильно распаханых насыпей. Раскопан полностью.

Курган 1 - насыпь круглой формы, фактический диаметр составил 16 м. Восточная пола более высокая, она понижалась при нивелировке до 0,22 м, западная пола пологая, она понижалась до 0,12 м. За нулевой репер принята точка в центральной части насыпи, через которую проведена стратиграфическая бровка (рис. 2, 1).

Стратиграфия:

- гумус – современный пахотный слой, толщиной 0,25-0,3 м (глубокой распашкой переотложен также и верхний уровень насыпи);
- насыпь кургана состоит из рыхлого коричневого грунта высотой 0,25 м, фиксировалась практически на всей подкурганной площадке;
- погребенная почва – плотный суглинистый грунт желто-коричневого цвета, с многочисленными норами землероев, переходящий в материковый пласт. Фиксировалась на всей подкурганной площадке, ее мощность составляла 0,3-0,35 м;
- материк – светло-коричневая глина.

В 6,3 м к юго-западу от нулевого репера на уровне погребенной почвы обнаружена тризна, состоящая из фрагментов челюсти, шейных позвонков, пястных и плюсневых костей конечностей МРС. Определено наличие костей не менее чем трех особей разного возраста.¹ Находки подобных остеологических комплексов, состоящих из фрагментов черепа и подиальных отделов конечностей мелкого рогатого скота очень характерны для эпохи поздней бронзы степной и лесостепной зоны (этапы покровской и срубной культур). Как правило, на них фиксируются следы искусственной (кухонной) раздробленности, что характеризует остатки тризны. Характерно при этом и использование в ритуале остатков от нескольких разновозрастных животных. Редко встречаются

¹ Все остеологические определения проведены к.и.н. Л.В.Яворской (Волгоградский гос. университет).

в подобных комплексах позвонки. В данном случае специфичным оказалось и то, что это целые кости и фрагменты от первого и второго шейных позвонков, при чем один из комплектов принадлежал животному рода *ovis* (овца домашняя), а другой – животному рода сарга (коза домашняя).

В кургане выявлено два захоронения.

Погребение 1 – основное выявлено в материке, в центре курганной насыпи (рис. 2; 1). Могильная яма прямоугольной с закругленными углами формы, с вертикальными стенками, ориентированна длинными сторонами с севера на юг. Размеры ямы 1,78 x 1,24 м, глубина от условного нуля 1,03 м, в материке 0,2 м. Дно ровное. Заполнение ямы – рыхлый грунт серо-коричневого цвета с небольшими материковыми включениями.

На дне ямы обнаружено захоронение взрослого человека – мужчина 25-35 лет.² Скелет погребенного был смещен к западной стенке могильной ямы. Он лежал на левом боку, головой на север, руки согнуты в локтях кистями перед лицом, ноги согнуты в коленях под тупым углом к позвоночнику. Часть позвоночника, кисти рук и левая ступня не сохранились (рис. 2; 4). Рядом с черепом обнаружен развал глиняного лепного сосуда округлобокой формы. Венчик короткий, слегка отогнутый, срез прямой с небольшим напылом с внешней стороны, плечо короткое (рис. 2; 2). В тесте примесь толченой раковины. На внешней поверхности следы заглаживания: на плече – горизонтальные, на тулове – вертикальные и наклонные. Размеры: диаметр венчика 16 см, диаметр дна 9 см, высота около 16 см.

Погребение относится к покровской культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 2 выявлено в 8,4 м к западу-северо-западу от условного центра, на уровне материка (рис. 2; 1). Могила была слегка углублена в материк, ее контуры проследить не удалось, но по аналогии с погребением 1 она, вероятно, имела прямоугольную форму, ориентированную длинной стороной с севера на юг. Дно ямы ровное, слегка понижающееся к югу. Глубина могильной ямы 0,92 м от условного нуля.

На дне ямы обнаружен скелет взрослого человека – мужчина 25-35 лет, лежащий на левом боку, головой на север. Ноги согнуты в коленях под тупым углом к позвоночнику. От них сохранилась только бедренная кость левой ноги. Левая рука согнута в локте, кисть прижата к плечу. От черепа сохранилось несколько небольших фрагментов (рис. 2; 5). В 0,2 м от кистей рук, вероятно, в углу могилы найден развал глиняного лепного сосуда (рис. 2; 3). Сосуд округлобокой формы с коротким прямым венчиком. Внешняя поверхность покрыта неглубокими расчесами, тесто с примесью толченых раковин. Размеры: диаметр венчика 20,2 см, диаметр дна 9 см, высота около 18 см. Вероятно, здесь же (сдвинуто бульдозером) находились фрагменты стенки лепного сосуда с примесью шамота в тесте.

Погребение относится к покровской культуре эпохи поздней бронзы.

Курган 2 - насыпь сильно распахана, фактический диаметр равен 14 м. Высота на дневной поверхности, при нивелировке понижалась до 0,11 м. Юго-западный сектор кургана, ближе к условному центру по нивелировочным отметкам плоский из-за находящейся здесь грабительской ямы. За нулевой репер принята точка в центральной части насыпи, через которую проведена стратиграфическая бровка (рис. 3; 1).

Стратиграфия:

- гумус – современный пахотный слой, толщиной 0,25-0,3 м (глубокой распашкой переотложен также и верхний уровень насыпи);

² Все антропологические определения проведены к.б.н. А.А.Евтеевым (Научно-исследовательский институт и музей антропологии им. Анучина МГУ им. М.В.Ломоносова).

- насыпь кургана состоит из однородного рыхлого серого грунта, высотой около 0,25 м. Она воздвигнута над основным срубным погребением № 1, фиксировалась в восточной половине кургана;
- погребенная почва – плотный суглинистый грунт коричнево-желтого цвета, с многочисленными норами землероев, переходящий в материковый пласт. Фиксировалась в восточной части подкурганной площадки, где ее мощность составляла 0,3-0,35 м;
- материк – светло-коричневая глина.

В центральной части насыпи к югу-юго-западу от условного нуля обнаружен материковый выкид из погребений 1 и 2. Его остатки зафиксированы в западном фазе стратиграфической бровки на протяжении около 2 м к югу от нулевого репера. Выкид выглядел неоднородным, ближе к центру он состоял из чистой материковой глины (из погр. 1), а южнее имел слоистую структуру и по форме достаточно резко опускался вниз. Вероятно, погребение № 2 было совершено уже после грабительских раскопок, и выкид из него оказался в затекшей к тому моменту грабительской яме. Его толщина достигала 0,3 м. Сама грабительская яма, принятая изначально за погребение, имела неправильную, но приближающуюся к прямоугольнику форму. Ее размеры около 2,3 x 2,7 м. Стенки, поначалу отвесные, ближе ко дну постепенно сходятся к центру. Глубина от условного нуля 1,54 м. В кургане выявлено 2 погребения.

Погребение 1 – основное, выявлено в материке, в центре курганной насыпи, в 0,1 м к северу от репера (рис. 3; 1). Могильная яма подпрямоугольной с закругленными углами формы, с вертикальными стенками, ориентированная длинными сторонами с северо-востока на юго-запад. Размеры ямы 1,68 x 1,02 м, глубина от условного нуля 1,2 м, в материке 0,3 м. Дно ровное, понижающееся к северу. Заполнение ямы – рыхлый грунт серо-коричневого цвета.

На дне могилы обнаружено захоронение взрослого человека – женщина 35-45 лет. Скелет сильно скорчен и смещен к северо-западной стенке ямы. Умершая лежала, скорчено на левом боку, головой на север-северо-восток. Ноги сильно согнуты в коленях под острым углом к позвоночнику, пятки прижаты к тазу. Через северную часть могилы прошла большаянора и верхняя часть скелета оказалась разрушена, от рук сохранилась только левая плечевая кость (рис. 3; 2). Череп был обнаружен в норе, в юго-восточной стенке погребения 2. В юго-западном углу могилы, найден развал глиняного лепного сосуда. Сосуд округлобокой формы, вертикальных пропорций, с высоким прямым венчиком, срез венчика прямой. От среза до плеча нанесены вертикальные расчески крупнозубчатым штампом. В тесте примесь шамота (рис. 3; 3). Размеры: диаметр венчика 16 см, диаметр дна 9,4 см, высота 17 см.

Погребение относится к покровской культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 2 – впускное, выявлено в материке, в 0,6 м к северу и 0,5 м к западу от условного центра (рис. 3; 1). Могильная яма подовальной формы, с вертикальными стенками, ориентирована длинными сторонами с запада на восток. Яма сильно повреждена землероями, особенно южная стена. Ее примерные размеры 2,1 x 1,2 м, глубина от условного нуля 1,15 м, в материке 0,24 м. Дно ровное. Заполнение ямы – грунт серо-коричневого цвета.

Дно покрыто мелом. На нем обнаружено захоронение взрослого человека – женщина 45-55 лет. Она лежала на спине, головой на юго-запад. Верхняя часть скелета ориентирована с юго-запада на северо-восток. Череп покоится на правом виске. Ноги немного согнуты в коленях и уложены на правый бок, при этом они почти под прямым углом развернуты по отношению к туловищу. Левая рука протянута вдоль туловища, правая разрушена норой. Между ступнями ног и восточной стенкой могилы располагались кости МРС – целая лопатка, кость таза, комплекс шейных позвонков, 1 ребро. Никаких следов разделки, отделения частей от туши не зафиксировано. На позвонках и

ребре не приросли эпифизы головок, что характеризует животное в возрасте моложе 4 лет. Эпифиз головки лопатки прирос, что очерчивает нижнюю границу возраста животного 5 месяцами. Подобный анатомический набор специфичен для раннего железного века степной зоны. По набору костей он не типичен для наборов раннесарматской и позднесарматской культур.

В юго-восточной стенке, в норе обнаружен череп из погребения 1. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Захоронение относится к сарматской культуре раннего железного века. Так как погребение не содержало инвентаря, определить более узкие хронологические рамки для данного погребения затруднительно. Подобная ориентировка, форма могильной ямы, поза погребенного встречается как в савроматской, так и среднесарматской культурах.

Курганный могильник «Ястребовка» открыт в 2009 году В.А.Лопатиным при обследовании оси трассы ВЛ-500 кВ. В результате учтено 6 курганных насыпей, две из которых вошли в створ проектируемого строительства.

Могильник расположен в 4 км к востоку-юго-востоку от с. Ястребовка Марковского района Саратовской области, непосредственно в пункте установки опоры ВЛ-500 под № У-30. Кучевое скопление земляных, сильно уплощенных насыпей занимает возвышенный участок распаханного водораздела, поверхность которого значительно повреждена овражно-балочной денудацией. Одна из древних балок, по ложу которой протекает безымянный ручей, расположена в 300 м западнее курганной группы.

Курган 2 округлой формы, сильно распаханый. Вершина плоская. Фактический диаметр составил 16 м. Высота на дневной поверхности, при нивелировке понижалась от 0,07 м до 0,11 м. За нулевой репер принята точка в центральной части насыпи, через которую проведена стратиграфическая бровка (рис. 4; 1).

Стратиграфия:

- гумус – современный пахотный слой, толщиной 0,25-0,3 м (глубокой распашкой переотложен также и верхний уровень насыпи);
- насыпь кургана состоит из рыхлого серого грунта, высотой 0,15 м, воздвигнута над единственным погребением № 1. Насыпь фиксировалась в северной части кургана;
- погребенная почва – плотный суглинистый грунт коричнево-желтого цвета, с затеками белесых карбонатов, переходящий в материковый пласт. Фиксировалась в северной части насыпи, где ее мощность составляла от 0,2 м до 0,25 м;
- материк – светло-коричневая глина.

К северу от условного центра кургана выявлен материковый выкид из погребения 1. Он располагался на уровне погребенной почвы к западу от могильной ямы. Зафиксирован в восточном фасе центральной стратиграфической бровки в виде слоя мощностью до 0,1 м и протяженностью 1,75 м. В кургане исследовано одно захоронение.

Погребение 1 выявлено в материке, в 2,0 м к востоку и 0,8 м к северу (юго-западный угол могилы) от условного центра (рис. 4; 1). Могильная яма прямоугольной с закругленными углами формы. Ее размеры 1,74 x 1,27 м, ориентирована длинными сторонами с северо-востока на юго-запад. Стенки вертикальные, дно ровное. Глубина от условного нуля составляет 1,57 м, глубина в материке около 1 м. Сверху могила была перекрыта поперечными деревянными плахами, остатки которых обнаружены в наклонном положении от стен к центру ямы. Длина наибольшей из них достигала 0,42 м (рис. 4; 2). Заполнение в верхней части ямы рыхлое, серого цвета, ближе ко дну становится комковатым с кусками материковой глины. В заполнении также встречались мелкие фрагменты деревянного перекрытия.

На дне ямы обнаружено погребение взрослого человека – женщина старше 55 лет. Она лежала согнуто на левом боку, головой на северо-восток. Ноги согнуты в коленях

под тупым углом к позвоночнику. Руки согнуты в локтях, кистями перед лицом (рис. 4; 3). Умершая располагалась на органической трехцветной подстилке. Непосредственно на дне слой серо-зеленого цвета, на нем тлен коричневого цвета (кора ?) и сверху тлен белого цвета. Толщина подстилки местами достигала 1 см. На затылочной части головы и конусом в сторону от нее зафиксирован ворсистый тлен белого цвета, возможно, от головного убора. Инвентарь в захоронении обнаружен не был.

Погребение относится к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Курган 3 расположен в 17 м к юго-западу от кургана № 2. Его насыпь округлой формы, сильно распахана. Вершина плоская, фактический диаметр составил 14 м. Высота на дневной поверхности, при нивелировке понижалась от 0,05 м (западная пола) до 0,21 м (восточная пола). За нулевой репер принята точка в центральной части насыпи, через которую проведена стратиграфическая бровка (рис. 5; 1).

Стратиграфия:

- гумус – современный пахотный слой, толщиной 0,25-0,3 м (глубокой распашкой переотложен также и верхний уровень насыпи);
- насыпь кургана состоит из рыхлого серого грунта, высотой 0,2 м, воздвигнута над двумя погребениями, фиксировалась на всей подкурганной площадке;
- погребенная почва – плотный суглинистый грунт желто-коричневого цвета, с затеками белесых карбонатов, переходящий в материковый пласт. Фиксировалась практически под всей насыпью, где ее мощность составляла от 0,2 м до 0,25 м.
- материк – светло-коричневая глина.

К востоку от погребения 1 на уровне погребенной почвы зафиксирован полукольцевой материковый выкид. Он охватывал северо-восточную и юго-восточную стенки могильной ямы.

В 0,9 м к югу от нуля на уровне материка найдена фаланга-I КРС взрослой особи. В кургане обнаружено два захоронения эпохи поздней бронзы.

Погребение 1 выявлено в материке, в 0,83 м к востоку и 0,15 м к югу (юго-восточный угол могилы) от условного центра (рис. 5; 1). Могильная яма прямоугольной с закругленными углами формы. Ее размеры 1,7 x 1,02-0,8 м, ориентирована длинными сторонами с северо-востока на юго-запад. Стенки вертикальные, за исключением северо-восточной, имеющей у дна плавное закругление. Дно ровное. Глубина от условного нуля составляет 1,43 м, глубина в материке около 0,71 м. Сверху могила была перекрыта поперечными деревянными плахами, мелкие фрагменты которых обнаружены в ее заполнении. Одна из плах видна в стратиграфической бровке. Она имела в поперечнике размер 15 x 10 см и находилась на глубине 0,68 м от условного нуля. Второй крупный фрагмент плахи, сохранившийся на длину 38 см и ширину около 9 см, лежал на черепе, протянувшись от него вдоль северо-восточной стены. Само заполнение представляло собой рыхлый серый грунт

На дне ямы обнаружено погребение взрослого человека – мужчина 25-35 лет. Умерший лежал, согнуто на левом боку, головой на северо-восток. Верхняя часть туловища слегка завалилась на спину. Ноги согнуты в коленях под прямым углом к позвоночнику. Руки согнуты в локтях. Кисти рук, лопатки, часть ребер не сохранились (рис. 5; 3). Умерший лежал на органической подстилке белого цвета. Вдоль левой плечевой кости располагались две деревянные дощечки. Одна длиной 43 см и шириной 3-4 см, вторая, вероятно, такого же размера сохранилась в двух фрагментах. Фрагмент такой же дощечки, длиной 9 см, найден около челюсти погребенного. Небольшие остатки древесного тлена, встречены и на бедренных костях. Однако были ли это такие же дощечки сказать трудно из-за плохой сохранности. Ближе к восточному углу располагался глиняный лепной сосуд. Сосуд баночной формы закрытой профилировки, срез венчика скошен внутрь. На внешней поверхности вертикальные следы от заглаживания

(рис. 5; 2). В тесте примесь шамота. Размеры: диаметр венчика 12,1 см, диаметр дна 8,4 см, высота 9,8 см.

Погребение относится к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 2 выявлено в 1,85 м к западу и 1,0 м к северу (северо-восточный угол могилы) от условного центра кургана, в материке (рис. 5; 1). Могильная яма прямоугольной с закругленными углами формы. Ее размеры по верхнему краю 0,92 x 0,68 м, ориентирована длинными сторонами с северо-востока на юго-запад. Стенки слегка расширяются ко дну, и яма приобретает размеры 0,99 x 0,73 м. Дно ровное. Глубина от условного нуля составляет 1,19 м, глубина в материке около 0,47 м. Заполнение могилы – рыхлый серый грунт, в котором на разной глубине встречены отдельные позвонки и мелкие фрагменты костей, растащенные землероями.

Погребенный – ребенок 4-5 лет – лежал согнуто на левом боку, головой на северо-восток. Ноги согнуты в коленях под прямым углом к позвоночнику, руки согнуты в локтях кистями к лицу. Позвоночник, кисти рук, кости ступней не сохранились (рис. 5; 5). Под черепом зафиксированы остатки белого органического тлена от подстилки. Между костями предплечья и стенкой могильной ямы обнаружен небольшой глиняный лепной сосуд. Сосуд баночной формы закрытой профилировки, срез венчика прямой. В тесте примесь раковины (рис. 5; 4). Размеры: диаметр венчика 8 см, диаметр дна 6 см, высота 7 см.

Погребение относится к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Курганы №№ 1 и 2 курганного могильника «Балка Быковка» сооружены в эпоху поздней бронзы. Возможно, что курган 1 более ранний по отношению к кургану 2. Оба его погребения, относящиеся к покровской культуре, имеют одинаковый обряд захоронения, ориентировку могильных ям, близкие керамические сосуды, что говорит в пользу их одновременности.

Основное погребение кургана 2 также покровское, несмотря на одинаковый обряд захоронения оно в отличие от погребений кургана 1 имеет северо-восточную ориентировку, в керамике отсутствует примесь раковины. В эпоху раннего железного века в насыпь кургана 2 было впущено сарматское погребение № 2. В перерыве между двумя захоронениями в насыпи была сделана грабительская яма. Курганный могильник исследован полностью.

Курганы №№ 2 и 3 курганного могильника «Ястребовка» были сооружены в эпоху поздней бронзы. Они содержали три погребения, относящиеся к срубной культуре.

Рис. 1. Карта-схема расположения курганных могильников Балка Быковка и Ястребовка на территории Саратовской области

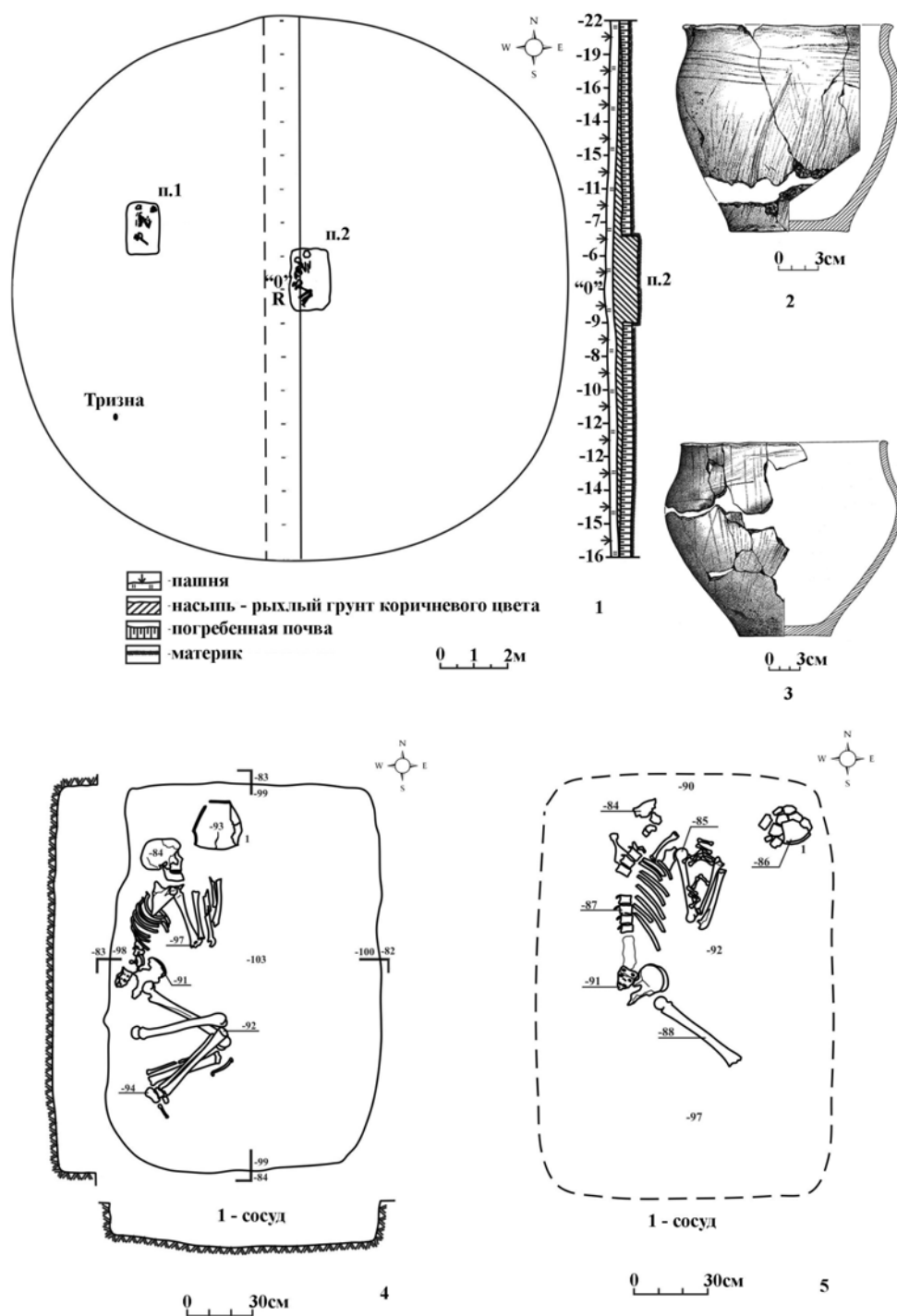

Рис. 2. Курганный могильник Балка Быковка. Курган 1. 1 – план кургана; 2 – сосуд из погребения 1; 3 – сосуд из погребения 2; 4 – план погребения 2; 5 – план погребения 1

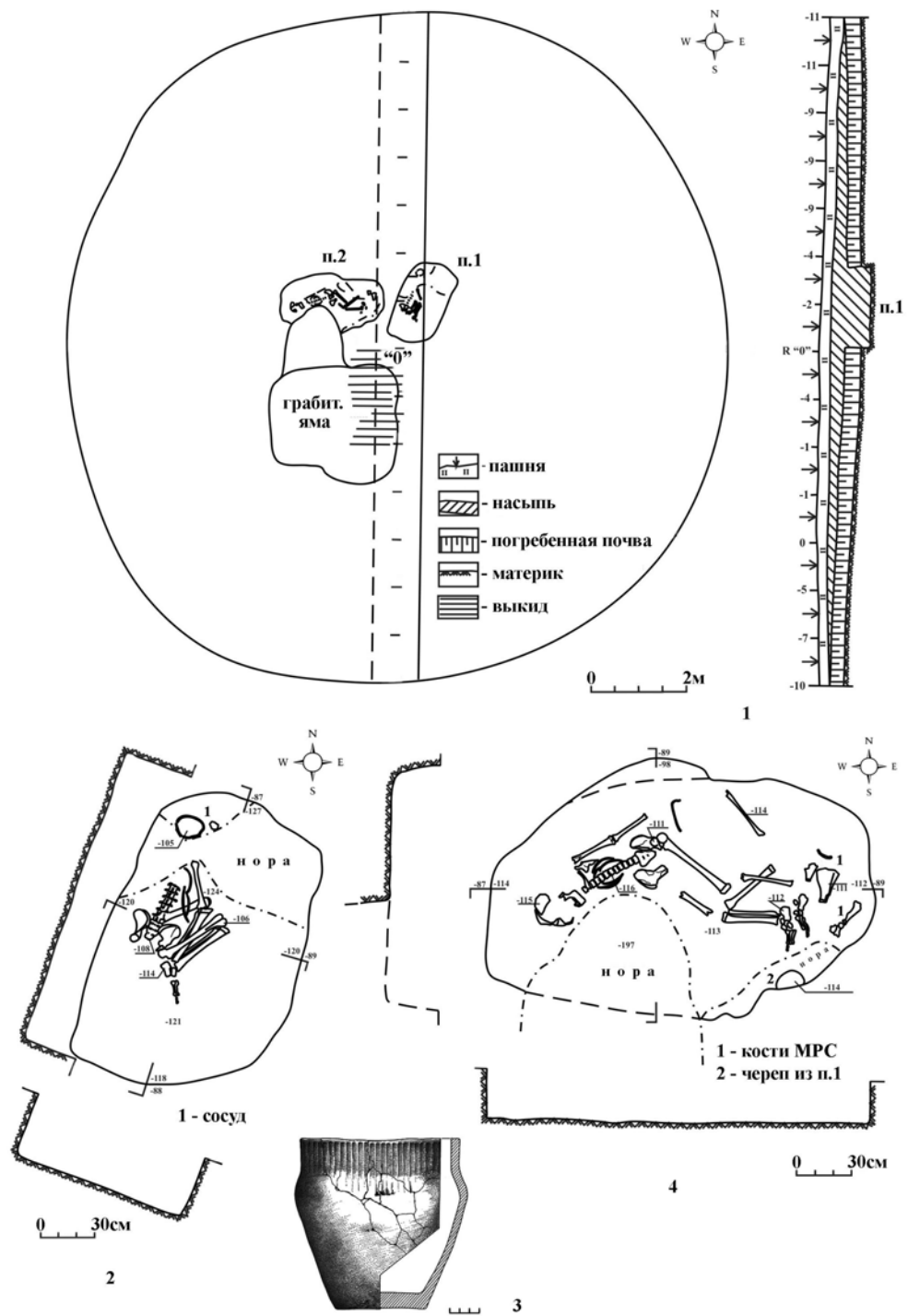

Рис. 3. Курганный могильник Балка Быковка. Курган 2. 1 – план кургана; 2 – план погребения 1; 3 – сосуд из погребения 1; 4 – план погребения 2

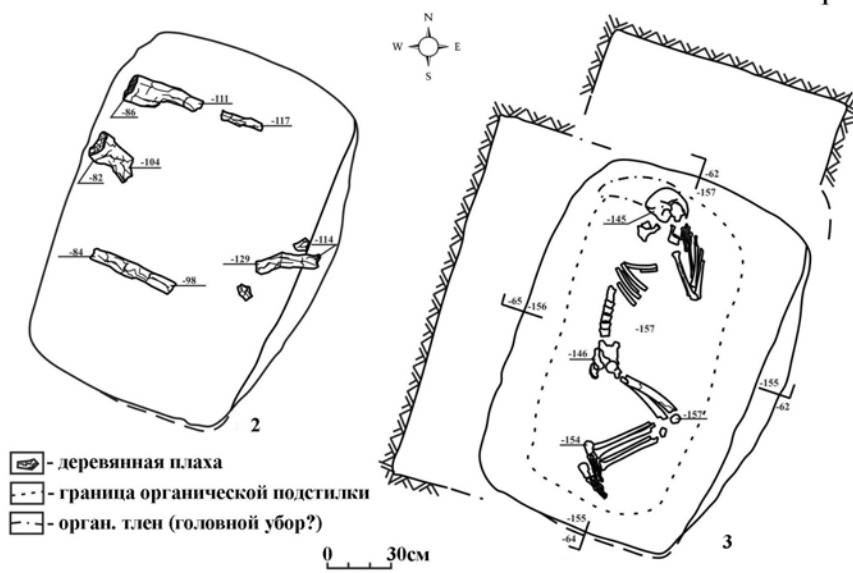
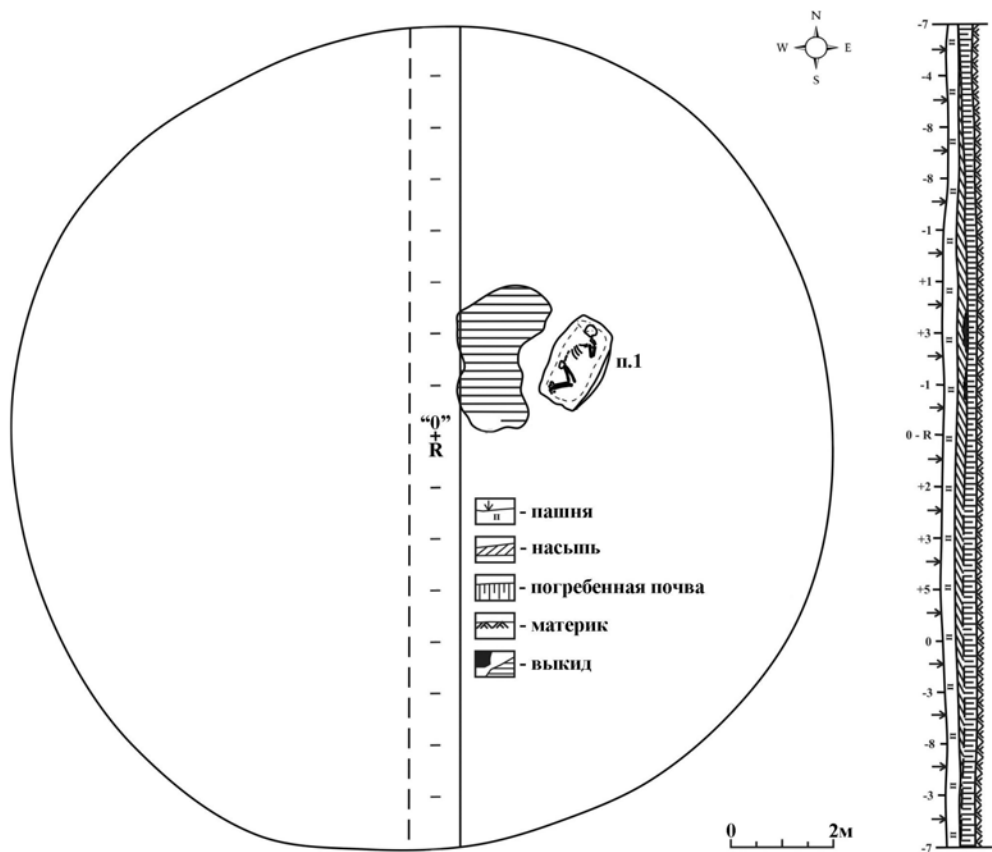

Рис. 4. Курганный могильник Ястребовка. Курган 1. 1 – план кургана; 2 – деревянное перекрытие погребения 1; 3 – план погребения 1

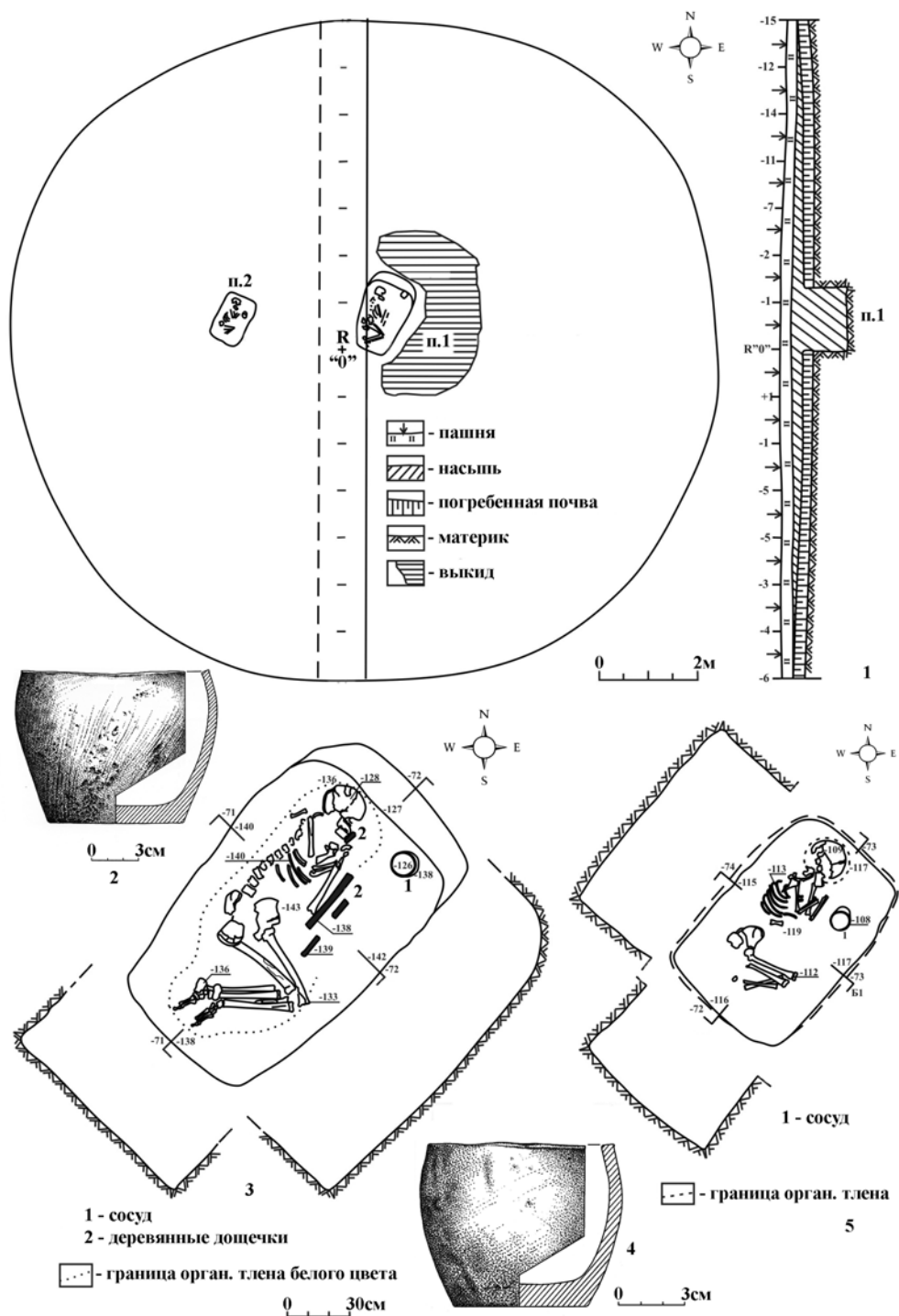

Рис. 5. Курганный могильник Ястребовка. Курган 3. 1 – план кургана; 2 – сосуд из погребения 1; 3 – план погребения 1; 4 – сосуд из погребения 2; 5 – план погребения 2

Попова Н.И., Каргин Ю.Ю.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ НА НАТАЛЬИНСКИХ ОСТРОВАХ В БАЛАКОВСКОМ РАЙОНЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. в Балаковском районе Саратовской области велись интенсивные охранные археологические исследования. Их необходимость была обусловлена формированием береговой линии Саратовского водохранилища, затопившего нижние террасы рек Волга, Балаковка и Берёзовка, а затем – строительными работами в районе с. Натальино, где планировалось сооружение Приволжской (Балаковской) АЭС.

В настоящее время широко известны материалы курганных могильников покровского культурного типа эпохи поздней бронзы Натальино-I и Натальино-II, исследования которых проводились Заволжским отрядом Средневожской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Л.Л. Галкина и Н.М. Малова (Галкин Л.Л., 1976; Малов Н.М., 1977) (рис. 1, 1). Охранные раскопки памятников на стройплощадке Приволжской (Балаковской) АЭС по хоздоговору в 1979-1980 гг. выполнили сотрудники археологической лаборатории СГУ Н.М. Малов и С.Ю. Монахов: тогда были исследованы курганный могильник эпохи поздней бронзы Натальино-II (Малов Н.М., 1980, 1981, 1991, 1999; Волков, 2007), Натальинское городище городищской культуры (Монахов, 1980), а также 1 погребение с кремневым наконечником копья, атрибутированное Н.М. Маловым как энеолитическое (Малов Н.М., 1980; он же, 1981; он же 1999). В это же время инициативные охранные исследования вдоль берега Саратовского водохранилища в этом районе проводил археологический кружок «Искатели» под руководством Н.И. Поповой (Попова Н.И., 1984). Целый комплекс памятников был обнаружен в районе острова Солнечный, образовавшегося в результате затопления нижней береговой террасы р. Берёзовка. Материалы этих раскопок до сих пор не были в полной мере введены в научный оборот.

Несмотря на то, что памятники о-ва Солнечный фигурируют в научных публикациях, их точное местоположение никогда не уточнялось. Остров Солнечный в начале 1980-х гг. был одним из т.н. Натальинских островов – островов верхней террасы р. Берёзовка, оставшихся после затопления низовых террас Саратовским водохранилищем после сооружения Саратовской ГЭС. В это время неподалеку велось строительство АЭС, а острова были соединены насыпной дамбой пруда-охладителя. Таким образом, первоначальный ландшафт изменился до неузнаваемости.

Сопоставив план расположения археологических памятников на т.н. Натальинских островах с картой местности до возникновения Саратовского водохранилища, удалось установить, что все памятники, исследованные в данном районе с 1976 по 1984 гг., находились на краю левой высокой террасы р. Берёзовка (рис. 1, 2). Они представляли собой три компактные группы, между которыми располагалось Натальинское городище городищской культуры:

Группа 1: курганный могильник начала эпохи поздней бронзы Натальино-I;

Группа 2: курганный могильник начала эпохи поздней бронзы Натальино-II, грунтовое погребение (предположительно эпохи энеолита) и 4 поселения эпохи поздней бронзы;

Группа 3: курганы на островах Курганный и Третий, поселение и грунтовой могильник эпохи поздней бронзы на острове Солнечный и поселение эпохи поздней бронзы на острове Курганный.¹

История изучения памятников на «Натальинских островах». Археологические памятники в данной местности не были известны науке вплоть до сооружения Саратовского водохранилища. В 1976 г. студент политехнического института Д. Церковный после участия в археологической экспедиции школьников г. Балаково и Куйбышева и находясь на охоте в районе дач Хлебоприёмного пункта (ХПП) к северо-востоку от г. Балаково, обратил внимание на большое количество древних сосудов на берегу, размываемом Саратовским водохранилищем. После затопления здесь возникло несколько мелких безымянных островов, которые раньше были частью верхней береговой террасы р. Берёзовка. О своих находках Д. Церковный сообщил руководителю археологического кружка при школе № 11 г. Балаково Н.И. Поповой. Осенью этого года местонахождение было осмотрено кружковцами, которым удалось собрать много керамического материала, в т.ч. и несколько целых сосудов. О находках сообщили И.Б. Васильеву в Куйбышевский пединститут, в экспедициях которого кружок участвовал с 1974 г. Остров, где были сделаны находки, получил название «Солнечный».

Летом 1977 г. остров был снова осмотрен школьниками вместе с сотрудниками лаборатории Куйбышевского пединститута С.А. Агаповым и В.И. Пестриковой. На этом месте обнаружили практически полностью разрушенный могильник эпохи поздней бронзы (Агапов С.А., Пестрикова В.И., 1978). Балаковскими школьниками был также осмотрен более крупный остров, отделённый от Солнечного узкой протокой и условно названный «Курганный» (рис. 2). Здесь находилось 2 кургана, один из которых был разрушен: основное погребение находилось под водой, в обрыве зафиксирована линза выкида. Курган № 2 находился дальше от берега и разрушение ему не грозило. В заливе между островами встречалась мелко фрагментированная поселенческая керамика эпохи поздней бронзы, с примесью шамота и песка в тесте, большей частью без орнамента. Под руководством В.И. Пестриковой на месте предполагаемого поселения заложены шурфы, в котором не было обнаружено признаков культурного слоя. Повидимому, поселение затоплено водами водохранилища (Попова Н.И., 1984). Керамика идентична обнаруженной в грунтовом могильнике «Солнечный».

В 1978 г. началось строительство Приволжской (Балаковской) АЭС. Под руководством Н.И. Поповой в это время был обследован участок берега от о-ва Солнечный до строительной площадки АЭС. В результате зафиксировано 3 археологических объекта, в числе которых уже известное на тот момент Натальинское городище. В 1,5 км от села Натальино обнаружено местонахождение эпохи поздней бронзы. В 0,5 км севернее этого памятника у оврага напротив летнего лагеря МТФ зафиксировано ещё одно местонахождение керамики этого же времени. К западу от железного моста через канал водозабора плантации в 1979 г. школьниками найдена бусина из речной раковины и 2 кремневых отщепы. Сведения об открытых памятниках Н.И. Попова предоставила Н.М. Малову, который включил их в свой археологический отчёт (Малов Н.М., 1981).

В данной статье публикуются материалы кургана № 2 группы на острове Курганном и разрушенного кургана с Третьего острова, известных в специальной литературе под общим названием «Солнечный». К сожалению, не все материалы раскопок удалось обнаружить в фондах Музея истории г. Балаково, либо сохранность некоторых из них

¹ Все названия островов условные и были даны им школьниками г. Балаково под руководством Н.И. Поповой.

оказалась в крайне неудовлетворительном состоянии (керамические сосуды), в связи с чем часть их восстановлена по сохранившимся фотографиям и низкокачественным прорисовкам.

Курганный могильник «остров Курганный-1».

В 1981 г. началось строительство пруда-охладителя Балаковской АЭС и все мелкие острова в акватории Саратовского водохранилища севернее АЭС были соединены дамбой. Осенью этого же года были зафиксированы разрушения на кургане № 2 о-ва Курганный: для сооружения дамбы из его насыпи проводился несанкционированный забор грунта: уцелела полоса 13 м в направлении восток-запад и 6-2 м в направлении север-юг. В результате было разрушено несколько впускных погребений. Были исследованы остатки 3-х разрушенных погребений (погребения 1, 2, 4). Весной 1982 г. в кургане № 2 было обнаружено ещё одно детское захоронение (5-6 лет) с западной ориентировкой (погребение 3). Все материалы из кургана № 2 находятся в фондах Музея истории г. Балаково.

Курган № 2.

. Насыпь кургана снималась по секторам вручную, слоями по 20 см. Поскольку часть насыпи срезана при планировке участка под орошение, измерение глубины проводилось от её поверхности у нулевой отметки (рис. 3). С северной стороны в направлении северо-восток – юго-запад насыпь разрезана оросительным каналом. В менее разрушенной северной части кургана сняты профили на север от репера на 4,7 м (профиль 0А) и на восток – на 4,2 м (профиль 0Б). Ввиду сильных разрушений, проведение полноценных стратиграфических наблюдений не представлялось возможным. Максимальный диаметр насыпи неопределим, диаметр первоначальной насыпи 13,5 м. Высота сохранившейся насыпи 0,6 м.

Стратиграфия насыпи.

Северная бровка (0А). Насыпь у нулевой отметки равна 0,6 м. Далее следует слой погребённой почвы мощностью 0,3-0,4 м. На глубине 1 м от нулевой отметки залегает жёлтая материковая глина.

На уровне материка обнаружена прослойка жёлтого суглинка: полоса прерывистая – двумя кусками по 0,2 м с расстоянием между ними 0,4 м. Толщина прослойки 0,03-0,04 см. В 1,7 м от нуля на уровне древней поверхности фиксируется слой материковой глины шириной в 1,8 м и толщиной в 0,23 м, за которым следует углубление, заполненное хорошо гумусированной почвой. У нулевой отметки виден контур ямы погребения № 2. В насыпи кургана заметны 3 слоя по более тёмным полосам погребённого дернового слоя. Курган имеет 2 подсыпки.

Восточная бровка (0Б). Слой погребённой почвы залегает также на глубине 0,6 м, а материковая глина – на глубине 1 м от нуля. Прослойки жёлтого суглинка толщиной 0,03–0,04 м просматриваются также на уровне древней поверхности на расстоянии 0,8 м друг от друга двумя участками. В слое между ними заметна слабая золистость. Слой выкида материковой глины виден на расстоянии 2,2 м от нуля. Его ширина – около 2 м, мощность до 0,08 м, углубление за ним заполнено сильно гумусированной почвой. При расчистке разрушенной южной части кургана обнаружен участок канавки.

Профили бровок позволяют констатировать, что насыпь кургана досыпалась трижды. Первоначально диаметр кургана составлял 13,5 м, он был обнесён рвом, трапециевидным в сечении и глубиной 1 м от древней поверхности. Ширина дна при этом составляла до 1 м, а ширина верхней части 1,7 м. Грунт из рва выбрасывался в сторону ритуальной площадки: он просматривается в северных, менее разрушенных секторах кургана.

В первичной насыпи встречается керамика сосудов ручной лепки с примесью толчёной раковины и орнаментом, выполненным мелкозубчатым штампом в виде вер-

тикальных и наклонных оттисков, разделённых горизонтальными рядами более глубоких вдавливания щепкой или штампом (рис. 8, а, в). Такая керамика зафиксирована и в слое погребённой почвы под первичной насыпью (рис. 8, б). Такого рода керамику Н.М. Малов, О.В. Сергеева и М.Г. Ким (2009) относят к вольскому типу эпохи средней бронзы.

Во вторичной насыпи и в заполнении рва встречается фрагментированная керамика срубной культуры.

В третьей насыпи встречены фрагменты сероглиняной керамики, а на глубине 0,15 м в северо-восточном секторе кургана найден трёхгранный втульчатый костяной наконечник (рис. 8, е).

В насыпи кургана обнаружены остатки кострища, точную форму и размеры которого из-за разрушений не удалось установить.

На глубине 0,4 м к юго-востоку от нуля прослеживается площадка диаметром 2,5 м, засыпанная светло-жёлтым суглинком и обнесённая канавкой шириной 0,2-0,3 м и глубиной 0,2-0,25 м, заполненной этим же суглинком. Внутри этого участка обнаружены зола, мелкие угли, а на участке диаметром около 1 м, расположенном в 2 м к юго-востоку от нуля, грунт чёрный, жирный с остатками кальцинированных костей. На глубину 0,2-0,4 м внутри кольца и к юго-востоку за его пределами грунт золистый. Это, по-видимому, остатки крупного ритуального кострища 1.

К юго-востоку от нуля, за пределами первой насыпи, обнаружены остатки костра 2 диаметром 0,7 м со слабым золистым слоем.

В кургане расчищено 5 погребений.

Погребение 1 (рис. 4, 1). Погребение сильно разрушено. Остатки скелета разбросаны на площади 2х1,5 м на глубине 0,39 м от нулевой отметки. Кости черепа находятся в восточной части этого участка. In situ сохранились кости кисти правой руки, положенной ладонью вниз, и бронзовый двулезвийный нож, конец лезвия которого находился под костями мизинца и среднего пальца. По положению правой руки ладонью вниз, можно предположить, что погребённый лежал на левом боку головой на восток. Руки, вероятно, были протянуты к коленям.

Нож листовидной формы длиной 14,4 см, с узким лезвием (рис. 4, а). Лезвие имеет длину около 10 см, ширину 3,3 см, толщину по оси 2 мм, постепенно уменьшающуюся к краям. Лезвие плавно переходит в черенок, слегка суженный в центре. Толщина черенка 2 мм у лезвия, конец его слегка расплюсчен. На черенок была одета деревянная ручка, остатки тлена которой имеют волокнистую структуру.

По классификации С.Н. Кореневского, листовидный нож из погребения относится к группе 4: изделия такого типа появляются у племён ямной культуры в период их знакомства с мышьяковыми бронзами, т.е. во второй половине III тыс. до н.э. и прочно входят в обиход степных племён вплоть до конца бронзового века (Кореневский С.Н., 1978, с. 46-47). Учитывая стратиграфию кургана, погребение № 1 следует отнести, по всей видимости, к полтавкинской культуре эпохи средней бронзы.

Погребение 2 (рис. 5, 1). Зафиксировано на глубине 0,5 м от нуля. Земляными работами разрушена верхняя часть скелета – череп, шейные позвонки, кости ключиц. Длина могильной ямы около 2 м (верхняя часть разрушена), ширина 0,9 м. Длинные стороны ямы ориентированы в направлении север – юг. Погребённый положен на деревянный настил из толстых досок (древесный тлен составляет до 0,08 м) головой на юг, на спине, с вытянутыми ногами, руки лежат вдоль туловища, кисти рук лежат на тазовых костях.

У пятки правой ноги зафиксировано *биконическое керамическое пряслице* (рис. 5, в). Высота пряслица 3,8 см, верхний конус высотой 1,9 см, диаметр его по верху 1,2 см. Отверстие немного смещено от центра, с неровными, рваными краями и наплывом во-

круг отверстия. Второй конус имеет высоту 1,3 см, диаметр верха 2,2 см, имеет вогнутую поверхность с таким же отверстием, но с гладкими ровными краями. Максимальный диаметр пряслица – в месте соединения двух конусов – 3,3 см.

У голени правой ноги зафиксирован *сосуд* горизонтальных пропорций (рис. 5, *г*), грубой лепки. Черепок чёрный, непрочный – рассыпался при расчистке. О форме сосуда можно судить по кому почвы, заполнявшей сосуд.

В засыпке могильной ямы в области ног земля имеет слабую золистость и мелкие угольки. При просеивании грунта в области головы и шеи найдено *бронзовое кольцо* (рис. 5, *б*) из проволоки толщиной в 1,2 мм и диаметром 1,2 см, а также *фрагменты бронзового украшения (зеркала)* (рис. 5, *а*).

По характеру погребального инвентаря захоронение относится к раннесарматскому времени.

Погребение 3 (рис. 4, 2). Дно могильной ямы фиксируется на глубине 0,42 м от нулевого репера. Погребение совершено чуть западнее погребения 2.

Погребение детское, скелет очень плохой сохранности. Точные размеры могильной ямы из-за сильных разрушений восстановить не удалось. Ребёнок был положен на спину, как и в погребении 2 на настил из досок, но более тонких, головой на запад. Зубы все молочные, трубчатые кости очень тонкие и плохой сохранности. Можно предположить, что данное погребение синхронно погребению 2 и относится к раннесарматской культуре.

Погребение 4 (рис. 4, 3). Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 0,42 м от нулевого репера. Погребение находится к юго-востоку от нулевой отметки, сильно разрушено: кости разбросаны на участке 1,4 x 0,8 м. Кости черепа находятся в северо-восточной его части. *In situ* сохранились лишь кости голени и стоп обеих ног. Ноги погребённого согнуты коленями на восток. Вероятно, костяк лежал головой на северо-восток, лицом на восток.

Среди разбросанных костей обнаружен *кремневый скребок* размером 2,5x 2 см (рис. 4, *б*) с обработанным ретушью рабочим краем и высокой спинкой. Скребок изготовлен из высококачественного тёмно-серого кремня.

По косвенным данным, таким как положение ног и характерная керамика во второй насыпи кургана, погребение 4 можно отнести к эпохе поздней бронзы.

Погребение 5 (основное) (рис. 6). Располагается в юго-восточном секторе, на большей части которого разрушен и материковый слой, в связи с чем очертания могильной ямы зафиксированы только на уровне погребения – 1,8 м от нулевой отметки. Погребение совершено в прямоугольной яме с закруглёнными углами размером 3,7 x 2,5 м. Длинные стороны ориентированы в направлении запад–восток.

Конструкция могильного сооружения. По периметру могильной ямы выкопана канавка шириной 0,25-0,30 м и глубиной 0,2 м (рис. 6, 2), которая заполнена чистым, принесённым со стороны суглинком светло-жёлтого цвета. В юго-восточном углу могильной ямы канавка прерывается, образуя своеобразный «вход» в могильную яму шириной 1,3 м. По углам и длинным сторонам могильной ямы поставлены столбы толщиной в 0,2-0,25 м.

На глубине 1,5 м от нулевой отметки в заполнении ямы и в её западном конце обнаружено пятно, окрашенное охрой с примесью мела диаметром около 1,5 м. Наибольшая концентрация охры – к центру пятна на участке 0,4-0,5 кв. м. Пятно находится над ногами погребённого.

В центре северной части могильной ямы, на той же глубине зафиксировано несколько мелких трубчатых костей.

По всей площади ямы виден древесный тлен от перекрытий. Особенно мощным оно было над верхней частью скелета, где древесный тлен от плах достигает толщины

0,150,18 м (рис. 6, 1). По расположению волокон можно сделать вывод, что плахи располагались поперёк могильной ямы.

Скелет 1. На дне могильной ямы зафиксирован скелет взрослого человека настолько плохой сохранности, что достоверно определить его положение не представляется возможным. Значительно лучше сохранились кости голени и стопы. Судя по остаткам костного тлена, погребённый лежал на спине, головой на восток. Ноги, вероятно, были подогнуты и стояли коленями вверх, завалившись впоследствии вправо. Верхняя часть скелета находилась на зольном пятне диаметром до 1 м. Поверх золы, также под торсом погребённого, имеется пятно меловой подсыпки диаметром до 0,6 м. Костяк был посыпан охрой; позвоночник и особенно кости голени и стопы красные от охры.

Скелет 2 и тризна. С правой стороны погребённого, в северной части погребения, зафиксированы трубчатые и плоские кости животных – вероятно, остатки пищи – также плохой сохранности. У северной стенки могильной ямы обнаружены остатки скелета ребёнка с молочными зубами – также плохой сохранности.

Сосуд 1. Слева от погребённого, у поясицы, находился керамический сосуд (рис. 7, а). Сосуд слабопрофилированный с округлыми плечиками, шейкой высотой 2,5 см и уплощённым дном. Переход от шейки у тулова отмечен уступом. Высота сосуда – 23,8 см, максимальный диаметр тулова 23,2, диаметр венчика 20,8 см. Композиция орнамента своеобразна: она образована вертикальными многорядными зигзагами, выполненными крупным зубчатым штампом, а между ними находятся вертикальные ряды из крупных налепных кругов по 3 в каждом. Диаметр налепных кругов около 3 см. Каждая полоса зигзага начинается от шейки 3-5 строчками, но уже на втором повороте все они становятся двустрочными. Зигзаги не доходят до дна сосуда. В глине обильная примесь органики и толчёной раковины, от которой керамика приобрела тёмно серый цвет. Керамика плохого кострового обжига, черепок рыхлый, непрочный. Внутри сосуд покрыт чёрным налётом (нагаром?). По форме и технике нанесения орнамента сосуд типично полтавкинский, хотя прямых аналогий орнаментальной композиции нам не известно. Сосуд уже был опубликован ранее (Мочалов О.Д., 2008, с. 70). Налепные элементы в виде шишечек известны на Кавказе, вертикальный зигзаг встречается на посуде позднеэнеолитических памятников леса и лесостепи. Позже шишечки встречаются на сосудах синташтинских и покровских памятников (Мочалов О.Д., 2008, с. 76).

Бронзовые пластины. У ног погребённого зафиксированы 3 бронзовые пластины с пуансонным орнаментом, штампованным с внутренней стороны и образующим на лицевой стороне перекрещивающиеся полосы (рис. 7, б). Две пластины представляют собой 2 фрагмента с закруглёнными углами, соединяющиеся в целую пластину с плавно загибающимся во внутреннюю сторону краем. Третья пластина плавно и равномерно согнута по всей длине лицевой стороной наружу и имеет трапециевидные края. Ширина пластин от 1,7 до 2,0 см. Пластины 1 и 2 орнаментированы пуансонным орнаментом в виде продольной полосы, наискось пересекающейся параллельными друг другу отрезками. С лицевой стороны поверх всей композиции орнамента нанесена продавленная линия с нисходящими от неё параллельными кривыми. На пластине 3 орнамент нанесён исключительно пуансонным орнаментом, образующим сеть пересекающихся линий: пластина сильно окислена, что затрудняет детальное рассмотрение всей композиции орнамента на её поверхности. Вдоль длинных сторон пластин расположены бронзовые гвозди, с помощью которых они крепились к деревянному предмету. Гвозди длиной до 1,2 см представляют собой плотно свёрнутый в 1,5 оборота лист металла, с расплюсченной в виде шляпки верхушкой, располагающейся на лицевой стороне пластин. На внутренней стороне пластин сохранились остатки дерева, под влиянием окислов превратившихся в субстанцию, напоминающую пробку. Пластины 1 и 2 были рас-

положены ниже пластины 3 на 12 см, поперёк их, по центру закруглёнными концами вверх. Судя по всему, данные пластины являлись накладками деревянного сосуда сложной конфигурации, возможно, ковша. Ковш мог выполнять ритуальную функцию, поскольку в погребении он находился над пятном охры и мела, которыми посыпаны ноги погребённого. Среди синхронных археологических материалов близких аналогов бронзовым пластинам из погребения 5 нам обнаружить не удалось. Однако сама техника пуансонного орнамента на металлических изделиях широко распространена в Северокавказском регионе и Северном Причерноморье в среде древнеямной и раннекатакомбной культур (Черняков И.Т., Никитин В.И., 1988, с. 33-34).

По всем признакам погребение 5 является основным в кургане и относится к полтавтинской культуре раннего этапа среднего бронзового века. Такого рода захоронения со сложным погребальным обрядом и основательными конструкциями погребальной камеры широко известны на территории Волго-Уральского региона. Между тем, необходимо отметить своеобразие погребального инвентаря, позволяющее считать данное погребение неординарным. Близким ему по времени, вероятно, является погребение 1, содержащее листовидный бронзовый нож с узким лезвием. Связь между этими погребениями трудно установить из-за масштабности разрушений курганной насыпи. В дальнейшем над погребениями 1 и 5 была сооружена первая насыпь. Под первой насыпью оказалась ритуальная площадка, засыпанная жёлтым суглинком и окруженная округлым рвом, выкид из которого образовал невысокий вал по краю этой площадки. Сюда же следует отнести и кострище 2. Данные признаки организации подкурганного пространства характерны именно для полтавтинской культуры эпохи средней бронзы лесостепных районов Заволжья (Васильев, Матвеева, 1986). Позже, в эпоху поздней бронзы, было произведено захоронение 4 и досыпка кургана, в которой встречаются фрагменты соответствующей керамики. В раннем железном веке, вероятно, одновременно были совершены погребения 2 и 3, относящиеся к ранним сарматам, после чего произведена 3-я досыпка кургана.

Могильник «Курганный-2». Осенью 1981 г. при осмотре береговой линии острова «Курганный» вблизи кургана было обнаружено 2 разрушающихся погребения (рис. 3).

Погребения располагались на расстоянии около 60 м по береговой линии друг от друга. В западной части этого участка берег разрушен строительными работами на 4 м от края и до 3 м в глубину. В этой яме найдены человеческие останки из разрушенных погребений.

Погребение 1. Могильная яма прямоугольной формы, ее длинные стороны ориентированы с юго-востока на северо-запад. Длина ямы 1,8 м, глубина 2,3 м от дневной поверхности. На дне могильной ямы зафиксированы кости предплечья, несколько костей запястья и фаланги двух пальцев. В осыпи обнаружены остальные кости скелета. Погребение засыпано почвой, над которой находится слой жёлтого суглинка мощностью от 0,03 до 0,10 м, а затем могильная яма засыпана гумусированным слоем. Судя по вмятине от черепа на обрыве и по положению остатков скелета можно восстановить, что погребённый был ориентирован головой на северо-запад и лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. На берегу, в 10-15 м восточнее этого погребения, найден череп взрослого человека.

Западнее погребения 1 обнаружена могильная яма **погребения 2**. Очертания ямы чёткие, но остатков скелета не обнаружено.

Ввиду отсутствия инвентаря, установить культурную принадлежность обоих погребений не представляется возможным. Поскольку антропогенные разрушения террасы достаточно велики, существует вероятность, что обнаруженные погребения относятся к разрушенным курганам, ранее составлявшим одну группу с курганом № 2.

Подъёмный материал с острова Солнечный.

В 1977 г. между островами Солнечный и Курганый было найдено много поселенческой керамики. Под руководством В.И. Пестриковой на месте предполагаемого поселения заложен разведочный шурф, в котором культурный слой обнаружен не был. По-видимому, керамику вымыло из затопленного водохранилищем поселения.

В 1981 г. вдоль берега возле могильника Курганый и восточнее его на 0,35 км был собран подъёмный материал. Найдено большое количество керамики, кремневые и кварцитовые сколы, а также костяные орудия.

Керамический материал можно разделить на 4 группы: 1. Фрагменты сосудов грубой ручной лепки с примесью шамота, относящиеся к срубной культуре эпохи поздней бронзы; 2. Фрагменты сосудов грубой ручной лепки с примесью толчёной раковины, относящиеся к эпохе средней-началу поздней бронзы; 3. Сероглиняная гончарная керамика раннего железного века; 4. Красноглиняная гончарная керамика эпохи средневековья.

Наиболее многочисленна керамика эпохи поздней бронзы. Венчики преимущественно с прямым срезом, в том числе и орнаментированные. Орнамент выполнен зубчатым штампом, нажимами пальца, а на одном фрагменте есть защипы по наружному срезу венчика. Среди сюжетов орнамента большей частью встречаются насечки щепкой разной толщины, композиции из заштрихованных треугольников, один фрагмент орнаментирован оттиском ногтя в виде радиально расходящихся полос. 1 фрагмент венчика и 2 фрагмента стенок орнаментированы расчёсами зубчатого штампа. Керамика это толстостенная, желтовато-серого цвета, венчик отогнут наружу.

У нескольких фрагментов керамики в тесте встречена примесь толчёной раковины: среди них выделяются фрагменты сосудов покровского культурного типа с примесью толчёной раковины, толстостенных, с внутренним ребром на шейке. У 3 фрагментов, в т.ч. у 1 венчика, в тесте отмечена примесь слюды.

Найдено также 2 фрагмента керамики с налестами: на одном фрагменте валик без орнамента, на другом – с орнаментом в виде ногтевых вдавлений (рис. 8, з, д).

Несколько фрагментов сероглиняной керамики с лощёными горизонтальными и вертикальными полосами на поверхности, вероятно, относятся к раннему железному веку.

Довольно многочисленна и красноглиняная гончарная керамика эпохи средневековья хорошего горнового обжига. Орнаментированы фрагменты продольными и трёхволновыми параллельными полосами. Несколько более поздних фрагментов имеют золотисто-коричневую поливу. Один фрагмент имеет бирюзовую поливу по белому ангобу, тесто этого фрагмента серое.

Орудия из кремня. Кремьё большей частью местного происхождения, меловой, светло-серого, беловатого и розового цветов. Среди кремневого инвентаря 2 ножевидные пластины, нож на ножевидной пластине, скребок на отщепе, 2 заготовки для накопечников стрел и конический нуклеус. Нуклеус из кремня светло-серого цвета высотой 3,2 см и шириной ударной площадки 1,9 см (рис. 9, б).

Ножевидные пластины из светлосерого низкопробного мелового кремня размерами 2,1 x 1,4 x 0,4 см и 2,2 x 2,3 x 0,4 см, имеют подтреугольную форму в сечении. У первой на одном ребре режцовый скол, у второй – выемка.

Скребок на отщепе подтреугольной формы. В верхней части скребка одна его сторона подправлена, а на второй ретушью сформирован рабочий край. Третий край не обработан.

Кремневый нож на ножевидной пластине светло-серого высококачественного кремня размером 6,2 x 1,7 x 0,4 см несколько изогнут к ударному бугорку, оба края ретушированы (рис. 9, а).

Найдено также 3 обломка кремневых заготовок для наконечников стрел, один из которых представляет собой основание стрелы.

Один предмет, вероятно, следует идентифицировать как комбинированное оружие: кремневый скол имеет форму, близкую к трапеции, большое основание которой имеет выемку, использовавшуюся, по-видимому, как скобель. Одним из прилегающих углов это орудие напоминает перфоратор.

Костяной инвентарь представлен половиной крупного предмета с отверстием по середине – вероятно, пряслице (рис. 9, в).

Весь подъёмный материал, по-видимому, вымывается из затопленного водохранилищем многослойного поселения.

Керамический сосуд раннего железного века.

Весной 1981 г. на соседнем Третьем острове во время строительства дамбы охладителя АЭС был разрушен ещё один могильник, вероятно, курганный (рис. 2). Единственный керамический сосуд, обнаруженный экскаваторщиком, был передан этнографическому кружку детской турбазы, откуда его направили в кружок юных археологов при школе № 11 (рис. 9, з). Сосуд уникален, поскольку по форме напоминает бронзовые клёпаные котлы раннего железного века. Н.И. Попова вместе со школьниками осмотрела место обнаружения находки: на месте предполагаемого археологического памятника находилась большая яма. Таким образом, памятник уничтожен полностью, не сохранилось погребений или иных находок, с которыми можно было бы соотнести данный сосуд.

Сосуд керамический, асимметричный, ручной лепки с тщательно заглаженной, слегка залощённой поверхностью. Форма кубковидная, с двумя плоскими лепными ручками, направленными вверх от среза венчика, а также с высоким, расширяющимся к низу поддоном. Верхняя часть сосуда постепенно расширяется кверху, венчик слегка закрыт.

Высота сосуда с поддоном 7,3 см, внутренняя «чаша» глубиной 5,2 см; диаметр венчика 7,2 см, диаметр широкой части поддона 5,3 см, зауженной – 3,4 см; высота свода поддона 8 мм. Плоские ручки имеют основание до 3 см, постепенно сужаются и закругляются кверху. Высота ручек 1 см, диаметр отверстия 1 см.

Поверхность сосуда украшена точечным орнаментом, выполненным тонкой (менее 1 мм в диаметре) соломинкой или травинкой. Ряд наколов идёт по самому наружному краю венчика, обводит ручки. По тулову такими же наколами выполнен орнамент в виде неровных, местами прерывающимися зигзагов. В целом, орнамент на тулове двумя зигзагами разделён на 3 орнаментальные зоны, причём нижний зигзаг расположен наискось и прерывается. Между двумя зигзагами, под наиболее хорошо сохранившейся ручкой, находится ещё одно выполненное наколами изображение, напоминающее зигзаг, соединённый с нижним зигзагом несколькими вертикальными линиями. По расширенной части поддона такими же наколами выполнен зигзаг, который по своему построению, вероятно, имитирует отражение зигзага на нижней части тулова. Однако, в отличие от верхнего зигзага, он выполнен слитно.

Стенки сосуда очень тонкие, у венчика их толщина достигает 3 мм, к поддону утолщаются.

Обжиг неплохой, вероятно, очажный, неровный. Цвет сосуда светло-серый, местами розоватый. На изломе черепок чёрный. В глине примесь шамота и дресвы. По фактуре черепка и примеси сосуд можно было бы отнести к срубной культуре. Однако по форме он напоминает клёпаные котлы раннего железного века. По всей видимости, сосуд следует отнести к киммерийскому – раннесарматскому времени. В настоящее время он хранится в фондах СОМК.

* * *

Археологические памятники, обнаруженные в районе о-ва Солнечный и в районе Балаковской АЭС, достаточно разнообразны в культурном отношении и буквально изобилуют новыми и, в своём роде, уникальными материалами. Северные районы Саратовского Заволжья в настоящий момент не достаточно изучены и их исследование, несомненно, представляется перспективным.

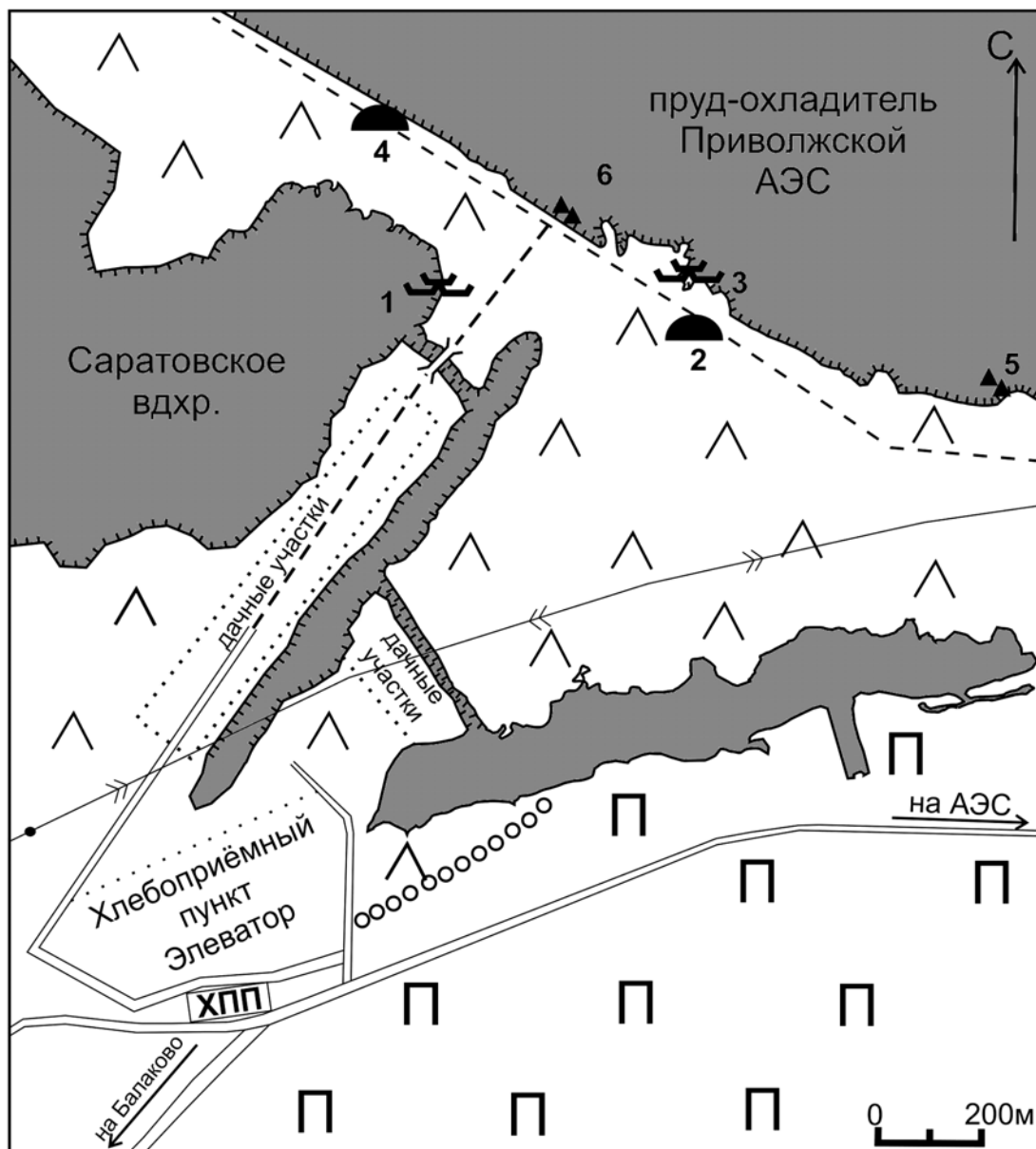
Литература

- Агапов С.А., Ватазина А.П., Пестрикова В.И.* Работы на севере Саратовской области // АО 1977. М., 1978.
- Васильев И.Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: 1986.
- Волков В.А.* Археологическое изучение Балаковского района Саратовской области // Балаковская народная энциклопедия. Саратов, 2007.
- Галкин Л.Л.* Отчёт о работе Средневожской экспедиции ИА АН СССР в 1976 г. М., 1976. Архив ИА РАН. Р-1, № 5843, 5843а.
- Галкин Л.Л., Ким М.Г., Либеров П.Д., Малов Н.М., Мельник В.И.* Раскопки курганов в Саратовском Заволжье // АО – 1976. М., 1977.
- Галкин Л.Л., Ким М.Г., Малов Н.М., Мельник В.И.* Исследования в Ульяновском Средневожье и Саратовском Заволжье // АО – 1977. М., 1978.
- Корневский С.Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА, 1978. № 2.
- Малов Н.М.* Отчёт об археологических разведках, произведённых в Саратовской области в 1977 г. Саратов, 1977. Архив ИА РАН. Р-1, № 6710.
- Малов Н.М.* Исследование памятников эпохи меди и бронзы в Саратовском Поволжье // АО – 1979. М., 1980.
- Малов Н.М.* Раскопки в Саратовском Поволжье // АО – 1980. М., 1981.
- Малов Н.М.* Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Малов Н.М.* Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: История и современность. Саратов, 1999.
- Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г.* Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // АВЕС. Саратов, 2009. Вып. 7.
- Монахов С.Ю.* Раскопки городища у с. Натальино в Саратовской области // АО – 1979. М., 1980.
- Мочалов О.Д.* Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара, 2008.
- Пестрикова В.И.* Отчёт о работах в Балаковском районе Саратовской области в 1977 г. по открытому листу № 303. Куйбышев, 1978. Архив ИА РАН. Р-1, № 6963, 6963а.
- Петрова Н.Ф., Малов Н.М.* Работы Саратовского областного музея краеведения // АО – 1977. М., 1978.
- Попова Н.И.* Отчёт о раскопках в Балаковском и Хвалынском районах в 1983 г. Балаково, 1984. Архив ИА РАН. Р-1, № 9344, 9344а.
- Черняков И.Т., Никитин В.И.* Металлические украшения с пуансонным орнаментом ямной и катакомбной культур // СА, 1988. № 4.

◐ - раскопанный курган ◑ - нераскопанный курган ┌ - грунтовой могильник	★ - поселение ■ - городище

Рис. 1. Археологические памятники близ с. Натальино: 1 – современный вид местности; 2 – местность до сооружения Саратовского водохранилища, Приволжской АЭС и пруда-охладителя

Условные обозначения:

==	- шоссе	↔	- ЛЭП
- - -	- дорога	1	- грунтовый могильник Солнечный
⌒	- мост	2	- курганный могильник "Курганный"
П	- пашня	3	- грунтовые погребения "Курганный"
^	- выгон	4	- курган на острове "Третий"
⌒	- линия обрыва	5, 6	- местонахождения поселенческой керамики
oooo	- лесополоса		

Рис. 2. Археологические памятники на Натальинских островах

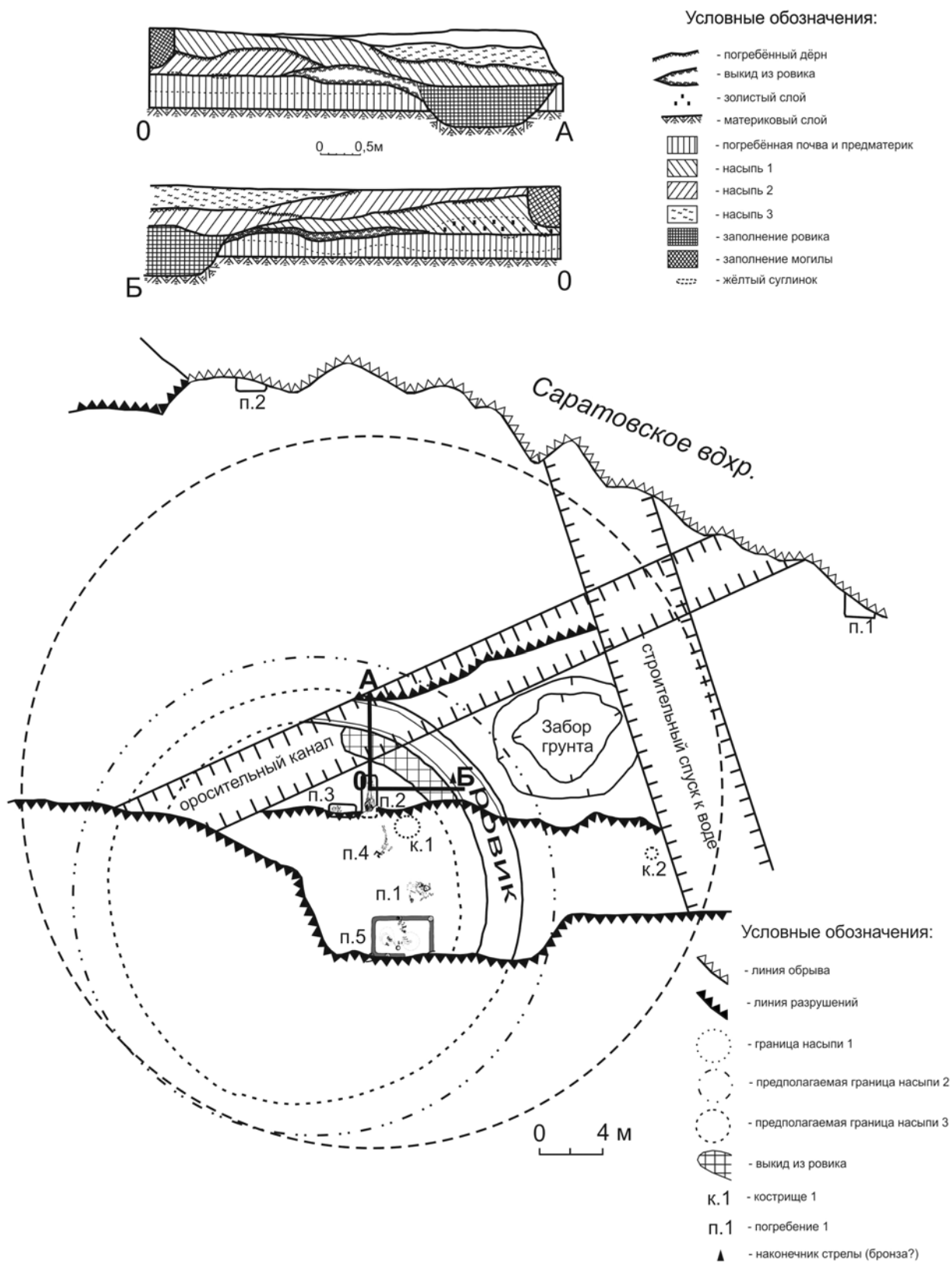

Рис. 3. План кургана № 2 на острове «Курганный»

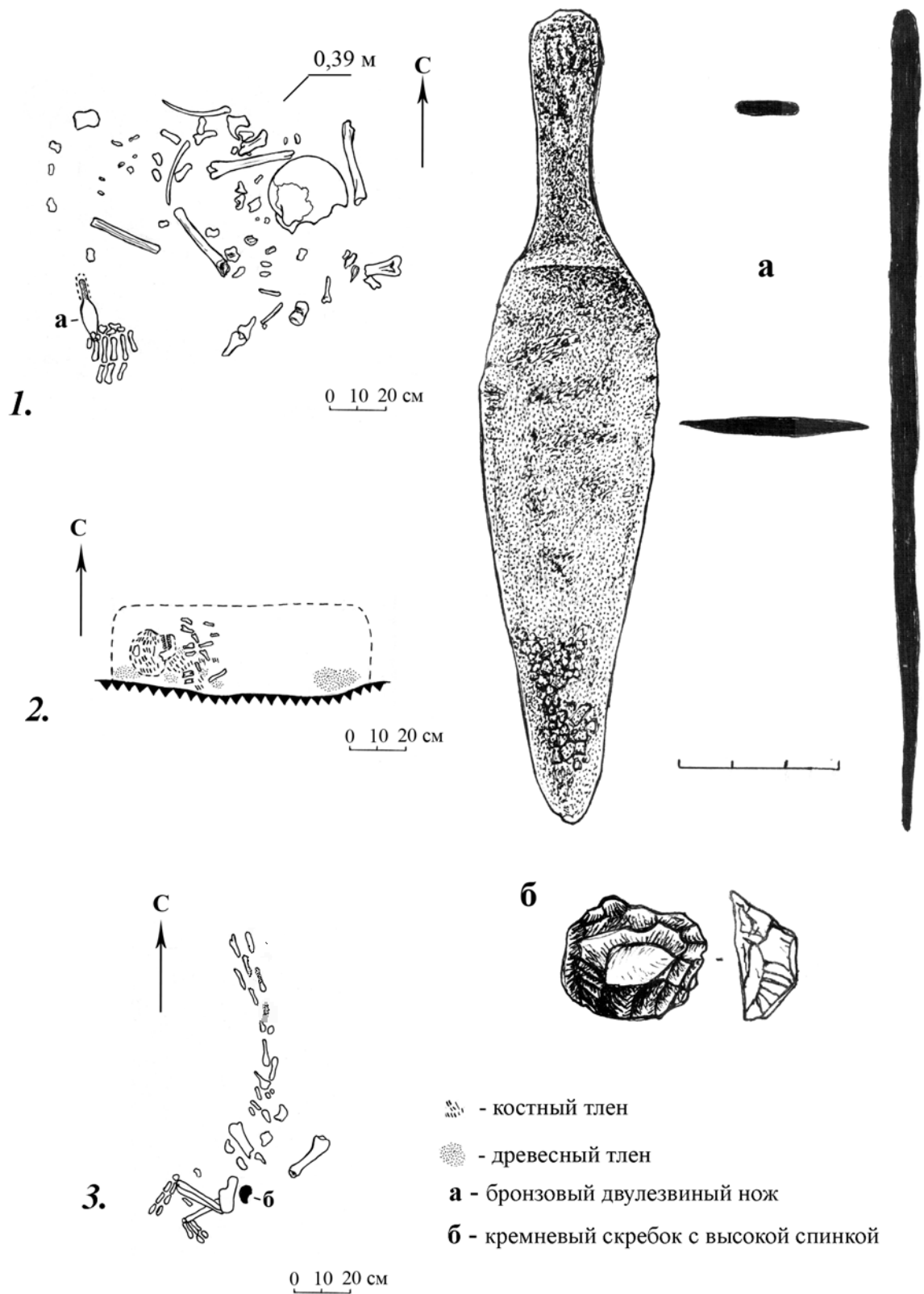

Рис. 4. Материалы из кургана № 2 на острове «Курганный»: 1 – погребение 1; 2 – погребение 2; 3 – погребение 4

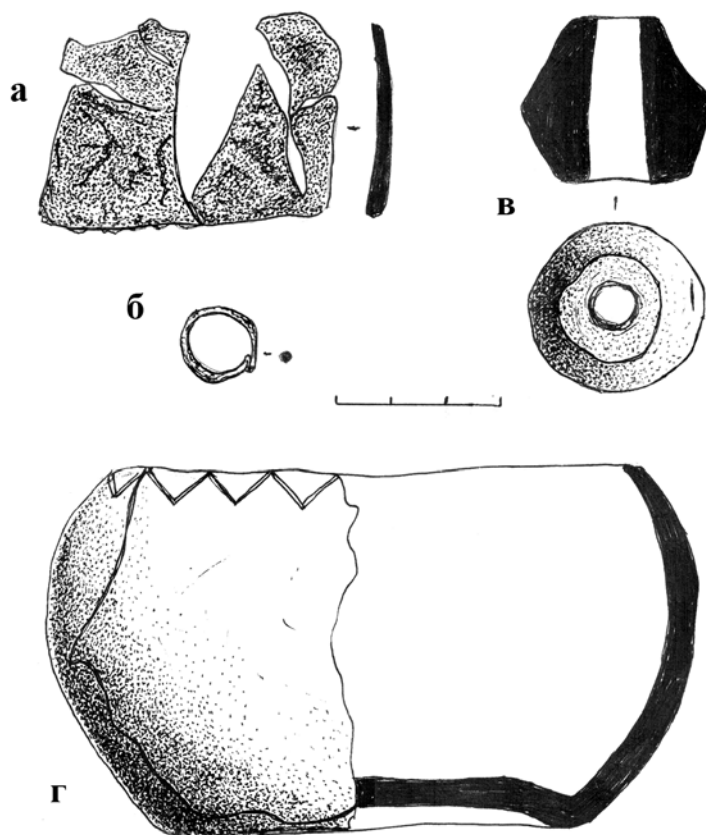
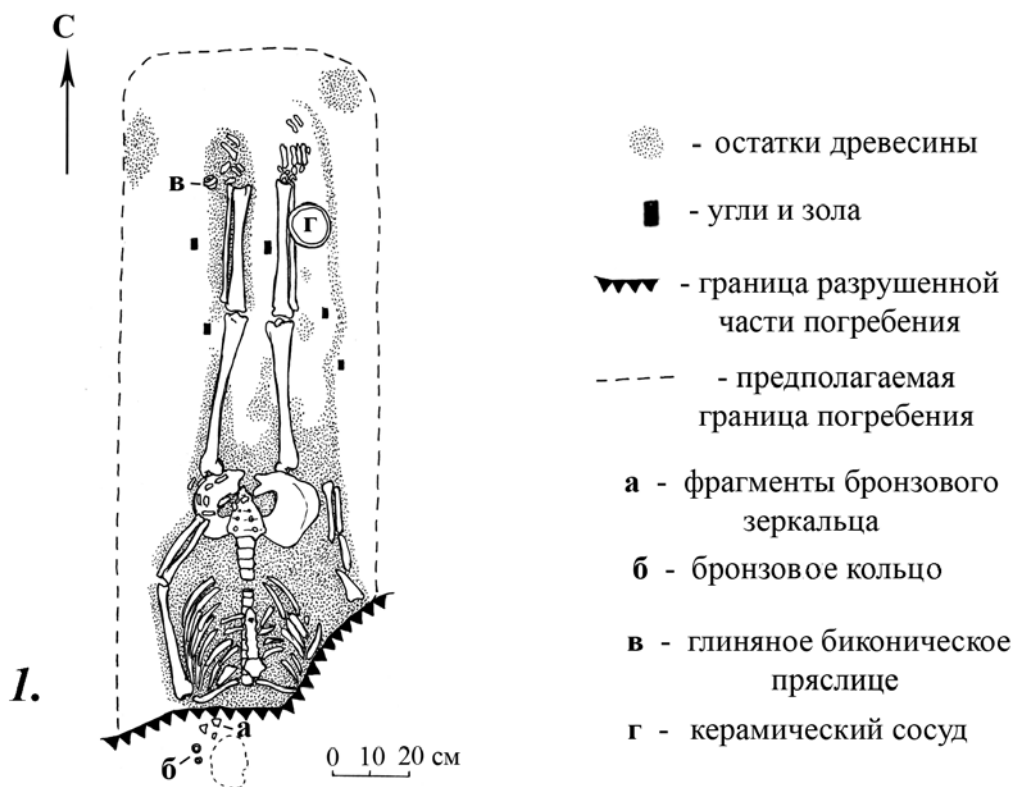

Рис. 5. Материалы из кургана № 2 на острове «Курганный»: 1 – погребение 2

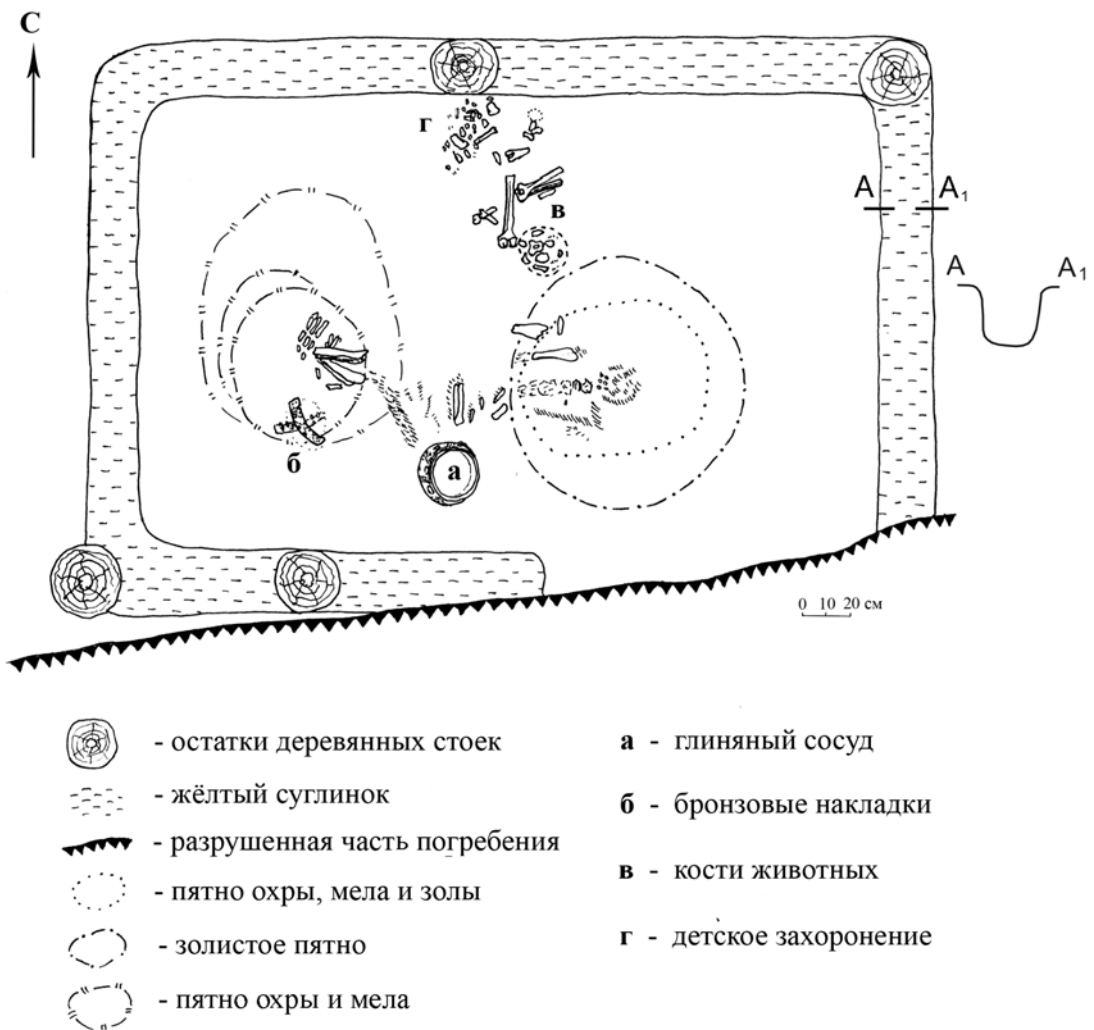

Рис. 6. Материалы из кургана № 2 на острове «Курганный». Погребение 5

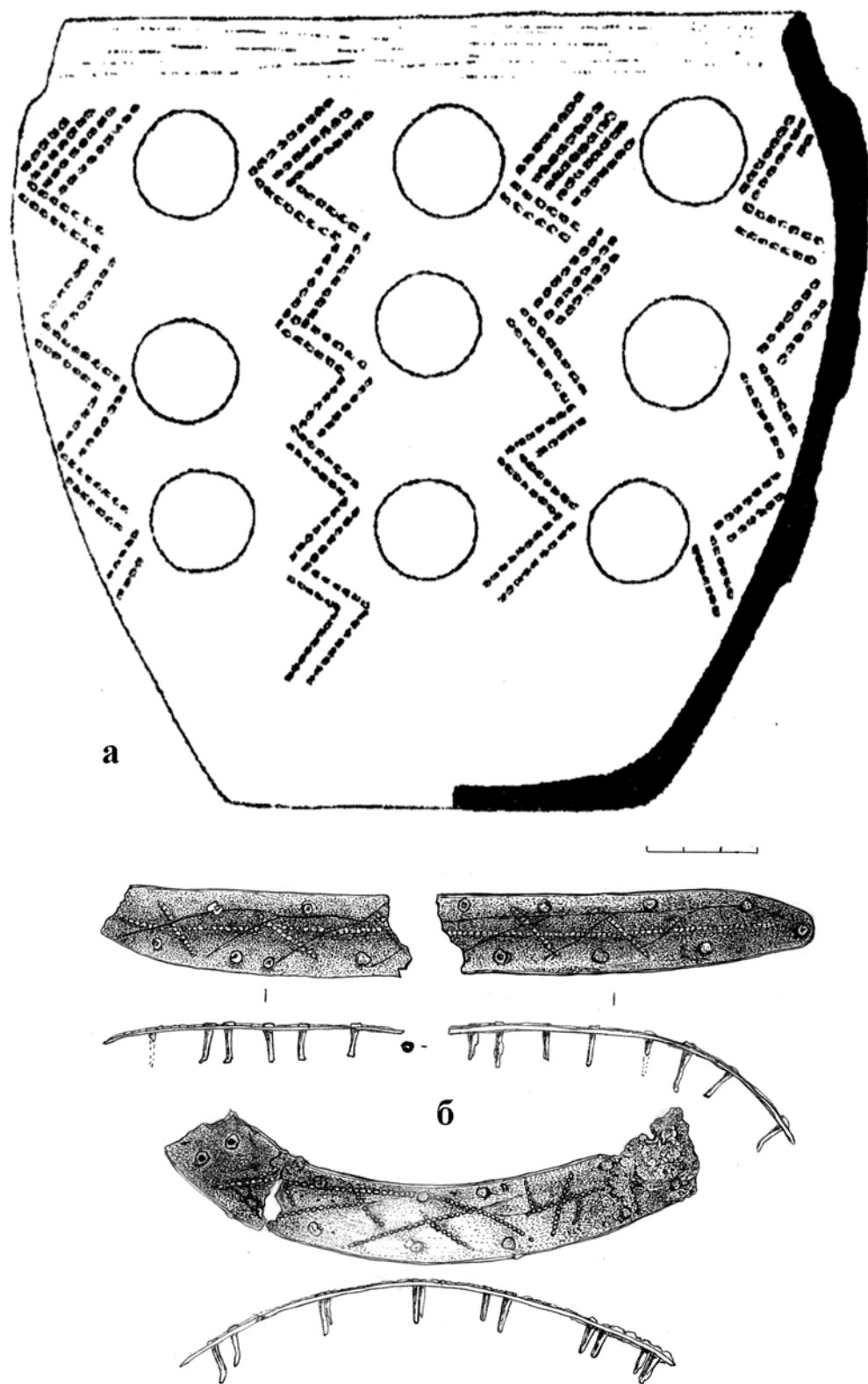

Рис. 7. Материалы из кургана № 2 на острове «Курганный». Погребение 5: а – глиняный сосуд; б – бронзовые накладки с пуансонным орнаментом

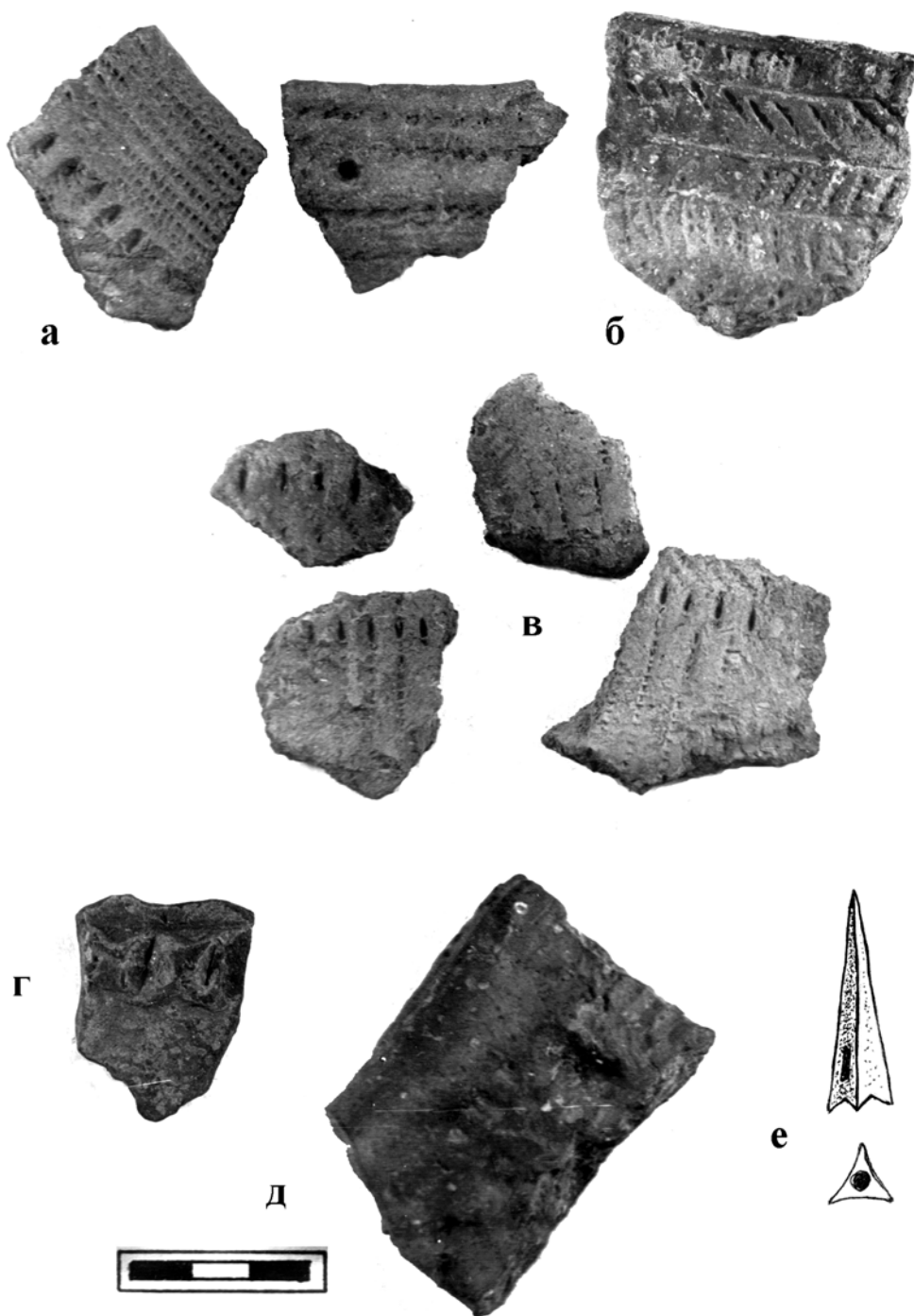

Рис. 8. Материалы из насыпи кургана № 2 на острове «Курганный»: а–д – керамика; е – трёхгранный втульчатый наконечник стрелы

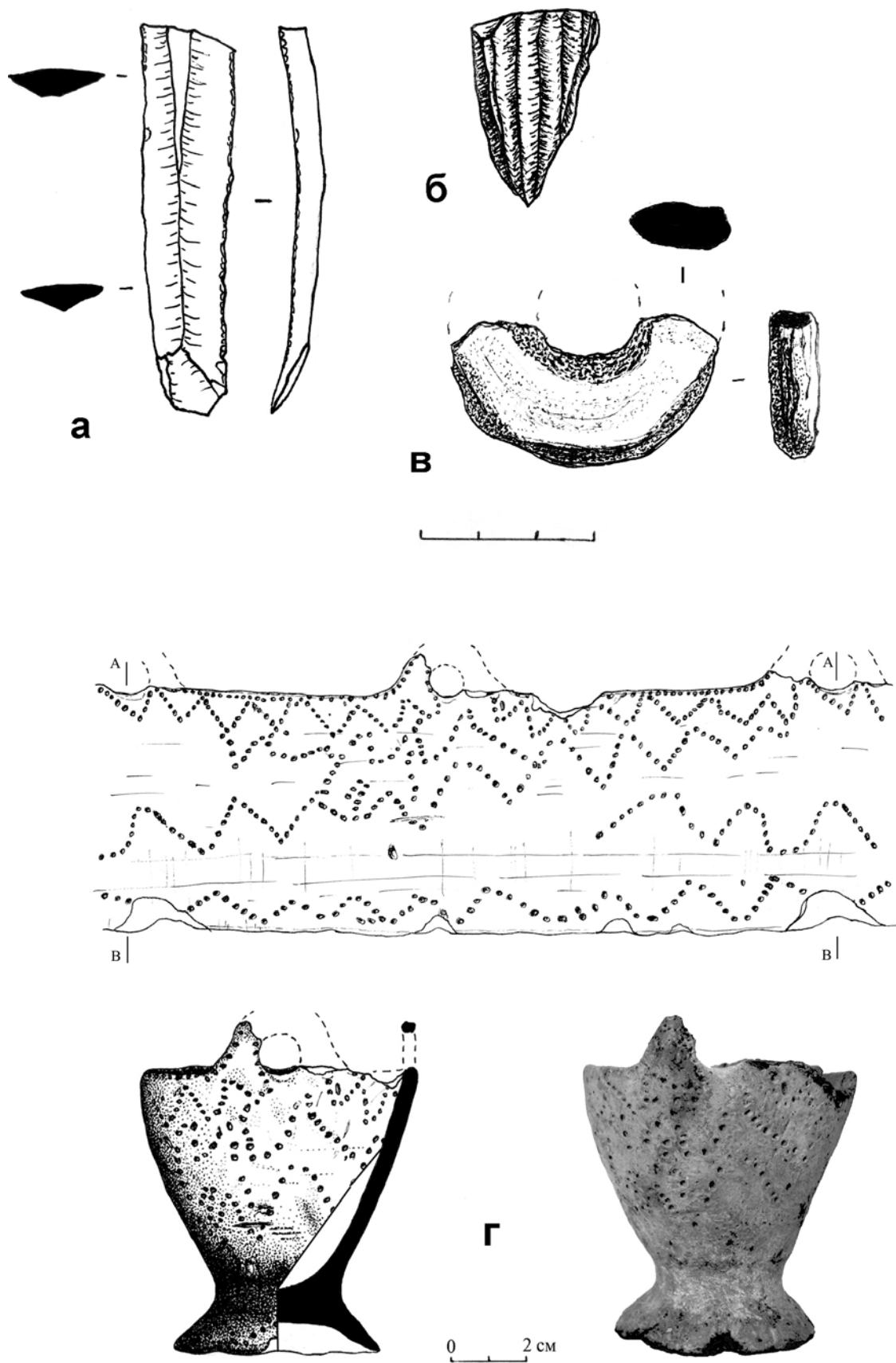

Рис. 9. Подъёмный материал с Натальинских островов: а – кремневая ножевидная пластина; б – нуклеус; в – фрагмент костяного прясла; г – глиняный кубковидный сосуд с ушками и поддоном из разрушенного кургана на «Третьем» острове

КОЛТ ГУННСКОЙ ЭПОХИ ИЗ САРАТОВСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

В 2009 г. в Саратовский областной музей краеведения жителем с. Максютово Пугачевского района Саратовской области М.М.Юсуповым было передано украшение, выполненное в полихромном стиле. По словам сдатчика, предмет был найден к северо-востоку от поселка Муравли, у р.Камелик, Шарифом Беляковым в 1992 г. Обстоятельства находки неизвестны.

Украшение представляет собой височную подвеску – колт (рис. 1) и выполнено из золота. Оно состоит из плоского щитка в виде неправильного овала, размером 5,7 x 4,15 см при толщине пластины 0,5 мм. К ребру щитка напаяна узкая ленточка, образующая с оборотной стороны невысокую закраинку. Ширина ленточки 4 мм. Она охватывает 2/3 окружности щитка. По всей длине ленты припаяны цилиндрические трубочки (сохранилось 14, несколько утрачено), свернутые из пластинки с валиком на концах. Высота и диаметр трубочки равны 4 мм. К свободному концу трубочки припаяна пирамидка из зерни. Стороны пирамидки равны 6 мм и сложены из 15 зерен диаметром 1,5 мм. На концах ленты сделаны петельки (с одного конца петелька утрачена) для подвешивания украшения к головному убору. Лицевая сторона колта инкрустирована вставками в напаянных гнездах овальной формы, выполненных из ленты. Пять вставок располагаются в виде креста. Две противоположные вставки выполнены из янтаря, ещё две из граната. Одна вставка утрачена. Вокруг гнезд ободки из зерни. Промежутки между гнездами заполнены четырьмя равносторонними треугольниками из зерни. Каждый треугольник сложен из 15 зерен. Диаметр использованной зерни 1 мм. По краю щитка напаяны расплюснутая проволока, шириной 1 мм, и ряд зерни.

В музей украшение поступило сломанное на две части, с некоторыми утратами. Грани пирамидок потертые. На оборотной стороне щитка, нескольких трубочках и пирамидках заметно термическое воздействие.

Рассматриваемое украшение, по приемам декора, можно отнести к первой группе полихромных изделий гуннской эпохи, выделенной И.П.Засецкой. В основу классификации легли три ведущих признака: техника инкрустации, техника орнамента и характер декора. Первая группа характеризуется инкрустацией в отдельно напаянных гнездах и накладным орнаментом из проволоки или узкой гладкой пластинки и зерни. Декоративное оформление представлено лаконичными и строго организованными композициями, состоящими из сочетания вставок с повторяющимися комбинациями треугольников и окаймляющих предмет бордюров. Наиболее распространенными элементами орнамента являются различные сочетания равносторонних треугольников, заполняющих все свободное пространство между гнездами. Треугольники выложены из относительно мелких зернинок. Кроме того, в орнаментации изделий широко используются такие элементы орнамента, как «веревочка», «косичка», «елочка», сделанные преимущественно из проволоки, ободки из зерни вокруг гнезд, простые и сложные пирамидки, составленные из более крупной, чем треугольники, зерни. Зернь является ос-

новным изобразительным средством в декоре полихромных изделий первой группы и наряду со вставками играют главную роль в общей композиции. (Засецкая И.П., 1982, с.16).

Изделия первой группы сосредоточены в основном в степной полосе Северного Причерноморья и Крыма. Отдельные экземпляры происходят из комплексов Казахстана. Как вариант первой группы, можно рассматривать ряд находок, обнаруженных восточнее основного очага распространения украшений первой группы. Последние происходят из комплексов Нижнего Поволжья, Приуралья, Средней Азии, Казахстана и Алтая (Засецкая И.П., 1982, с. 16). И.П. Засецкая приводит 5 пунктов находок колтов в южнорусских степях) и 7 изделий восточного происхождения (Засецкая И.П., 1994, с. 58, 59). Исследовательница отмечает, что отличие восточных украшений от северно-причерноморских наблюдается как в форме некоторых предметов, так и в технике и содержании орнамента. Так, вместо диска, характерного для височных подвесок Северного Причерноморья, в основе восточных украшений лежит лунница, у некоторых восточных колтов лучи лишены круглой головки, и трубочки заканчиваются непосредственно ажурными пирамидками из зерни (Засецкая И.П., 1982, с. 16). Колт, найденный у п. Муравли, – пока единственная находка такого украшения в Нижнем Поволжье. Он сочетает в себе как южные (овальный диск), так и восточные (трубочки заканчиваются непосредственно ажурными пирамидками из зерни) традиции декора.

Бесспорное стилистическое и технологическое единство вещей первой группы, а также их локализация в пределах южнорусских степей позволяет предположить, что они вышли из единой боспорской мастерской и отражают вкусы и потребности варварской кочевой знати гуннского племенного союза. Стилистическое, а в ряде случаев и конструктивное отличие, а также территориальная удаленность изделий восточного происхождения от основной группы полихромных предметов позволяет предполагать наличие местных центров производства (Засецкая И.П., 1982, с. 24).

Анализируя датировки выделенных групп полихромных украшений, И.П. Засецкая отмечает лишь их относительную хронологию. Первые четыре группы синхронны, о чем свидетельствует взаимовстречаемость изделий этих групп в одних и тех же комплексах, и относятся к периоду образования и господства в Северном Причерноморье гуннского племенного союза (конец IV- первая половина V в.) (Засецкая И.П., 1982, с. 26). Вероятно, этим же временем можно датировать и находку у п. Муравли в Саратовском Заволжье.

Литература

- Засецкая И.П.* Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб, 1994.

Рис. 1. Колт из фондов Саратовского областного музея краеведения

КУРГАН ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СЕВЕРНОЙ КАЛМЫКИИ¹

В 2002 году археологической экспедицией под руководством А.Д. Матюхина были проведены охранные раскопки курганных могильников Чилгир в Яшкульском и Кевюды 1 в Ики-Бурульском районах Республики Калмыкия (Матюхин А.Д., 2003). Всего в 2002 году исследовано 7 курганов, в которых выявлено 29 разновременных комплексов.

Курганный могильник Чилгир, где был выявлен комплекс хазарского времени (курган 6), находился в 8 км к югу от п. Чилгир, рядом с полевой дорогой, в междуречье рек Элиста, Яшкуль и Ялмта (рис. 1, 1-3).

Курган 6.

До начала работ на поверхности памятника следы рва или каких-то других конструкций не прослеживались.

Округлая в плане насыпь кургана высотой 0,18-0,25 м и диаметром 10,0 м исследовалась с одной центральной бровкой шириной 1,0 м, расположенной в направлении север-юг (рис. 1, 4).

Зачистка фасов бровки показала, что курган сооружен в один прием над единственным и центральным погребением 1. Древняя насыпь, состоящая из плотного темно-желтого легкого суглинка, толщиной до 0,25 м имела четко выраженную линзовидную в профиле форму, которая залегала на уровне (-0,45-0,50 м)² погребенной почвы (плотный суглинок желтого цвета с карбонатами). В полах кургана, сразу под дерновым слоем и чашевидными заполнениями ровика, поверх материковой почвы, четко фиксировался слой комковатого суглинка темно-каштанового цвета. Этот слой вторичного почвообразования и создает современные размеры и форму насыпи. Из текста отчета, фотоиллюстраций и чертежей нельзя составить ясного представления о границах древней насыпи (была ли она ограничена внутренним краем ровика или же она перекрывала его?). Вероятно, это связано с тем, что верхняя часть кургана практически уничтожена эрозией (рис. 1, 5).

Ритуальный ровик.

В процессе работы, на уровне 0,51-0,78 м, были прослежены остатки внутрикурганного ритуального ровика в виде двух неглубоких (0,03-0,22 м) траншей. Первая небольшая траншея (3,85 x 0,25-0,60 м) расположена в юго-западном секторе кургана, она ориентирована по линии северо-запад — юго-восток.

Другая траншея, которая занимает восточную часть и северо-западный сектор кургана, имеет С-овидную форму. Расстояние между окончаниями около 6,50 м. Ширина 0,40-0,90 м. Вершиной эта траншея ориентирована на восток, откуда она продол-

¹ Данная публикация несколько отличается от текста полевого отчета А.Д. Матюхина. При работе с отчетом были несколько доработаны незначительные неточности (что случается при написании новостроечных отчетов в сжатые сроки).

² Здесь и далее глубины даются от репера.

жается почти под прямым углом на запад и юг. В северо-западном секторе она более округлая и плавно поворачивает на юг. В юго-восточном секторе окончание этой траншеи почти под прямым углом доходит до первой траншеи, образуя перемычку шириной около 0,20 м. Расстояние (вторая перемычка?) между траншеями в западной части кургана составляет 3,65 м.

Дно ровика зафиксировано на глубине 0,61-0,92 м. Его поверхность неровная, с многочисленными углублениями. Заполнение рва плотное, мешаное, состоявшее из темно-желтого суглинка с вкраплениями мелких комочков черного гумуса, в котором каких-либо находок и костей животных не обнаружено. Размеры рва по внешним сторонам следующие: по линии северо-восток – юго-запад около 7,0 м; по линии восток-юго-восток — запад-северо-запад около 8,0 м. Размеры рва по внутренним сторонам составляют: по линии северо-восток — юго-запад около 6,0 м; по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад около 6,80 м.

Кроме того, в процессе исследования курганный насыпи выявлены кости животных:

1. Кость животного (КЖ1) обнаружена в северо-западном секторе кургана, в 2,5 м к северо-северо-западу от репера на глубине 0,27 м.

2. Кость животного (КЖ2) обнаружена в северо-восточном секторе кургана, в 1,82 м к северо-северо-востоку от репера на глубине 0,29 м.

3. Скопление костей животного (КЖ3) выявлено в юго-западном секторе кургана, в его поле, в 4,87 м к юго-юго-западу от репера на глубине 0,27 м (рис. 1, 4, 5).

Погребение 1.

Погребение (рис. 2, 1, 2)³ совершено в могильной яме подбойного типа на глубине 2,09-2,11 м, в центральной части кургана. Выявлено по аморфному пятну заполнения входной ямы и позднему перекопу (ограблению?), четкие очертание которого оформилось на глубине 0,67-0,72 м. Заполнение грабительского лаза очень плотное, мешаное, состоящее из желтого суглинка с вкраплениями комочков темного гумуса. Заполнение непосредственно самой входной ямы рыхлое и однородное, которое фиксировалось в основном около коротких стенок, по краям перекопа.

Входная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами длинной стороной ориентирована по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Длина ямы составляет 2,05 м. Ввиду того, что большая часть длинной юго-юго-восточной стенки разрушена в результате позднего перекопа, ширина входной ямы определялась нами условно, по сохранившимся участкам восточного и южного ее углов и, отчасти, по ширине ступени, в пределах 0,60-0,80 м.

Верхние края стенок неровные, со следами разрушения. Стенки отвесные. С уровня 1,39-1,85 м, в основном в северо-северо-восточной части входной ямы, стали встречаться как отдельные кости, так и скопления костей лошади (череп, тазовые кости, конечности), а также конечности мелкого рогатого скота. Среди этих костей залежали фрагменты лепного сосуда, обломки костяных накладок на лук, горлышка от бурдюка, части железных предметов, из которых можно выделить обломки двух стремян и удила.

Дно входной ямы зафиксировано на глубине 1,78 м (1,23 м от уровня погребенной почвы), под короткой северо-северо-восточной стенкой. Поверхность дна ровная, с небольшим понижением к юго-юго-западной стенке. Перепад глубин составил 1,78-1,90 м. Это дно переходило в дно подбоя, образуя отвесную ступень высотой 0,23 м и ши-

³ Все графические работы выполнены Л. Н. Серебряковой.

риной 0,55-0,65 м. На ее краю, в центральной части, фиксировались разрозненные кости человека (череп, нижняя челюсть, отдельные ребра, ключица, лопатка).

Вдоль длинной юго-юго-восточной стенки входной ямы устроен подовальный в плане подбой размерами 2,10 x 0,70-0,85 м. В результате позднего перекопа большая часть свода подбоя и входного отверстия обрушилась, поэтому установить их точные параметры не представлялось возможным. Стенки камеры прослежены на высоту до 0,40 м, которые образовали тупой угол с поверхностью дна погребальной камеры.

Под юго-юго-западной и северо-северо-восточной стенками подбоя сохранился не рухнувший свод, который под небольшим наклоном нависал над дном на высоте 0,35-0,45 м. Направление поверхности и сохранившаяся высота потолка указывают на вероятную высоту подбоя в центральной части около 0,55 м и максимальную около входного отверстия в пределах 0,65 м. Возможно, потолок камеры начинал слабо понижаться ко дну камеры, сразу за входным отверстием.

В заполнении камеры, в юго-юго-западной части, на глубине 1,83-1,95 м, залежали переотложенные кости человека: тазовые, позвонки, ребра, кости рук. Кроме того, здесь попадались находки, аналогичные находкам из входной ямы: фрагменты лепного сосуда, костяных изделий, железных предметов. Здесь же найден железный наконечник стрелы.

Ровная поверхность дна плавно повышалась в северо-северо-восточную часть камеры (перепад глубин с -2,21 до -2,09 м). Именно в этой половине могильной ямы были зафиксированы *in situ* остатки скелета взрослого человека (мужчина?). Это вытянутые и лежащие параллельно кости ног, которые стопами направлены на северо-северо-восток. На этом основании можно утверждать, что погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на юго-юго-запад. Минеральных посыпок или органических подстилок по дну могильной ямы не обнаружено.

С внешней стороны правого коленного сустава, залежала концевая боковая накладка на лук, головкой ориентированная на юг. Рядом с ней выявлен железный болтообразный предмет (рис. 2, 1).

Все сохранившиеся артефакты можно разделить на четыре типа вещей: оружие (лучный набор, детали колчана, наконечник стрелы), конская упряжь (стремена, удила, подпружные пряжки), бытовые предметы (нож, бурдюк) и керамика (горшок).

1. Оружие.

Накладки на сложносоставной лук. Накладки включают семь костяных пластин: концевые боковые, концевая тыльная и две срединные боковые (рис. 3, 1-7; 5, 1-6).

Концевые боковые (3 штуки целые, одна из трех фрагментов) с верхней частью в виде прямоугольной пластины, сегментовидной в поперечном сечении формы, с вырезом для тетивы. Нижняя часть накладок оформлялась в виде длинной изогнутой и сужающейся пластины, трапецевидной в поперечном сечении формы. Внутренняя поверхность покрыта сплошной нарезкой. Параметры двух целых экземпляров, окончания которых обломаны в древности: общая длина 25 и 23 см; размеры прямоугольных пластин на концах накладок 6 x 2 см; расстояние от выреза тетивы до края 5,2 см; размеры вырезов – высота 0,3 см и 0,4 см, глубина 0,4 см. Длина изогнутой части 19,0 и 17,2 см. Ширина изогнутых частей пластин 1,9-0,5 см и 1,9-0,9 см; толщина 0,3 см и 0,2-0,3 см. Торцевой фронтальный край узкой пластины срезан под углом и заштрихован тонкими насечками (рис. 3, 1-3, 5; 5, 1, 3-6).

Концевая тыльная накладка узкой подтреугольной формы с легким фронтальным изгибом. Верхний конец приострен, нижний – обломан. Внутренняя желобчатая поверхность покрыта сплошной нарезкой, внешняя – гладкая, заполированная. В нижней

части, с внешней стороны, сохранилась поперечная нарезка. Размеры 18,8 x 0,2-2,0 x 0,2 см (рис. 3, 4; 5, 2).

Накладки срединные боковые (2 шт.), внутренняя желобчатая поверхность которых покрыта сплошной нарезкой. Из-за плохой сохранности этих изделий говорить конкретно о их форме затруднительно. Окончания лицевой части заштрихованы тонкими пересекающимися насечками, а торцевой фронтальный край накладок – косыми. Размеры пластин: 14,2 x 2,5 x 0,4 см; 5,5 x 2,6 x 0,3 см (рис. 3, 6-7; 5, 7, 8).

Костяные детали от сложносоставного лука являются довольно частыми находками в раннесредневековых погребальных комплексах как салтово-маяцкой культуры (в широком смысле), так и в памятниках других культур. Количество и состав определенных костяных деталей луков в погребениях хазарского времени различно (от одной пластины до несколько штук). Именно по стандартным комплектам и конструкциям накладок луки хазарского времени разделяются на «салтовский», «хазарский» и «венгерский». Комплект костяных накладок из чилгирского погребения относится к так называемому «салтовскому» типу луков, которые встречаются на всей территории Хазарского каганата (Савин А.М., Семенов А.И. 1990, с. 170; они же, 1998, с. 294).

Детали колчана.

Детали колчана (рис. 4, 1-3; 5, 11, 12) включают костяную накладку крышки кармана, костяные пластины от каркаса и крепежные железные детали (рис. 5, 2).

Накладка на крышку кармана подпрямоугольной формы (7-5 x 2,3 x 0,2 см) с небольшой дуговидной выемкой на одной из длинных сторон. Два угла накладки имеют округлые очертания, два других были выполнены в виде небольших выступов с подпрямоугольными углами. В этих выступах и в центральной части противоположной стороны имеются сквозные отверстия диаметром 0,1-0,2 см. В отверстиях прослежены остатки крепежных штифтов (рис. 4, 1; 5, 12).

Аналогичные детали колчанов присутствуют в коллекциях Дмитревского (Плетнева С.А., 1989, рис. 32, кат. 173; рис. 34, кат. 169) и Мяцкого (Винников А.З., Плетнева С.А., 1998, рис. 78, И) катакомбных могильников салтовской культуры, но они несколько отличаются от чилгирской накладки своими параметрами. Наиболее близкая аналогия, но изготовленная из железа, известна из печенежского погребения у с. Новая Квасниковка Волгоградского Заволжья (Ляхов С.В., 1997, рис. 4, 1, 2).

Пластины от каркаса (9 шт.) (рис. 4, 2, 3; 5, 11) прямоугольные и треугольная в плане, имеют гладкие, хорошо обработанные с обеих сторон поверхности. Все пластины приблизительно одинаковы по ширине – 0,3-0,4 см. Большинство пластин обломаны с обеих сторон, длина их колеблется в пределах от 1,5 до 8,5 см. В профиле пластины в основном прямые, но выделяются две пластины дуговидной и Г-образной профилировки.

Первая пластина, возможно, являлась окантовкой горла колчана, хотя на ней и отсутствуют отверстия для крепления. У второй пластины верхняя загнутая часть плавно расширяется; в центре расширения имеется сквозное отверстие диаметром 0,2 см с сохранившимися остатками железного штифта. Вероятно, этой частью пластина крепилась к крышке кармана, поверх его выступов.

Колчаный набор.

Колчаный набор состоит из единственного железного трехгранного наконечника стрелы с узкосводчатой головкой (рис. 4, 5; 6, 10). Округлый в сечении черешок сломан в древности. Общая сохранившаяся длина предмета 6 см, пера – 3,5 см, черешка – 2,5 см. Аналогичные наконечники встречаются в могильниках салтово-маяцкой культуры (Плетнева С.А., 1967, рис. 43, 7).

2. Конская упряжь.

Детали конской упряжи представлены железными стременами, удилами, под-

пружной пряжкой и кольцами (рис. 4, 7-16; 6, 1-9, 13-17).

Стремена.

Сохранились в многочисленных обломках, из которых можно выделить нижнюю часть одного из стремян: подножку с дужками. Подножка подпрямоугольная в плане и слегка вогнутая в профиле с одним жгутом жесткости. Ширина подножки 3,3 см, расстояние между дужками 9,5 см. Дужки подовальные в сечении, в нижней части расширяются и соединены с подножкой почти под прямым углом (рис. 4, 16; 6, 4, 5).

По всей видимости стремяна относятся к типичным изделиям конского снаряжения VIII-IX вв. на огромной территории (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 14), в том числе и для салтово-маяцкой культуры (Плетнева С.А. 1967, с. 167; она же, 1989, рис. 44).

Удила двусоставные.

Грызла удила заканчиваются неподвижными кольцами, в которые вставлены подвижные кольца. Стрежни грызел округлые в сечении имеют толщину около 1,2 см и длину около 8,8 см. Диаметр неподвижных колец составляет около 1,7-2,0 см, подвижных – около 2,5 см. Толщина неподвижных колец 0,3-0,5 см (рис. 4, 15; 7, 2). Очень близкие удила известны из кургана 13 Дорофеевского могильника (Круглов Е.В., 1992, рис. 3, 14).

Пряжка.

Подпружная пряжка имеет подтрапециевидную форму (6 x 4,5-5,5 см) и подвижный язычок, закрепленный на более узкой, задней стороне рамки. Рамка подовального сечения толщиной 1 x 0,6 см. Язычок толщиной 0,8 см не выходит рамку (рис. 4, 7; 6, 7). Аналогичные пряжки являются массовой находкой в раннесредневековых памятниках на обширной территории Восточной Европы и, по мнению А.Н. Кирпичникова, наиболее характерны для степной зоны (Кирпичников А.Н., 1973, с. 76, рис. 43, 1).

Кольца.

Кольца железные (4 шт.) разной степени сохранности изготовлены из прутка округлого сечения. Среди них выделяется наиболее массивное кольцо диаметром 6,2 см и толщиной 1,5 см. Остальные кольца по своим параметрам близки между собой. Их размеры: 4,0 x 0,7 см; 4,5 x 0,7 см; 3,5 x 0,7 см (рис. 4, 8-11; 6, 1, 6, 8, 9).

3. Бытовые вещи.

Бытовые вещи (рис. 4, 17, 18; 5, 9, 10; 6, 12) представлены железным ножом и горлышком от бурдюка.

Нож черешковый.

Нож черешковый с прямой спинкой (рис. 4, 17; 6, 12). Рукоять и острие лезвия сломаны в древности. Черешок рукояти, сечение которого подовальное, имел длину 1 см, ширину 1,4 см. Черешок от лезвия отделен двумя приостренными выступами. Лезвие ножа подтреугольного сечения плавно сужается к окончанию. Его длина 11,5 см, максимальная ширина 1,6 см в верхней части.

Горлышко от бурдюка.

Сохранилось в виде двух фрагментированных полых трубочек с тремя отверстиями, край от одного из которых тщательно обработан. Поверхность заполирована. Диаметры отверстий 1,8 см, 2,3 см, 2,6 см (рис. 4, 18; 5, 8, 9).

4. Керамика.

Керамика представлена одним лепным кухонным горшком.

Горшок округлобокий, короткошейный, с отогнутым венчиком, плоскодонный (рис. 4, 19; 7, 1). Венчик скошен наружу и украшен оттисками циновки (?). Наибольшее расширение тулова находится в средней его части. Внешняя поверхность сосуда чёрно-коричневого цвета покрыта расчесами в виде грубых хаотичных линий. Черепок в изломе чёрного цвета, тесто рыхлое, с примесью органики и толченой ракушки. Высота

сосуда 13,7 см, шейки – 1,8 см, расстояние от дна до максимального расширения тулова 8,7 см. Диаметр устья венчика 12,2 см, диаметр максимального расширения тулова 14,0 см, диаметр дна 9,4 см.

По своим морфологическим признакам чилгирский горшок относится к кухонной лепной или правленной на круге керамике салтово-маяцкой культуры (Плетнева С.А., 1967, с. 103-104). Очень близкие экземпляры обнаружены в сальско-маньчских и средневолжских курганах, а также в грунтовых погребениях Нижнего Дона и Нижнего Поволжья хазарского времени (Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1990, рис. 5, 38; Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов А.Э., 1998, рис. 41, 3; Круглов Е.В., 2004, рис. 1, 2)

Кроме того, имеется находка, которая не относится ни к одному из четырех перечисленных типов вещей – это *железный предмет с болтообразным окончанием* (рис. 4, 6; 6. 11). Он по своим морфологическим признакам напоминает наконечник стрелы, но острие оформлено грибовидной шляпкой. Общая длина 9,8 см, длина «пера» 6,7 см, черешка – 3,0 см. Шляпка имеет диаметр 1,2 см. На поверхности черешка, округлого в сечении (0,3-0,5 см), видны древесные волокна. Сечение «пера» около упора в сечении подквадратное (0,9 x 0,9 см), но ближе к шляпке – округлое и имеет диаметр 0,6 см.

Также в коллекции находок присутствуют многочисленные обломки железных предметов, которые из-за своей очень плохой сохранности, практически неопределимы (рис. 4, 12-14; 6, 3, 13-16).

Таким образом, по инвентарю данное погребение из кургана 6 могильника Чилгир можно с уверенностью датировать в рамках VIII-IX вв.

По элементам погребального обряда чилгирский комплекс ни чем не отличается от погребений с ровиками калмыцко-астраханских и нижнедонских степей и степной полосы волго-донского междуречья (Круглов Е.В., 1990).

Говорить о точной форме ровика и количестве у него перемычек не представлялось возможным, так как в процессе работы произошло вырезание землеройной техникой отдельных его участков. Это объясняется тем, что верхняя прослойка погребенной почвы состояла из солонцового грунта, который затруднял работу землеройной техники и не позволял снимать грунт тонкими слоями. Пересохший грунт практически не срезался ножом бульдозера, а выламывался большими комьями. Но если предположить что чилгирский ровик был многочастный, то по форме он наиболее близок к ровику из кургана 14 Подгорненского IV могильника Нижнего Дона (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999).

Разрушения скелетов погребенных прослежены на ряде грунтовых салтово-маяцких катакомбных и ямных могильников, которые интерпретируются как обряд «обезвреживания» погребенного (Плетнева С.А., 1967. с. 95; Флеров В.С., 1984, с. 181-187; он же, 1990, с. 167-168).

Среди подкурганых погребений VIII-IX вв. известны разрушенные погребения, в которых кроме предметов инвентаря *in situ* сохранились отдельные части человеческого скелета. Это погребения в бассейне Дона: Дорофеевский, курган 13, Карповка курганы 1, 5 и 6; Керчик, курган 26; Новосадовский, курган 24; Кировский V, курганы 3, 10 и др., которые некоторыми исследователями интерпретируются как обряд обезвреживания (Круглов Е.В., 1992, с. 6).

Другие авторы раскопок курганов с аналогичной чертой обряда по стратиграфическим наблюдениям насыпи и составу наполнений могильных ям считают их разграбленными в древности (Беспалый Е.И., 1984; Парусимов И.Н., 1998, Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1990).

Этническая интерпретация восточноевропейских раннесредневековых курганов с ровиками на сегодняшний день довольно сложна и в ряде случаев не бесспорна.

В.Е.Флерова в одной из своих работ довольно подробно рассмотрела различные точки зрения, связанные с этно-хронологической проблемой раннесредневековых подкурган-ных погребений восточноевропейских степей, в том числе и проблему курганов с ровиками хазарского времени (Флерова В.Е. 2001). С выводами В.Е. Флеровой авторы публикации полностью согласны и на данный момент не соотносят погребение 1 кургана 6 могильника Чилгир с каким-то определенным этносом, жившим в эпоху Хазарского каганата.

Литература

- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В.Зубов А.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков татар Волго-Камья). Самара, 1998.
- Безуглов С.И., Науменко С.А.* Новые находки византийский и иранских импортов в степях Подонья // Донская археология, 1999. № 1.
- Беспалый Е.И.* Отчет о работах Приморского Археологического отряда Азовского музея в 1984 году // АО 1984. М., 1985.
- Власкин М.В., Ильюков Л.С.* Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча. СА, 1990. № 1.
- Винников А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата (Маяцкое поселение). Воронеж, 1998.
- Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. САИ, Е1-36. 1973.
- Круглов Е.В.* О подкурганных захоронениях калмыцко-астраханских степей хазарского времени // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.
- Круглов Е.В.* Хазарские погребения на р. Аксай // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2
- Круглов Е.В.* Погребение раннехазарского времени у с. Сидоры // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004. Вып. 2.
- Матюхин А.Д.* Отчет о раскопках курганных могильников Чилгир в Яшкульском районе и Кевюды 1 в Ики-Бурульском районе Калмыкии в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1.
- Парусимов И.Н.* Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Новочеркасск. 1998. Вып. 3.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М., 1967.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Савин А.М., Семенов А.И.* К реконструкции лука хазарского времени // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца (тез. докл.). Луганск, 1990.
- Савин А.М., Семенов А.И.* О центральноазиатских истоках луков хазарского типа // Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.
- Федоров-Даваыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Флеров В.С.* Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М., 1984.
- Флеров В.С.* Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.) // Маяцкий археологический комплекс. М., 1990.
- Флерова В.Е.* Подкурганные погребения Восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001.Т. 2.

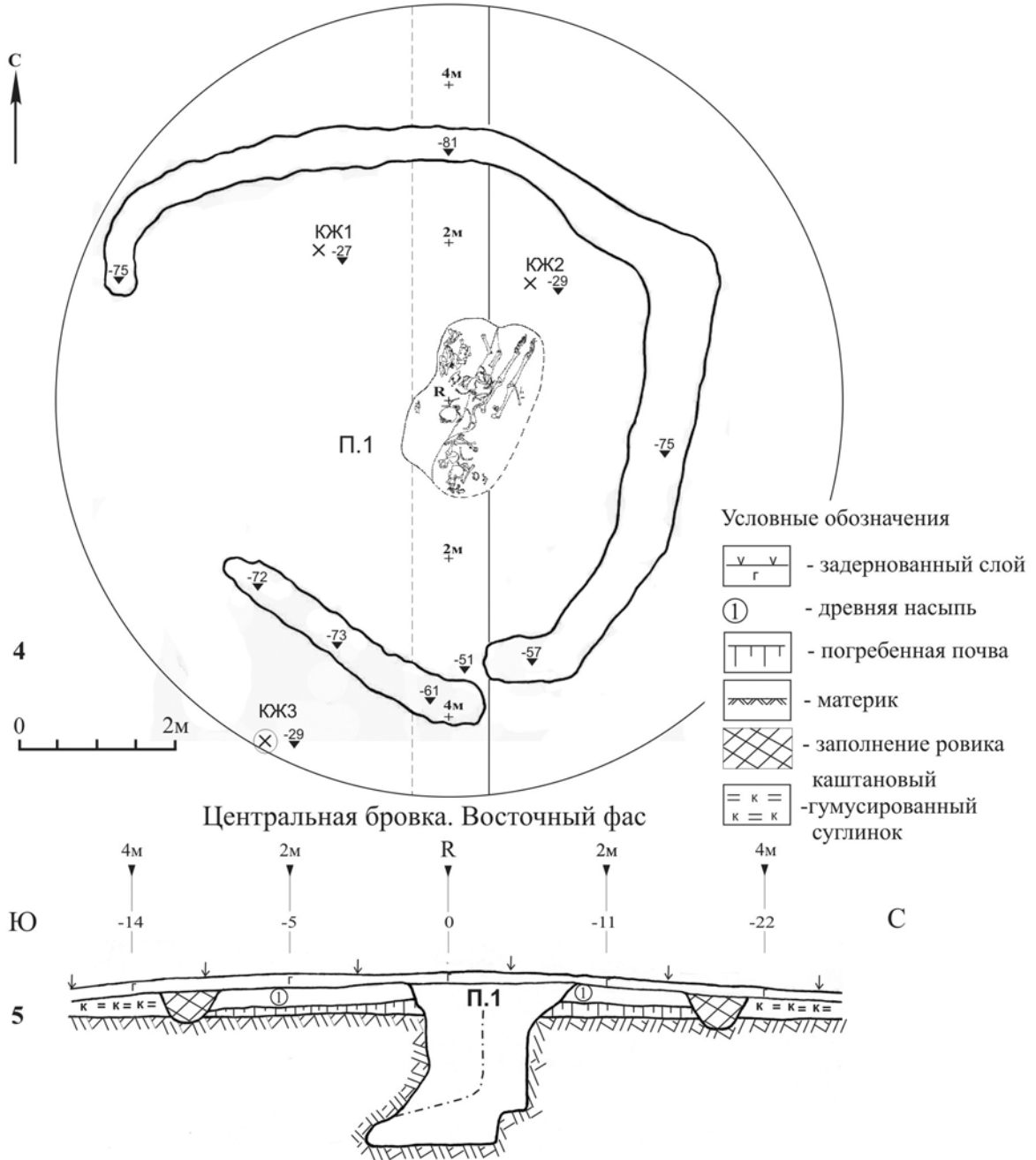
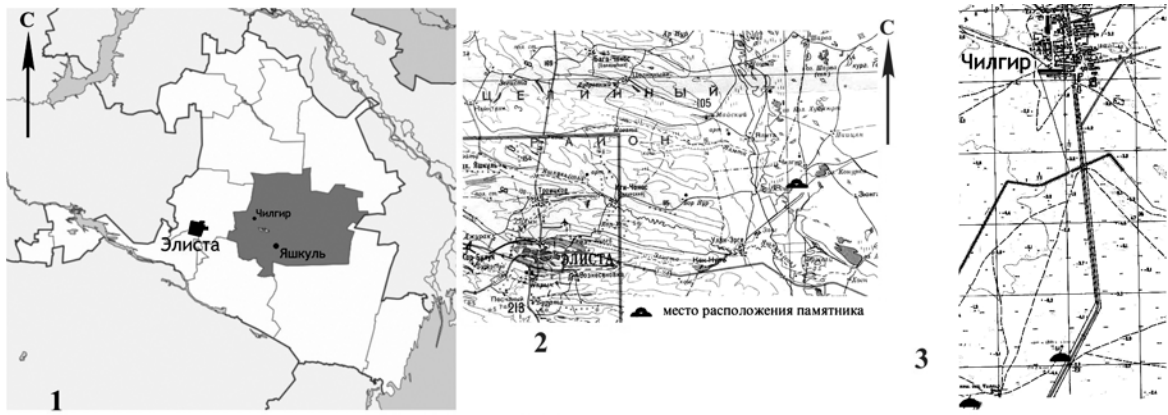

Рис. 1. Место расположения курганного могильника Чилгир (1-3), план кургана 6 (4) и его стратиграфия (5)

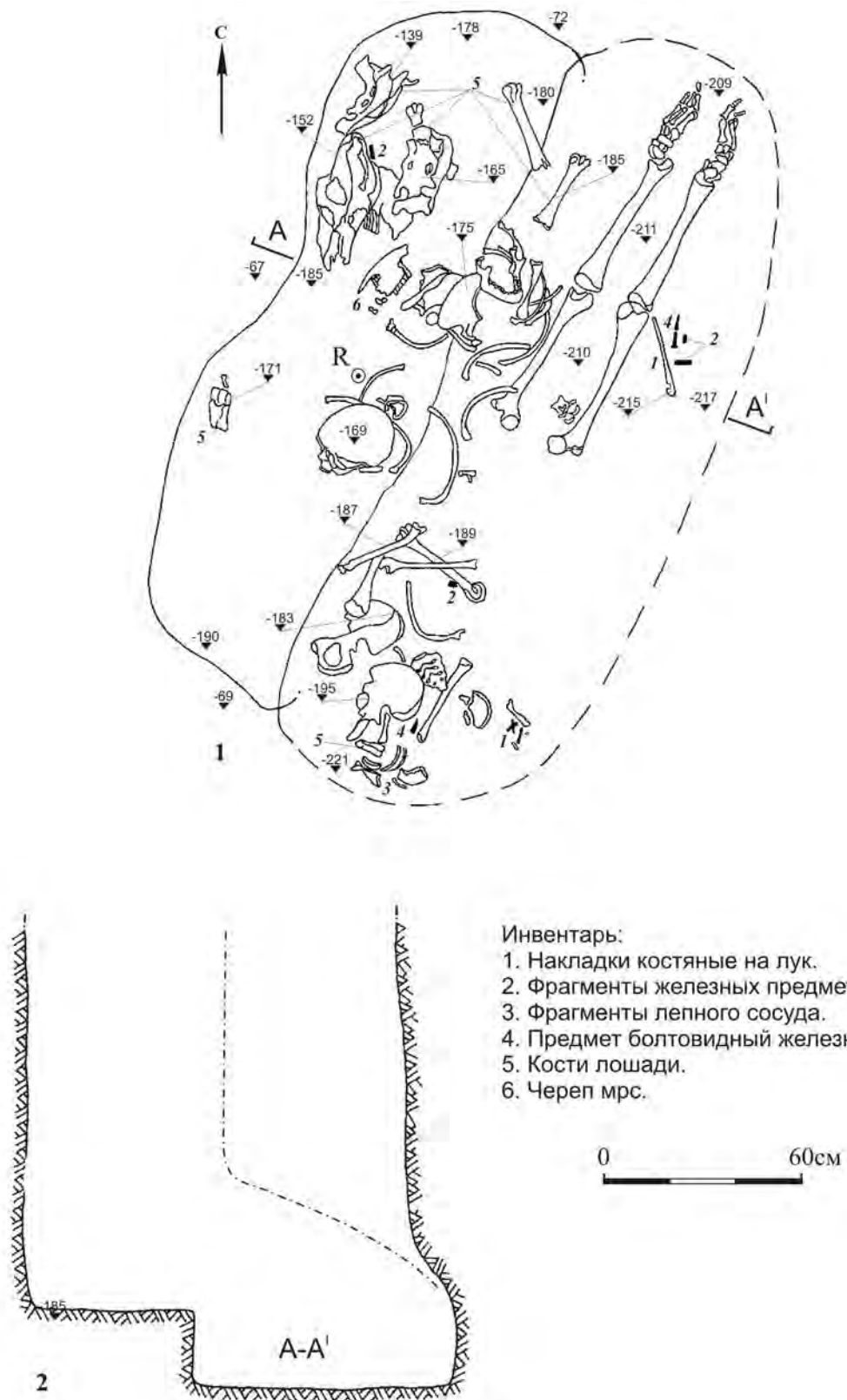

Рис. 2. Курганный могильник Чилгир. План (1) и профиль (2) погребения 1 из кургана 6

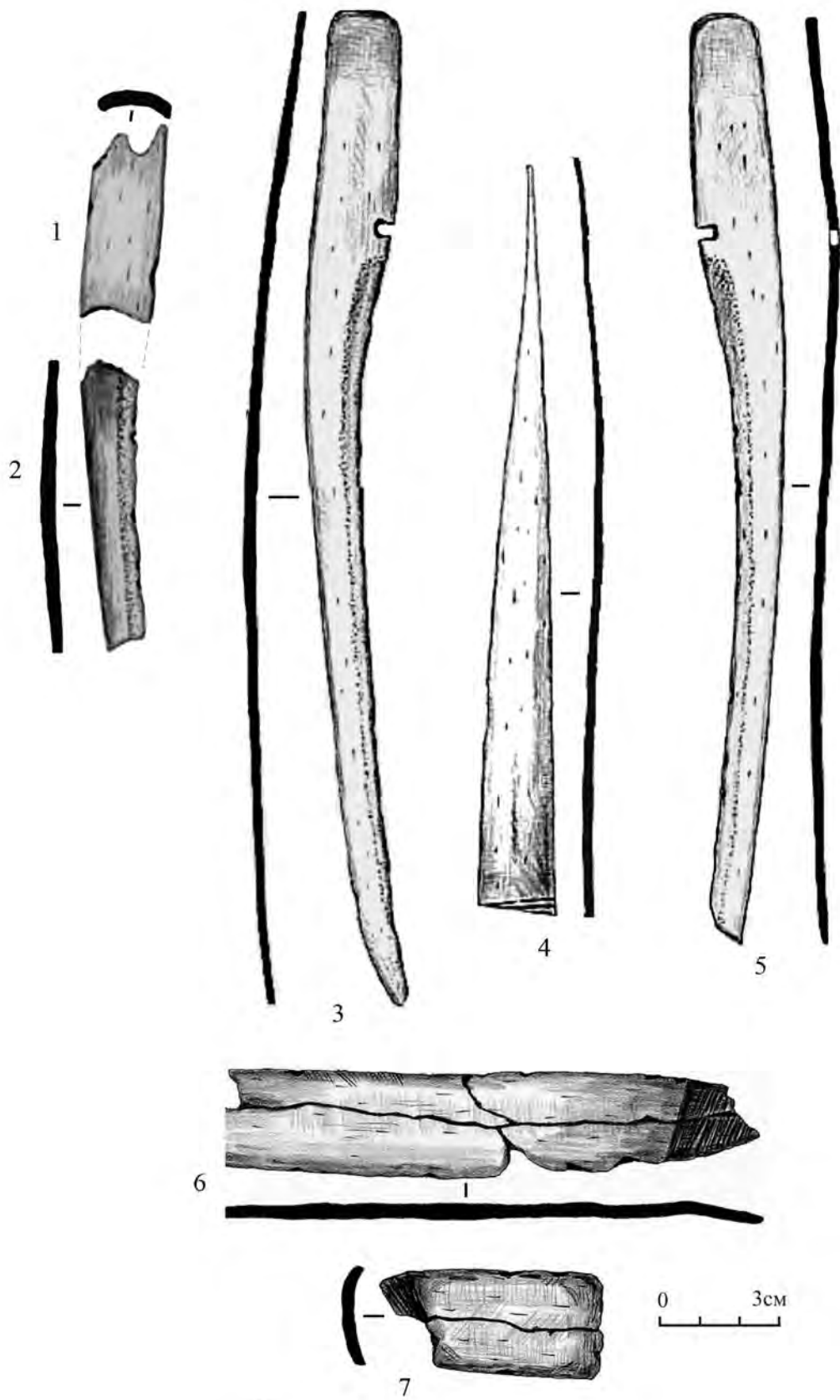

Рис. 3. Курганный могильник Чилгир, курган 6, погребение 1. Костяные накладки на сложносоставной лук (1-7)

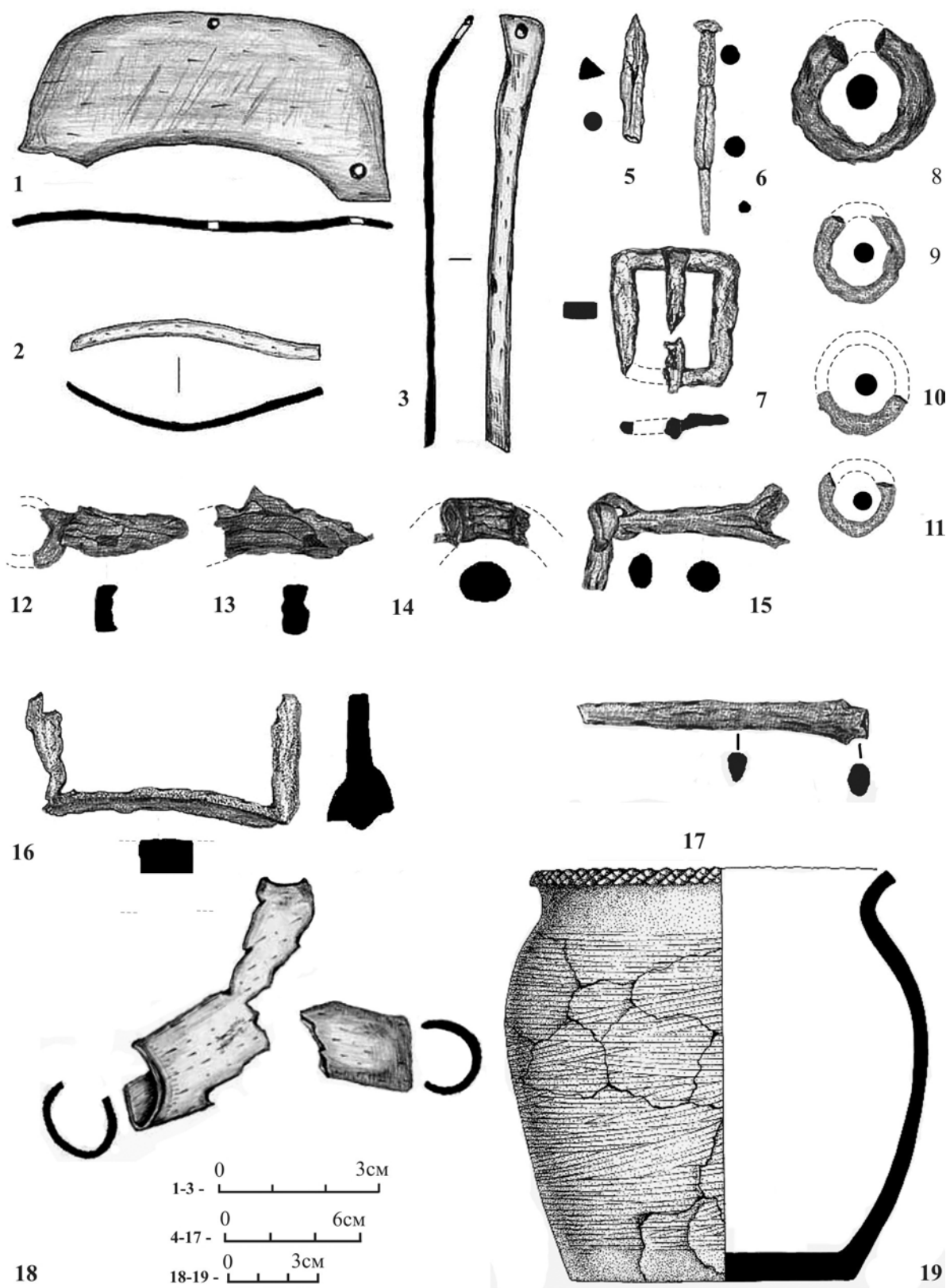

Рис. 4. Курганный могильник Чилгир. Находки из погребения 1 кургана 6

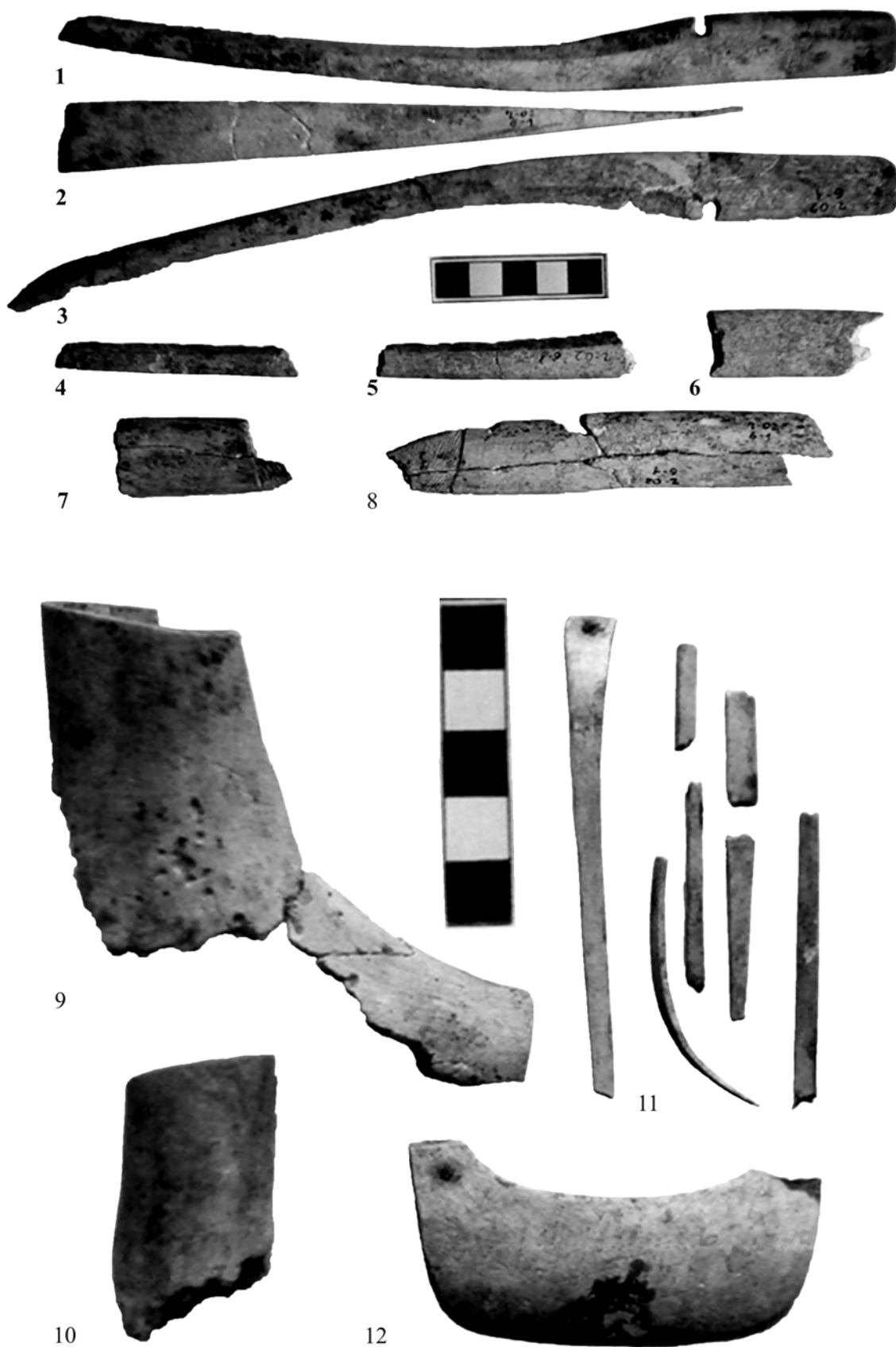

Рис. 5. Курганный могильник Чилгир. Находки из погребения 1 кургана 6. 1-12 - кость

Рис. 6. Курганный могильник Чилгир. Находки из погребения 1 кургана 6. 1-17 - железо

Рис. 6. Курганный могильник Чилгир. Находки из погребения 1 кургана 6. 1 – керамика, 2- железо

Кубанкин Д.А.

**НЕКОТОРЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК НА УВЕКСКОМ ГОРОДИЩЕ
В 2010-2011 гг.
(предварительное сообщение)**

В 2010-2011 гг. археологический отряд Саратовского областного музея краеведения под руководством автора проводил раскопки в центральной части городища, во дворе частного дома по адресу 10-й Увекский пр-д, д. 1¹. Общая площадь раскопа составила 58 кв. м., мощность культурного слоя достигала 3,5 м. Сейчас проводится первичная обработка полученных материалов, поэтому сообщение носит предварительный характер.

Нижние слои раскопа условно датируются последней третью XIII-началом XIV в. и содержат многочисленные фрагменты древнерусской керамики (рис. 6), здесь же был найден фрагмент каменного тельного креста (рис. 10, б), обнаружены 2 фрагмента костей свиньи. Подобный состав находок однозначно свидетельствует в пользу компактного проживания здесь древнерусского христианского населения на рубеже XIII-XIV вв. К этому же времени относится монументальная постройка на каменном фундаменте. В результате раскопок удалось проследить лишь небольшой отрезок северной части здания, однако, полученные материалы весьма информативны и позволяют сделать некоторые предварительные выводы. Ленточный фундамент высотой до 1,6 м при толщине 0,8-1,2 м состоит из диких или частично обработанных камней песчаника. Изначально были прорыты траншеи, в которые слоями укладывались камни, а затем каждый слой пересыпался смоченным грунтом и утрамбовывался. Среди находок в этом «грязевом» растворе обнаружена серебряная монета 681 г.х., т.е. здание начали строить не ранее 1280-х гг. Сохранились только подземные подвальные помещения, остальная часть постройки оказалась разобранной.

Сооружение сильно пострадало от пожара. В подвальных помещениях хранились разнообразные припасы – просо, пшеница, горох, лесные орехи. Часть зерна находилась в деревянном ведре, ларе и глиняной таре. Зафиксированы развалы трех хумчей и не менее пяти трапезундских амфор. На некоторых амфорах прочерчены знаки и арабские буквы, на одной амфоре прослеживается рисунок или надпись красной краской (дипинто).

Здесь же обнаружены многочисленные фрагменты деревянных обгоревших изделий: фрагмент гребня, ручка деревянного ковша в виде морды барса (рис. 5, 1), многочисленные фрагменты сосудов. Особого интереса заслуживает фрагмент деревянного сосуда с фестончатыми краями в сечении (рис. 5, 2). С внешней стороны по верхней части стенки сосуда проходит арочный орнамент из двух линий, выше которого имеется изображение каплевидной формы. Благодаря выборке фона по всему сосуду орнамент получается рельефным. Еще один фрагмент деревянного изделия, предположи-

¹ Выражаю признательность хозяевам участка А.Н. Мельник и В.И. Мельник за предоставленную возможность проведения раскопок на их территории.

тельно стенка сосуда, также украшен барельефным узором – цветком лотоса (рис. 5, 3). Контурная резьба представлена на фрагменте деревянного толстостенного изделия (рис. 5, 4). Здесь прослежен орнамент в виде двух крестообразно прочерченных линий. В этом же подвале обнаружено скопление деревянных пластин, предположительно фрагментов шкатулки или ларца, украшенных в технике плоскорельефной резьбы с выбранным фоном (рис. 5, 5). Пластины по нанесенному на них тончайшему орнаменту можно разделить на несколько разновидностей: плетенка из тонких линий, шестиконечные звезды, тонкие растительные побеги, сочетающиеся с рядами более массивного геометрического орнамента.

Среди прочих изделий в подвале обнаружены развалы парадной посуды, составляющие целый сервиз. Пока еще склеена лишь небольшая часть сосудов, поэтому опрделены лишь некоторые изделия. Важно, что вся эта парадная посуда погибла единовременно в результате пожара, т.е. это единый комплекс. Три красноглиняные чаши византийского производства, на одной из которых на дне изображена птица с веткой в клюве (рис. 7). Кашинные чаши (более 8 шт.) иранского или сирийского происхождения (рис. 8, 9), некоторые с арабскими надписями².

Помимо описанных изделий в сгоревшем подвале обнаружены многочисленные фрагменты тканей; сердоликовая вставка в перстень; стеклянная бусина-подвеска (рис. 10, 1), орнаментированная волнами красного, белого и черного цветов; крупная кашинная бусина с бирюзовой поливой и наклонными рельефными линиями. Подобные изделия имеют, вероятно, золотоордынское происхождение. Их находили и ранее на Увекском городище (Золотая Орда, 2005, с. 156, 200, кат. 89), встречаются они в округе Укека (пос. Улеша в черте г. Саратова, СОМК, инв. № СМК 40878) и в древнерусских княжествах, например в Новгородских землях (Лесман Ю.М., 1994, с. 187-193).

Примечательно, что набор находок в сгоревшем подвале весьма разнообразен: продукты питания в различной таре, парадная деревянная и глиняная посуда, ткани, украшения и т.д. Возможно, здесь располагался склад товаров. Здание, судя по мощному фундаменту, было многоэтажным. Найденные здесь в большом количестве фрагменты керамид и калиптер указывают на черепичную кровлю постройки. Черепица имеет много общего с причерноморскими образцами. Полагаю, что, после сильного пожара здание было разобрано и на его месте построено новое с кирпичными стенами и изразцовыми вставками. Фундамент верхнего здания был выложен из архитектурных блоков вторичного использования. Наиболее вероятным, представляется, что они принадлежат нижней постройке, погибшей от пожара. Среди каменных блоков есть фрагмент с изображением креста (рис. 3). Такие предметы имеют непосредственное отношение к храму. Еще одной знаковой находкой являются многочисленные фрагменты фресок (рис. 4)³, обнаруженные в засыпке фундамента верхнего здания между каменными блоками. При росписи использованы красная, оранжевая, черная краски и белый фон известковой основы. Очевидно, что фрески попали в фундамент вместе с каменными блоками (на некоторых блоках сохранились фрагменты известковой штукатурки) и наверняка принадлежали нижнему зданию. Вероятно к этому же зданию относится обнаруженный на поверхности раскопа фрагмент архитектурного каменного блока с высокорельефным изображением сцены терзания льва грифоном (рис. 1; 2).

Итак, находки каменного блока с крестом, многочисленных фрагментов фресок однозначно свидетельствуют о существовании христианского храма в Укеке. Вероятно, часть этого храма была обнаружена в раскопе 2010-2011 гг. Наличие в слое многочисленного материала, связанного с древнерусским населением позволяет утверждать, что

² Выражаю благодарность за определение керамики И.В. Волкову, В.Ю. Ковалю и А.Н. Масловскому

³ Выражаю благодарность за определение фресок Вл.В. Седову

это был православный храм. Это было высокое каменное сооружение под черепичной кровлей. В подвалах церкви хранился разнообразный товар, который мог принадлежать русским купцам. Такая традиция известна по письменным источникам. В результате мощного пожара здание сильно пострадало и, вероятно, было разобрано. Сохранившиеся товары были извлечены из подвалов, остальное засыпано. Через некоторое время здесь было построено кирпичное здание с кашинными изразцами. Учитывая комплекс находок из верхних слоев и подъемный материал из окрестностей, к середине XIV в. на этом месте уже существовала площадь с монументальными постройками, в том числе, с общественной баней, а процент русского населения сильно уменьшился.

Помимо находок из заполнения построек, следует отдельно отметить в раскопе III комплекс находок из различных слоев золотоордынского времени. Среди них половина сферической стеклянной бусины черного цвета с вихревым белым орнаментом (рис. 10, 3), фрагмент дна стеклянного сосуда (рис. 10, 4), пинцет с плоскими зубцами по краям из медистого сплава (рис. 10, 5). Особого внимания заслуживает стеклянная шпилька для волос из чистого стекла бирюзового цвета (рис. 10, 8). Рельефная шляпка выполнена в виде разрезанного плода граната с зернами. Эта вещь имеет китайское происхождение. Аналогичная опубликована в книге Хан Хан (Ло Юань Юань) «Древнее китайское стекло» (на китайском языке, Тайбей, 1999, с. 82)⁴. Схожие китайские стеклянные шпильки относятся к династии Сун (1127-1279 гг.) и Юань (1271-1368 гг.) и экспонировались в Метрополитен-музее в Нью-Йорке на выставке «The World of Kubilai Khan: Chinese Art in the Yuan Dynasty»⁵.

Литература

Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005.

Лесман Ю.М. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.

⁴ Выражаю благодарность за определение стеклянной шпильки С.И. Валиулиной

⁵ Выражаю признательность Е.А. Корж за предоставленную информацию об аналогиях стеклянной шпильки

Рис. 1. Фрагмент каменного блока с рельефным изображением сцены терзания льва грифоном

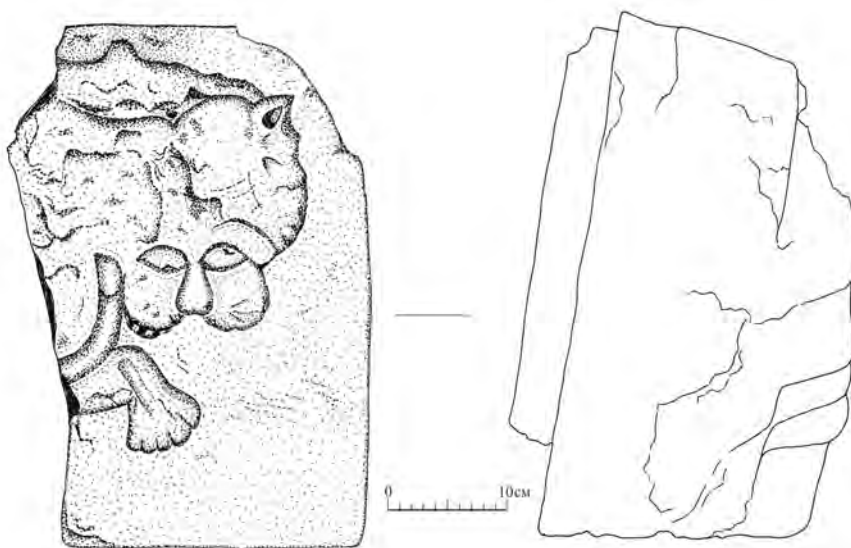

Рис. 2. Фрагмент каменного блока с рельефным изображением сцены терзания льва грифоном

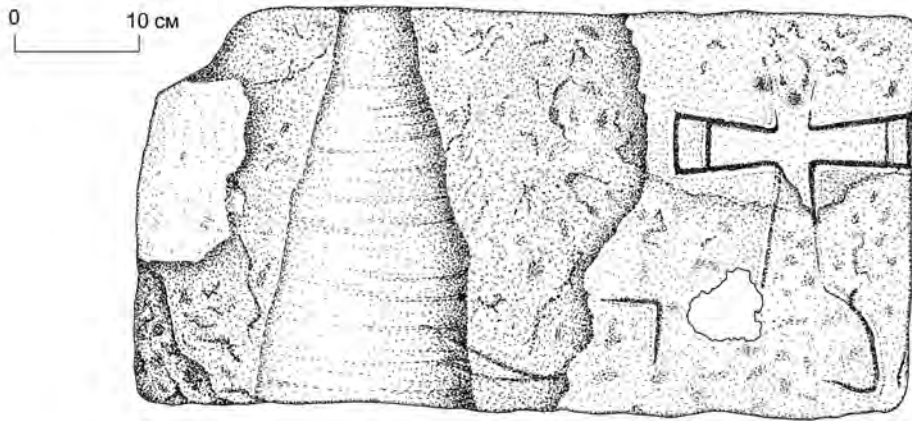

Рис. 3. Каменный блок с изображением креста

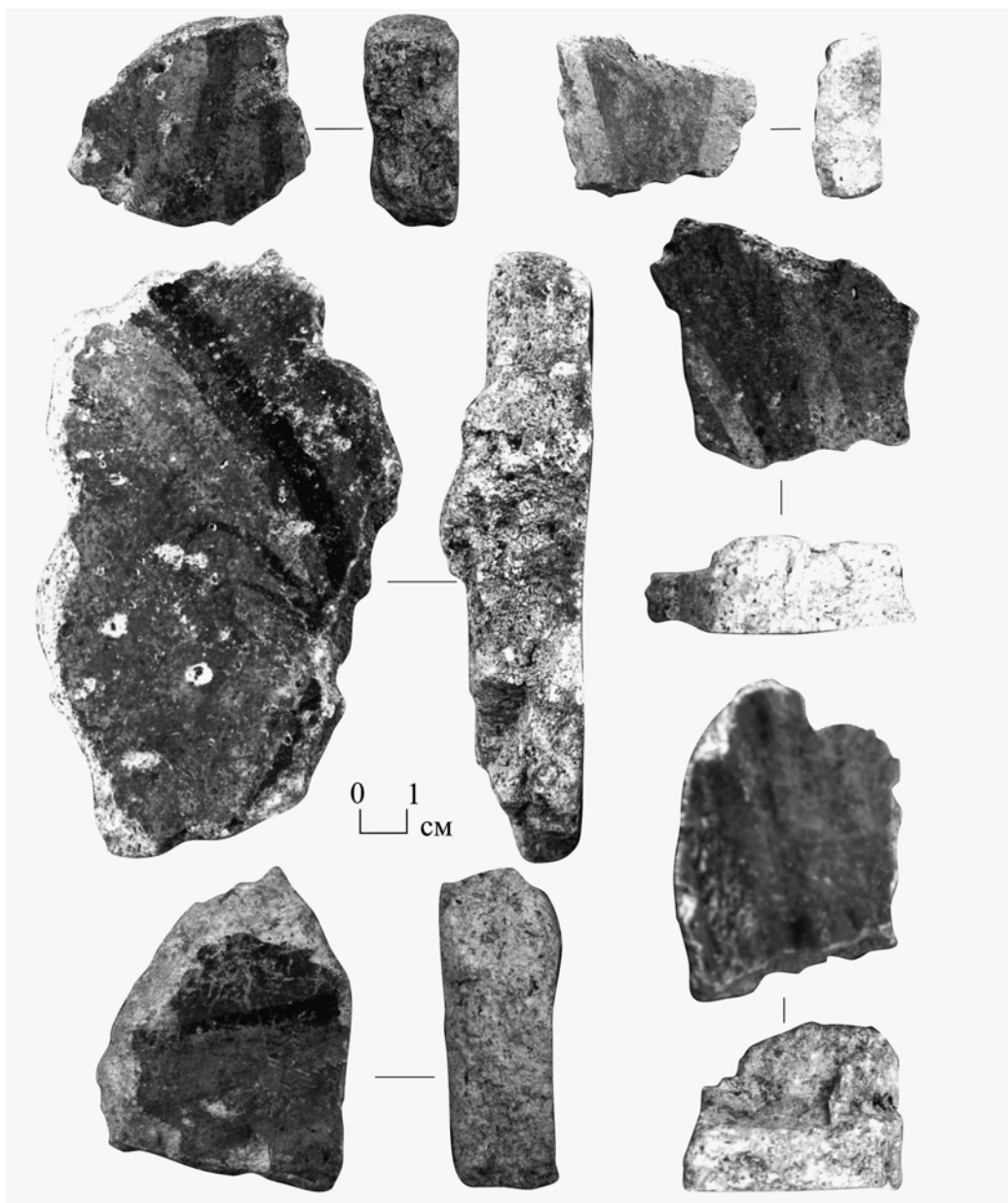

Рис. 4. Фрагменты фресок

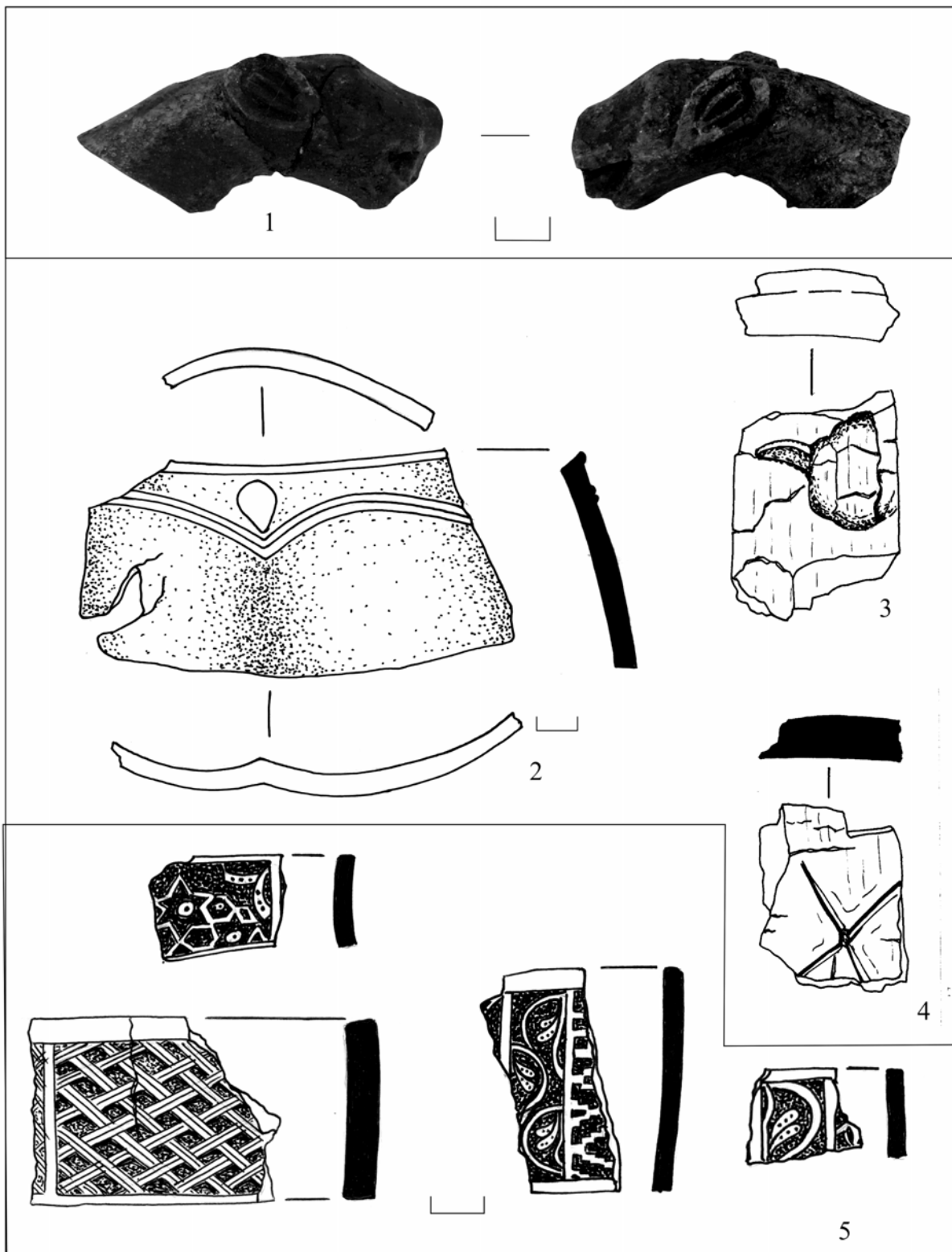

Рис. 5. Деревянные изделия из сгоревшего подвального помещения. 1 – ручка ковша; 2-4 – стенки сосудов; 5 – орнаментированные пластины

Рис. 6. Крупные фрагменты древнерусских глиняных горшков

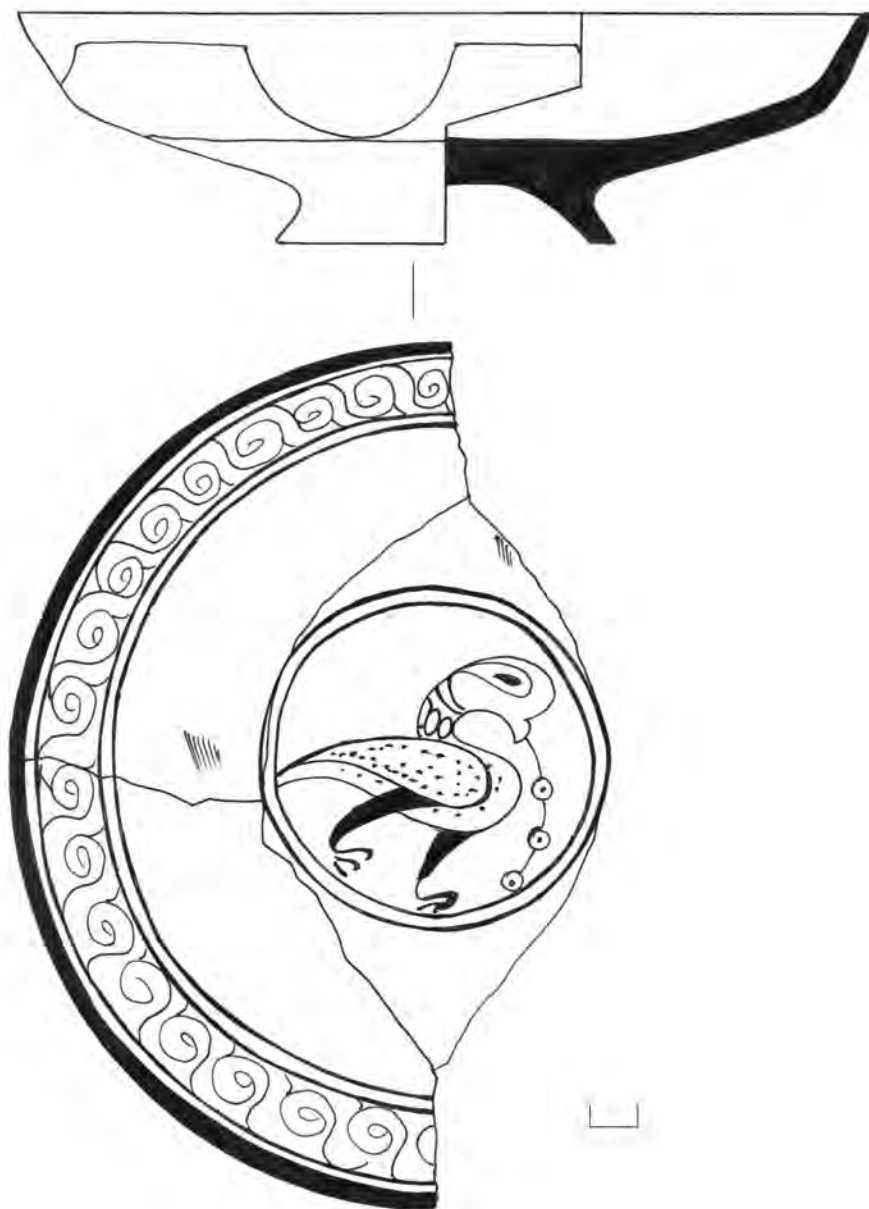

Рис. 7. Красноглиняная глазурированная чаша византийского производства

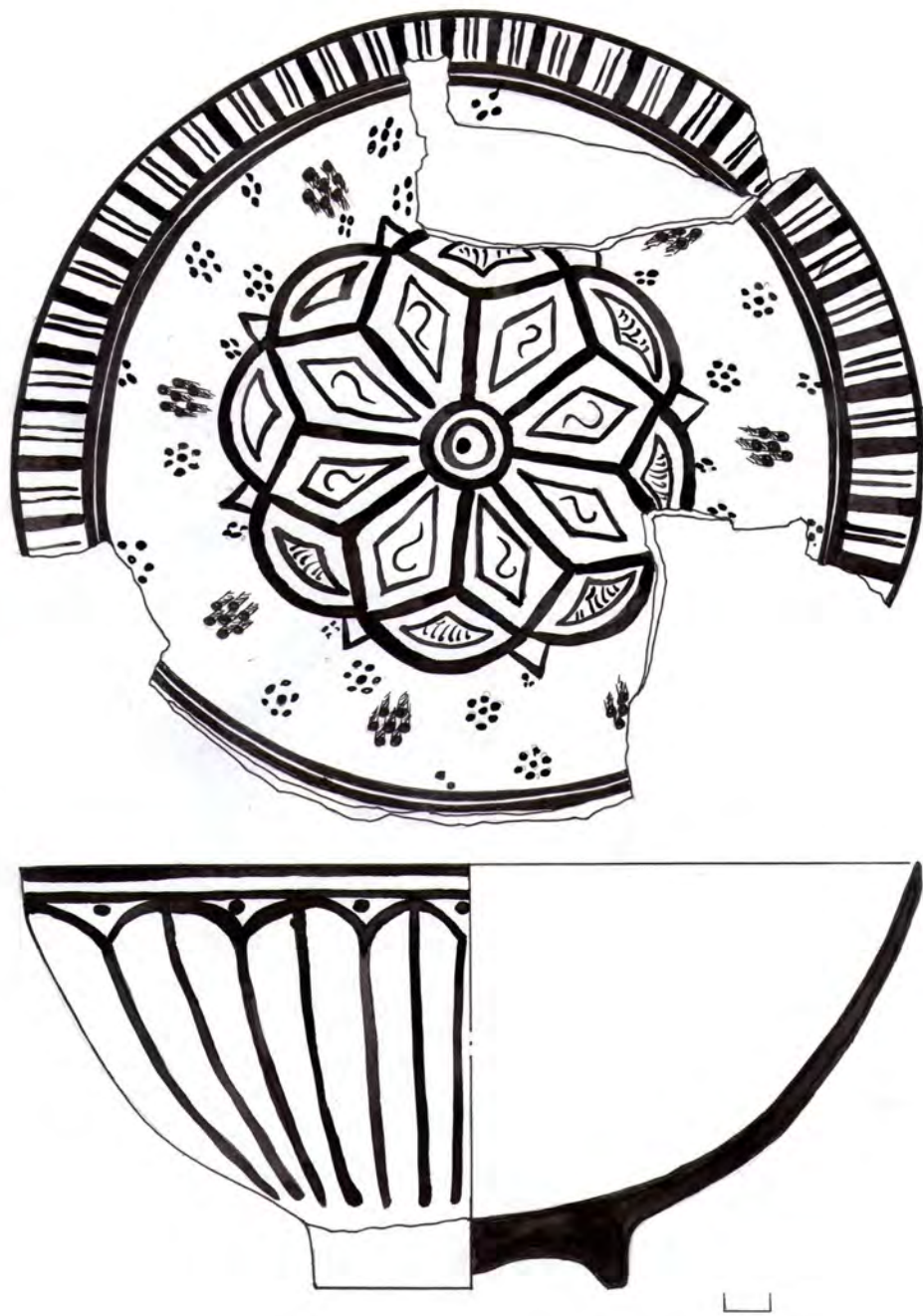

Рис. 8. Кашинная чаша иранского (?) производства

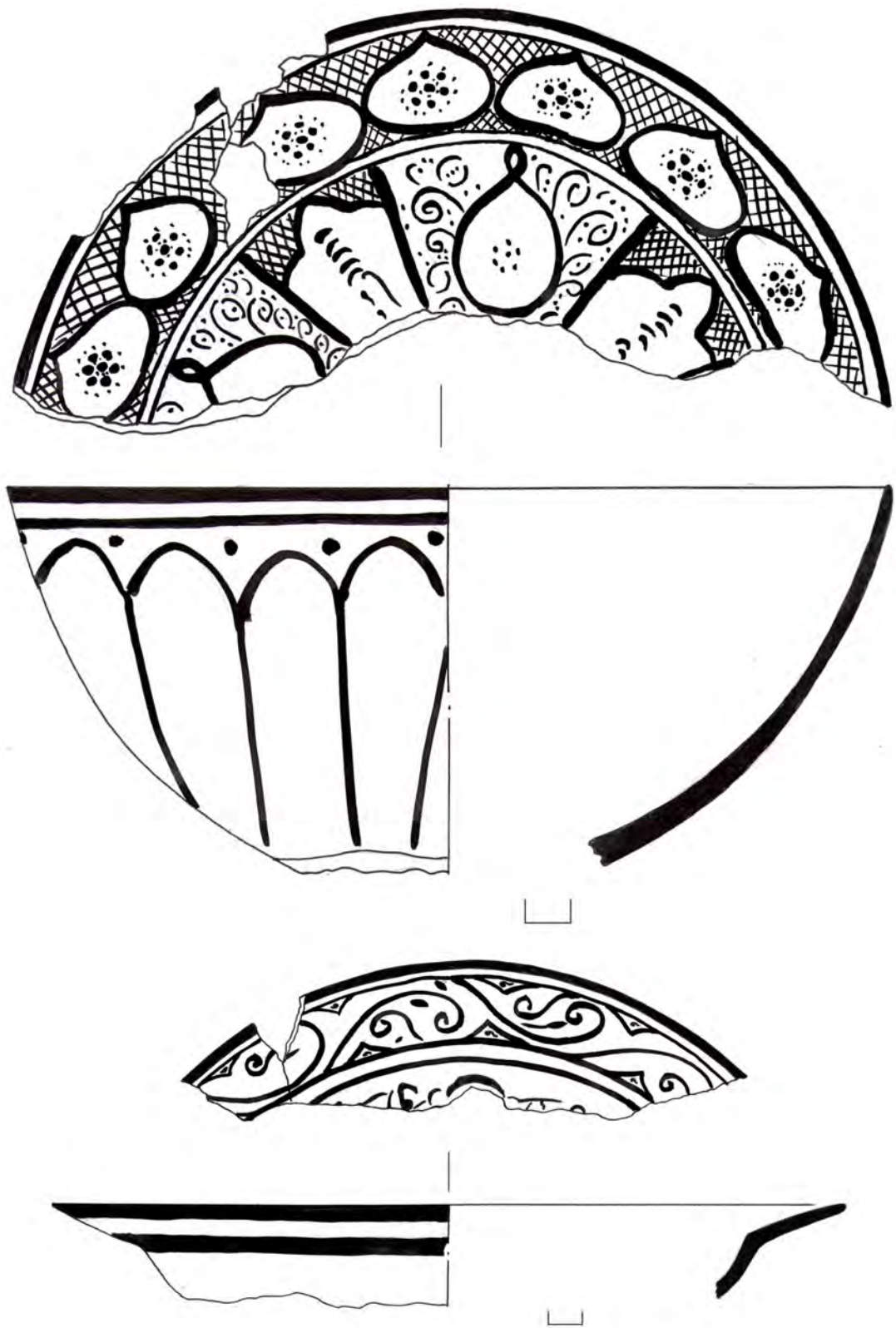

Рис. 9. Фрагменты кашинных чаш иранского (?) производства

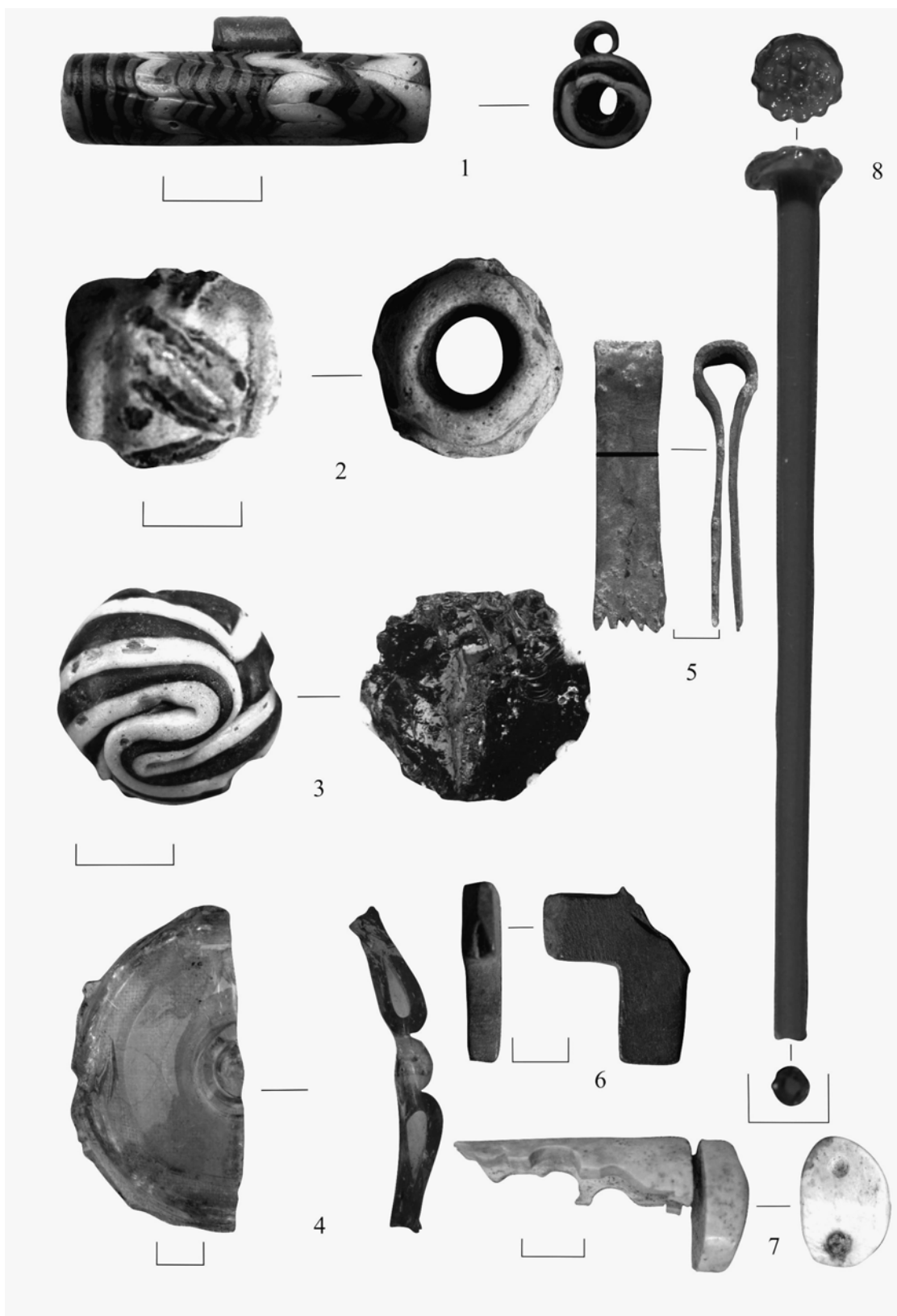

Рис. 10. Находки из культурного слоя. 1, 3 – бусы стеклянные; 2 – бусина кашинная; 4 – дно стеклянного сосуда; 5 – пинцет из медистого сплава; фрагмент каменного тельного креста; 7 – заготовка костяной рукояти; 8 – шпилька для волос стеклянная

ЗНАКИ НА КЕРАМИКЕ УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА (по материалам раскопок 2011 г.)

В 2010-2011 гг. археологический отряд Саратовского областного музея краеведения под руководством Д.А. Кубанкина проводил раскопки в центральной части Увекского городища, во дворе частного дома по адресу: 10-й Увекский пр-д, д. 1. Общая площадь раскопа составила 58 кв. м, мощность культурного слоя достигала 3,5 м. В 2011 г. удалось частично проследить одно из подвальных помещений монументального здания на каменном фундаменте, условно датируемого последней третью XIII-первой половиной XIV в., которое погибло в результате пожара. В нем хранились разнообразные припасы – просо, пшеница, горох, лесные орехи. Часть зерна находилась в деревянном ведре, ларе и глиняной таре. Зафиксированы развалы трех хумчей и не менее пяти трапезундских амфор.

В ходе изучения керамического материала из раскопа выявлено несколько фрагментов с граффити¹ и со знаками, нанесенными красной краской (дипинто). Символы встречаются на туловах и ручках амфор трапезундского типа. Данное сообщение носит предварительный характер, поскольку изучаемый материал еще находится в процессе реставрации. Поэтому в работе рассматриваются знаки только на ручках сосудов.

Граффити выявлено на двух целых и шести фрагментах ручек. Встречаются различные изображения – от простейших, из двух пересекающихся линий, до более сложных – букв и нерегулярного орнамента (?). На ручках и их фрагментах встречается от 1 до 3 граффити. На всех изучаемых изделиях заметны следы горения и потеков от маслянистой жидкости.

На целой ручке (рис. 1, 1) одно граффити. Оно расположено в верхней части и представляет собой простой символ в виде креста (X-образный символ).

На второй целой ручке три граффити. В нижней ее части, близко к месту сочленения ручки с туловом, расположен X-образный символ (рис. 1, 4). В средней части ручки – крупное граффити В-образной формы (рис. 1, 3). Выше него расположены предположительно две арабские буквы (рис. 1, 2). Подобные граффити, кроме X-образного, на других фрагментах ручек из данного раскопа не зафиксированы.

На трех фрагментах ручек встречается знак из трех горизонтальных линий (рис. 1, 5-7), которые пересекает одна вертикальная линия под углом близким к 90 градусам. Других символов на данных фрагментах не обнаружено. На одном из фрагментов (рис. 1, 5) граффити расположено в нижней части, близко к месту соединения ручки и тулова. На втором (рис. 1, 6) – в верхней, сразу за изгибом ручки. Третий фрагмент (рис. 1, 7) – небольшого размера и не позволяет точно определить, в какой части ручки находи-

¹ Граффити (от итал. *graffito* - царапать) – древние надписи на посуде и предметах домашнего обихода, стенах домов и т.д. Содержание их разное: имя владельца, посвящение, имя божества или его аббревиатура, название содержимого в амфорах и пифосах, цифровые отметки (объем, вес, цена). Надписи аналогичного содержания, выполненные краской, преимущественно на амфорах, называются дипинто (от итал. *dipingere* – писать красками).

лось граффити. Часть символа утрачена. Оставшееся изображение позволяет идентифицировать его с двумя полностью сохранившимися подобными знаками.

На одном из фрагментов (рис. 1, 8) зафиксировано крупное граффити, состоящее из двух линий: длинной вертикальной и соединяющейся с ней косой линией, близко по форме к цифре 1. Граффити расположено в нижней части, близко к месту соединения ручки и тулова.

На другом фрагменте ручки расположен символ, состоящий из четырех параллельных горизонтально расположенных линий и пересекающей их под косым углом вертикальной линии (рис. 1, 9). Граффити расположено в нижней части, близко к месту соединения ручки и тулова. Рядом с этим знаком – слабо заметная красная полоса (ди-пинто?).

На последнем фрагменте два граффити: одно – сохранившееся полностью, второе частично утрачено. Сохранившееся изображение расположено в нижней части, близко к месту соединения ручки и тулова. Оно представляет собой знак из трех параллельных линий и пересекающей их под косым углом вертикальной линии (рис. 1, 11). Кроме того, зафиксированы две менее четкие линии, возможно, более раннее граффити, перекрытое позже новым знаком. Выше слабо прочерчен нерегулярный орнамент из линий с разным направлением, возможно букв, часть из которых утрачена (рис. 1, 10).

Граффити на керамической таре с золотоордынских памятников встречается достаточно часто. На Царевском городище при исследовании усадеб отмечены находки стенок и ручек красноглиняных сосудов с нацарапанными на них после обжига знаками. Они встречаются не только на амфорах, но и на кувшинах. Большинство символов представляет собой сочетание прямых линий, в т.ч. изображения Х-образной формы. Преобладающая часть граффити прочерчена довольно небрежно (Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В., 1974, с. 98, 106, 121). Не редки находки фрагментов кувшинов и хумчей со знаками на Селитренном городище: в виде трезубца, креста, галочки, перечеркнутых параллельных линий и др. (Пигарев Е.М., 2006, с. 251). Опубликованы фрагменты керамики с геометрическими изображениями, исследованные в Болгаре и на урочище Ага-Базар (Хованская О.С., 1954, с. 363-365; Смирнов К.А., 1958, с. 455-456). Таким образом, в Поволжье во многих крупных городах Золотой Орды, где был оживленный товарооборот, встречаются граффити преимущественно на крупных сосудах.

Значительная часть фрагментов керамики с граффити происходит из Азака и его окрестностей. В публикациях представлены знаки, расположенные как на ручках, так и на тулове сосудов. Они зафиксированы на фрагментах кувшинов, на трапезундских и азакских амфорах, на красноглиняных поливных чашах. На всех рассмотренных ручках амфор прочерчено не более одного знака. Преобладают изображения, состоящие из прямых линий, пересекающихся под различными углами, отдельные граффити имеют С-образную, Х-образную форму, напоминают сочетания букв, цифр и тамги (Широченко Э.Б., 2010; Масловский А.Н., 2010; Масловский А.Н., 2006а; Масловский А.Н., 2006б, Дмитренко М.В., 2006).

При подводных исследованиях в бухте Судак-Лимен (Крым) найдено большое количество керамических изделий и их фрагментов, датируемых X-XIII вв., с граффити в виде букв греческого алфавита и геометрических знаков. Значительное количество изображений встречается на ручках и туловах амфор трапезундского типа. Они представляют собой буквы или сочетания букв греческого алфавита, монограммы, черточки и точки, знаки, очевидно представляющие условные символы. Отдельные фрагменты амфор покрыты ими почти сплошь (Зеленко С.М., 2000). Граффити в виде греческих букв и геометрических символов встречаются на фрагментах амфор, датированных XII-

XIII вв., в Херсонесе (Романчук А.И., 1983). Следовательно, в причерноморских золотоордынских городах прочерчивание знаков на тарных сосудах было распространено.

Через ордынские земли поступали товары в русские княжества, и на Руси встречаются фрагменты амфор с различными процарапанными знаками, преимущественно на тулове сосуда. Это были имена, фразы, но чаще – отдельные символы и буквы. (Коваль В. Ю., 2010, с. 157-159.). Разнообразные знаки присутствуют на тарной посуде, поступавшей из Европы. В Новгороде в усадьбе богатой семьи обнаружено большое количество днищ бочек с различными «знаками геометрического характера» (Рыбина Е.А., 2009, с. 158).

Находки фрагментов керамики с граффити в Поволжье, Причерноморье и на Руси свидетельствуют, что преобладающая часть знаков нанесена на крупные тарные сосуды. Обращаясь к находкам с Увекского городища, отметим, что изображения также встречаются на крупной таре и прочерчены нечетко, линии неровные. Только одно граффити В-образной формы (рис. 1, 3) прочерчено тщательно, линии выделяются глубиной и четкостью. Описывая граффити на фрагментах амфор, найденных на Руси и относящихся ко времени Золотой Орды, В.Ю. Коваль отмечает, что для большинства символов характерно, что они процарапывались «наспех, неглубоко и небрежно» (Коваль В.Ю., 2010, с. 154-155).

Значение граффити трактуется по-разному. М. Д. Полубояринова отмечает, что у многих народов существовал обычай отмечать определенным знаком свою собственность (скот, орудия труда, владения и пр.), чаще всего символ переходил по наследству от отца к старшему сыну. Младшие сыновья тоже пользовались наследственным знаком, но вносили в него небольшие изменения (Полубояринова М.Д., 1980, с. 165). С другой стороны М.Д. Полубояринова приходит к выводу, что символы на керамике не всегда выступали как знаки собственности. Оно появлялось на таре на промежуточном этапе между мастером и владельцем. Мастер имел возможность поставить клеймо в процессе изготовления на не обожженный сосуд. Известны находки тарных сосудов с клеймами мастера (владельца мастерской), при этом в исследованных керамических мастерских на Царевском, Селитренном и Водянском городище среди готовых изделий и брака не зафиксировано процарапанных знаков. Если предположить, что знаки ставили владельцы (покупатели), то знаки бы встречались на всех сосудах найденных рядом. Вероятно, товар покупался вместе с тарой, на которой уже были граффити (Полубояринова М.Д., 1980, с. 204-205).

Е.А. Рыбина, изучающая связи Новгорода с Ганзой, считает, что изображение на таре – это купеческие знаки собственности (марки), позволяющие определить владельцев товаров. Традиция ставить марку простой формы, из прямых линий, была распространена в странах Европы. Изображения позволяли купцу легко узнать свой товар среди других подобных. Ставились знаки, как правило, на видном, заметном месте. Например, в случае кораблекрушения, по ним товар распознавался и возвращался хозяину (Рыбина Е.А., 2009, с. 197-198). Отметим, что в черноморских городах Золотой Орды в случае кораблекрушения также предписывалось возвращать найденный товар купцу. Возможно, на этих товарах были знаки собственника. Кроме основных марок, часто использовались дополнительные. Это были различные фигуры (круги, штрихи, буквы), по ним узнавали, что за товар находится в таре, его сорт, качество, место производства. Поэтому на одной бочке или другой таре может встречаться сразу несколько обозначений. Как правило, в Новгороде тару с различными марками находят при раскопках богатых усадеб (Рыбина Е.А., 2009, с. 199-200).

Таким образом, знаки на таре связываются с торговой деятельностью. С.М. Зеленко, считает, что граффити это определенные обозначения, содержащие информацию

о товаре. На некоторых сосудах множество символов, что, по мнению исследователя, указывает на неоднократное использование их в качестве тары (Зеленко С.М., 2000).

Вернемся к находкам с Увекского городища. На керамическом материале из раскопа 2011 г. дважды встречается X-образный символ (рис. 1, 1; 1, 4). X-образный знак (крест или косой крест) имеет много трактовок, часто его связывают с христианской символикой и обозначением церковной собственности (Романчук А.И., 1983, с. 70). На одной из маломерных амфор, в которой зафиксированы следы ладана, прочерчено граффити в виде креста (Зеленко С.М., 2000). Так же X-образный символ мог обозначать букву «хи», которая не редко соседствует с другими буквами греческого алфавита на фрагментах тарной керамики, найденной на территории средневекового Херсонеса (Романчук А.И., 1983, с. 70). Во многих погребениях могильника Мамай-Сурка обнаружены фрагменты стенок красноглиняных сосудов с прочерченным х-образным символом (Ельников М.В., 2001, с. 40, 91, 107, 120). В данном случае граффити могло иметь сакральное значение. Этот знак является одним из наиболее распространенных изображений на средневековых амфорах, возможно, это связано не только с его символическим или буквенным значением, но и с простотой его построения.

В Причерноморье встречаются аналоги символу В-образной формы (рис. 1, 3) прочерченному на целой ручке из раскопа 2011 г. на Увекском городище. Подобный знак встречается на амфорах из бухты Судак-Лимен (Зеленко С.М., 2000). Граффити в виде греческих букв «В» и «А» зафиксировано на амфоре и кувшине, датированных X-XI вв., из Партенита (Крым) и связывается автором публикации с изображениями на византийских монетах этого периода (Паршина Е.А., 2002, с. 97-98). Символ В-образной формы широко представлен на фрагментах привозной керамики в Саркеле и на Таманском городище, как одиночно, так и в сочетании с другими знаками. В.Е. Флерова относит его к буквенным символам и трактует как букву кириллицы либо греческого алфавита (Флерова Е.В., 1997, с. 73). На некоторых фрагментах наблюдается зеркальное переворачивание знаков, в т.ч. символа В-образной формы. Это можно объяснить тем, что символом пользовались не только греческие и славянские купцы, но и торговцы других национальностей. Буква отождествлялась со знаком «коммерческого языка», который использовало купечество при транспортировке, продаже и перепродаже товаров, привозимых в амфорах (Флерова Е.В., 1997, с. 80).

Итак, данный символ может иметь несколько значений, вероятно, связанных с торговой деятельностью. Знак В-образной формы (рис. 1, 3), относительно других граффити на керамике с Увека, прочерчен четко и легко заметен. Это позволяет предположить, что он мог выполнять функцию знака собственности торговца. Как было замечено выше, купеческие марки ставились на видном месте, чтобы можно было легко опознавать товар. Другие символы на этой ручке (рис. 1, 2; 1, 4) могли выполнять функцию дополнительных марок и характеризовать непосредственно содержимое тары. Кроме того, наличие нескольких изображений на одной ручке может быть связано с многократным использованием торговцами данного сосуда в качестве тары.

В ходе раскопок 2011 г. в помещении (предположительно подвал крупного здания) были зафиксированы фрагменты различных тарных сосудов – нескольких видов амфор и хумчей. Граффити обнаружено только на фрагментах трапезундских амфор. Трапезундская империя была крупнейшим поставщиком вина, которое поставлялось в амфорах. На обнаруженных в подвале амфорах присутствуют следы горения и потеков горевшей жидкости, возможно, вина. Рядом находились трапезундские амфоры с просом, т.е. тара использовалась вторично.

Наличие знаков только на амфорах одного типа позволяет предположить, что знаки были нанесены на сосуды до их попадания в исследованное помещение. Возможно, данные граффити – это символы «коммерческого языка» и торговых традиций, быто-

вавших в Трапезундской империи и в Золотой Орде. Если рассматривать их как купеческие марки, аналогичные ганзейским, обращает на себя внимание тот факт, что большинство граффити весьма невыразительные, некоторые расположены в нижней части ручек, их трудно заметить сразу.

Возможно, неприметные знаки ставились для того, чтобы их мог увидеть конкретный человек (торговец) и установить по ним, какой товар находится в таре, какого он качества и куда должен быть доставлен. Расположение на одной ручке амфоры одновременно трех разных знаков (рис. 1, 2-4) различных размеров и в разных ее частях, возможно, содержит многоплановую информацию. Например, о торговце, товаре и его качестве. Вероятно, более конкретно можно будет говорить о значении данных граффити, когда сосуды будут собраны полностью и появится возможность изучить изображения на их туловах.

Литература

- Дмитренко М.В.* Итоги археологических исследований в г. Азове по ул. Ленинградской, 67 в 2004 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21.
- Ельников М.В.* Средневековый могильник Мамай- Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.). Запорожье, 2001. Т. I.
- Зеленко С.М.* Итоги исследований подв-археол. экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997-99 гг. // Восточноевропейский Археологический журнал № 3-4 (май-июнь 2000): интернет издание сайта <http://archaeology.kiev.ua>
- Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси IX-XVII века. М., 2010.
- Масловский А.Н.* Археологические исследования в городе Азове и Азовском р-не в 2005 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году. Азов, 2006а. Вып. 22.
- Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006б. Вып. 21.
- Масловский А.Н.* Археологические исследования в городе Азове и Азовском р-не в 2007-2008 годах // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. 24. Азов, 2010. Вып.
- Паршина Е.А.* Древний Партенит (по материалам раскопок 1985-1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев. 2002.
- Пигарев Е.М.* Знаки на керамике Селитренного городища // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 8.
- Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
- Романчук А.И.* Граффити на средневековых амфорах из портового района Херсонеса // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1983. Вып. 20.
- Рыбина Е.А.* Новгород и Ганза. М., 2009.
- Смирнов К.А.* Святилище в урочище Ага-Базар // МИА. 1958. № 61.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В.* Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в Средние века. М., 1974.
- Флерова Е.В.* Граффити Хазарии. М., 1997.
- Хованская О.С.* Гончарное дело города Болгара // МИА. 1954. № 42.
- Широченко Э.Б.* Археологические исследования в городе Азове в 2008 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. Азов, 2010. Вып. 24.

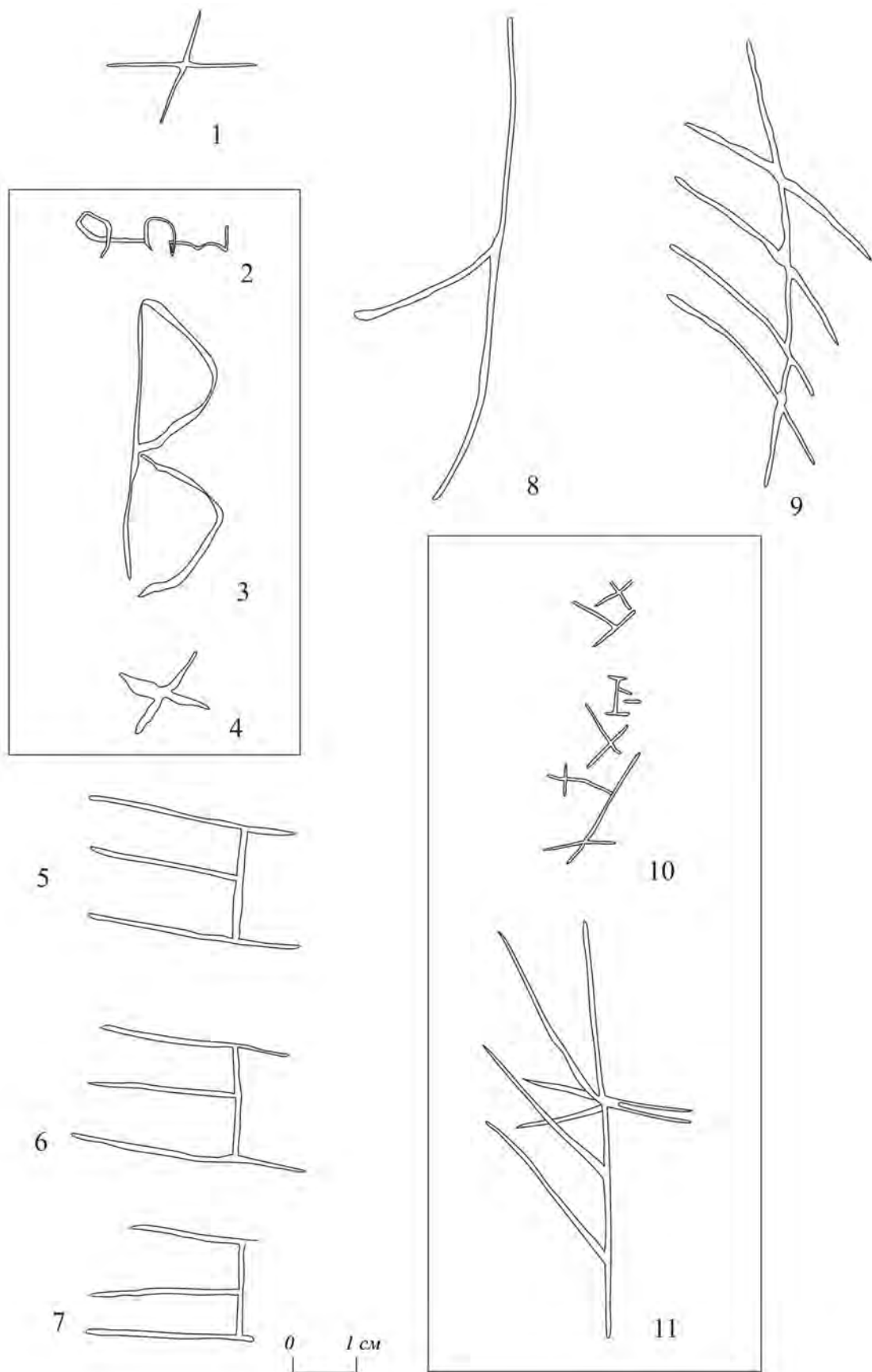

Рис. 1. Прорисовки по протиркам граффити с ручек трапезундских амфор

Н.Н.Афоньков

СТРЕЛКОВЫЙ ПОЯС И КОШЕЛЬ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У С. УСТЬ-КУРДЮМ

Археологические раскопки золотоордынского курганного некрополя у с. Усть-Курдюм¹ проводились И.В. Синицыным в 1963 г. Материалы раскопок частично опубликованы в коллективной монографии «Средневековые кочевники Поволжья» (Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998). Там же дана прорисовка пояса с застежкой-крючком из кургана 8. Приводим описание погребения в кургане 8 по указанной выше публикации.

«Курган 8. Диаметр – 7 м., высота – 0,45 м, земляной. Могильная яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ, имела длину 2,1 м и ширину 0,7 м. В юго-восточной стенке входной ямы был обнаружен подбой длиной 2,1 м и шириной 0,65 м, дно подбоя было на 10 см ниже дна входной ямы. Вход в подбой был перекрыт продольными досками. Костяк мужчины лежал вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентированный головой на СВ. Череп был повернут влево лицом на восток. Вещи. Кожаный пояс с бронзовыми бляшками ... и подвесной сумочкой-кошельком ... лежал свободно в изогнутом положении на животе и бедрах покойника. Сыромятный ремень пояса одним концом лежал на левой стороне нижних ребер, далее проходил по поясничным позвонкам и правому крылу таза и заканчивался под левой бедренной костью. Кожаная сумка-кошелек была закреплена на поясе недалеко от нижнего конца ремня, так, что находилась между бедренными костями скелета. В правой части погребения, между костяком и стенкой подбоя, сохранились остатки деревянного блюда и обрывки бересты, украшенные линейным орнаментом, выполненным темной краской. В ногах скелета была обнаружена подметка от сапог ...» (Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998, с. 211, 213).

В описанном погребении сохранились не только металлическая поясная гарнитура, но и сам кожаный пояс во фрагментах вместе с прикрепленной к нему фурнитурой². Особо внимания заслуживает накладка с крюком (рис. 1, 1). Поясам с застежкой такого типа до недавнего времени практически не уделялось внимания в научных работах, исключая статью Г.В.Кубарева (Кубарев Г.В., 1998), хотя находки крючков в погребениях кочевников, как раннесредневековых, так и золотоордынских не редки. Более того, часто их ошибочно относят к элементам крепления колчана. Данное предположение, как правило, не подтверждено ни изобразительными источниками, ни чем-либо еще. Весомым аргументом, в пользу использования «колчанного» крюка, как поясной застежки, вполне могут по-

¹ Село Усть-Курдюм Саратовского р-на, Саратовской области располагается к северо-востоку от г. Саратова у впадения р. Курдюм в р. Волгу.

² Пояс хранится в фондах Саратовского областного музея краеведения. Инв. № АО 2576.

служить и «стрелковые» пояса XVI-XVII вв., известные, например, в Оружейной палате Кремля.

Исходя из имеющихся фрагментов ремня, можно заключить, что он был сшит из двух одинаковых по толщине полос тонкой кожи (толщина не более 1,5 мм) шириной 20 мм. Проколы под нить располагаются через каждые 3 мм. Нить тонкая, слабоскрученная.

Поясной крюк – 1 шт. Длина с крючком 55 мм, ширина 20 мм. Крючок слабо изогнут. Край щитка имеет «скобчатое» оформление края. С тыльной стороны 4 шпенька диаметром 2 мм расклепаны на шайбы неправильной округлой формы, вырезанные из тонкой бронзовой пластины (рис. 1, 1).

Прямоугольные накладки – 7 шт. В сечении имеют форму трапеции. Длина широкой стороны 18,5 мм, узкой стороны 18 мм. Толщина 4 мм. С тыльной стороны 2 шпенька диаметром 2 мм расклепаны на шайбы неправильной округлой формы, вырезанные из тонкой бронзовой пластины. Выполняют роль фиксатора концов ремней, продетых в ременной разделитель (рис. 1, 3).

Ременной разделитель – 4 шт. Имеет прямоугольную форму. Длина 34 мм, ширина по выступам 27 мм, толщина 3 мм. Ширина прорезей боковых и в нижней части 5 мм, длина 18 мм (рис. 1, 2).

Круглая накладка – 1 шт. Диаметр 18 мм, толщина 1,8 мм. С тыльной стороны имеется 1 шпенок диаметром 2 мм, который расклепан на шайбу неправильной округлой формы, вырезанную из тонкой бронзовой пластины (рис. 1, 4).

Накладка в виде розетки с четырьмя полукруглыми лепестками – 1 шт. Длина и ширина 20 мм, толщина 1,8 мм. В нижней части имеет обломанную дужку для кольца. Кольцо утрачено. Длина сохранившейся части кольца 5 мм. С тыльной стороны 2 шпенька диаметром 2 мм расклепаны на шайбы неправильной округлой формы, вырезанные из тонкой бронзовой пластины. Функциональное назначение данного подвеса не определено (рис. 1, 5).

Пряжки от подвесных ремней – 2 шт. Имеют подтреугольную, овальную в сечении, рамку и неподвижный щиток со «скобчатым» оформлением края с отверстием под язычок. Диаметр отверстия 4 мм. Язычки, предположительно, были железными и потому не сохранились. Общая длина 45 мм, длина щитка 20 мм; ширина по щитку 2 мм, ширина по рамке 22 мм. Внутренний просвет рамки в широкой части – 14 мм. С тыльной стороны имеется 3 шпенька диаметром 2 мм, расклепанные на шайбы неправильной округлой формы, вырезанные из тонкой бронзовой пластины (рис. 1, 6).

Все предметы отлиты из бронзы в жесткую, скорее всего, каменную форму. Литые качественные, без пор и раковин. Литниковые швы аккуратно зачищены. Накладки носят следы лужения. Все это может свидетельствовать об изготовлении их в городской литейной мастерской. Некоторые стилистические особенности, такие как «скобчатое» окончание щитков крюка и пряжек подвесных ремней, позволяют предположить, что набор имеет определенное отношение к позднебулгарскому литейному производству (Руденко К.А., 2001, с. 30). Это подтверждают и известные булгарские аналогии крюку-застежке (Руденко К.А., 2001, с. 117, рис. 31).

Прямых аналогий усть-курдюмскому поясному набору автором не выявлено. Крюки-застежки, известные по погребениям кочевников волго-донских степей XI-XII вв. и золотоордынского времени, изготовлены, как правило, из железа. К примеру, крюки из: кургана 7 могильника «Олень-Колодезь» (Ефимов К.Ю., 1999), погребения Коллекторский 1/1 (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2011, с. 121, рис. 5, 4), разрушенного при строительстве погребения у с. Раздольное Новоалександровского р-на Ставропольского края (Горелик М.В., Отюцкий И.В., Охонько Н.А., 2011, с. 99, табл. 2, рис. 7). Если рассматривать домон-

гольский период, можно также отметить крюк из погребения 1 могильника «Бубнов Ерик IV» (Парусимов И.Н., 2007, с. 324, рис. 6, 8).

Предположительно, гарнитура пояса из кургана 8 могильника Усть-Курдюм, могла располагаться следующим образом (рис. 2). Справа-налево: крючок-застежка изгибом вверх (от тела), на небольшом расстоянии два разделителя, (концы ремней, пропущенных в просветы зафиксированы квадратными накладками), три накладки (квадратная, круглая, квадратная), разделитель (концы ремней, пропущенных в просветы зафиксированы квадратными накладками), накладка «розетка» с подвесным кольцом, разделитель (концы ремней, пропущенных в просветы зафиксированы квадратными накладками). На окончаниях подвесов – пряжки.

На первый взгляд, конструктивно, получаем стрелковый или «саадачный» пояс, о которых пишет Г.В.Кубарев (1998). Однако есть и отличия. Для погребений кочевников, имеющих детали «стрелковых поясов» характерным может считаться три либо два ременных разделителя, фиксирующих подвесные ремни. По правую руку – под колчан, по левую руку – под налуч (саадак). В рассматриваемом наборе таких разделителей четыре. Не совсем ясно предназначение третьего по счету от застежки подвеса.

Если же рассматривать функциональное предназначение пояса в составе комплекса обнаруженных в погребении вещей, то возникает гораздо больше вопросов. В кургане 8 не обнаружено ни частей лука, ни наконечников стрел, ни какого-либо другого наступательного или оборонительного вооружения, характерного для воинского погребения. Как упоминалось выше, присутствуют обрывки бересты, украшенные линейным орнаментом, которые, могут быть остатками колчана, однако, на мой взгляд, это не может быть весомым основанием для причисления погребенного к воинскому сословию. О его невысоком уровне дохода, косвенно может свидетельствовать следующее. Утрачены две пряжки подвесных ремней и часть прямоугольных накладок-фиксаторов, сломано ушко и отсутствует кольцо на четырехлепестковой накладке. К тому же пояс носит на себе следы грубого ремонта: одна из прямоугольных накладок привязана к основе тонким кожаным ремешком, один из подвесных ремней был заменен, более тонким сыромятным ремешком.

В состав погребального инвентаря входил также поясной кошель. Ввиду немногочисленности подобного рода артефактов, найденных в закрытых комплексах, его описание представляет определенный интерес.

Сохранился только клапан сумки. Он состоит из двух кусков тонкой кожи, лицевая сторона украшена тисненым растительным орнаментом, ограниченным двойным прямоугольным бортиком. Длина его 125 мм, ширина по центру 77 мм. Ближайшими аналогиями являются поясные кошель XIII-XIV веков из материалов раскопок Великого Новгорода (Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямщиков С.В., 1985, с. 149, рис. 284, 285). Тисненый орнамент также имеет сходство с изделиями средневековых новгородских мастеров, а именно, с декором верхнего клапана сумки из Нутного раскопа (Гайдуков В.П., 1982, с. 182-183, рис. 91А-Б). Основываясь на этих, хорошо известных предметах мной была принята попытка графической реконструкции кошель (рис. 3).

Литая гарнитура представлена двумя накладками-подвесами каплевидной формы с «ушком» на верхней, широкой части (рис. 3, 1). Ширина их 16 мм, высота вместе с ушком 29 мм. Толщина 2 мм. С тыльной стороны имеется 2 шпенька диаметром 2 мм. Кольца утрачены и заменены на тонкие кожаные ремешки, удерживавшие сумку на поясе.

Центральная накладка (рис. 3, 2) с изображением изогнувшегося бескрылого дракона, кусающего свой хвост, является переливом в глиняную форму замка с запорным штифтом. Аналогичное устройство имеет замок сумочки из кургана 4 могильника у с.Скатовка

(Синицын И.В., 1959, с. 160). Рассматриваемая накладка может быть охарактеризована как дешевая копия товара, пользующегося спросом у широких слоев населения. Она удерживается на клапане посредством двух толстых, не менее 2 мм в диаметре, клепок. В качестве шайбы использована тонкая бронзовая пластина неправильной ромбической формы длиной 25 и шириной 15 мм (рис. 3, 3). В центре пластины имеется шпенок на вытянутой круглой в сечении ножке с круглой плоской шляпкой диаметром 6 мм, служивший, вероятно, для застегивания кошель.

При осмотре клапана сумки, сложилось впечатление, что центральную накладку закрепили поверх тисненого орнамента, часть рисунка уходит под нее. Не исключено, что орнаментированный клапан монтировался на обычный кошель и дополнялся доступной владельцу недорогой фурнитурой.

Замена утраченных колец с накладок-подвесов кошель ремешками, неоднократная починка пояса, свидетельствуют о долгой службе данных вещей своему владельцу. Вещи чинены небрежно, неумело. Вероятно, покойный не мог позволить себе приобрести еще один такой ремень или воспользоваться услугами мастеров-ювелиров для более качественной починки. Хозяин самостоятельно исправлял образовавшиеся дефекты, используя наиболее доступный, и хорошо известный кочевникам материал – кожу. Не исключена также версия о том, что этот комплекс вещей (пояс-сумка) мог исполнять функцию какого-либо социального маркера и потому подновлялся при жизни владельцем лично, а после его смерти, был похоронен вместе с ним.

Литература

- Гайдуков В.П. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.
- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX-начала XV в). Уфа, 1998.
- Горелик М.В., Отюцкий И.В., Охонько Н.А. Погребение знатного воина раннезолотоордынского времени в Ставропольском крае // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. Казань, 2011. Вып. 1.
- Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3-4.
- Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямицков С.В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985.
- Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая. // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1998. № 3.
- Парусимов И.Н. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. М., 2007. Вып. II.
- Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань, 2001.
- Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // МИА, М., 1959. № 60. Т. I.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. Казань, 2011. Вып. 1.

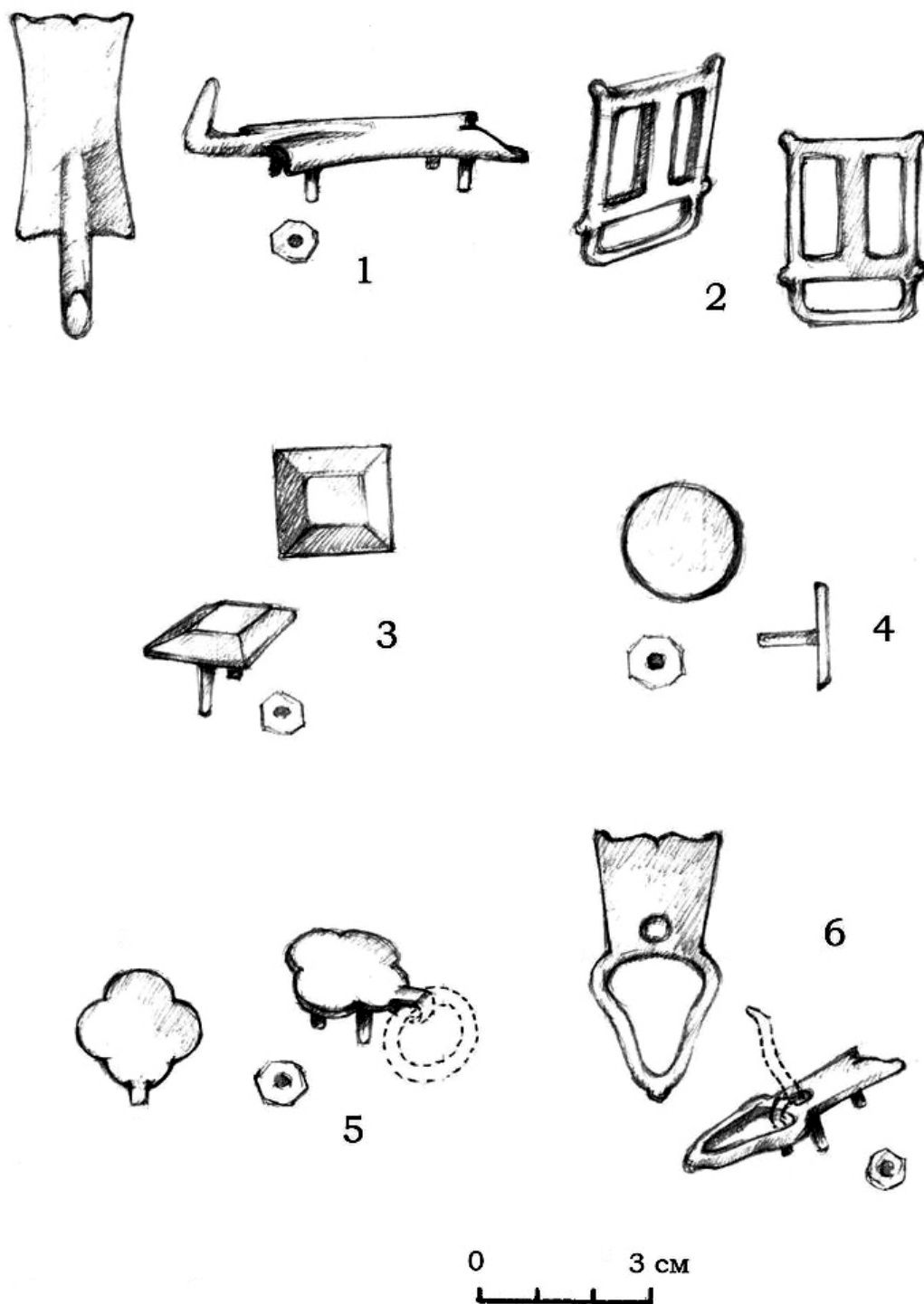

Рис. 1. Детали поясной гарнитуры из кургана 8 у с. Усть-Курдюм

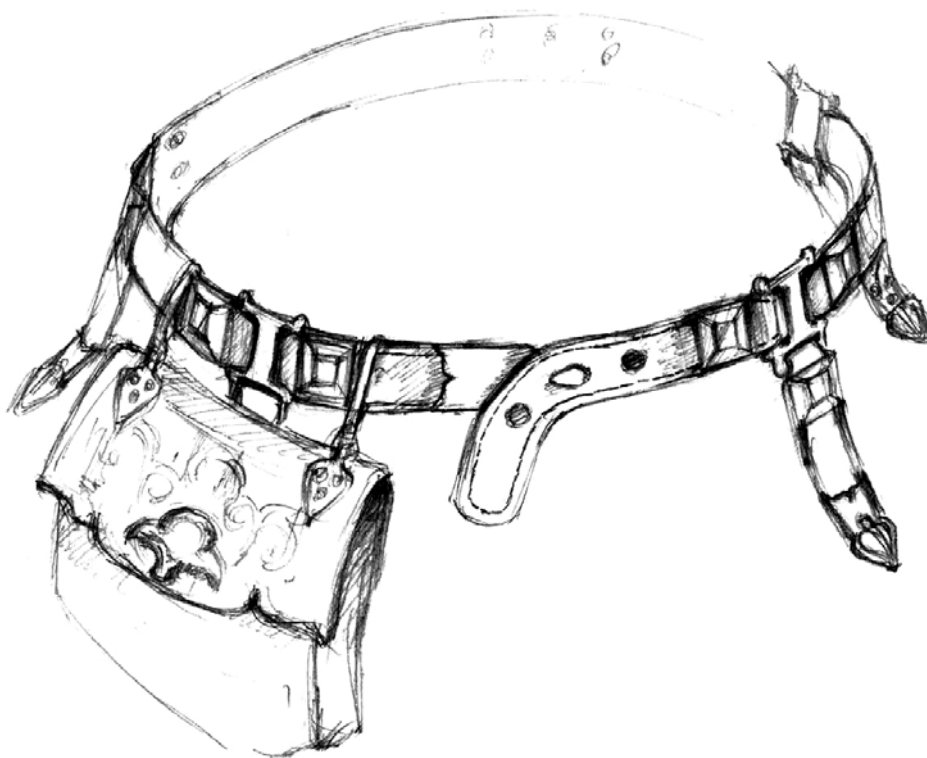

Рис. 2. Реконструкция пояса из кургана 8 у с. Усть-Курдюм

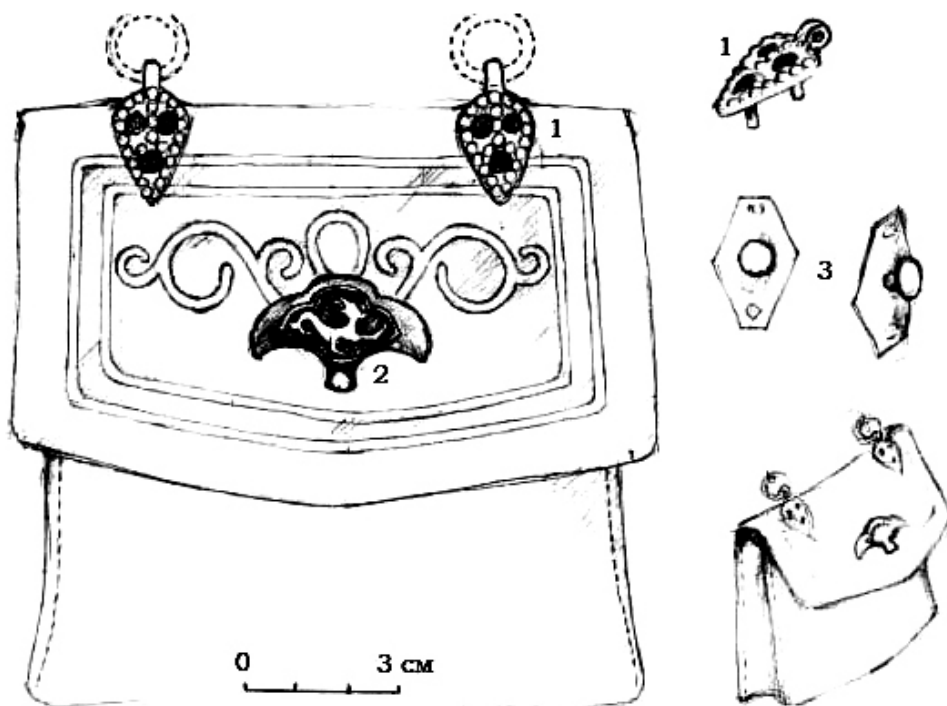

Рис. 3. Кошель из погребения в кургане 8 у с. Усть-Курдюм

РАННИЙ КАЗАЦКИЙ НЕКРОПОЛЬ НА УВЕКСКОМ ГОРОДИЩЕ

Увекское городище – уникальный археологический памятник на юго-восточной окраине г. Саратова. Начало его научного изучения, вероятно, следует связывать с прохождением по Волге академических экспедиций И.И. Лепехина, И.П. Фалька во второй половине XVIII века. За два с половиной столетия было собрано значительное количество материалов о древнем Увеке. В общем объеме данных о городище материалы с его некрополей были относительно невелики. Наиболее широко известны раскопки элитарных комплексов 1913, 1919 гг. (Кротков А.А., 2005; Баллод Ф.В., 1923). Их богатейшие находки заслонили, в некоторой степени, крупные массивы более скромных погребений, о которых чаще лишь как бы мимоходом упоминают исследователи городища.

Например, А.А.Кротков в 1915 г. пишет о южной части городища: "Начиная от Волги и до баков Нобеля, всюду здесь попадаются могилы с погребениями. Могилы встречаются простые, небогатых обывателей Увека, а также лиц знатного происхождения, похороненных в каменных склепах, отличных крашенных гробах, и в особо устроенных для них мавзолеях или турбах. Мавзолеи эти отстоят в большей дали от Увека, чем простые погребения" (Кротков А.А., 2005, с. 219).

В плане "большей дали" можно не согласиться с мнением А.А.Кроткова. Целью данной публикации стало описание именно простых погребений, но находящихся далее, уже за баками Нобеля, не отмеченных на его плане городища 1910-1915 годов. Может быть из-за того, что ко второй половине XIX века (времени начала работ СУАК на Увеке) их возможно когда-то существовавшие насыпи полностью сравнялись с поверхностью, и он ограничил территорию исследования южной части городища рвом и валом, не подозревая о более значительных масштабах изучаемого города, причем как в пространстве, так и во времени.

И на плане Ф.В. Баллода за складом Нобеля погребения также не обозначены. Хотя профессор Ф.Ф. Баллод после проведенных раскопок Увека значительно раздвинул временные рамки его существования (по монетным признакам): "Монеты до-татарского времени найдены на Увеке (соотв. мон. пер. II до Р.Хр. - IX по Р.Хр.), Терновском городище (II до Р.Хр. - X по Р.Хр.), Водянском городище (II до Р.Хр. - XI по Р.Хр.); таким образом, эти города были построены на месте более древних селений. После разрушений Тимура продолжают существовать Увек (найлены монеты русские XV-XVI, также XVII ст., Зап.-европейские XVII ст., "мордовки" и крымские), Терновское городище (русские XV-XVI, "мордовки"), и Водянское городище (русские, "мордовки", крымские и бухарские)" (Баллод Ф.В., 1923, с. 98). Но если поселение существовало до и существовало после того относительно небольшого интервала времени, к которому устоявшееся ныне мнение относит Увекское городище (эпоха расцвета Золотой Орды), то должны сохраниться вещественные (помимо монет) и документальные свидетельства его жизни.

В настоящей публикации автор намерен остановиться на рассмотрении “постзолотоордынского” этапа существования города. К тому времени наименование поселения, как выяснено автором, официально звучало как станица Увешенская, в обыденной речи попросту Увек (также как станица Вешенская на Дону звалась просто Вешки – вежами часто помечались переправы, существовавшие издавна в обоих приведенных случаях).

Оно сохранилось в упоминаниях путешественников. Например, Увек совместно с такими городами Поволжья как Нижний Новгород, Казань, Астрахань, указан, как одна из *важнейших* местностей в России А.Дженкинсоном (Английские путешественники..., 1937, с. 189). Сведения А.Дженкинсона дополнил прошедший через десятилетие после него по Волге другой служащий Московской компании, участник шестого путешествия в страны Персии и Мидии по открытию новых мест торговли Х.Бэрроу. Его экспедиция стояла на Увек полных 12 часов 5.10.1579 года, в противовес двум 3-часовым остановкам в Нижнем и Тетюшах, и пройденной без остановок Переволоке (Английские путешественники..., 1937, с. 264-265).

Об Увешенской станице (Увек) свидетельствуют и такие не оспариваемые ныне документы, как Книга Большому Чертежу (Увек являлся одной из важнейших точек отсчета Понизовья), а также карта Волги, созданная по указанию царя Алексея Михайловича. Увешенская есть и на скопированных с последней европейских картах: General Map of Siberia and Great Tartaria из Atlas Cartes Marines 1680 года, знаменитой карте Н.Витсена (рис. 1), датируемой по её картушу 1687 годом и т.д. Но возникает естественный вопрос, а где же тогда материальные следы поселения, из которых одним из основных является его некрополь?

Личные наблюдения автора за земляными работами осенью 2004 г. позволяют, в определенной степени, пролить свет на эту загадку древнего Увека. В начале первого десятилетия XXI века район современного поселка Увек охватила “водопроводная лихорадка”. Самодеятельные водопроводы, проложенные от многочисленных местных источников и артезианских скважин, перестали удовлетворять растущие запросы местных жителей. Было решено приступить к централизованному водоснабжению поселков Увек и Нефтяной. Поселки опоясали канавы глубиной от полутора до двух с лишним метров и шириной около одного метра (по ширине ковшей работавшей тяжелой землеройной техники, использованной ЗАО НПФ “Авангард-Ф”). Включившиеся в процесс местные жители с энтузиазмом рыли отводы к личным подворьям такой же глубины и шириной до полуметра. При этом на поверхность стали поступать разрозненные материалы захоронений, более массовые с некрополя по улицам Седьмой, Восьмой Увекский проезд, несколько скромнее – по Второму Увекскому проезду, Увекской улице и пр. (рис. 2).

По различию грунтов и глубины захоронений по трассе водовода, проложенной в октябре-декабре 2004 г., можно выделить несколько участков (рис. 3).

Участок А попал под прокладку водовода одним из первых. Он начинается у бывшей пожарной части по 8-му Увекскому проезду и заканчивается у закопанной старой противопожарной емкости, занимая пространство по верхней, образовавшей вследствие схода древнего оползня гряде – верхнему увалу, показанному к юго-западу от точек I, II на схеме Ф.В.Баллода или от вала и рва под номером 16 на схеме А.А.Кроткова. Захоронения на данном участке характеризуются сохранившимися следами погребальных ям, заполненными более темным гумусированным грунтом по сравнению с материком – смещенными верхнемеловыми породами сеноманского яруса зеленовато-желтого цвета. Это позволяло фиксировать задеваемые экскаватором объекты.

На первых же метрах участка отмечено большое скопление фрагментов красноглиняной ордынской керамики и разрушенное погребение 1, находившееся на глубине около метра от поверхности проложенной улицы.

Погребение 2 в 65 метрах от предыдущего, расположенное по центру траншеи, было частично разрушено ковшом экскаватора. Глубина захоронения 90 см. Сохранившаяся в нижней половине часть скелета (начиная с четырех нижних позвонков и лучевых костей рук) лежала в вытянутом на спине положении, руки вдоль туловища, головой на восток. В районе тазовых костей находилась металлическая пряжка и плоский железный предмет, сочлененный с деревянным обломком справа от таза, а также фиксируемое глазом большое количество пепельного тлена с левой стороны тазовых костей. Зафиксированы отпечатки кожи сапог на нижних конечностях.

Погребение 3 в 15 м от предыдущего. Глубина захоронения 85 см: 35 см до поверхности щитового перекрытия из древесных плах (толщиной 8-10 см, ширина щита около 120 см), и 50 см до дна погребальной ямы. Сохранилась верхняя часть скелета (по локтевые суставы) (рис. 3). Положение скелета на спине, лицом вверх, черепом ориентирован на северо-запад.

Погребение 4 расположено в правой стене траншеи в 5 м от предыдущего напротив дома № 11. Глубина захоронения 75 см. Не разрушенной экскаватором осталась верхняя часть скелета вплоть до берцовых костей (около 80 см). Скелет повернут на правый бок, руки сложены друг с другом в полусогнутом положении в районе пояса (рис. 3), череп на правом боку. Захоронение ориентировано головой на северо-запад, лицом к юго-западу. Ширина самой погребальной ямы 40 см, длина 170 см (ориентировочно).

Погребение 5 отмечено напротив калитки дома № 13. Теменная часть скелета зафиксирована на глубине 90 см от поверхности в левой стене водоводной канавы. Захоронение осталось практически не потревоженным, возможно его последующее вскрытие.

Погребение 6 было напротив дома № 20, в 9 м к северу от противопожарной емкости. Расположенное по направлению проведения канавы (запад-восток), оно было полностью разрушено экскаватором. При осмотре разрозненных частей скелета инвентарь не обнаружен. Из опроса местных жителей прилежащих домов известно, что несколько захоронений были разрушены при перекопах на близлежащих приусадебных участках в предыдущие годы. В одном погребении (в саду, ближе ко 2-ому Увекскому проезду) ими был найден крупный крест, крайне удививший и запомнившийся нашедшим, так как захоронения *a priori* считались мусульманскими.

Участок Б составляет часть водоводной траншеи, начинающийся с западной стороны противопожарной емкости и продолжающийся до проулка (рис. 3) все по тому же верхнему увалу. За этой закопанной емкостью (западнее д. № 26) водоводом был пересечен погребенный каменный поток, заполненный окатанными конкрециями и обломками песчаника, шириной около 8 м (происхождение и глубина потока осталась неизвестна, т. к. его дно ниже уровня дна траншеи). Сразу за каменным потоком начинается культурный слой участка Б, выделенного по следующим характерным особенностям: отличается от участка А наличием сохранившегося гумусного горизонта мощностью от 50 см и более над смещенными с вышележащего плато зеленоватыми суглинками и супесями; захоронения на нем расположены на большей глубине (около 2-х метров) с заметными следами погребальных ям.

Погребение 7 зафиксировано в шести метрах к западу от каменного потока, погребения 8 и 9 – у дома № 28, и 10 – у дома № 32. Все они находились на глубине около двух метров и были разрушены экскаватором. Обследование не представлялось возможным из-за прорыва старой водяной трубы и заполнения части траншеи водой, с чем

были связаны опасные обрушения бортов траншеи, сложенных более сыпучими, по сравнению с грунтами участка А, фракциями. Осмотр грунта, вынуженного экскаватором вместе с фрагментами скелетов, не показал следов инвентаря или остатков древесины.

Участок заканчивается погребениями 11 и 12. Они расположены на повороте траншеи рядом с угловым столбом ограды садового участка на расстоянии двух метров друг от друга, имеют ярко выраженные на фоне зеленовато-желтых песков в восточной стене траншеи погребальные ямы глубиной 1,7 и 1,55 м с гумусированным заполнением. Ямы лишь чуть задеты ковшом экскаватора, скелеты практически не затронуты – после прокладки траншеи и осыпания части ее стены, сложенной неустойчивыми псаммитовыми фракциями, обнажились теменные фрагменты черепных коробок. Эти погребения завершают участок Б, на котором не зафиксированы древесина в погребальных конструкциях, какой-либо инвентарь.

Участок В идет по проулку между садовыми участками с выходом на вершину 1-ой оползневой гряды (рис. 3). Захоронения на нем заметных следов погребальных ям не имеют, возможно, в связи с оползневыми подвижками грунта, сместившими гумусированные прослойки относительно более светлых коренных пород незадолго (по геологическим меркам) до создания погребений.

На расстоянии 12 метров от двенадцатого захоронения в зеленоватых смещенных суглинках без следов погребальных ям в непосредственной близости друг от друга находились три погребения 13, 14, 15 (захоронения 13 и 14 – практически напротив друг друга по обе стороны траншеи). Все они резко отличались от предыдущих захоронений – на поверхность экскаватором было вынесено большое количество древесины. Весь участок, занимаемый ими, не имел верхнего гумусного слоя, мощный пласт которого находится в 15 м к югу.

Погребение 13 (рис. 3) имело на глубине около 130-135 см древесное перекрытие захоронения (щит) из не скрепленных плах над боковыми (толщиной ~ 4 см) досками. Дощатое днище с четырьмя боковыми досками по углам скрепляли 4 коротких (2,8 ÷ 3,5 см) кованых железных гвоздя. Дно погребальной ямы находилось на глубине 165-170 см от поверхности. Инвентарь: кованый железный предмет (4,8 см) с поперечной перекалиной, возможно часть гарпуна; полая птичья кость. Скелет положен в направлении головой на север, лицом на запад, в вытянутом положении. Кости скелета (в частности позвоночника) смещены друг относительно друга, что, возможно, связано с подвижками грунта в оползневой зоне.

Погребение 14 (рис. 3), лежавшее напротив, находилось на глубине 150 см от поверхности в выдолбленной колоде, имело направление головы на северо-запад, лицом вверх, чуть повернуто к югу, костяк находился в вытянутом положении. Руки также были вытянуты вдоль тела, причем лучевые кости и кисти находились под тазовыми костями. Кости таза, рук и всего скелета были буквально впрессованы в узкую полость колоды, с трудом отделялись от древесины. Сверху колоды отмечено наличие полой птичьей кости. Возле шеи находился небольшой зубчатый железный предмет. Никаких других металлических предметов, в частности гвоздей, не найдено. Кора с поверхности колоды была ободрана, внешняя сторона представляла гладкую полукруглую деревянную поверхность.

Погребение 15 просматривалось в западной стене траншеи, в одном метре к югу на той же глубине. Слабо поврежденное ковшом экскаватора, оно выходило в траншею правым углом дощатого ограждения скелета, аналогичным по внешнему виду захоронению № 13. Так как погребение сохранилось практически целым, потенциально возможно его последующее вскрытие.

Погребение 16 находилось в 10 метрах от предыдущего тройного погребения. Без признаков древесины и инвентаря в прослое зеленоватых суглинков смещенных пород

на глубине 110 см в западной стене траншеи были видны разбитые ребра детского (по размерам) костяка.

Погребение 17 представляло собой, вероятно, аналогичное детское погребение, судя по костям черепа, обнаженным в восточной стене траншеи на глубине 120 см в 25 метрах от предыдущего захоронения. Скелет находился в гумусном прослое головой на юго-запад.

Погребение 18 было почти полностью уничтожено ковшом экскаватора в 5 м к югу от детского погребения. В восточной стене траншеи на глубине 160 см в гумусном прослое сохранились кости до коленного сустава и одна бедренная кость, позволяющие предположить, что ориентация скелета была головой на запад.

Погребение 19 (рис. 3) находилось в трех метрах от предыдущего на самой вершине гряды в светлом глинистом прослое на глубине 170 см. Погребение в вытянутом на спине положении, головой на северо-запад, крупный череп на правом боку (внешне европеоидный, с мощным выдающимся вперед подбородком). Руки: левая полусогнута в локте, пальцы касались локтя правой, которая согнута полностью. Правая кисть подпирает кости челюсти. Погребение осуществлялось в дощатом деревянном ящике длиной ориентировочно 180 см длины (захоронение на уровне левого коленного сустава и правой берцовой кости разрушено землеройной техникой), шириной около 50 см и толщиной досок около 4 см. Справа от скелета отмечено наличие полой птичьей кости (длиной 8 см). В захоронении отмечено нахождение 2-х длинных (6, 7 см) и 2-х коротких (~ 3 см) кованых гвоздей и 2-х железных предметов, аналогичных единственному металлическому предмету погребения № 14 (в колоде).

Участок Г спускается с увала по тыловой части 8-ого Увекского проезда (между 7-м и 8-м проездами) до дома № 25 по 8-му Увекскому проезду. Характеризуется несогласным залеганием пород, что характерно для оползневых отложений. На всем участке отмечено чередование гумусных, песчаных, глинистых и каменистых прослоев, достаточно часто (через каждые 3 м) чередующихся.

Погребение 20 находилось в 4,5 м. от предыдущего девятнадцатого захоронения сразу за пересеченным траншеей четырехметровым каменным прослоем смещенных песчаников, отделяющих участок В от участка Г. Захоронение практически полностью разрушено экскаватором, так как находилось поперек проводимой траншеи. Его остатки фиксируются по ее обеим сторонам на глубине 130 см в смещенном песчаном прослое по следам древесного щита и смещенным обломкам костей.

Погребение 21 находилось поперек траншеи в 3,5 метрах от предыдущего в том же прослое песков на глубине 160 см. Разрушено практически полностью, следов инвентаря, древесины не отмечено.

Погребение 22 было расположено пятью метрами ниже по склону, где на глубине 110 см прослеживалось по обеим стенам траншеи по остаткам древесных плах шириной до 40 см. Судя по сохранившимся частям нижних конечностей и черепу направление захоронения было головой на запад.

Погребение 23 (безынвентарное, исходя из обследования отвала) также полностью разрушено землеройной техникой в 6 м от предыдущего в правой стене траншеи на глубине около 1 м от поверхности.

Погребение 24 (рис. 3) находилось в нескольких метрах от угла дома № 25 по 8-ому Увекскому проезду, на пересечении основной и отводной траншей. Здесь на глубине 35 см от поверхности гумусированные суглинки подстилаются тонким 3-4 см прослоем нанесенного песка, ниже которого находятся плотные серо-голубоватые глины мелового периода. Их слабая метаморфизация говорит об их сравнительно недавнем нахождении в зоне аэрации, то есть слой грунта над захоронением ранее должен был быть значительно мощнее, оплывание склона привело к смещению части верхнего про-

слоя вниз и выведению захоронения ближе к поверхности. Плотные глины, заметно отличающиеся прослоями по цвету, (и крайне вовремя сломавшийся экскаватор), предоставили возможность более внимательно изучить конструктивные особенности встречавшихся выше по склону погребений под древесными щитами.

Верхняя яма погребения имела близкую к прямоугольнику форму с чуть скругленными углами. Нижняя яма трапециевидная (постепенно расширяется к головной части), близкая по форме к прямоугольнику. Ее размеры заметно меньше верхней из-за достаточно крупных заплечиков, достигающих 40 см с боковых сторон. На уровне заплечиков находилось деревянное перекрытие нижней части могилы, создавая щит – помост на глубине чуть более полуметра, ориентированный торцевой частью северо-запад – юго-восток (120 x 160 см, длина дана приблизительно, т. к. северо-западная часть помоста попала в зону разрушения экскаватором).

Помост был выровнен по длине слагавших его девяти плах. Ниже заплечиков стенки могилы тщательно обработаны. В плотном массиве серых глин был создан своеобразный трапециевидный склеп, по форме напоминающий старые тупоносые лодки-плоскодонки, расширяющиеся к носу и сужающиеся к корме, которые изредка еще встречаются на Волге, Хопре, Медведице. Эта нижняя камера была обложена по бортам широкими (около 50 см) досками, поставленными одна на другую. В общей сложности высота нижней камеры (деревянного склепа) составляла около метра. Длинные боковые доски в области соприкосновения верхней и нижней были расперты двумя мощными плахами (задней 32 x 20 x 15 см и передней 38 x 20 x 15 см), расположенных как две лодочные банки, под которыми находился скелет.

Погребенный молодой человек (судя по черепу) лежал в вытянутом положении, с небольшим завалом на правый бок, лицом на юг к излучине Волги, головой на северо-запад. Кости правой руки вытянуты вдоль тела, левой – составляют угол в локтевом суставе в 105°. На скелете в районе грудной клетки и тазобедренных костей сохранились крупные фрагменты кожаной одежды, уцелевшие, вероятно, благодаря отсутствию в глинах доступа кислорода. В захоронении находилась железная двухсантиметровая трубочка диаметром 16 мм со сквозным внутренним отверстием диаметром 5 мм неясного предназначения, 3 гвоздя, служащие для крепежа древесины (5 см, 3,8 см, обломившийся 1,6 см), 1 гвоздь от подковы (2 см).

Погребения 25 и 26. Попали в зону разрушения при прокладке бокового ответвления водоводной траншеи к дому № 25. Оба характеризуются большим количеством древесины, выброшенной ковшем экскаватора и разрушением костяков. Захоронение 25 находится в трех метрах от 24, верхняя часть деревянного покрытия на глубине 90 см от поверхности, а 26 в двух метрах от восточной стены дома на глубине 170 см от поверхности земли. В связи с сильным разрушением захоронения подробно не изучались. Можно предположить по размерам древесных щитов, перерубленных канавой, и близости расположения, их подобие погребению 24.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что захоронения по Увекским Увалам, разрушенные при прокладке водоводов в осенне-зимний сезон 2004 г., отличались значительным разнообразием по форме погребальных обрядов, причем как по направлению трупоположения, где разброс ориентации составил 180°, позам рук, повороту головы, так и формам могильных камер. Конструкции могил варьируются от простейших земляной ямы и колоды до относительно сложного двухкамерного подземного сооружения, имеющего дощатую облицовку нижней камеры и мощное щитовое перекрытие из однотипных плах, уложенных на заплечики, причем варианты погребений со “щитами” составляют 25 % от общего числа.

Исходя из этих фактов, автор вынужден внести некоторые поправки в выводы Д.А.Кубанкина по рассматриваемой территории. Позволю себе процитировать его на-

блюдения полностью без купюр: “В 2005 г. за дворами 8-ого Увекского проезда, на вершине гряды, нами были обнаружены следы разрушенного погребения в виде фрагмента черепной крышки и позвонков человека, а также отдельные золотоордынские кирпичи. В результате хозяйственной деятельности на 8-ом Увекском проезде обнаружены захоронения в вытянутом положении, ориентированные головой на запад с незначительными отклонениями. Могилы прослежены в юго-восточном направлении, параллельно склону Каланчи и ближайшей гряды на протяжении около 600 м. Эти погребения мы пока условно относим к западному мусульманскому некрополю золотоордынского времени” (Кубанкин Д.А., 2006, с. 204).

Но, как видно из приведенных выше примеров погребений, разброс в 180° сложно считать незначительными отклонениями. А отдельные фрагменты плинф и золотоордынской керамики, действительно встречающиеся в засыпке могильных ям (что не удивительно для “ящика хранения посуды”, как именовал Х.М.Френ Увекское городище) могли попасть в грунт не только в золотоордынское, но с той же вероятностью и в более позднее время. Они и ныне сыпались в прокладываемые канавы, но это не предлог относить пластиковый водопровод 2004-2005 гг. к эпохе Золотой Орды.

Вероятно, при рассмотрении Увекских погребальных сооружений необходимо учитывать не только бесспорно яркий золотоордынский этап жизни города, но и мнение Ф.В.Баллода о длительности существования поселения, а также вышеупомянутые картографические документы с фигурирующей на них Увешенской станицей. Отмеченное на рассматриваемых участках разнообразие форм погребений более соответствует весьма пестрому этническому составу волжского казачества XV-XVII веков, с учетом длительности существования поселения.

К этим соображениям хотелось бы также добавить следующие личные наблюдения: местные жители, приглашая на свои подворья, в том числе по 7-ому Увекскому проезду, проходящему между Первым и Вторым Увалами схемы Ф.В.Баллода к юго-западу от Мамайского бугра, рассказывали и даже демонстрировали непреднамеренно разрушенные ими остатки имевшихся здесь захоронений (рис. 2). Но так как в этой части улицы находился крупный золотоордынский водосбор для водоснабжения (изображенный на широко известной схеме А.А. Кроткого 1905 -1915 гг.), то погребения могли возникнуть лишь тогда, когда площадь бассейна была уже заполнена землей, а его серая каменная облицовка с волнистой насечкой скрылась под оплывающим грунтом Увалов. Поэтому, с большой степенью вероятности, эти захоронения относятся к временному интервалу между окончанием этапа расцвета города Увек, но до появления поселка Бережной Увек (кладбища которого, как и проложенная позднее здесь дорога есть на картах).

Р.А. Сингатулиным, руководившим экспедицией Педагогического института СГУ по проведению археологических охранно-спасательных работ на Увеке в 2005 г., на продолжении прокладываемой ЗАО НПФ “Авангард-Ф” траншеи также зафиксировано расхождение ориентировок погребений: 16 – восток-запад, 1 – север-юг. Им же “в отвале грунта (в кв. х/8) среди антропологического материала были найдены кинжал (?) и польская монета 1609 г.(?)” (Сингатулин Р.А., 2008, с. 140).

Вышеприведенные факты и соображения явно противоречат выводам Д.А.Кубанкина 2006 г. по “западному мусульманскому некрополю *золотоордынского* времени”. Версия казацкого кладбища Увешенской станицы, то есть предположение, что по увалам Увека в XV-XVII столетиях располагался ее весьма значительный по размерам некрополь, где могли встретиться мусульманские, христианские, а также погребения иных вероисповеданий, имеет под собой более весомые аргументы.

Возможно, аналогичные погребения есть и на плато Шаблихи, исходя из однотипности захоронений с заплечиками под древесными щитами. Отличие последних

лишь в заметно более небрежном исполнении, чем их аналогов по 8-ому Увекскому проезду, если отталкиваться от видимых расхождений в размерах плах и досок “щита” отдельно взятых погребений, отсутствию дощатых облицовок нижних камер (приведены в публикации А.А.Евтеева, Д.А.Кубанкина, 2009, с. 130-135, 148-151; отмечены личными наблюдениями автора за раскопками археологического отряда Саратовского областного музея краеведения под руководством Д.А.Кубанкина в 2005-2006 гг.).

Казачество долгое время играло одну из ключевых ролей в Поволжье, однако не всегда лояльно относилось к Московскому государству. Это наглядно демонстрирует известная грамота Ивана Грозного Строгоновым от 16 ноября 1582 года: "...Волских атаманов к себе призвав, воров, наняли в свои остроги без нашего указа, а те атаманы и казаки преж того ссорили нас с нагайскою ордою, послов нагайских на Волге на *перевозах* побивали и ордобазарцев грабили и побивали” (Лишин А.А., 1891, с. 2, 3). Пото-му казацкие городки относительно редко попадают в документы Москвы (и то чаще при репрессивных, карательных мерах). Увекский перевоз через Волгу, известный с древнейших времен, естественным образом стал одним из узловых пунктов системы расселения казаков на Великом Волжском пути. Поэтому внимательное целенаправленное профессиональное изучение раннего казацкого некрополя на Увекке смогло бы, вероятно, не только более четко оконтурить его пространственно-временные границы, но и приоткрыть пока неведомые страницы истории Отечества.

Литература

- Английские путешественники* в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.
- Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.-Пг., 1923.
- Евтеев А.А., Кубанкин Д.А. Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005-2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9.
- Кротков А.А. Увек-Саратовский по данным истории и археологии // Поволжский край: Саратов, 2005. Вып. 12.
- Кубанкин Д.А. Погребальные памятники Увекского городища // АВЕС. Саратов, 2006. Вып. 4.
- Лишин А.А. Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1891. Т. 1.
- Сингатулин Р.А. Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Рис. 1. Фрагмент карты Н. Витсена 1687 года с Увешенской станицей и левобережным Саратовом

Рис. 2. Непреднамеренно разрушенные жителями захоронения посреди водоема на схеме А.А. Кроткова

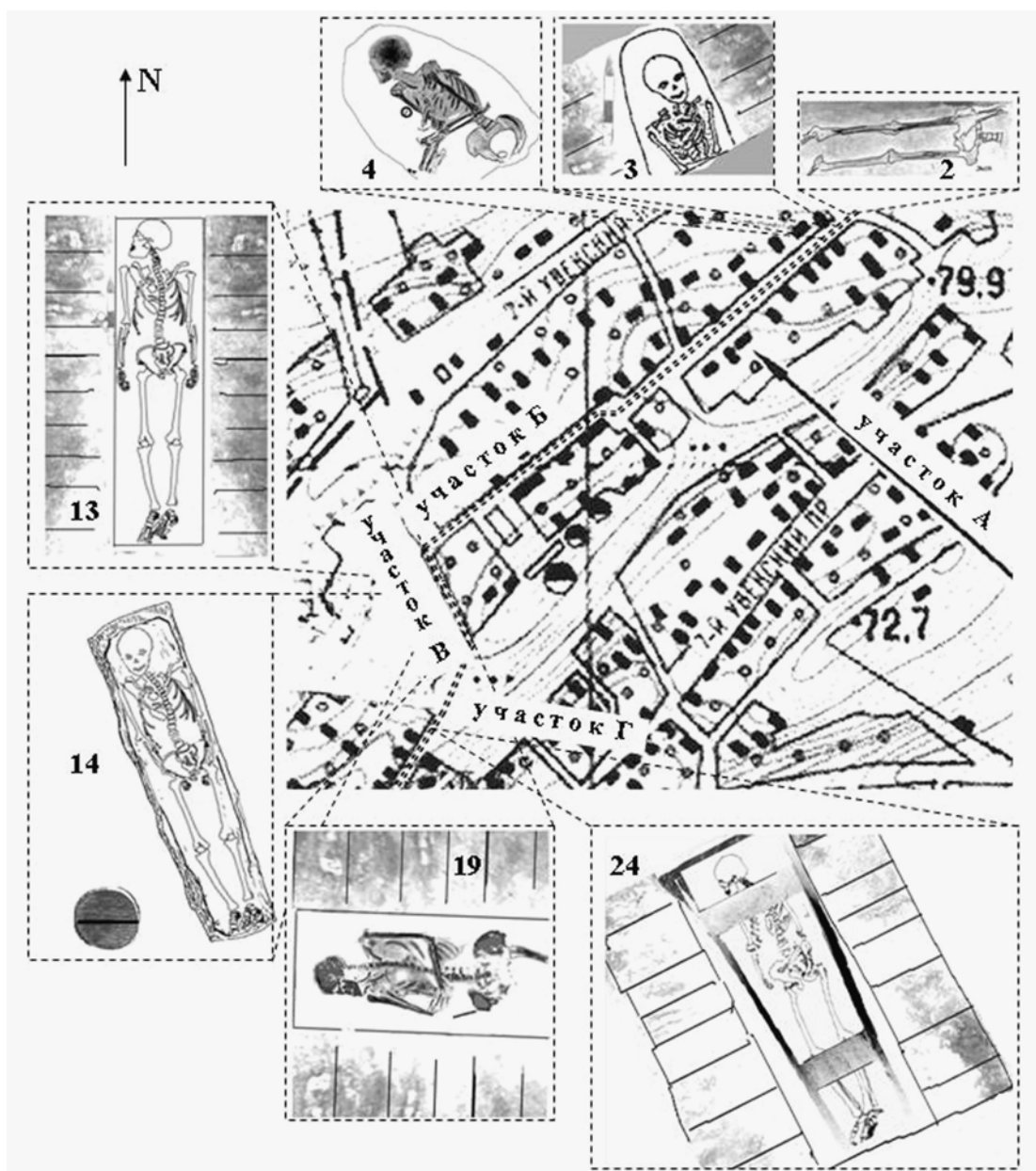

Рис. 3. Схема прохождения водовода (двойной пунктир) и конфигурация части затронутых траншеей погребений

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САРАТОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ
КОМИССИИ ПО ПРОПАГАНДЕ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ**

Заключительный этап досоветской русской археологии последней четверти XIX-начала XX вв. характеризуется, прежде всего, активной деятельностью на этом поприще столичных и губернских научных сообществ. Принципиальную роль в процессе изучения древностей сыграли Губернские ученые архивные комиссии (далее – ГУАК), образовывавшиеся в ряде регионов страны особым императорским указом начиная с 1884 года. Среди направлений деятельности ГУАК традиционно отмечаются следующие: архивное дело, изучение местной истории края, музейное строительство, публикаторская деятельность, археология, этнография и др.

Одним из важных направлений деятельности ГУАК была пропаганда и популяризация местных историко-археологических знаний. Научно-просветительская деятельность ГУАК в целом была охарактеризована в монографии В.П.Макарихина. Вкратце, используя достаточно известные опубликованные источники, автор также осветил некоторые моменты работы Саратовской ученой архивной комиссии (далее – СУАК) (Макарихин В.П., 1991, с. 72-75). Этому же вопросу посвящена небольшая специальная статья В.Г.Миронова, детально разрабатывавшего тему развития дореволюционного исторического краеведения и археологических изысканий в Саратовском Поволжье и сопредельных регионах (Миронов В.Г., 1995, с. 42-46). Тем не менее, детального освещения в научной литературе данная проблематика к настоящему времени не получила. Опираясь на выдвинутый ранее тезис, характеризующий деятельность СУАК по пропаганде историко-археологических знаний как одно из ее ключевых направлений (Волков В.А., 2007, с. 161), необходимо восполнить существующий историографический пробел.

Прежде всего, необходимо отметить, что СУАК осуществляла пропаганду историко-археологических знаний, используя различные методы и средства. Значительную роль в этом играли лекционные выступления по проблемам местной истории. Первые лекции, выработанные сотрудниками СУАК для публичного чтения, входили в общегородскую программу празднования 300-летия Саратова. Подготовкой праздничных мероприятий в общегородском масштабе Саратовская комиссия занималась в течение 1889-91 гг. (Голыдьбина И.А., 2005, С. 221-228). Сами юбилейные мероприятия были намечены на 8-9 мая 1891 г. Помещением для чтений был выбран зал дворянского собрания. На каждую из трех лекций предполагали отвести не более 30-35 минут. Тематика была выбрана следующая: 1) Древнейший период Саратовского Поволжья; 2) Саратов со дня основания до учреждения Саратовской губернии (наместничества в 1781 г.) в связи с влиянием города на сельскую жизнь; 3) Саратов с открытия губернии и до настоящего времени (Соколов В.П., 1911, с. 75-78). Был объявлен конкурс. Первоначально планировалось, что свой вариант текста публичных лекций на рассмотрение город-

ской юбилейной комиссии сможет предоставить любой желающий. Был подан лишь один проект, по мнению СУАК, не отвечавший требованиям. В итоге, их разработка была возложена на самих членов СУАК. Подготовку первой и третьей лекций взял на себя правитель дел С.С.Краснодубровский, второй – В.П.Соколов. Подобное распределение тематики среди лекторов выглядит вполне логичным. В.П.Соколов был известен как один из наиболее деятельных сотрудников Комиссии, занимавшийся разбором и описью ведомственных и церковных архивных материалов, поступавших затем в фонд СУАК (Соколов В.П., 1888, с. 376-389, 484-505, 600-611; *он же*. 1890. с. 43-148). Таким образом, он был достаточно хорошо знаком с источниками по истории края и выглядел как вполне представительный лектор.

Степан Семенович Краснодубровский, избранный 23 января 1889 г. на должность правителя дел Комиссии (Протокол общего собрания СУАК. 23-января 1889 года, 1889, С. II), имел некоторый опыт в деле археологического изучения губернии. В 1888 г. им были обследованы окрестности с. Лох Саратовского уезда. Было выявлено несколько курганов, а также осмотрена знаменитая Кудеярова пещера (Протокол общего собрания СУАК. 6-го июня 1888 года, 1888, С. XVII). В том же году совместно с председателем Комиссии А.А.Тилло и правителем дел Н.С.Соколовым он участвовал в раскопках Водянского городища (Протокол общего собрания СУАК. 19-го сентября 1888 года, 1888, с. XXI; Соколов Н.С., 1888, С. 253-263). В 1889 г. по поручению Императорской археологической комиссии (далее – ИАК) им были проведены небольшие раскопки в районе с. Сафоновки Сердобского уезда (Краснодубровский С.С, 1890в, с. 465-472). Непосредственное участие он принимал и в первых исследованиях Комиссии на левобережном Саратовском и Увекском городищах (Краснодубровский С.С, 1890г; *он же*. 1891, с. 1-4). Степаном Семеновичем был составлен первый систематический каталог музея Комиссии (Краснодубровский С.С, 1890д; с. 19-27), где особое место занимали археологические и нумизматические коллекции. Другой сферой интересов исследователя было архивное дело. Именно С.С.Краснодубровский выдвинул научное предположение, что г. Саратов был основан в 1690 году (Краснодубровский С.С, 1890а, с. 435-465).

В день праздничных мероприятий организаторам не удалось осуществить весь план полностью. Из-за некоторой заминки и задержки во времени чтение первой лекции по древнейшей истории Саратовского Поволжья было отменено. Следующую лекцию из-за болезни ее автора В.П.Соколова по его просьбе прочел другой член Комиссии – И.Я.Славин. Следующим свою работу представил С.С.Краснодубровский. В литературе отмечено, что обе лекции вызвали большой успех и «сопровождались шумными аплодисментами» (Соколов В.П., 1911, с. 81). Необходимо подчеркнуть четкую социальную направленность этих чтений. Мероприятие проходило в зале дворянского собрания и было ориентировано лишь на наиболее обеспеченную верхушку города. Для массы простых горожан предназначались лишь народные гулянья (Голыдьбина И.А., 2005, с. 225). В этом нет ничего удивительного. Первоначальный состав Саратовской комиссии, как и других, вновь образовывавшихся ГУАК, носил ярко выраженный сословный характер. Состоял он, преимущественно, из дворян, из городской знати (Герасимов А.А., 1923, с. 32; Захарова Т.А., 2003, с. 23, 24).

Кроме публичных чтений были подготовлены лекции для саратовских гимназистов, и всем желающим раздавались брошюры С.С.Краснодубровского «Рассказ про старые годы Саратова» и Н.Ф.Хованского «Исторический очерк Саратова» (Майорова А.С., 1997, с. 17).

Для распространения среди саратовцев знаний по истории родного края в 1909-10 гг. Комиссией было организовано чтение лекций в зале Коммерческого собрания. Инициатором проведения подобного мероприятия выступил почетный член СУАК

А.А.Тилло. По его мнению, Комиссии необходимы были публичные выступления, в которых она докладывала бы как о целях своих научных изысканий, так и о сущности археологии вообще. Для общего руководства этим процессом предполагалось образование специальной подкомиссии, в задачи которой входили выработка тем выступлений и приглашение лекторов. В ее состав вошли: А.А.Тилло, В.П.Соколов, С.А.Щеглов, П.Н.Боев, Б.В.Зайковский, Ф.М.Корнеев, Ф.Ф.Силин и П.Н.Черняев. Все расходы по устройству лекций взял на себя А.А.Тилло (Протоколы. Общее собрание 22 ноября 1908 года. №93, 1909, с. 45). Всего на проведение этого мероприятия им было выделена сумма в 100 руб. (Протоколы. Частное собрание 1 февраля 1909 года. №99, 1909, с. 56).

Устроители предполагали устроить ряд лекций посвященных «культуре человека» и его появлению и истории в пределах Саратовской губернии от каменного века до средневековья. Первоначально лекторами планировалось назначить Ф.Ф.Силина и Н.Д.Россова. Б.В.Зайковский должен был подготовить материалы по «культуре человека» и археологии Саратовской губернии. Чтения назначили на праздничные дни пятой и шестой недели Великого поста, в надежде собрать как можно большую публику. А.А.Тилло настоял на выборе в качестве места их проведения на зале Коммерческого собрания. Плату за вход установили в 25 коп. При чтениях планировалось организовать археологическую выставку, которой занимались С.А.Щеглов и Б.В.Зайковский, и демонстрацию фотографий на проекторе (ГАСО. Ф. 407.Оп. 2. Д. 150. Л. 1-6 об).

В рамках этого проекта 16 марта 1909 г. Ф.Ф.Силин прочел лекцию обобщающего характера «О народах, населявших Саратовский край с древнейших времен (Соколов В.П., 1911, с. 197, 198). Особо в деле изучения исторического прошлого подчеркивалось значение археологии (Протоколы. Частное собрание 7 марта 1909 года. №104, 1909, с. 62). В прессе отмечалось, что лектор охарактеризовал каменный, бронзовый, медный и железный века, «скифо-сарматские народы» и «татарскую эпоху». В заключении, весьма сжато он коснулся «колонизации степи со времен Петра великого и татарского городища на Увеке» (Волга, 1909, №61; Археологическая хроника (за 1-ю половину 1909 года)..., 1909, с. 53, 54). Следует отметить, что лекция получилась весьма насыщенной, и, по-видимому, довольно продолжительной. По ходу лекции делалось два перерыва, во время которых Б.В.Зайковский и другие члены Комиссии давали объяснения представленным экспонатам. Чтения, безусловно, имели положительный опыт в деле популяризации историко-археологических знаний Саратовской комиссией.

Следующая лекция на тему «Пугачев в Саратове» была прочитана В.А.Шахматовым 20 декабря 1910 г. Автор знакомил публику с некоторыми сюжетами восстания и деятельности его участников в губернии. Особый интерес вызывало то, что при подготовке выступления использовались еще неопубликованные и потому практически неизвестные архивные материалы (Соколов В.П., 1911, с. 197, 198).

На 17 марта 1909 г. была запланирована лекция Н.А.Димо «О культуре человека с древнейших времен», «но, по встретившимся в разрешении ее затруднениям, лекция эта была снята с очереди» (Соколов В.П., 1911, с. 197). Все тексты, предназначавшиеся для публичных чтений должны были проходить строгую цензуру в соответствующих государственных управлениях. Видимо, в силу каких-то обстоятельств цензоры сочли текст лекции Н.А.Димо крамольным. По профессии Н.А.Димо был геологом, но свой след он оставил и в саратовской археологии. Осуществляя в 1907 г. в южной части губернии исследования почв, он открыл несколько дюнных стоянок. Прежде подобные памятники никогда не встречались местным археологам. Об этом обстоятельстве было сообщено в Комиссию, и в следующем году исследование стоянок продолжил Б.В.Зайковский, датировавший их вслед за А.А.Спицыным медным веком (Зайковский Б.В., 1913б, с. 190, 191).

Следует отметить, что о лекциях 1909-10 гг. известно довольно мало¹. Место их проведения, зал Коммерческого собрания, видимо, было выбрано не случайно. Оно совершенно четко показывает, что чтения не были рассчитаны на широкие слои горожан. Для большей части населения губернии доступ в подобные заведения был закрыт. Эти лекции могли привлечь внимание лишь достаточно состоятельных и образованных жителей города. В этом плане интересна позиция Б.В.Зайковского, отраженная в архивных материалах (ГАСО. Ф. 407.Оп. 2. Д. 150. Л. 7 об). Видимо, по причинам, изложенным выше, он отказался от чтения лекций в здании Коммерческого клуба.

Осуществляя пропаганду историко-археологических знаний в губернии, Комиссия пыталась привлечь к этим мероприятиям видных отечественных ученых. В 1910 г. СУАК приглашала для прочтения лекций в Саратове профессоров Д.Я.Самоковасова и А.А.Спицына, являвшихся членами Саратовской комиссии. Этот факт был даже зафиксирован в местной прессе (Волга, 1910, №16). К сожалению, осуществить этот крайне важный проект не удалось. Д.Я.Самоковасов отказался по причине болезни. А.А.Спицын вместо лекций обещал составить брошюру по археологии Саратовской губернии (Общий отчет о деятельности СУАК за 1910 год, 1911, с. 4). Видимо, саратовские сотрудники Комиссии рассчитывали, что эти лекции будут полезны не только для жителей города, но и для самих архивщиков.

Активное участие в делах местной архивной Комиссии принял новый губернатор – А.А.Ширинский-Шихматов, прослуживший в Саратове с марта 1913 по август 1915 года. Он не только присутствовал на некоторых ее собраниях, но и лично ими руководил². На одном из заседаний, проходившем 2 сентября 1913 года на квартире губернатора, Андрей Александрович «...выразил всегдашнюю готовность, поскольку ему позволит досуг, посвящать свои силы на служение Архивной Комиссии». Ознакомившись с движением денежного прихода и расхода СУАК за время ее существования, он предложил ряд мер по улучшению ее материальных средств, необходимых для достижения научных успехов: устройство популярных чтений, развитие экскурсий, широкое освещение деятельности комиссии в местной печати и ряд других мероприятий (Волга, 1913, №188; Саратовский вестник, 1913, №192; Саратовский листок, 1913, №192; Протоколы заседаний общего собрания членов комиссии. №159. 2 сентября 1913 года..., 1914, с. 212-217). «Архивщики» и прежде работали в этих направлениях и планировали их расширение, но при непосредственной поддержке первого лица губернии на этом поприще были достигнуты существенно более значительные результаты.

Дальнейшее развитие лекционно-педагогическая деятельность комиссии получила в 1914 г. Именно на этот год были намечены систематический курс из 6 лекций по археологии и истории края под общим названием «История Саратовского края с древнейших времен до конца XVII века». Седьмая лекция должна была играть роль вступительной и заключать в себе обзор источников. Чтения были рассчитаны на определенный контингент слушателей – учащихся воскресных школ и членов литературно-просветительного общества «Маяк». Соответственно этому была предложена умеренная плата за вход – не выше 5 коп. и более удобное чем ранее место их проведения – Народная аудитория (Протоколы заседаний общего собрания членов Комиссии. 24 января 1914 года. №165, 1914, с. 244), располагавшаяся на углу улиц Московской и Александровской³ (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9513. Л. 5).

¹ Два протокола заседаний лекционной подкомиссии СУАК сохранилось в фонде Комиссии: ГАСО. Ф. 407.Оп. 2. Д. 150.

² А.А.Ширинский-Шихматов имел опыт проведения собственных археологических изысканий задолго до приезда в Саратов. Подробнее см.: Волков В.А., 2006б, с. 293-300; он же, 2009, с. 291.

³ Ныне – ул. Горького, здание Саратовской областной научной универсальной библиотеки, см.: Максимов Е.К., 1986, с. 15, 16, 77.

Основными предпосылками к проведению Саратовской комиссией более масштабных чтений стали два обстоятельства: 1) Накопление в предшествующие годы значительного количества материалов по археологии и истории края; 2) Рост интереса местной публики к музею СУАК. Внимание посетителей проявлялось не только к редким вещам, хранящимся в музее, но также к экскурсиям, которые проводились хранителем и его помощниками.

Специально к чтениям были подготовлены афиши, программы лекций с тезисами выступлений и списками литературы по истории и археологии⁴. Для наглядности в аудитории были представлены материалы музея СУАК. С помощью проектора демонстрировались различные фотографии. Были представлены следующие темы лекций: 1) «Человек и его жизнь в старшем каменном веке»; 2) «Человек и его жизнь в младшем каменном веке» (обе прочел Б.В.Зайковский); 3) «Человек и его жизнь в веке меди и бронзы» (С.А.Щеглов); 4) «Великое переселение народов и образование государств на востоке Европы» (С.Н.Чернов); 5) «Наше Поволжье и кочевники на Руси X–XV вв.» (А.А.Кротков); 6) «Низовое Поволжье под властью русских в царствование Ивана Грозного и в смутное время»; 7) «Низовое Поволжье при первых Романовых» (обе П.Г.Любомиров). Вступительную речь о задачах мастной Архивной комиссии в деле расширения и популяризации историко-археологических исследований перед началом первой лекции говорил С.Н.Чернов (Саратовский листок, 1914, №49; Доклад Правления об устроенных в Великом посту сего 1914 г. общедоступных чтений, 1914, с. 292-294; Археологическая хроника (за 1-ю половину 1914 года)..., 1914, с. 58).

Из прессы известно о содержании первой лекции, прочитанной Б.В.Зайковским (Саратовский листок, 1914, №49). Прежде всего, отмечались ее содержательность и достаточная доступность для восприятия публики. Во вступлении лектор дал слушателям предварительное понятие о геологических периодах, о развитии жизни на земле и научных теориях о появлении человека. Затем внимание слушателей было обращено на возникновение науки о доисторическом человеке и ее первых открытиях. Перейдя к непосредственному вопросу о «старшем каменном веке» (палеолите) Б.В.Зайковский представил различные научные теории, существующие на этот счет. В заключении он рассказал об подобных исследованиях в России и высказался о перспективности поиска памятников этой эпохи в Саратовской губернии. Необходимо отметить, что памятники палеолита еще не были известны исследователям даже на территории всего Нижнего Поволжья. Смелое предположение Б.В.Зайковского относительно территории Саратовской области в современных ее границах было подтверждено археологами лишь по прошествии почти семи десятилетий, когда было обнаружено местонахождение палеолитических орудий в Соленом Овраге у с. Аряш в Ново-Бурасском районе (Дремов И.И., Кузнецова Л.В., 1986, с. 224-226; Захариков А.П., 1997б, с. 12-16; Кузнецова Л.В., 2006б, с. 74, 75). С 1989 г. исследуется многослойная стоянка палеолита-неолита у с. Непряхино Озинского района (Захариков А.П., 1993, с. 47-63; он же, 1997а, с. 99-123). Последующие разведочные работы позволили А.П.Захарикову выделить в районе Непряхино целый куст памятников каменного века (Захариков А.П., 2000, с. 22-27; он же, 2006, с. 62-74). На более южных территориях Нижнего Поволжья круг палеолитических памятников к настоящему времени исследован несколько шире, чем в Саратовской области. Так на территории современной Волгоградской области первые сведения о палеолитических памятниках стали появляться с конца 1920-х гг., и в результате целенаправленных поисков начиная с середины 1960-х гг. было выявлено свыше 60 палеолитических местонахождений (Ремизов С.О., 2001, с. 240-242; он же, 2009, с. 186, 187; Кузнецова Л.В., 2006а, с. 14-17).

⁴ Некоторые из них находятся в архивных фондах: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9513. Л. 6-18 об; Ф. 407. Оп. 2. Д. 257. Л. 1-11 об.

Необходимо отметить, что история и археология Саратовской губернии была представлена лекторами на фоне мировой науки и не замыкалась на местном уровне. Были привлечены западноевропейские, переднеазиатские, африканские и российские материалы. Например, когда речь шла о «медном веке» в качестве аналогии Б.В.Зайковским были использованы данные по шумеро-аккадским государствам в Месопотамии как расцвет культур в этот период. Также были представлены теоретические разработки и практические исследования известнейших западноевропейских и отечественных археологов: Г. де Мортилье⁵, А.С.Уварова, В.А.Городцова и др. Все это позволяет достаточно высоко оценить уровень лекций, подготовленных членами Саратовской комиссии.

Для привлечения как можно большего числа посетителей чтения были назначены в праздничные дни Великого поста 26 февраля, а также 3, 6, 17, 20, 26 и 28 марта. Чтения начинались в 8 часов вечера. Под каждую лекцию был отведен отдельный вечер. Всего же на них побывало 2957 человек, то есть по 422 человека в среднем в каждый из дней (Доклад Правления об устроенных в Великом посту сего 1914 г. общедоступных чтений, 1914, с. 294). Архивные материалы свидетельствуют, что свыше того лекции посетило до 500 человек бесплатно (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9513. Л. 3 об). Тем самым общее число посетителей достигало почти 3,5 тыс. человек. Наибольшее их число пришлось на первые три лекции, когда в аудитории присутствовало по 650–750 человек. Устроители отмечали, что плохая погода помешала собрать большее число слушателей.

Следует отметить, что проведение подобных чтений не являлось для СУАК коммерческим проектом. Полученный с лекций доход (150 руб. 85 коп.) лишь немногим перекрыл затраты Комиссии на их устройство (110 руб. 4 коп.) Можно отметить явный успех мероприятия. Устроители решили повторить подобные чтения с учетом допущенных организационных ошибок. Также отмечалось пробуждение интереса к историческому знанию у широких слоев населения (Доклад Правления об устроенных в Великом посту сего 1914 г. общедоступных чтений, 1914, с. 294; Кассовый отчет за 1914 год, 1915, с. 180, 183).

Для ознакомления с мнением посетителей лекций устроители раздали им специально подготовленные опросные листы. Как отмечали члены Комиссии, обратно поступило 33 вопросника. Из них, по мнению архивщиков, 28 содержавшие ответы 30 респондентов были «серьезные» (Краткая сводка пожеланий от посетителей «Чтений», 1914, с. 294, 295). В ответах 24 лиц выражалось удовлетворения по поводу прослушанных ими чтений, 19 человек выразили пожелание повторения прослушанного курса. Поступали предложения о расширении тематики лекций и прочтении курсов по «русской» археологии, греческим и римским древностям, по раскопкам в Саратовской губернии. Один респондент даже высказался за устройство общедоступных археологических экскурсий. Кроме того, отмечалась неопытность лекторов (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 257. Л. 23–52 об). Необходимо отметить достаточно высокий уровень грамотности многих респондентов. Это является показательным в том смысле, что интерес к чтениям проявили различные социальные и возрастные группы населения города. Преимущественно это были представители средних слоев и учащаяся молодежь.

Принципиально отличаются от прошлых лекционные курсы, прочитанные Комиссией начиная с 1914 г. Во-первых, они отличались гораздо большей систематичностью и охватывали всю историю края, начиная с древности и до XVII века включительно. Во-вторых, ориентированы эти чтения были, прежде всего, на учащихся. Это были первые по-настоящему общедоступные лекции, устроенные Комиссией.

⁵ Габриэль де Мортилье (1821–1898) – французский археолог, один из создателей науки о палеолите. Основываясь на собственных исследованиях каменных орудий, разделил палеолит на несколько периодов и дал каждому из них название по месту первых находок. См.: Формозов А.А., 1983, с. 10.

В феврале 1915 г. Непременный попечитель Комиссии губернатор А.А.Ширинский-Шихматов, являвшийся председателем Губернского комитета попечительства о народной трезвости, выделил из фонда этой организации 1 тыс. рублей на проведение силами СУАК показательных раскопок и экскурсий, а также бесплатных чтений по истории и археологии Саратовского края (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9513. Л. 1; Ф. 407. Оп. 2. Д. 275. Л. 1, 1 об). По мнению членов Комиссии, проведение народных чтений было особо актуально на фоне введения запрета на продажу крепких спиртных напитков (Протоколы заседаний общего собрания членов СУАК. № 177. 17 марта 1915 года, 1916, с. 128). Вот что они писали по этому поводу в адрес губернатора: «...Знакомство с историей родного края и всего Отечества является, без сомнения, значительным шагом на пути к культурному преуспеванию населения и в состоянии вызвать в нем призыв к улучшению порядков своей жизни и устранению тех недостатков, которые препятствуют упорядочению народного быта, как, например, пристрастия к вину и связанному с ним разгулу. Такого рода предприятие Комиссии, как устройство общедоступных чтений, обнаруживает направление ее деятельности к цели, соответствующей той, которую преследует Попечительство, а именно к борьбе с пьянством...» (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9513. Л. 3).

В рамках этого образовательно-исследовательского проекта 2 июня были устроены показательные раскопки на Мечетном городище под общим руководством губернатора А.А.Ширинского-Шихматова, в присутствии председателя СУАК Н.Н.Минха и Б.В.Зайковского (Волга, 1915, №121; Царицынский вестник, 1915, №4895, 4898; Археологическая хроника (за 1-ю половину 1915 года)..., 1915, с. 74, 75). По случаю проведения показательных раскопок была организована бесплатная доставка всех желающих на пароходах по Волге к устью Мечетки и обратно. На экскурсию были приглашены учащиеся средних учебных заведений, чиновники Департамента народного образования и педагогический персонал, для которых Б.В.Зайковским была прочитана лекция о заселении края с древнейших времен до основания Царицына. Также были даны подробные объяснения об историческом прошлом исследуемого памятника. Сам губернатор рассказал участникам экскурсии об устройстве и богатом убранстве золотоордынских бань, известным по письменным и археологическим источникам. Главной задачей организаторов мероприятия являлось ознакомление экскурсантов с объектами золотоордынского градостроительства XIII–XIV веков. Для этого в различных местах было заложено 7 раскопочных траншей (шириной от 1,5 до 2,5 аршин каждая), для чего заранее были привлечены арестанты царицынской тюрьмы. В ходе работ были исследованы остатки двух кирпичных зданий, а также выявлено точное местонахождение предполагаемого могильника, составлен новый схематический план городища. В развалинах одного из зданий были зафиксированы остатки «дубовых полов», несколько монет, медный перстень с бирюзовым глазком, фрагменты керамики, части мозаичных карнизов, обломки полированного мрамора (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 562а. Л. 114–123)⁶. Кроме того, как указано в краткой заметке из «Археологических хроник», было обнаружено 15 старинных монет: «серебряные, медные и бронзовые, с надписями на татарском языке, указывают, что чеканка монет происходила в Азове, и относится она по магомеданскому летоисчислению к 758 году». Одна из монет (с двуглавым орлом) была отнесена ко времени хана Узбека. Как отмечалось в периодике, эти раскопки представляли «громадный интерес для археологии», а главной их целью являлось – «восстановление древнего плана города» (Археологическая хроника (за 1-ю половину 1915 года)..., 1915, с. 74, 75).

⁶ На листе 123 указанного архивного дела приложена копия снятого в июне 1915 г. плана Мечетного городища с указанием места обнаружения некрополя.

Из тех же средств в мае – июне 1915 г. А.А.Кротковым, при содействии других членов комиссии, были проведены показательные раскопки одного из курганов в северной части города Аткарска, а также курганов возле станции Ртищево (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 275. Л. 3–15; Ф. Р-3712. Оп. 1. Д. 135. Л. 1, 2). До и после раскопок специально для присутствовавшей публики на месте исследования устраивались объяснения. Так, например, при раскопках в районе Аткарска объяснения давал местный сотрудник Комиссии Ф.П.Коновалов. При раскопках в районе ст. Ртищево присутствовало около сотни учеников Саратовской воскресной школы и слушателей просветительского общества «Маяк» (ГАСО. Ф. Р-3712. Оп. 1. Д. 135. Л. 1, 2). Лекторы сообщали о хронологии и устройстве древних могильников, внешнем виде курганов и закономерностях их распространения, о населении, их оставившем, и категориях погребального инвентаря. В заключении внимание присутствовавших акцентировалось на задачах археологии по исследованию и сохранению вещественных памятников.

Всего же из средств Попечительства о народной трезвости, выделенных на проведение популярных лекций и показательных археологических раскопок на 1915 год в указанный срок, как значится в годовом кассовом отчете, было израсходовано 359 руб. 20 коп. Из них на показательные раскопки – 122 руб. 41 коп., на покупку раскопчного инвентаря – 72 руб. 20 коп. и на брошюру И.С.Абрамова «Забытые могилы» – 164 руб. 39 коп. (ГАСО.Ф. 407. Оп. 2. Д. 291. Л. 14, 14 Об, 15 об)⁷. Брошюры рассылались в уездные земские и городские управы (по 10–20 экземпляров в каждую), которые обязаны были снабдить этой литературой начальные школы и земские училища, что, по мнению «суаковцев» должно было пробудить интерес к археологии и древней истории у самых широких слоев населения, а также способствовать проведению новых показательных раскопок. Но была еще одна не менее весомая причина. По мнению С.А.Щеглова подобная рассылка была необходима для борьбы с крестьянским кладоискательством (Щеглов С.А., 1913а, с. 254). Темные, необразованные крестьяне в поисках мифических кладов разрушали десятки и сотни древних курганов. Саратовская комиссия, осуществлявшая охрану памятников археологии, пыталась воспрепятствовать этому процессу через пропаганду исторических знаний.

В апреле 1916 г. Комиссией была выработана новая программа показательных раскопок на текущий год. Местом вновь была выбрана Пригородная слобода г. Аткарска. Проект планировалось осуществить совместно с Обществом Нестора Летописца и историко-этнографическим студенческим кружком при университете св. Владимира (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 286. Л. 3; Д. 314. Л. 12 об). Необходимо пояснить, что с началом Первой мировой войны в Саратов был эвакуирован ряд учебных заведений г. Киева, в том числе университет (Очерки истории Саратовского Поволжья..., 1999, с. 302). Многие члены Общества вошли в состав Комиссии и наоборот. Проводились совместные заседания, разрабатывались исследовательские проекты. Общество выделяло средства Комиссии на проведение совместных археологических работ. Вопрос взаимодействия этих научных объединений требует специального рассмотрения. Здесь необходимо отметить, что совместными усилиями на показательные раскопки в Аткарске удалось собрать 270 руб. Из них 150 руб. выделило Общество, 50 руб. – студенческий кружок и 70 руб. – Саратовская комиссия (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 286. Л. 3). В результате полевых исследований Комиссии удалось установить некоторые особенности стратиграфии указанного археологического памятника. Было отмечено, что основными в изученных курганах являлись «скорченные погребения», в то время как средневековые «монгольские» были лишь впускными (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 290. Л. 31 об).

⁷ Общая сумма в 359 руб. 20 коп. не совпадает с суммой указанных в документе слагаемых, разницу в 20 коп. можно объяснить небольшой неточностью составителя.

Кроме Аткарска показательные раскопки в 1916 г. проводились в Вольском, Петровском и Царицынском уездах, где их организовывал Б.В.Зайковский (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 289. Л. 7). Средства выделяла Комиссия, так как у СУАК еще был остаток с прошлого года – 643 руб., выделенные Попечительством о народной трезвости на устройство показательных раскопок и популярных чтений (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 287. Л. 1 об).

События 1917 года выбили Комиссию из налаженной колеи. Из-за перманентной инфляции не хватало средств на проведение исследовательских работ. Ряд деятельных сотрудников СУАК по тем или иным причинам вынуждены были покинуть ряды Комиссии (А.А.Кротков, М.А.Радищев и др.). Не было возможности продолжить проведение популярных чтений и показательных раскопок. Было отложено издание очередного выпуска «Трудов» СУАК, так как с обычных 25 руб. за печатный лист, цена поднялась до 250 руб. Комиссия общалась с публикой, прежде всего, через музей (ГАСО. Ф.407. Оп. 2. Д. 314. Л. 1–24).

Саратовская Комиссия не прекращала деятельность по пропаганде историко-археологических знаний даже в трудные годы гражданской войны и политических коллизий. СУАК и ее музей были включены в сеть учреждений местного Губернского отдела народного образования, таким образом, Комиссия стала одним из советских учреждений (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 321. Л. 2). Известно, что в августе 1918 г. члены СУАК осуществили показательные раскопки на Алексеевском городище, находящемся в 6 верстах к северу от Саратова. Участвовало в этом мероприятии около 150 человек из «Союза молодежи». Исследователи отнесли памятник к «финскому» типу городищ (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 294. Л. 19). Всего же музеем Комиссии в этом году было организовано 9 экскурсий в окрестности Саратова, Покровска и на Увек. В их состав входили учащиеся (всего около 300 человек), учителя низших и средних учебных заведений. Товарищ хранителя музея Б.В.Зайковский прочел 3 популярные лекции в разных местах города. Вернувшийся в Комиссию и на должность хранителя музея А.А.Кротков читал лекции на инструкторских курсах. Другой товарищ хранителя музея П.Н.Шишкин провел показательные раскопки курганов в районе Покровска для учеников старших отделений I-й ступени школ этого города (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 321. Л. 7).

Кроме лекций и показательных раскопок для осуществления пропаганды историко-археологических знаний члены СУАК устраивали открытые заседания Комиссии. Первоначально, возникла идея регулярного ежегодного устройства подобных мероприятий, приуроченных к годовщине создания СУАК 12 декабря. По своему распорядку они мало отличались от обычных заседаний. На них обсуждались текущие вопросы Комиссии, принимались резолюции, читались научные доклады и сообщения. Отличие заключалось в том, что подобные заседания проходили в достаточно обширных аудиториях, доступ для публики был свободным.

Особое внимание члены Саратовской комиссии уделяли подрастающему поколению. Молодежь привлекалась к полевым археологическим исследованиям. Для учащихся устраивались специальные музейные экскурсии. Впервые о необходимости приобщения к деятельности Комиссии воспитанников старших классов Саратовской гимназии (тогда еще единственной) и реального училища заявил в марте 1888 г. на общем собрании СУАК ее неперемный попечитель губернатор А.И.Косич (Протокол общего собрания СУАК 20 марта 1888 года, 1888, с. 5). Комиссия не была закрытым клубом и постоянно стремилась увеличивать число деятельных работников. Поэтому предполагалось, что помощь ей смогут оказывать любые частные лица, особенно, учащаяся молодежь. Проблема привлечения дополнительных сил актуализировалась на первом этапе деятельности Комиссии, когда была поставлена задача целенаправленного археоло-

гического изучения края, включавшего картографирование памятников и полевое исследование наиболее перспективных из них.

Свои первые археологические раскопки Комиссия произвела в июне 1888 г. на Водянском городище в районе посада Дубовки. В исследованиях приняли участие воспитанники царицынской и астраханской гимназий Галиновский и Колчин. Они были задействованы в съемке плана городища (Соколов Н.С., 1888, с. 253-263). Значимость этого мероприятия отметил даже директор Петербургского археологического института (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 5. Л. 6 об, 7). К сожалению, других данных о привлечении к раскопкам молодежи до 1909 г. пока не обнаружено. Видимо, подобное явление до начала XX в. так и не стало для Комиссии систематическим. Тем не менее, представители подрастающего поколения были осведомлены о ее деятельности и даже способствовали научным исследованиям. Так в августе 1909 г. в музей СУАК учеником Саратовской 1-й мужской гимназии Н.Д.Яковлевым было пожертвовано металлическое зеркало, найденное в районе с. Чардыма. Предмет вызвал интерес архивщиков и в уже октябре место его находки обследовали А.А.Кротков и П.Н.Шишкин. Итогом стало обнаружение памятников ранее неизвестных: городища и средневекового грунтового могильника, датированного авторами XIV веком (Кротков А.А., Шишкин П.Н., 1910, с. 83-90). В дальнейшем члены СУАК продолжили их исследование (Кротков А.А., Щеглов С.А., 1911. с. 43-49).

В октябре 1908 г. в СУАК обсуждался вопрос о необходимости раскопок Увекского городища. С.А.Щеглов говорил о возможности привлечения к исследованиям воспитанников старших классов местных средних учебных заведений (Протоколы. Общее собрание 11 октября 1908 года. №85, 1909, с. 35). Для осуществления этой идеи необходимы были средства. Но обращения в Императорскую археологическую комиссию не дали положительного результата. Задействовали в археологических раскопках учащихся и иногородние сотрудники Комиссии. В мае 1909 г. П.Ф.Коновалов по поручению А.Н.Минха провел исследование одного из курганов, располагавшегося на выгоне Пригородной слободы г. Аткарска. В работе приняли участие ученики местного и четырехклассного училищ братья Сергеевы, Брянцев и Зелепукин. В июне того же года по приглашению А.Н.Минха для исследования аткарской курганной группы в город прибыл сотрудник Императорского Российского археологического общества (далее – ИРАО) В.Н.Глазов. При помощи П.Ф.Коновалова, Н.Г.Пискарева, письмоводителей А.Н.Минха В. и Н.Сергеевых и нанятых рабочих им было исследовано 18, а чуть позже еще 9 курганов группы. Примечательно, что в раскопках участвовали также ученики и ученицы местных училищ (Минх А.Н., 1909, с. 215-223; Коновалов П.Ф., 1909б, с. 224-227). Вообще в этих работах, по словам А.Н.Минха, «принимала участие едва ли не третья часть города и вся слобода». По его мнению, это доказывало интерес населения к древностям родного края (Волга, 1911, №104). Возможно, отчасти это и так. Но с другой стороны не стоит смешивать проявление интереса к местной истории и банальное любопытство окрестных жителей. Нужно заметить, что именно аткарские сотрудники СУАК А.Н.Минх, Ф.Н.Коновалов и Н.Г.Пискарев попытались трансформировать банальное любопытство провинциальных обывателей в интерес к научному исследованию древностей. Наглядно демонстрируя достижения местной археологии, они популяризировали исторические знания среди достаточно широких слоев населения.

В 1910 г. Н.Г.Пискарев и Ф.П.Коновалов исследовали курган, располагавшийся в г. Аткарске на пересечении улиц Петровской и Косича. В работе приняли участие добровольцы, интересовавшиеся местной стариной: письмоводитель А.Н.Минха Николай Сергеев и ученики четырехклассного Городского училища Ф.Чайников, К.Климанов, А.Макаров, С.Решетов и Л.Желтов (Минх А.Н., 1910а. №163; Археологическая хроника (за 2-ю половину 1910 года)..., 1911, с. 134; Минх А.Н., 1914, с. 293). В июле 1911 г.

еще один курган из группы на ул. Косича был исследован совместными усилиями саратовских и аткарских членов Комиссии: А.А.Кроткова, С.А.Щеглова, Н.Г.Пискарева и Ф.П.Коновалова. Также к работе были привлечена молодежь «саратовский реалист Балашов, ученики Аткарского училища и даже одна девушка Чечурина» (Кротков А.А., 1912, с. 109). Следует отметить, что Софья Николаевна Чечурина, жительница города Аткарска, была принята в состав СУАК 30 ноября 1912 года. По некоторым данным, в 1910–11(?) гг. Александр Николаевич Чечурин и его сестра Софья исследовали дюны в районе с. Верхняя Красавка и Нестеровский ж/д карьер в Аткарской Пригородной волости. Были обнаружены черепки «архаичной посуды», а также, несколько каменных и иных предметов (Минх А.Н., 1914, с. 292). Находки были переданы в музей Саратовской комиссии (Щеглов С.А., 1912в. с. XXXI, XXXII, XXXVII, XL). Возможно, эти исследования и послужили поводом к тому, что 4 октября 1911 г. А.Н.Чечурин был принят в состав Комиссии (Личный состав СГУАК к 1 июля 1913 года, 1913, с. 47). Александр и Софья Чечурины принимали непосредственное участие и в других археологических исследованиях, производившихся в Аткарском уезде (Волга, 1911, №104). Таким образом, необходимо отметить, что из уездных сотрудников Комиссии наиболее активную деятельность по пропаганде историко-археологических знаний проводили аткарчане. Полевые исследования зачастую совмещались с публичными раскопками. К работам активно привлекалась молодежь, из которых вырастали краеведы-любители, вступавшие в ряды СУАК. Результаты работ представлялись как в солидных столичных изданиях, так и в местной периодической печати.

При характеристике развития уездного краеведения и популяризации историко-археологических знаний в глубинке необходимо отметить деятельность СУАК в Самарском левобережье. В 1914 г. члены Комиссии С.Н.Чернов, П.Н.Шишкин, С.А.Щеглов по имеющимся данным впервые привлекли к раскопкам слушателей воскресных школ Саратова. В рамках охранно-спасательных работ были исследованы погребения эпохи бронзы и средневековья из 3 курганов близ г. Покровска (Щеглов С.А., 1915, с. 214). В июне того же года были произведены раскопки на левобережном Саратовском городище в устье р. Саратовки. Кроме руководителей сотрудников СУАК С.А.Щеглова, С.Н.Чернова, П.Н.Шишкина и В.Н.Константинова для участия в работах из Саратова прибыли члены научного Общества «Маяк» и учащиеся воскресной школы (Саратовский вестник, 1914, №142; Археологическая хроника (за 2-ю половину 1914 года)..., 1915, с. 54). В 1918–20 гг. Исследование курганных групп в районе г. Покровска было продолжено П.Н.Шишкиным, являвшимся жителем этого города. В июле 1919 г. в работе участвовали члены клуба подростков при Доме труда и просвещения, а в мае следующего года слушатели педагогических курсов и инструктора по внешкольному образованию (Шишкин П.Н., 1923, с. 22-26). Работы 1920 гг. были организованы и проведены уже по инициативе Общества ИСТАРХЭТ. Известно, что, будучи студентом факультета общественных наук Саратовского университета, в них принимал участие слушатель педагогических курсов Н.К.Арзютов (Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998, с. 38, 54), ставший в последствии учеником профессора П.С.Рыкова. Возможно, что именно во время этих раскопок под Покровском у Н.К.Арзютова возник интерес к полевой археологии.

Большую роль в популяризации историко-археологических знаний среди населения губернии играл музей Комиссии. Со второй половины 1904 г. каждое воскресенье он осуществлял бесплатный прием посетителей. Хранитель музея и его помощники давали объяснения и проводили экскурсии. Работа музея во многом была ориентирована и на молодое поколение, прежде всего, на учащихся. Расширению их кругозора и повышению их образовательного уровня члены СУАК придавали особое значение. Более подробный материал по этой проблеме уже представлен в соответствующих тематике

исследованиях (Волков В.А., 2005, с. 167-170; он же, 2006а, с. 29-44). Здесь же следует отметить, что под влиянием этих музейных экскурсий среди учащейся молодежи был образован особый кружок (Соколов В.П., 1911, с. 191). Вошедшим в него ребятам было разрешено навещать музей Комиссии не только в приемные дни. Основным занятием кружковцев стало изучение его коллекций⁸. Вскоре было задумано образование собственного музея и библиотеки. Был избран председатель кружка и его помощники. По подобию Комиссии устраивались собрания, на которых читались сообщения и рефераты. По их итогам даже составлялись протоколы. На втором году существования кружок после некоторых ходатайств был признан попечителем казанского учебного округа и стал действовать на вполне легальных основаниях. Было выделено и помещение при Второй мужской гимназии. На первом предварительном собрании 27 февраля 1911 г. было выработано название кружка – «Группа учеников-любителей изучения Саратовского края». Его председателем был избран ученик первой гимназии Борис Федоров. Товарищем председателя стал Пантелей Алексеев, а правителем дел (секретарем) Алексей Анищенко. Оба они представляли вторую гимназию. Обязанности попечителя группы взял на себя директор гимназии В.Б.Каттерфельд. В качестве почетных членов в кружок были выбраны лица, приложившие особые усилия для его образования: В.Н.Ознобишин, М.П.Степанов, В.А.Шахматов, Б.В.Зайковский, С.А.Щеглов и А.А.Березина. 20 марта состоялось его официальное открытие, прошедшее в торжественной обстановке (Соколов В.П., 1911, с. 191; Из протоколов общих собраний СУАК. 26 марта 1911 года, 1911, с. 34).

С помощью своих старших учителей и наставников – членов Саратовской комиссии юные кружковцы приобщались, прежде всего, к местной археологии. Ребята участвовали в экскурсиях, собирали археологические и этнографические материалы, готовили доклады, расширяли собственный гимназический музей. Например, в апреле 1911 г. «Группа» в составе 34 учеников и 6 руководителей осуществила экскурсию на Увековское городище. На горе Каланче была устроена импровизированная аудитория. Читались выдержки из печатных статей, посвященных Увеку, изучалась топография памятника. Были проведены показательные раскопки одного из погребений. В том же году были сделаны поездки в д. Хмелевку и на Саратовское городище. Приобретаемые находки увеличивали фонды музея кружка. В скором времени количество имевшихся в нем старинных вещей и монет достигло 2500 экземпляров. Всяческую помощь оказывала ему Комиссия. Так, было решено передать кружку часть музейных дубликатов (Соколов В.П., 1911, с. 192, 193). О достаточно высоком уровне докладов кружковцев может судить тот факт, что некоторых из них приглашали с выступлениями на заседания СУАК (Из протоколов общих собраний СУАК. 26 марта 1911 года, 1911, с. 34). По данным предоставленным Комиссии в сентябре 1913 г. В.Б.Каттерфельдом кружок насчитывал уже 60 членов, а в его музее было собрано до 3 тыс. предметов (Протоколы заседаний общего собрания членов Комиссии. № 159. 2 сентября 1913 года..., 1914, с. 216). При этом не совсем ясно, учитывал ли он при подсчетах только гимназистов, или также сотрудников СУАК, являвшихся почетными членами «Группы».

Со временем в рамках кружка стали выделяться ребята, настроенные на серьезное и более обстоятельное занятие археологией. Прежде всего, это были гимназисты, исполнявшие в нем некоторые должностные обязанности, то есть актив группы. Со своей стороны члены СУАК взяли на себя обязанности обучения ребят методике полевых исследований. В конце августа 1911 г. С.А.Щеглов совместно с 6 членами «Группы учеников-любителей изучения Саратовского края» осуществил очередные исследования на Ахматском городище. Были проведены съемка плана памятника и заложен разведыва-

⁸ Основываясь на материалах архива СУАК можно предположить, что кружок действовал уже в 1908–1909 гг.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 170. Л. 105 об, 106.

тельный шурф. Что интересно, план, который позже вошел в публикацию, снимали гимназисты П.Алексеев и Б.Федоров, а некоторые находки были переданы во 2-ю гимназию (Щеглов С.А., 1912а, с. 89-92). Правилам и приемам глазомерной съемки немногим ранее их обучил В.А.Шахматов (Протоколы общих собраний членов СУАК. 12 августа 1911 года, 1912, с. IV).

По данным С.М.Соломатиной и Е.К.Максимова кружковцы вели краеведческую работу до 1920-х гг. включительно. Вместе с членами СУАК выезжали с археологическими исследованиями в Царицынский, Камышинский, Саратовский и другие уезды. Ежегодно предметами археологии и этнографии пополнялся его музей (Соломатина С.М., Максимов Е.К., 1996, с. 237-239).

В рамках кружка при помощи сотрудников СУАК происходило приобщение ребят к научной деятельности. С определенной долей уверенности можно предположить, что со стороны Комиссии это являлось попыткой создания собственной научно-исследовательской школы. И значительный уклон здесь делался именно в сторону археологии при сохранении таких направлений как краеведение и этнография. Здесь можно видеть некоторое изменение в обучении приходящих в Комиссию новых сотрудников. Первоначально в состав СУАК делегировались лица уже состоявшиеся в обществе. Это были либо достаточно известные исследователи, как местные, так и иногородние, либо лица, имевшие высокий социальный статус. Первые археологи СУАК, например, А.Н.Минх, Ф.Ф.Чекалин, А.Т.Тянков были уже вполне состоявшимися учеными, когда вошли в ряды общества. В последующие годы в состав Комиссии привлекались также энтузиасты, не имевшие опыта археологических работ, но уже состоявшиеся в других профессиональных сферах: С.А.Щеглов (в 1897 г. в возрасте 35 лет), А.А.Кротков (в 1902 г. в 36 лет). С.А.Щеглова был учеником А.Н.Минх. Учителем и наставником А.А.Кроткова стал уже С.А.Щеглов. Ф.П.Коновалов, проявивший интерес к древностям Аткарского уезда, был учеником и помощником А.Н.Минха и вошел в состав Комиссии в 1909 г. в возрасте 52 лет.

Постепенно, с начала XX в. в ряды СУАК стала привлекаться молодежь, то есть перспективные, еще не состоявшиеся исследователи. Проявляя свое усердие в деле изучения местных древностей, они доказывали, что достойны быть членами Комиссии и избирались в ее состав. В ее рамках они получали первичные навыки, необходимые для занятия археологической деятельностью. Б.В.Зайковский, еще в юности увлекшийся археологическими и этнографическими материалами, стал членом Комиссии, а одновременно и хранителем ее музея в 1902 г. в возрасте 24 лет. Его учителями были А.Т.Тянков, К.П.Медокс, Н.Ф.Хованский С.А.Щеглов и А.Н.Минх (Хованский Н.Ф., 1911, с. 14; Миронов В.Г., 1992, с. 76, 77). В 20 лет в члены СУАК вступил П.Н.Шишкин (1908 г.) (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 385. Л. 134). Навыкам археологических исследований его обучили старшие товарищи С.А.Щеглов, Б.В.Зайковский, А.А.Кротков. Комиссия выступала для этих молодых людей в виде научно-образовательного учреждения, так как существенно повышала уровень их знаний и привлекала к исследовательской деятельности. Но стоит отметить, что в подобном привлечении учеников еще не было системности. В Комиссию приходили и оставались в ней работать наиболее инициативные молодые люди, интересовавшиеся историей края. С другой стороны в ее ряды входили иногородние сотрудники, занимавшиеся археологией в своих уездах и по собственной инициативе (М.А.Радищев, В.Ф.Орехов и др.). Влияние на них зарождавшейся археологической школы СУАК было более опосредованным.

Уникальна личность Василия Федоровича Орехова. Он единственный из местных членов СУАК был профессиональным археологом, а еще, к тому же, и художником. Он окончил Казанское художественное училище, а затем, в 1913 г. Петербургский университет по отделению археологии. Учась в университете, он каждое лето продолжал вес-

ти археологические исследования в Хвалынском уезде (Пичиенко Ф.Г., 1989, с. 50, 54). Необходимо отметить достаточно высокий уровень его полевых работ и научных статей.

В 1909 г. в возрасте 28 лет в состав СУАК был принят С.Н.Чернов. Известно, что он окончил курс Санкт-Петербургского университета и занимался, главным образом, русской историей (Хованский Н.Ф., 1911, с. 40). Несколько лет он посещал спецсеминар А.А.Спицына и, будучи студентом, принимал участие в работах археологических экспедиций (Миронов В.Г., Широкова В.В., 1996, с. 320-321; Андреева Т.В., Соломонов В.А., 2006, с. 82-83). А.А.Спицын рекомендовал С.Н.Чернова в члены СУАК как археолога. По некоторым данным, именно С.Н.Чернов был в 1912 г. руководителем полевых работ в урочище Мартышкино (Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998, с. 30). В дальнейшем он участвовал во многих археологических исследованиях Комиссии, выступал с публичными лекциями о прошлом края, хотя и не печатал своих работ в «Трудах» СУАК. Вообще с помощью А.А.Спицына образование в Петербургском университете, кроме С.Н.Чернова смогли получить еще ряд членов СУАК: П.Г.Любимиров, В.Ф.Орехов, Б.Д.Федоров и другие (Малов Н.М., 1999, с. 25).

С начала 1910-х гг. члены Комиссии начинают развивать детскую археологию в рамках «Группы учеников-любителей изучения Саратовского края». Здесь уже речь идет о более массовом привлечении юных исследователей и об ориентировании их на занятие наукой. К сожалению, начавшаяся первая мировая война, а затем и внутренние социальные потрясения в стране, завершившиеся цепью революционных событий нарушили поступательное развитие СУАК. Потенциал подобной кружковой работы не был выяснен ими до конца в том плане: на сколько он мог стать кузницей кадров Комиссии. Тем не менее, как минимум один вполне положительный пример был. Речь идет о Б.Д.Федорове, гимназисте и председателе кружка. В 1911 г. в составе «Группы» совместно с членами Комиссии он участвует в ряде археологических исследований на территории губернии (см. выше). Уже летом следующего года он принимается за собственные полевые работы. Его научный интерес был направлен на изучение малоисследованного на тот момент Хвалынского уезда. Основываясь на данных археологической карты Саратовской губернии А.А.Кроткова, он вполне справедливо предположил перспективу открытия гораздо большего числа памятников в этом уезде, чем было известно прежде. С 17 по 21 июля им были проведены разведочные исследования в юго-западной части уезда – в районе с. Старые Печуры, а также на одном из городищ в окрестностях с. Алексеевка на Волге (Федоров Б.Д., 1914, с. 139-144). В районе Старых Печур на Лысой горе был обнаружен и частично исследован грунтовый могильник «мордвы-язычников», датированный автором по монетному материалу 1-й половиной XVIII в. На террасе р. Ломовки им был докопан курган уже разрушенный крестьянами-кладоискателями. Найденные здесь сосуд и «медный нож» Б.Д.Федоров и проконсультировавший его позднее А.А.Спицын отнесли «к поре окрашенных костяков». С докладом по проведенным работам он выступил на одном из заседаний Комиссии. 27 октября 1913 г. Борис Федоров и его брат Петр были приняты в состав СУАК (Протоколы заседаний общего собрания членов Комиссии. 27 октября 1913 года. №160, 1914, с. 229). Вскоре Б.Д.Федоров стал студентом Петербургского университета. Необходимо отметить, что члены СУАК относились к нему как к приемнику и продолжателю их археологических исследований (Протоколы заседаний общего собрания членов Комиссии. 24 января 1914 года. №165, 1914, с. 234). Став сотрудником Комиссии, Б.Д.Федоров принимает участие в нескольких полевых экспедициях. В мае - июне 1914 г он совместно с другими членами СУАК участвует в обследовании бассейна р. Терешки в Вольском уезде (Общий отчет о деятельности Комиссии за 1914 год, 1915, с. 173; Щеглов С.А., 1915, с. 214).

Необходимо отметить и тот факт, что члены СУАК пытались повышать образовательный уровень своих сотрудников. С этой целью предполагалось открыть в Саратове отделение Московского археологического института. Из переписки СУАК известно, что подобные курсы действовали в Смоленске и Калуге и включали трехгодичный цикл лекций с оплатой в 40 р. за семестр с одного слушателя. По условиям института в каждом отделении должно было быть не менее 40 слушателей (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 213. Л. 1–2 об). Об условиях открытия курсов выяснял также командированный в Новгород на XV Археологический съезд (1911 г.) А.А.Герасимов (Герасимов А.А., 1912, с. 56, 57). Оказалось, что Московский археологический институт относился к таким отделениям как к исключительно коммерческим мероприятиям. Обучавшиеся почти не приобретали необходимых практических навыков. Занятия на подобных отделениях ограничивались в основном чтением лекционных курсов преподавателями института. Члены СУАК осторожно отнеслись к идее открытия отделения. В 1915 г. председатель Комиссии Н.Н.Минх участвовал в юбилейном заседании Императорского Московского археологического общества (далее – ИМАО), посвященном 50-летию этой организации. На этом мероприятии директор Московского Археологического института А.И.Успенский вновь предложил Н.Н.Минху идею учреждения в Саратове археологических курсов, на этот раз на «облегченных условиях» (Протоколы заседаний общего собрания членов СУАК. №170. 17 мая 1914 года, 1916, с. 130). Не совсем ясно, что скрывается за этой формулировкой. О предложении было доложено на одном из заседаний Комиссии, но ни какого решения по этому поводу не принималось. Можно предположить, что СУАК не проявила особого интереса к предложению по причинам указанным выше. Окончательно предложение Московского археологического института было отклонено на заседании Комиссии 17 июня 1916 г., когда для открытия курсов были выдвинуты условия о предоставлении отдельного помещения и оклада в 10 тыс. руб. (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 286. Л. 7).

Те же образовательные функции выполняло приглашение в Комиссию столичных специалистов-археологов. В 1912 г. СУАК удалось привлечь для подобного мероприятия профессора Петербургского университета А.А.Спицына. В июне этого года он провел для Саратовской комиссии показательные раскопки на Ахматском городище (Производство археологических раскопок. Саратовская губерния, 1916, с. 73-75). После чего на одном из заседаний СУАК им был изложен доклад «О Саратовских древностях» и сообщено об итогах исследований памятника (Волга. 1912. № 130; Протоколы заседаний общего собрания членов СУАК. 11 июня 1912 года. № 146, 1913, с. 4; Спицын А.А., 1912, с. 1-7). По просьбе Комиссии А.А.Спицын так же систематизировал музейные коллекции. Для СУАК было особо важно получение методических и практических рекомендаций от одного из самых авторитетных археологов страны. Таким образом, они пытались повышать свой любительский уровень исследований и воспринимать новейшие разработки отечественных специалистов. Остался доволен поездкой и сам А.А.Спицын. Он отмечал высокую степень работоспособности местных исследователей.

Другим важным способом пропаганды историко-археологических знаний губернскими комиссиями было издание научных сборников, а также протоколов заседаний и годовых отчетов этих обществ. Регулярность выхода подобных изданий напрямую зависела от материальной базы, которой обладала та или иная Комиссия. По данным О.И.Шведовой, из 39 учтенных исследовательницей ГУАК лишь 8 не имели собственных сборников трудов. Таковыми являлись: Закаспийская, Казанская, Киевская, Петербургская, Самарская, Уфимская, Херсонская и Холмская. И.О.Шведовой была составлена библиография «Трудов» и отдельных изданий Комиссий (Шведова О.И., 1958, с. 377-433). На основании данных этой работы В.П.Макарихиным были сделаны подсче-

ты количества вышедших изданий по каждой из комиссий. Наибольшее число изданий (без учета журналов и отчетов) обеспечили архивные комиссии, возникшие в конце XIX в.: Тверская – 101, Рязанская – 99, Тамбовская – 74, Нижегородская – 70, Таврическая – 59, Владимирская – 57. Из комиссий, возникших в начале XX в., наиболее активными оказались Вятская (44) и Полтавская (38). Всего же по каталогам исследователю удалось учесть 496 выпусков сборников и 401 отдельных изданий. С учетом шести переизданий трудов их общее число составляет 903 (Макарихин В.П., 1989, с. 160). В.П.Макарихин приводит данные, что Саратовской комиссией было выпущено 26 сборников и 18 отдельных изданий. Однако в графе общего количества изданий СУАК он обозначил число 41 (Макарихин В.П., 1989, с. 161, таб. 2) вместо 44. Таким образом, по общему количеству изданий Саратовская комиссия делила 7–8 места с Вятской ГУАК, основанной лишь в 1904 г. Тем не менее, эти данные не являются сколько-нибудь существенным показателем. Нужно учитывать такие аспекты, как объем и качественное содержание изданий, например, наличие аналитических статей, а не только «сырых» материалов. Также нужно принимать во внимание финансовое обеспечение отдельных комиссий, которое, безусловно, было различным.

Полный перечень статей, помещенных в «Трудах» СУАК был опубликован В.Г.Мироновым. Всего в 33 выпусках им было учтено 371 статей и заметок, принадлежащих 129 авторам (Миронов В.Г., 1996, с. 268-312). Авторы недавно вышедшей монографии В.М. и Т.А.Захаровы выделили 150 публикаций из 21 выпуска «Трудов» СУАК⁹. Из них 30 составили – описи архивов, 31 – архивные документы, а остальные являлись очерками по различным аспектам истории края (Захаров В.М., Захарова Т.А., 2005, с. 64; Захарова Т.А., 2003, с. 38). Таким образом, они исключили из подсчета многочисленные заметки и официальные материалы, публиковавшиеся в «Трудах» СУАК в достаточно большом количестве.

Общеизвестно, что с начала Саратовской комиссией было издано 7 выпусков протоколов общих заседаний, только затем стали выходить сборники под заголовком «Труды» СУАК. Начиная с 3-го выпуска протоколов, в них стали печатать научные статьи. В 3-й выпуск протоколов вошла методическая инструкция по исследованию курганов профессора Варшавского университета Д.Я.Самоковасова с приложениями А.П.Богданова (Самоковасов Д.Я., 1887, с. 1-8; Богданов А.П., 1887, с. 8-18). В последующие протоколы стали включаться работы местных сотрудников Комиссии. Можно сказать, что выпуски первого тома «Трудов» СУАК по своей структуре повторяли эти протоколы. Так как в каждый из пяти выпусков первого тома входило по одному протоколу заседаний Комиссии и несколько статей. Необходимо отметить сложность процесса подсчета общего количества публикаций в трудах СУАК и деления их по рубрикам в виду отсутствия четких критериев. В работах представлены различные научные направления: архивное дело, история края, археология, этнография, библиография, нумизматика и др. Но, зачастую, в статьи носят смежный характер и базируются на широком круге источников. Поэтому, выделение тех или иных групп статей носит достаточно условный характер. Особенно это касается ранних трудов Комиссии.

Чтобы не вводить лишние и при отсутствии четких критериев малопонятные величины общего числа статей Комиссии их подсчет осуществлялся по спискам, вынесенным в оглавления сборников с учетом комментариев, отмеченных в уже упомянутой статье В.Г.Миронова (Миронов В.Г., 1996, с. 268-312). По нашим подсчетам из 371 статьи и заметки, выделенной В.Г.Мироновым в «Трудах» СУАК 95 (или 25,6 %) имели

⁹ Из подсчета количества выпусков «Трудов» Комиссии исследователи, по видимому, исключили семь протоколов общих собраний СУАК, изданных отдельными оттисками. Как одно издание было учтено пять выпусков первого тома Комиссии, вышедших в одном переплете. Возможно, так же как одно издание было учтено два выпуска второго тома «Трудов», имевших общую постраничную нумерацию.

«археологическую направленность», то есть содержали те или иные материалы по археологии. Заметим, что не стоит абсолютизировать эти значения. В эти подсчеты входят обобщающие работы, публикации полевых материалов, отчеты о поездках, краткие заметки о случайных находках, сообщения корреспондентов, нумизматические исследования, библиография и многое другое. То есть это работы разного «масштаба» от публикаций «сырых» материалов и кратких сообщений до объемных исследований. Грань между отдельными категориями публикаций условна, поэтому приходится давать результаты подсчетов в обобщенном виде. Многие публикации имеют синтезированный характер, когда в разной степени привлекаются нарративные (в том числе и архивные), археологические, этнографические, нумизматические и другие материалы. Полученные цифровые значения принципиально не сравниваются с материалами подсчетов других авторов, прежде всего потому, что неизвестны критерии, по которым они выделяли те или иные категории.

Среди статей археологического содержания условно можно выделить сообщения/отчеты о проделанной работе (поездках, исследованиях), публикации материалов, обобщающие (аналитические) исследования. Наибольшее число статей и заметок, относящихся к археологии края и опубликованных в «Трудах» Комиссии, принадлежит А.Н.Минху (8 работ), Ф.Ф.Чекалину (6), С.С.Краснодубровскому (6), С.А.Щеглову (11), Б.В.Зайковскому (16), А.А.Кроткову (11) и М.А.Радищеву (5)¹⁰. Некоторые статьи выходили дополнительными тиражами отдельными оттисками. В основном это были работы уже опубликованные в сборниках Комиссии (Голицын Л.Л., Краснодубровский С.С., 1891, 118 с; Зайковский Б.В., 1908б, 12 с; он же, 1909, 21 с; он же, 1912а, 3 с; он же, 1912б, 6 с; он же, 1912в, 8 с; он же, 1913а, 14 с; он же, 1913б, 24 с; он же, Б. м., б. г. 5 с; Кротков А.А., Шишкин П.Н., 1910б, 8 с; Кротков А.А., 1913а, 23 с; он же, 1913б, 10 с; он же, 1915, 5 с; Щеглов С.А., 1912б, 19 с; он же, 1913б, 12 с). Некоторые данные по археологической деятельности СУАК содержатся и в оригинальных монографических исследованиях, а так же брошюрах написанных ее сотрудниками (Чекалин Ф.Ф., 1892, 80 с; Минх А.Н., 1908, 159 с; Соколов В.П., 1911, 314 с; Зайковский Б.В., 1916, 32 с). Значительная подборка материалов по археологии Нижнего Поволжья содержится в «Историко-географическом словаре» А.Н.Минха (Минх А.Н., 1898–1902, 1409 с). Некоторые его части были написаны С.А.Щегловым.

30-й выпуск «Трудов» СУАК, как и несколько предыдущих и последующих, был выпущен тиражом 800 экземпляров. Стоит отметить, что далеко не многие сегодняшние археологические сборники регионального уровня имеют такой большой тираж. Например, тираж подобной периодической литературы областных центров Нижнего Поволжья колеблется в среднем в пределах 200-300 экземпляров. И видимо дело здесь обстоит не столько в нехватке средств на научные издания, сколько в интересе всего общества к науке. Труды дореволюционных научных обществ распространялись не только по библиотекам страны и в среде узкого круга специалистов, но и среди частных лиц, интересовавшихся изучением древностей. По данным Комиссии на 1 июля 1913 г. в состав СУАК входило 228 человек¹¹. Среди них лишь небольшая часть была связана с наукой своей профессиональной деятельностью. Остальные занимались историко-краеведческими исследованиями, прежде всего, в свободное от основной своей службы время.

В научной литературе уже отмечалось, что губернские комиссии вели активное сотрудничество с редакциями журналов и газет (Макарихин В.П., 1998, с. 24). Не составляла исключения и Саратовская комиссия. На страницах местных газет, «Саратов-

¹⁰ Некоторые работы написаны в соавторстве.

¹¹ Подсчитано на основании данных списка: Личный состав СУАК к 1 июля 1913 года, 1913, с. 42-47.

ский листок», «Саратовский дневник», «Волга» и др., печатались протоколы заседаний СУАК, информация о текущих делах Комиссии и ее музея (Минх А.Н., 1900б; Волга, 1911, №№70, 99, 104; 1912, №№130; 1913, №№91, 188 и др.; Саратовский вестник, 1913, №№50, 192 и др.; Саратовский листок, 1913, №№50; 192 и др.). Таким образом, читавшие газеты саратовцы были в курсе положения дел в местном научном обществе. Со страниц периодической печати Комиссия сообщала и о своей археологической деятельности и пропагандировала среди населения губернии историко-археологические знания (Краснодубровский С.С., 1890г; он же, 1890е; Духовников Ф.В., 1893; Коновалов Ф.П., 1909а; Зайковский Б.В., 1910; Минх А.Н., 1910а; он же, 1910б; Палимпсестов В.П., 1913). Сотрудники СУАК представляли на страницах газет свои научные и научно-популярные работы, освещали дискуссионные проблемы местной истории (Чекалин Ф.Ф., 1890; Краснодубровский С.С., 1890б). Всего же, по данным В.Г.Миронова, материалы по саратовскому историческому краеведению 1886–1920 гг., то есть времени функционирования СУАК, отражены в 129 выпусках местных газет и 69 журналов (Миронов В.Г., 1993, с. 13). С другой стороны члены Саратовской комиссии публиковали свои работы в трудах других столичных и провинциальных научных обществах (Медокс К.П., 1892, с. 643-646; Духовников Ф.В., 1994, с. 203-208; Лебедев А.А., 1908, с. 472-491; Минх А.Н., 1900а. с.151-153; он же, 1914, с. 291-295; Гераклитов А.А., 1910, с. 1-7). Тем самым, не только поддерживались внешние связи Комиссии, но и шло более широкое распространение информации о саратовских древностях. Достаточно удачно практиковался обмен изданиями, в результате которого СУАК удалось создать обширную библиотеку. В 1886–1917 гг. книги поступали путем пожертвований, а также обмена научных изданий Комиссии с 70-ю научными учреждениями России. К 1917 году в библиотеке насчитывалось 8829 единиц хранения (Визгалова Л.В., 2000, с. 500). Для получения новейшей литературы был установлен обмен со всеми археологическими обществами страны. В библиотеку Комиссии поступали издания Императорского Русского археологического общества, Императорского московского археологического общества, Императорской археологической комиссии и т. д. В настоящее время библиотека СУАК и ее приемников Общества истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ) и Нижнее–Волжского областного научного общества краеведения (НВОНОК) рассредоточена в нескольких учреждениях и их структурных подразделениях: в Саратовской областной универсальной научной библиотеке, в Саратовском областном музее краеведения, в Государственном архиве Саратовской области, в Зональной научной библиотеке СГУ, а также на некоторых кафедрах и в археологической лаборатории Института истории и международных отношений того же университета.

Социально-политические потрясения 1917 г. тяжело отразились на общей деятельности Саратовской комиссии. Работу по многим направлениям пришлось временно приостановить. Не было возможности проводить популярные чтения и показательные раскопки. К весне 1917 г. был подготовлен к изданию 34 выпуск «Трудов» Комиссии. Но резкое десятикратное повышение цен на типографическую продукцию не позволило сборнику выйти в свет (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 308. Л. 5, 6; Д. 309. Л. 1–24). В 1918 г. Совет народного образования постановил включить СУАК и ее музей в сеть просветительских учреждений края и оказать ей материальную помощь. Таким образом, Саратовская комиссия была включена в сеть советских учреждений и стала получать средства ассигнованные Советом народных комиссаров (ГАСО.Ф. 407. Оп.2. Д. 308. Л. 22, 22 Об).

Подводя итог анализу деятельности Саратовской ученой архивной комиссии по пропаганде историко-археологических знаний, подчеркнем, что осуществлялась она по целому ряду смежных направлений. Прежде всего, это: выпуск «Трудов» СУАК, организация общедоступного историко-археологического музея, проведение

публичных лекций и показательных раскопок, развитие детской археологии. Для осуществления намеченных проектов в составе СУАК образовывались особые подкомиссии. В данном контексте наиболее известна деятельность лекционной подкомиссии. С 1914 г. Саратовская ГУАК выходит на новый уровень пропаганды историко-археологических знаний. Был организован ежегодный выпуск «Трудов» и отдельных изданий Комиссии, появлялось больше сообщений в местной прессе. Расширились лекционные курсы. Регулярно проводились показательные раскопки. Значительно вырос музей Комиссии. В этот же период СУАК было налажено продуктивное сотрудничество с просветительным обществом «Маяк», а также с воскресными школами и некоторыми гимназиями губернии. На всех вышеперечисленных направлениях к 1917 г. Комиссией были достигнуты существенные успехи. В 1918 г. СУАК становится советским учреждением и продолжает пропаганду историко-археологических знаний в рамках новой политической системы. Многие из этих мероприятий, начатые в свое время Саратовской комиссией, впоследствии были продолжены в рамках Общества ИСТАРХЭТ.

Постепенно шли попытки оформления саратовской археологической школы. Это были именно попытки, так как осуществлялась успешная передача опыта полевых и камеральных исследований, основ музейной работы, но не было собственной теоретико-методологической системы, являющейся конечной продукцией любой научной школы¹². Основателем саратовской археологии по праву считается А.Н.Минх. Через Комиссию прошло несколько поколений археологов. Некоторые из них смогли продолжить свои исследования и в советское время (А.А.Кротков, Б.В.Зайковский, В.Ф.Орехов, П.Н.Шишкин и др.). Но они уже не были на главных позициях в деле изучения археологии края. Ведущее положение стали занимать университетские профессора (В.Ф.Баллод, П.С.Рыков). Потенциал Комиссии не был реализован до конца, например, в плане оформления собственной археологической научной школы или развития детской археологии. Тем не менее, именно СУАК заложила тот фундамент, создала ту базу (краеведческий музей, местное научное общество, научно-исследовательские фонды), на основе которой саратовская археология получила свое развитие в 1920-е годы.

Литература

- Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006.
- Археологическая хроника* (за 1-ю половину 1909 года). I. Деятельность ученых учреждений и обществ // Известия ИАК. Прибавление к вып. 32-му. (Хроника и библиография, вып. 16). СПб., 1909.
- Археологическая хроника* (за 2-ю половину 1910 года). III. Сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках // Известия ИАК. Прибавление к вып. 39-му (Хроника и библиография, вып. 19). СПб., 1911.
- Археологическая хроника* (за 1-ю половину 1914 года). I. Деятельность ученых учреждений и обществ // Известия ИАК. Прибавление к вып. 56-му (хроника и библиография, вып. 26). Петроград, 1914.
- Археологическая хроника* (за 2-ю половину 1914 года). III. Сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках // Известия ИАК. Прибавление к вып. 57-му (Хроника и библиография, вып. 27). Петроград, 1915.
- Археологическая хроника* (за 1-ю половину 1915 года). III. Сведения об исследованиях, памятниках древности, кладах и находках // Известия ИАК. Прибавление к вып. 58-му (Хроника и библиография, вып. 28). Петроград, 1915.
- Богданов А.П.* Дополнение к инструкции по раскопке курганов // Протокол № 3 общего собрания СУАК от 6 марта 1887 года. Приложение. Саратов, 1887.

¹² О понятии научной школы в археологии подробнее см.: Мельникова О.М., 2003, с. 9-36.

- Визгалова Л.В.* К истории создания библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии – Нижне-Волжского областного общества краеведения (1886-1930) // Саратовское Поволжье в панораме веков. История, традиции, проблемы: Материалы IX международных научных краеведческих чтений. Саратов, 2000.
- Волга.* 1909. № 61; 1910. № 16; 1911. №№ 70, 99, 104; 1912. № 130; 1913. №№ 91, 188; 1915. № 121.
- Волков В.А.* Археологическая деятельность Саратовской ученой архивной комиссии по формированию историко-краеведческого музея // Современный музей как важный ресурс развития города и региона. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 1000-летию города Казани и 110-летию Национального музея Республики Татарстан. Казань, 2005.
- Волков В.А.* Археологическая деятельность Саратовской ученой архивной комиссии и формирование краеведческого музея // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006а. Вып. 4.
- Волков В.А.* Губернатор и исследователь (роль А.А. Ширинского-Шихматова в изучении истории Нижнего Поволжья) // Краеведение и архивное дело в российской провинции: исторический опыт и перспективы развития: Материалы межрегиональной конференции, посвященной 120-летию Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 9. Саратов, 2006б.
- Волков В.А.* Основные направления археологической деятельности Саратовской ученой архивной комиссии // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов, 2007. №17 (3).
- Волков В.А.* Ширинский-Шихматов Андрей Александрович // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009.
- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX–XV века). Уфа, 1998.
- Герасимов А.А.* Увек // Тр. Ставропольской УАК. Ставрополь, 1910. Вып. II. Отд. III.
- Герасимов А.А.* XV Археологический съезд в Новгороде (отчет о командировке) // Тр. СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29.
- Герасимов А.А.* История Саратовского края в 16-18 вв. Саратов, 1923.
- Голицын Л.Л., Красnodубровский С.С.* Увек. Доклады и исследования по археологии и истории Увека. Саратов, 1891.
- Гольдъбина И.А.* Саратовская ученая архивная комиссия и подготовка к празднованию 300-летнего юбилея г. Саратова // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2005. Вып. 2.
- Доклад* Правления об устроенных в Великом посту сего 1914 г. общедоступных чтений // Тр. СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.
- Дремов И.И., Кузнецова Л.В.* Соленый овраг – первое палеолитическое местонахождение в Саратовском Поволжье // СА. 1986. № 2.
- Духовников Ф.В.* Древности на Набережном Увекe // Саратовский листок. 1893. № 200.
- Духовников Ф.В.* Поездка в село Квасниковку // Известия ОАИЕ. Казань, 1994. Т. XII. Вып. 3.
- Зайковский Б.В.* Бугор Стеньки Разина. Саратов, 1908 а.
- Зайковский Б.В.* Царицынская легенда. Каменные Бабы Саратовской губернии. Бельджамен. Бугор Стеньки Разина. Саратов, 1908 б.
- Зайковский Б.В.* Впечатления от поездки в Елань-Аткарскую. Саратов, 1909.
- Зайковский Б.В.* Исторические развалины // Дубовский листок. 1910. № 19.
- Зайковский Б.В.* Краткий отчет об археологических разведках в 1912 году. Саратов, 1912 а.
- Зайковский Б.В.* Курганы и ямины на выгоне г. Петровска-Саратовского. Саратов, 1912 б.
- Зайковский Б.В.* Раскопка погребения конца XIII ст. Саратов, 1912 в.
- Зайковский Б.В.* Археологические разведки в окрестностях слободы Даниловки, Камышинского уезда. Саратов, 1913 а.
- Зайковский Б.В.* К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века // Тр. СУАК. Саратов, 1913 б. Вып. 30.
- Зайковский Б.В.* К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века. Саратов, 1913 в.
- Зайковский Б.В.* Что говорят нам курганы и городища Волго-Донского края? Царицын, 1916.
- Зайковский Б.В.* Еще одно погибшее городище. (Археологическая разведка в Вольске, в каменоломнях Малинычева). Б. м., б. г.
- Захариков А.П.* Бифасы Непряхино // Археологические вести. Саратов, 1993.
- Захариков А.П.* Многослойная стоянка Непряхино (предварительная публикация) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997 а. Вып. 2.
- Захариков А.П.* Новые материалы с местонахождения Соленый овраг // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997 б. Вып. 2.
- Захариков А.П.* Новые памятники каменного века у села Непряхино // Поволжский край. Саратов, 2000.

- Захариков А.П.* Стоянка в районе села Непряхино // Археология Нижнего Поволжья: В 4 т. Т. I. Каменный век. Волгоград, 2006.
- Захаров В.М., Захарова Т.А.* Саратовская ученая архивная комиссия (1886-1920). Волгоград, 2005.
- Захарова Т.А.* Организация Саратовской ученой архивной комиссии и ее деятельность в 80-90-е годы XIX века // *Захарова Т.А.* Из истории Саратовского краеведения. Балашов, 2003.
- Из протоколов общих собраний СУАК.* 16 апреля 1911 года // Тр. СУАК. Саратов, 1911. Вып. 28.
- Из протоколов общих собраний СУАК.* 26 марта 1911 года // Тр. СУАК. Саратов, 1911. Вып. 28.
- Кассовый отчет за 1914 год* // Тр. СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32.
- Коновалов Ф.П.* Археологические раскопки в Аткарске // Саратовский листок. 1909 а. № 129.
- Коновалов Ф. П.* Сообщение о раскопке кургана близ Аткарска // Труды СУАК. Саратов, 1909 б. Вып. 25.
- Краснодубровский С.С.* Год основания Саратова // Тр. СУАК. Саратов, 1890 а. Т. II. Вып. 2.
- Краснодубровский С.С.* Кому принадлежал Увек? Ответ Ф.Ф. Чекалину // Саратовский дневник. 1890 б. № 103.
- Краснодубровский С.С.* На раскопках «Кудеярова обрыва» // Тр. СУАК. Саратов, 1890 в. Т. II. Вып. 2.
- Краснодубровский С.С.* Научная экскурсия на Саратовское городище и Увек // Саратовский дневник. 1890 г. № 90, 91.
- Краснодубровский С.С.* Систематический каталог исторического музея СУАК. 1886-1888 годы // *Краснодубровский С.С.* Отчет о деятельности СУАК в 1888-1889 году. Саратов, 1890 д.
- Краснодубровский С.С.* Увек // Саратовский дневник. 1890 е. № 131-134.
- Краснодубровский С.С.* Археологическая экскурсия на Саратовское городище и Увек // Тр. СУАК. Саратов, 1891. Т. III. Вып. 2.
- Краткая сводка пожеланий от посетителей «Чтений»* // Тр. СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.
- Кротков А.А.* Аткарский могильник // Тр. СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29.
- Кротков А.А.* Клад серебряных джучидских монет с Водянского городища. Саратов, 1913 а.
- Кротков А.А.* Материалы к археологической карте Кузнецкого уезда. Саратов, 1913 б.
- Кротков А.А.* Никольский и Керенский клады джучидских монет. Саратов, 1915.
- Кротков А.А., Шишкин П.Н.* Сообщение о поездке в село Чардым, Саратовского уезда // Тр. СУАК. Саратов, 1910 а. Вып. 26.
- Кротков А.А., Шишкин П.Н.* Сообщение о поездке в село Чардым, Саратовского уезда. Саратов, 1910 б.
- Кротков А.А., Щеглов С.А.* Вторая поездка в с. Чардым, Саратовского уезда, 14-16 мая 1910 года // Тр. СУАК. Саратов, 1911. Вып. 28.
- Кузнецова Л.В.* История изучения палеолитических памятников Нижнего Поволжья // Археология Нижнего Поволжья: В 4 т. Т. I. Каменный век. Волгоград, 2006а.
- Кузнецова Л.В.* Стоянка Солёный Овраг // Археология Нижнего Поволжья: В 4 т. Т. I. Каменный век. Волгоград, 2006б.
- Лебедев А.А.* О курганах, существующих в Саратовской губернии // Известия ОАИЕ. Казань, 1908. Т. 24. Вып. 5.
- Личный состав СГУАК к 1 июля 1913 года* // Тр. СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30.
- Майорова А.С.* Из истории Саратовской губернской ученой архивной комиссии // Отечественные архивы. 1997. №4.
- Макарихин В.П.* Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1989. № 1.
- Макарихин В.П.* Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород, 1991.
- Макарихин В.П.* Научные и общественные связи Губернских ученых архивных комиссий Поволжья // Российский исторический журнал. Балашов, 1998. № 2 (18).
- Максимов Е.К.* Имя улицы твоей. Саратов, 1986.
- Малов Н.М.* Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999.
- Медокс К.П.* Новейшие находки близ Увека // Известия ОАИЕ. Казань, 1892. Т. X. Вып. 6.
- Мельникова О.М.* Пермская научная археологическая школа О.Н.Бадера (1946-1955 гг.). Ижевск, 2003.
- Минх А.Н.* Древний могильник Аткарского уезда, Саратовской губернии // Древности. Тр. ИМАО. М., 1900 а. Т. 16.
- Минх А.Н.* Саратовская архивная комиссия: исторический очерк // Саратовский дневник. 1900 б. № 209.
- Минх А.Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. I. Вып. 1-4. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Саратов-Аткарск, 1898-1902.
- Минх А.Н.* Город Аткарск. Материалы для историко-географического описания Саратовской губернии. Аткарск, 1908.
- Минх А.Н.* Археологические находки и раскопки в Аткарском уезде Саратовской губернии // Тр. СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.
- Минх А.Н.* Старая могила в г. Аткарск // Волга. 1910 а. № 163

- Минх А.Н.* Старые могилы в г. Аткарске // Волга. 1910 б. № 237.
- Минх А.Н.* Археологические раскопки и находки в Аткарском уезде Саратовской губернии // Древности. Тр. ИМАО. М., 1914. Т. 23. Вып. 2.
- Миронов В.Г.* Деятельность СУАК по пропаганде исторических знаний // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Саратов, 1995.
- Миронов В.Г.* Неистовый Богдан // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6.
- Миронов В.Г.* Саратовское историческое краеведение // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения I–III чтений. Саратов, 1993.
- Миронов В.Г.* Указатель статей и заметок, опубликованный в трудах СУАК, вып. I-33 // Тр. СОМК. Саратов, 1996. Вып. 4.
- Миронов В.Г., Широкова В.В., С.Н.Чернов* в саратовском историческом краеведении // Российская провинция 18–20 вв.: Реалии культурной жизни: Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 25–29 июня 1995 г. Пенза, 1996. Кн. 2.
- Общий* отчет о деятельности Комиссии за 1914 год // Тр. СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32.
- Общий* отчет о деятельности СУАК за 1910 год // Тр. СУАК. Саратов, 1911. Вып. 27.
- Очерки* истории Саратовского Поволжья (1894–1917 гг.). Саратов, 1999. Т. 2. Ч. 2.
- Палимпсестов В.П.* Увекские древности // Волга. 1913. № 259.
- Пичиенко Ф.Г.* Как начинался Хвалынский музей // Начало маршрута – Саратов. Саратов, 1989. Вып. 1.
- Производство* археологических раскопок. Саратовская губерния // Отчет ИАК за 1912 год. СПб., 1916.
- Протокол* общего собрания СУАК 20 марта 1888 года // Тр. СУАК. Саратов, 1888. Т. I. Вып. 1.
- Протокол* общего собрания СУАК. 23 января 1889 года // Тр. СУАК. Саратов, 1889. Т. II. Вып. 1.
- Протокол* общего собрания СУАК. 6-го июня 1888 года // Тр. СУАК. Саратов, 1888. Т. I. Вып. 2.
- Протокол* общего собрания СУАК. 19-го сентября 1888 года // Тр. СУАК. Саратов, 1888. Т. I. Вып. 3.
- Протоколы* заседаний общего собрания членов Комиссии. 24 января 1914 года. № 165 // Тр. СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.
- Протоколы* заседаний общего собрания членов Комиссии. 27 октября 1913 года. № 160 // Тр. СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.
- Протоколы* заседаний общего собрания членов комиссии. № 159. 2 сентября 1913 года, в квартире г. Непременного Попечителя // Тр. СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.
- Протоколы* заседаний общего собрания членов СУАК. 11 июня 1912 года. № 146 // Тр. СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30.
- Протоколы* заседаний общего собрания членов СУАК. № 170. 17 мая 1914 года // Тр. СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33.
- Протоколы* заседаний общего собрания членов СУАК. № 177. 17 марта 1915 года // Тр. СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33.
- Протоколы* общих собраний членов СУАК. 12 августа 1911 года // Тр. СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29.
- Протоколы.* Общее собрание 11 октября 1908 года. № 85 // Тр. СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.
- Протоколы.* Общее собрание 22 ноября 1908 года. № 93 // Тр. СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.
- Протоколы.* Частное собрание 1 февраля 1909 года. № 99 // Тр. СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.
- Протоколы.* Частное собрание 7 марта 1909 года. № 104 // Тр. СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.
- Ремизов С.О.* Палеолит Волгоградской области: история исследования, условия залегания памятников и перспективы их поиска // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4.
- Ремизов С.О.* Палеолит // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009.
- Самоквасов Д.Я.* Инструкция для научного исследования курганов // Протокол № 3 общего собрания СУАК от 6 марта 1887 года. Приложение. Саратов, 1887.
- Саратовский вестник.* 1913. №№ 50, 192; 1914. № 142.
- Саратовский листок.* 1913. №№ 50; 192; 1914. № 49
- Соколов В.П.* Каталог документов, принадлежащих СУАК // Тр. СУАК. Саратов, 1888. Т. I. Вып. 1–5.
- Соколов В.П.* Описание архива Саратовской Троицкой церкви (старого собора). Тома I–X // Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. III. Вып. 1.
- Соколов В.П.* 25-летие СУАК. Саратов, 1911.
- Соколов Н.С.* Археологическая экскурсия // Тр. СУАК. Саратов, 1888. Т. I. Вып. 3.
- Соломатина С.М., Максимов Е.К.* Вторая мужская гимназия в Саратове // Тр. СОМК. Саратов, 1996. Вып. 4.
- Спицын А.А.* Саратовские древности // Тр. СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29. Прибавление.
- Федоров Б.Д.* Памятники старины у села Старых Печеур Хвалынского уезда // Тр. СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.
- Формозов А.А.* Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983.
- Хованский Н.Ф.* Краткие биографии некоторых членов СУАК за 25 лет ее существования // *Соколов В.П.* 25-летие СУАК. Саратов, 1911.

- Царицынский вестник*. 1915. № 4895, 4898.
- Чекалин Ф.Ф.* Принадлежали ли когда-либо бургасам развалины Укека // *Саратовский дневник*. 1890. № 101
- Чекалин Ф.Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892.
- Шведова О.И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // *Археографический ежегодник за 1957 год*. М., 1958.
- Шишкин П.Н.* Курганы на общественном выгоне г. Покровска // *Тр. Общества ИСТАРХЭТ при СГУ*. Саратов, 1923. Вып. 34. Ч. 1.
- Щеглов С.А.* Поездка на Ахматское городище // *Тр. СУАК*. Саратов, 1912 а. Вып. 29.
- Щеглов С.А.* Поездка на Ахматское городище. Предварительные археологические разведки у селений Кошели и Березняки Вольского уезда. Саратов, 1912 б.
- Щеглов С.А.* Поступления в музей в 1911-м году // *Тр. СУАК*. Саратов, 1912 в. Вып. 29.
- Щеглов С.А.* Кладовая запись // *Тр. СУАК*. Саратов, 1913 а. Вып. 30.
- Щеглов С.А.* Курганы с окрашенными костяками в Новоузенском уезде Самарской губернии. Саратов, 1913 б.
- Щеглов С.А.* Историко-археологический музей Комиссии в 1914 году // *Тр. СУАК*. Саратов, 1915. Вып. 32.

И.И. Дрёмов, И.В. Семёнова

КИТАЙСКИЙ АМУЛЕТ ИЗ ПОКРОВСКА И СВЯЗИ ОЙРАТ-КАЛМЫКОВ С САРАТОВОМ, СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ И КИТАЕМ

Ранняя история калмыков и их связей с Россией, Средней Азией¹ и Китаем имеет длительную историографию, но детализация отдельных тем и эпизодов осложнена малым количеством письменных источников по этой теме.

Недостаточность нарративных источников могла бы компенсироваться археологическими материалами, как это типично для изучения средневековых кочевников, но археологические и палеоэтнографические находки, связанные с историей и культурой калмыков, чрезвычайно редки в силу особенностей погребального обряда и отсутствия культурного слоя на временных стоянках кочевников.

В связи с этим сделанная недавно в г.Энгельсе находка амулета времён начала правления в Китае династии Цин позволяет обратиться к ранней истории поволжских калмыков. В 2007 году в Энгельсский краеведческий музей был передан сломанный пополам крупный бронзовый диск 8,7 см диаметром, похожий на монету с квадратным отверстием 2,2 x 2,2 см посередине.² Литой предмет имел с одной стороны надпись, сделанную китайскими иероглифами, с другой – рельефные изображения мифических животных. По словам автора находки, изделие обнаружено в г.Энгельсе в пос. Приволжский (Мясокомбинат) при сломе фундамента здания заводской столовой, построенной в 70-е гг. XX века. Если не считать изломов, возникших под воздействием отбойного молотка, оно имеет хорошую сохранность. Предмет почти не позеленел от окислов и имеет «благородную» патину, защищающую бронзу от проникновения хлоридов натрия (рис. 1).

Такой «современный» вид изделия вызывает ассоциации с китайскими подражаниями амулетам и монетам, заполнившими в наше время торговые прилавки. Однако современные поделки отличаются от старинных по составу металла, сюжету и иконографии. К тому же в Китае существует закон 1973 года, запрещающий подделку старинных монет, вменяющий в обязанность ставить при изготовлении их реплик специальный иероглиф. Разумеется, фальшивки изготавливаются, но и сбываются они не как ширпотреб, а по высокой цене. В данном же случае амулет передан музею в дар. К тому же в 1970-х гг., когда предмет, по мнению автора находки, попал в фундамент столовой, в России продавались преимущественно предметы обихода китайского производства, а не культово-сувенирная продукция.

¹ В физико-географическом отношении к Средней Азии традиционно относятся четыре центральноазиатских государства, Южный и Центральный Казахстан. В данной работе для удобства термином «Средняя Азия» мы условно называем территории республик Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и Казахстана до р. Эмба на Западе и Прииртышья на востоке. Южная Сибирь определяется как территория к северу от современной границы России и Казахстана, что в целом совпадает с принятым делением физико-географических зон (Гвоздецкий Н.А., 1978).

² Выражаем за это благодарность жителю г. Энгельс А.М. Коваленко.

Теперь благодаря научному сотруднику Энгельсского музея краеведения О.В. Сергеевой этот экспонат определен известным специалистом по дальневосточной нумизматике В.А. Беляевым (г. Москва).³ По его информации, этот предмет редкий. Согласно предварительной атрибуции, находка является монетовидным амулетом, сделанным в Китае. Иероглифы читаются как «шунь чжи тун бао». Это стандартная надпись на монетах первого цинского императора (1644-1661 гг.). На обратной стороне имеются изображения льва, дракона и феникса (?).

Данная информация требует дополнения. «Шунь чжи» - это девиз правления маньчжурского императора, основателя китайско-маньчжурской династии Цин по имени Фулинь (1644—1661). Эти иероглифы переводятся как «благоклонная власть» или «благоприятное правление». Иероглифы «тун бао» означают «обращенная драгоценность» или «имеющее хождение»; они изображались на монетах более 2000 лет,⁴ и для уточнения датировки и предназначения изделия значения не имеют. На реверсе монет со стандартной надписью «шунь чжи» помещалось маньчжурское обозначение монетного двора (Быков А.А., 1969, рис. 121). В нашем случае здесь находятся стилизованные изображения четырёх «священных» животных.

Наиболее четко определяется китайский дракон (лунь) с тонким длинным извивающимся телом без крыльев, головой лошади и орлиными когтями. Чешуя на его теле, символизирующая золотые монеты и богатство, обозначена миниатюрными выпуклыми точками. У китайцев дракон был олицетворением благого знамения и главным символом императорской власти. Под драконом помещено изображение птицы фэн-хуан (феникса). Образ этой мифической птицы по важности стоял наравне с драконом, так как служил символом императорской власти, а также символизировал мир и спокойствие. Китайский посол Тулишень (Ту-Ли-Чэнь; Ту-Ли-Шин), посетивший в 1713-14 гг. Саратов по дороге к Аюке-хану, объясняет, почему дракон и феникс являются символами династии Цин, следующим образом: «Но притом ведать должно, что северовосточная страна (Маньчжурия, - *примеч. авт.*) есть такое место, из которого возвышаются Драконы, и взлетает птица Фун-Хуан. Но понеже она страна судьбою всевышняго неба определена Великоцинским Государём. Как Дракон, которой и гербом Китайских Ханов почитается, так и птица Фун-Хуан, или Царь Птица, знаменуют Великих Царей на свете; ибо от сея страны из кочевных народов произошли многие славные Государя...» (Россохин И.К., 1774, с. 15). Во времена династии Цин китайский дракон украшал государственный стяг, и за ношение одежды или предметов с изображением дракона, в том числе и подобного амулета, простолудин подлежал строгому наказанию (Хайжуй Ли и др., 2007, с. 178).

Далее справа на амулете находится фигура китайского льва, помещённая здесь вместо четвёртой по значимости в китайской символике черепахи. Образ льва был символом влияния и высокого положения хозяина. Кроме того, по представлениям китайцев, лев способен отгонять нечистую силу (Хайжуй Ли и др., 2007, с. 175-182), что может характеризовать предмет как оберег.

Слева имеется наиболее стилизованное изображение. Это цилинь (единорог) – животное, которое, согласно китайскому поверью, символизировало в государстве мир, правление мудрого властителя и благоденствие народа. Этот третий по значимости в китайской мифологии символ здесь поставлен четвёртым после льва. Если в период Шуньчжи символом высшей военной знати являлся лев, то наследник Фулиня Сюань Е (девиз правления – Канси) повелел обладателям высшего военного ранга Поднебесной носить изображения цилиня.

³ Информация публикуется с любезного разрешения О.В. Сергеевой, за что музею, ей лично и В.А. Беляеву авторы приносят сердечную благодарность.

⁴ <http://www.fx4you.org/articles/general>

Фигура каждого изображенного на диске персонажа включает округлую выпуклость, которую можно трактовать как жемчужину. По поверьям китайцев, у каждого дракона есть жемчужина, которую он бережёт как драгоценность, а осыпая жемчужинами, наделяет человека властью и богатством.

Подобно круглым монетам с квадратным отверстием, амулеты воплощали важнейшее понятие философии Китая «инь-ян»: круглая форма олицетворяла небо, квадратное отверстие - землю. Главное отличие амулетов от монет заключалось в их предназначении. Монеты служили средством платежа, амулеты могли использоваться в качестве подарков и наград. Поэтому, помимо монет, каждый китайский император выпускал и некоторое количество амулетов. Наиболее крупные из них, такие, как найденный в Энгельсе, предназначались для ношения на груди.

Семантика изображений священных животных на амулете даёт некоторую информацию о первоначальном владельце предмета. Семантика дракона, феникса и льва соответствует полководцу высокого ранга из верховной знати. Изображение цилиндра символизирует его мудрость и удачливость, а четыре жемчужины (причём у цилиндра в виде кометы с хвостом, летящей от дракона) может подразумевать, что хозяин амулета был отмечен не только этой наградой, но и «осыпан» богатыми подарками. Но так как владелец амулета обладал медальоном не из золота, к семье императора он не принадлежал. Следует отметить, что серебряные монеты в цинском Китае не выпускались и, следовательно, большой нагрудный бронзовый амулет с изображениями дракона, феникса, льва и единорога являлся очень значимым подарком или наградой и мог изначально принадлежать только представителю высшей воинской знати. Даже такому знатоку китайской нумизматики, как В.А. Беляев, аналогии этому предмету не известны, он не из числа массовых изделий.

Вероятнее всего, амулет попал в фундамент столовой вместе с песком из карьера. В 1980-х годах один из авторов данной работы ещё застал в Энгельсе песчаный карьер к югу от п. Учхоз и устья р. Саратовка, когда использовал бульдозер из него для раскопок кургана. На месте этого городского карьера прежде находился известный археологический памятник бронзового века – Покровское селище, иногда именовавшееся «Зольник» и исследованное П.С. Рыковым в 1920-х гг. Этот «зольник» и является наиболее вероятным исходным пунктом местонахождения амулета до того, как он попал в фундамент столовой. Как могло это изделие оказаться на территории Покровского селища и карьера?

Известно, что в XVII-XVIII вв. территория г.Энгельса входила в ареал кочевий калмыков, являвшихся выходцами из Джунгарии и поддерживавших связи с исторической родиной и с Китаем. Первые набеги в Заволжье, вероятно, совершали младшие братья тайши Дайчина (деда Аюки) Лаузан и Йельденг в 1628 и 1630 гг., но по настоящему об ойрат-калмыках на Волге узнали после их крупной военной победы над русским войском 22 апреля 1633 года на р. Большой Узень в междуречье Волги и Яика. После этого тайша Дайчин посчитал себя хозяином приволжских степей, сравнил себя с царём. При этом он претендовал на земли близ Астрахани, заявляя, что урочище Кандаки под Астраханью «искони природные их калмыцкие места, прадеда их Чингисхана» (Митиров А.Г., 1998, с. 68-69), с чем не соглашались ни татарские мурзы, ни русское правительство царя Алексея Михайловича.

В связи с левобережным Саратовом (1617-1674 гг.) калмыки упоминаются уже в сообщении секретаря голштинского посольства Адама Олеария от 1636 года: «До полудня около 9-ти часов мы проехали мимо города Саратова. Этот город лежит в 4-х верстах от главной реки на ровном поле, на рукаве, который Волга кидает от себя по левую руку. Здесь живут лишь стрельцы, находящиеся под управлением воеводы и полковника и обязанные защищать страну от татар, которые именуются у них *калмы-*

камы: они живут отсюда вплоть до Каспийского моря и реки Яика и довольно часто предпринимают набеги вверх по Волге». Ниже, рассказывая о половцах (ногайцах), Олеарий опять упоминает калмыков и даёт некоторые уточнения: «Зимой они (крымские и ногайские татары), разделившись на несколько орд [...] или отрядов, идут к Астрахани и селятся в таком расстоянии друг от друга, чтобы в случае нужды успеть друг к другу на помощь. Нередко на них нападают и грабят их постоянные враги — **калмыки**, не только рассеянные отсюда до Саратова и называемые в этих местах болгарскими татарами, но живущие и за Яиком; набеги свои они совершают в то время, когда вода замерзнет и везде оказывается удобным перебежать через нее» (Олеарий А., 1996, с. 462).

Итак, в 1636 г. калмыки на Волге уже хорошо известны. Территория в окрестностях левобережного Саратова воспринимается как пограничная: ниже Саратова калмыки живут, а выше совершают набеги. Однако в 1644 году во время одного из своих походов на запад калмыки потерпели крупное поражение в предгорьях Северного Кавказа от местных народов и от стрельцов под Астраханью, в результате чего погиб их владыка Хо-Урлюк (прадед хана Аюки), ойрат-калмыки были вытеснены за Урал, и на некоторое время их продвижение в Поволжье было приостановлено. Известно, например, что в 1649 г. тайша Дайчин неоднократно обращался к астраханскому воеводе с прошениями о разрешении торговать под Астраханью и пропуске его людей с конскими табунами на продажу в Москву. В самом конце года калмыки, наконец, получили из Москвы такое разрешение, но с обязательным условием, что тайши будут кочевать к востоку от Яика, не переходя на его правый берег, т. е. не ближе, чем в 300 км от Астрахани (Преображенская П.С., 1950, с. 54-55).⁵

В 1652 - 1653 г.г. — новая попытка закрепиться на Волге: братья Дайчина и его сын Мончак предпринимали походы под Самару, Саратов, Камышин, а в 1654 г. калмыки ходили под Астрахань, но были вытеснены за Яик (Пальмов Н.Н., 2007, с. 369). Лишь по шертным записям (договорам) 1655 года в Бальчинском городке под Астраханью и 1657 года на Кутумовой реке калмыки получили право «кочевать по Волге по ногайской стороне, и по Ахтубе, и по Белужью или близко наших городов, где они кочевать похотят». При этом тайши обязаны выдавать в Астрахань аманатов (заложников), от чего они ранее категорически отказывались (Моисеев А.И., Моисеева Н.И., 2006, с. 52-55).

Таким образом, до 1655 года калмыки были на Волге, «можно сказать, случайными гостями» (Пальмов Н.Н., 2007, с. 369), причем в первой половине XVII века основным местом контактов с калмыками являлась Астрахань. Левобережный Саратов⁶ исполнял роль стрелецкой крепости и большого значения в политических вопросах и торговых делах ещё не имел. С середины XVII века, когда Саратов стоял на левом берегу, берёт начало саратовская торговля с калмыками. В 1643 г. кочевники просили разрешить им торговать в Саратове и Самаре, но, получив отказ, пошли на военный конфликт под Самарой. В 1657 году появился «приговор» Боярской думы, указывающий, «что к которым городам придут калмыки с торгом, и в тех городах воеводам учи-

⁵ То, что калмыки в это время на Волге отсутствовали и находились за Уралом, подтверждается и внешними источниками. Турецкий путешественник и географ Эвлия Челеби, побывавший на Волге в 1641-42 гг. и в 1666-67 гг. гостивший у тайшей Дайчина и Мончака, рассказывая о походе ногайца Арсланбека начала 1640-х годов, сообщает, что тот «с пятнадцатью тысячами богатырей-ногаев... на плотах, лодках и бурдюках переправился через реки Волгу и Яик и на той стороне вступил в схватку с воинами калмыцкого [народа] в степи Хейхат (Дешт-и-Кипчак)... Тогда воины-калмыки прогнали его оттуда, заставили удалиться в степь Хейхат и переправиться на ту сторону великой реки Кубани» (Эвлия Челеби, 1979, с. 757-758).

⁶ Калмыки в XVIII веке называли Саратов Шара-Туу (История калмыцких ханов, 2003). В Джангаре Шарту — легендарная река в благословенном крае (Калмыцкое устное народное творчество, 2007, с. 11).

нить за городом надолбы и велеть торговать за надолбы с великим береженьем и задров не чинить. А городов написать именно: Царицын, Чёрный Яр, *Саратов*, Самара» (Максимов Е.К., Мезин С.А., 1997, с. 62).

С течением времени левобережный Саратов всё более приобретал функции торгового узла. Однако Московский тракт начинался на правом берегу Волги, и в 1674 году пришёл указ царя Алексея Михайловича «Саратов город на горах делать новый». По всей вероятности, не последнюю роль в этом сыграли укрепляющиеся торговые связи и иные взаимоотношения с калмыками. На калмыцком базаре на территории современного г. Энгельс в XVIII-XVIII веках основным товаром были лошади. Российской империи XVII-XVIII веков, ведущей непрерывные войны, требовалось постоянное снабжение ими армии. Табуны, принадлежавшие кочевникам Заволжья, являлись одним из важных источников пополнения кавалерийских частей русской армии лошадьми. В сентябре 1707 года голландский путешественник и художник Корнелий де Бруин на обратном пути из Персии побывал на левом берегу Волги напротив Саратова, где он получил яркое впечатление от калмыцкого базара и сделал зарисовку увиденного пейзажа (Бруин К., 1983). Шотландский путешественник и врач Дж. Бэлл, посетивший Саратов в первый раз в июле 1716 г., а впоследствии присутствовавший на встрече Петра I и хана Аюки в 1722 г. и описавший ее, также отметил в качестве достопримечательности калмыцкий базар на левом берегу Волги (Белевы путешествия, 1776, с. 24-25). Оба путешественника оставили описания калмыцкого торгового базара, из которых явствует, что товаром кочевников, помимо лошадей, являлись верблюды и коровы.

Во времена Петра I и Аюки-хана находившийся на нагорной стороне Саратов превратился в крупный торговый центр. К этому времени он так разросся, что далеко перешагнул за городские стены, но характерно, что гарнизон, по сравнению с левобережной крепостью, увеличился лишь на 100 человек. Китайский посол Тулишень, направившийся к хану Аюке в 1713-1714 гг., отметил, что «всем сим местечком управляет один начальней человек, при котором находится войска двести человек» (Россохин И.К., 1764, с. 303-305).

В чем же причина особенной концентрации калмыков в окрестностях Саратова во времена хана Аюки? В 1715 году хан Аюка обратился к Петру I с просьбой прислать ему на помощь воинский отряд. Император отправил Д. Е. Бахметева с отрядом в 600 казаков и драгун для охраны хана Аюки, а фактически для контроля за его деятельностью.⁷ С.М. Соловьёв отмечал: «Скоро калмыкам не понравилось присутствие Бахметева, и Аюка просил государя перевести его комендантом в Саратов с обязанностью охранять калмыков. Просьба была исполнена. Бахметев должен был, с одной стороны, охранять Аюку, а с другой - смотреть, чтоб хан и калмыки его с турецкими подданными не ссорились и без указа государева не входили с ними в мирные договоры, пересылок тайных и письменных не имели» (Соловьёв С.М., 1998). Так было положено начало особому царскому органу по калмыцким делам, а Д.Е. Бахметев стал после этого комендантом Саратова и «попечителем» не только Аюки, но и всех калмыков. С этого времени Саратов становится своеобразной столицей калмыков, а левобережье Волги у Саратова – местом летней ставки Аюки. В Саратове какое-то время существовала специальная команда для приобретения драгунских лошадей у кочевников. Закупки у них товаров на большие суммы не облагались налогом, процветала торговая спекуляция. Саратовские купцы, заранее закупая калмыцких лошадей, откармливали их на городских землях, а затем продавали, наживаясь на посреднической торговле (Максимов Е.К., Мезин С.А., 1997, с. 31; они же, 2010, с. 37-39). Пользовался этим и саратовский воевода, попечитель калмыков Д.Е. Бахметев, который поощрял коррупцию и дачу взя-

⁷ Бахметьев Дмитрий Евгеньевич до этого участвовал в шведской войне, где командовал отрядом конницы, включавшем в свой состав и калмыков (Бакунин В.М., 1995, с. 31. Примеч. 23).

ток, особенно со стороны кочевников. Он продавал под видом калмыцких свои товары, был разоблачён, оштрафован на 970 рублей (по тем временам огромные деньги) и, не дождавшись окончания следствия, умер (Максимов Е.К., Мезин С.А., 1997, с. 60; они же, 2010, с. 73-75). Во время персидского похода Петра I, когда в окрестностях Саратова император встречался с Аюкой, по материалам первой ревизской переписи 1722 года в Саратове было уже 2093 души, более половины из которых составляли купцы – 1201 (Кушева Е.Н., 1966, с. 29-31).

Итак, напротив города на левом берегу находилась летняя ставка хана, где Аюка контролировал базар, а, следовательно, и всю основную торговлю калмыков с Россией. В топонимике г.Энгельса (ранее Покровск и слобода Покровская) сохранилась память о присутствии здесь калмыков и, вероятно, о хане Аюке. Локализовать более точно калмыцкий базар на луговой стороне Волги помогает название местности в Покровской слободе – Поганое поле, то есть языческое, нехристианское поле (Словарь-справочник, 1965; Фасмер М., 1987, с. 124).⁸ На карте 1857 г. оно обозначено к югу от устья р. Саратовка и от верховьев Трумбицкого оврага, то есть от территории нынешнего поселка СХИ и кладбища на выезде из г.Энгельса в г.Маркс до Лётного городка и поселка Химволокно (Сергеева О.В., 2007, с. 25). Ближе к Волге энгельский краевед К.И. Шкода обозначал остров Каюковский. От места расположения городища Левобережного Саратова он отделён р.Саратовка. Далее к северу находится одна из крупнейших волжских проток в окрестностях современного г.Энгельса р. Каюковка (Саратовское озеро, 2007, с. 59). Вполне правдоподобной выглядит версия Д.Г.Решетова, что название «Каюковка» восходит к имени Аюка (Решетов Д.Г., 2007, с. 57). Название острова Каюковского позволяет более точно локализовать излюбленное место устройства ставки хана Аюки: вниз по течению Волги недалеко от места расположения левобережного Саратова и устья р.Саратовки.

Вероятнее всего, именно тогда китайский амулет был здесь утерян или преднамеренно спрятан в земле. Некоторые эпизоды биографии Аюки могут осветить вопросы: как мог предмет из далёкого Китая оказаться на берегах Волги и не связан ли найденный амулет с жизнью и деятельностью самого известного калмыцкого хана?

Аюка, как считается, появился на свет около 1642 года. В научной и справочной литературе утвердилось мнение Н.Н. Пальмова, что Аюка родился от брака калмыцкого нойона рода торгоутов Пунцук-Мончака и дочери могущественного владыки ойратского племени чорос Эрдени Батур-хунтайджи – основателя Джунгарского ханства. Воспитывался будущий хан в Джунгарии. Даты жизни Аюки с 1642 по 1724 год сейчас считаются аксиомой, однако есть и другие мнения. В журнале Петра I Персидского (Каспийского) похода 1722 говорится, якобы со слов самого Аюки, что ему 75 лет (Походный журнал..., 1855, с. 44). Другой участник этого похода, В.М. Бакунин, также сообщал, что Аюке-хану во время встречи с Петром I в 1722 г. было 75 лет, а в момент смерти в 1724 году 77 лет (Бакунин В.М., 1995, с. 35, 41). В этом случае датой рождения Аюки должен считаться 1647 год. С такой датировкой был не согласен Н.Я.Бичурин. Он писал, что, согласно «Историческому словарю Российского Государства», Аюка-хан умер на 77-ом году, но так как он родился ещё в правление Хара-Хулы, который скончался в 1634 г., и в младенческом возрасте был оставлен на воспитание при Батур-хунтайджи, то получается, что Аюка дожил до возраста около 90 лет. Из текста Н.Я.Бичурина можно понять, что причина, по которой младенец Аюка остался с матерью и дедом по матери чоросом Батур-хунтайджи в Джунгарии, а не с отцом Мончаком и дедом Дайчином, заключается в том, что торгоуты отказались подчиниться притязаниям Хара-Хулы на единоличную власть и ушли в Россию. Действи-

⁸ У М. Фасмера приводятся такие значения слова «поганый» как нечистый, грязный, плохой, языческий, производные от латинского «*paganus*» - сельский, языческий (Фасмер М., 1987, с. 294).

тельно, Мончак впоследствии уже был полностью связан с Россией и находился либо на Урале, либо на Волге. Поэтому трудно иначе объяснить, как его старший сын и наследник воспитывался не при нём, а в противоборствующем лагере. Впоследствии, по словам Бичурина, тайша Дайчин, возвращаясь из Тибета, заехал в Джунгарию, чтобы забрать с собою внука, но дед по матери Батур-хунтайджи (именуемый в русских источниках Контайша) удержал его при себе, чтобы передать ему наследство (Бичурин Н.Я., 1854, с. 59).⁹ Однако стоит заметить, что наследников у Батур-хунтайджи было не менее 10, и складывается впечатление, что он под предлогом наследства удерживал старшего сына своего противника Мончака в качестве заложника. Тайша Дайчин, как считается, забрал к себе Аюку в 1655 году, а Батур-хунтайджи умер в 1653 или 1654 г.¹⁰ и уже не мог помешать ему в этом. В дальнейшем Н.Я. Бичурин опять возвращается к возрасту Аюки. Он говорит, что в «Описании Каспийского моря» возраст хана в 1722 году указан как 83 года (то есть, 1639 г.р.), «...а он должен иметь 87 лет от роду» (Бичурин Н.Я., 1884, с. 186).

В этом случае может вызвать недоумение солидный возраст хана Аюки, когда он женился на Дарма-Бале. Если Аюка действительно родился при жизни Хара-Хулы, в момент женитьбы в 1697 году ему должно было быть не менее 63 лет, и в этом браке он имел троих детей. Может быть, женитьба на юной красавице – невесте своего младшего сына вынуждала его скрывать свой истинный возраст, отсюда и разногласия в источниках? Долгожительством и отменным здоровьем отличались и предки Аюки-хана. Его прадед Хо-Урлюк погиб, возглавляя поход на Северный Кавказ в 1644 г., как считается, в возрасте 90 лет, дед Дайчин прожил около 100 лет, а дед по матери Батур-хунтайджи, по расчётам В.Л. Котвича, умер в возрасте 120 лет (Митиров А.Г., 1998, с. 77, 85, 96). При этом Галдан, шестой сын Контайши и брат матери Аюки, ставший впоследствии ханом ойратов, родился (и здесь нет разногласий) в 1644-45 годах, когда Батуру-хунтайджи могло быть, как минимум, около 90, а может быть, и более 110 лет. Всего Контайша имел 10 или 12 сыновей (по разным источникам) и 2 дочери от 9 жён.¹¹ Долголетие калмыков обросло такими легендами, что турецкий путешественник Эвлия Челеби, гостивший у тайши Дайчина и его сына Мончака в конце 1666-начале

⁹ Иакинф Бичурин ссылается при этом на топографическое описание Маньчжурии и Восточного Туркестана под названием «Синь-цзянь Чжи-ляо», изданное в 1820 г. в Пекине, и поясняет, что эти «сведения сообщены Китайскому правительству самими торгоутами, касательно их переселения в Россию» (Бичурин Н.Я., 1854, с. 59-60).

¹⁰ П. Паллас датировал его смерть 1665 г., Г. Грум-Гржимайло – 1663 г., Г. Миллер и И. Фишер – 1660 г., Н.А. Байков – 1650 г., И.Я. Златкин – 1653 г. (Златкин И.Я., 1964, с. 103), Н.Я. Бичурин – 1654 г., современный японский биограф Галдана Ханда Ханэда Акира – 1645 г., Е.И. Кычанов – «позже 1653, но ранее 1662 г.» (Кычанов Е.И., 1999, с. 11). Правда Иакинфа Бичурина подтверждается, с одной стороны, тем, что Галдан своим специальным законом списал все долги, взятые до 1654 г., то есть после этого его уже не было, с другой стороны, тем, что Ф.И. Байков, проезжая летом 1654 года по землям Контайши, не свидетельствует о его смерти в своём «Статейном списке» (Демидова Н.Ф., Мясников В.С., 1964).

¹¹ А.Г. Митиров обосновывает 90-летний возраст Хо-Урлюка тем, что «в 1595 г., когда он появился в степях Южной Сибири, у него было шесть сыновей и шесть дочерей», причём одна из дочерей была замужем за ханом Кучумом (Митиров А.Г., 1998, с. 77). Фактически Хо-Урлюк со своими пятью улусами, составляющими 4000 человек, начал кочевать в верховьях Иртыша в 1604 г. По документу 1607 г. Хо-Урлюк откочевал от остальных тайшей «3 годы и кочуют своими улусы в верх по Иртышу», а в 1607 г. — в 3-х днях пути от г.Тара (Русско-монгольские отношения, 1969, с. 22, 36). Кучум был убит в 1598 г., следовательно, дочери Хо-Урлюка должно было быть к этому времени около 20 лет, а Хо-Урлюку – около 40 лет. В 1634 году Хо-Урлюк не мог быть моложе 75 лет, Дайчину было не менее 50 лет, Мончаку более 30 лет. В связи с этим подтверждается дата рождения Аюки до 1634 г., то есть при жизни Хара-Хулы, основанная Н.Я. Бичуриным на китайских документах.

1667 годов, был так удивлён сведениями о долгожительстве калмыков, что посвятил этому вопросу несколько совершенно фантастических страниц.¹²

Как говорилось выше, Н.Я.Бичурин считал, что Дайчин хотел забрать внука Аюку с собой на Волгу, но Батур-хунтайджи не позволил ему, планируя передать Аюке власть по наследству. «В последствии каким образом и в котором году Аюки пришёл в Россию, сие обстоятельство осталось неизвестным» (Бичурин Н.Я., 1854, с. 59-60). У Н.Н.Пальмова на этот предмет была другая версия. Он писал, что Аюка «сначала воспитывался в Джунгарии и находился там на попечении чоросского тайши Чингиля, родственника по матери, а затем переехал с Чингилем к отцу на Волгу около 1654 года» (Пальмов Н.Н., 2007, с. 117). Следует отметить, что в 1654 году ойрат-калмыки и их тайша Мончак были ещё на Яике. Тайша Чингиль не упоминается ни в основных монографических трудах о калмыках и ойратах У.Э.Эрдниева, К.Н.Максимова, А.Г.Митирова, И.Я.Златкина, ни в других известных исследованиях и документах. Однако Н.Н.Пальмов опирался в своих исследованиях не только на многочисленные, в том числе на неопубликованные и не дошедшие до нас рукописи и архивные материалы, но и на устные источники.

Известные нам источники позволяют выстроить следующую хронологию географических перемещений Дайчина. 1628, 1630 гг.: кочевал к югу от Западной Сибири с тестем Чокуром и отцом Хо-Урлюком; зимой 1630 г. – на Урале, на Яицких вершинах; 1631 г. – на Эмбе (Пальмов Н.Н., 2007. С. 363); 1632 г. – на Яицких вершинах; в мае 1633 г. – за Яиком, в июне одержал победу над астраханскими стрельцами на Большом Узене; 1634-1635 гг. – совершал походы в Волго-Уральское междуречье; 1634 г. – на Эмбе; в 1636 г. – в Нарын-песках, Яике и Эмбе; 1637-1638 гг. – на Яике, в Каракумах, на Тоболе, на Волге и на Эмбе; 1638-1639 гг. – зимовал под Бухарой, летом кочевал на Тоболе; 1640 г. – у Тарбагатайских гор в Бурятии на «всемонгольском» съезде; 1640-1642 гг. – в Средней Азии (в 3-х месяцах пути от Томска), посылал людей торговать в Китай;¹³ 1644 г.: находился в союзе с Аблаем и Батуром-хунтайджи, кочевья Дайчина рядом с Аблаем, между ними и Батуром-хунтайджи располагались кочевья Кунделентайши (Русско-монгольские отношения, 1974, с. 234); 1646 – по пути в Тибет принял участие в Ухарлыкском сражении (Митиров А.Г., 1998, с. 81-82). До 1652 г. сообщения о Дайчине в русских документах отсутствуют. В 1652 г. он кочует с братом Лаузаном в 4-х месяцах пути от Даурии (Забайкалье) близ Московского государства; зимой 1653 и летом 1654 г. он кочует в Джунгарии «возле Аблая», где встречается с буддийским ученым Зая Пандитом и тайшой хошеутов Аблаем; в январе 1654 г. Дайчин присылает Мончаку письмо из Сибири, из своих «дальних» кочевий,¹⁴ в апреле 1654 г. из Уфы

¹² Э. Челеби утверждал, что общался со стариком в возрасте 310 лет, «который поведал ему всё о Беркехане». Он считал, что калмыки умирают только в бою, «а что такое прочие болезни они не ведают... Они живут по двести, двести пятьдесят и триста лет, а когда больше не могут продолжать естественную жизнь – склоняют голову на плечо и в тот же день умирают... Когда некоторые из калмыков, дожив до двухсот или трехсот лет, теряют силу, больше не могут ни сесть на коня, ни сойти [с него], их родственникам надоедает выводить их гулять; тогда они варят хвост жирной свиньи, хвост этот по очереди забивают старику в горло и [тем] убивают его, молвив: «Он умер борцом за веру». (Эвлия Челеби, 1961, с. 849-851).

¹³ «И тот Омелька перед нами, холопьями твоими, в роспросе сказал, - Держал де ево Тайчи-тайша у себя в улусе 2 годы сильно. И после де того посылал Тайчи-тайша ево, Омельку, и товарищев ево с своими людьми с торгом в Трухменкало землю, и в китайские в крайнии города, и в Бухары, и в Казачью орду...» (Русско-монгольские отношения, 1974, с. 229).

¹⁴ В январе 1654 г. Мончак сообщил в Астрахань, что «отец де ево, Мончаков, Дайчин тайша в нынешнее зимнее время *из дальних калмыцких Улусов из сибирских мест* послал людей своих тридцать человек, а с ними приказывал, чтоб ему, Мончаку тайше, с твоими государевыми астраханскими людьми быть в миру, а войны и задору ни в чём не чинить (Преображенская П.С., 1960, с. 57). Кочевья Дайчина, как и

доходят слухи, что Дайчин вместе с Батур-хунтайджи планирует прибыть к Мончаку в Илецкие Соли (ныне Оренбургская обл.) для дальнейших совместных набегов на русские «украинные города и волости»; в 1655 г. он посылает из Джунгарии (как считал Ю. Лыткин) послов в Москву с письмом, послужившим основанием для подписания в этом же году шерти от его и Мончака имени; в 1656 г. (по И.Я. Златкину) он кочует в Джунгарии «на Булгайн Усун Худжирту, где Аблай в это лето выстроил храм (известный Аблай-кит). Здесь же кочевал Дайчин торгоутский... У Аблая был сделан великий пир в присутствии хутукты. Дайчин торгоутский пригласил кюре (Зая Пандиту) и отправился домой...» (Богоявленский С.К., 1939, с. 67-71; Русско-монгольские отношения, 1959, с. 145, 189-190, 205-210, 221-223 и др.; Русско-монгольские отношения, 1974, с. 92, 180, 228-300, 234, 261, 232-235, 378, 400; Митиров А.Г., 1998, с. 71; Биография Зая-пандиты, 1969; Колесник В.И., 2002, с. 44-46; Златкин И.Я., 1964, с. 211).

В 1657 году подпись под шертью ставит не он, а Мончак, поэтому сомнительно, что дед Аюки был в это время на Волге. Правда, в этом же году крымский хан присылает Дайчину и его сыну Мончаку письмо, но и этот факт не гарантирует присутствия Дайчина в Поволжье. Лишь в 1658 г. он реально проявил себя на Волге, когда разгромил своего брата Лаузана, не желавшего подчиняться ему и России, а также в 1661 году, когда Дайчин заключил вместе с Мончаком договор с И. Гороховым о совместном походе с русскими войсками на Крым. Предшествующие годы Дайчин проводит в Джунгарии, Средней Азии, на Южном Урале и в Тибете, но не гостит там, а, как видно из источников, имеет кочевья возле территории Аблая. Вскоре после прибытия на Волгу Дайчин в 1661 году, как считается, сдал полномочия сыну Мончаку, ссылаясь на старость, но в 1662-1664 гг. он вместе с Аюкой находился в Башкирии, проводил активную политику и противостоял своему сыну Мончаку в его политике подчинения России (Колесник В.И., 2002, с. 90). Однако Эвлия Челеби застал в начале 1667 года Дайчина вместе с Мончаком в Заволжье (Эвлия Челеби, 1961, с. 849-851). В 1671 году Дайчин попал в плен к Аблаю и был отправлен в Тибет. Дальнейших сведений о его жизни и кончине мы не имеем.

Сведения о Мончаке появляются с 1653-1654 гг., когда он находился в Илецких Солях на Киил-реке (ныне г. Соль-Илецк) в 2-х днях пути от Яика и в 10 днях от Уфы. Как уже упоминалось, здесь он ожидал из дальних кочевий отца – Дайчина и тестя Батур-хунтайджи для совместного военного похода (Русско-монгольские отношения, 1974, с. 400). Этот набег на русских не состоялся, возможно, из-за смерти Батур-хунтайджи, а после 1655-1657 гг. ойрат-калмыки получили законное право кочевать по Волге. После этого Мончак-тайша кочует, преимущественно, в Поволжье.

Документальные сведения о пребывании Аюки в Средней Азии мы имеем за 1657 год, когда в Тобольск прибыло посольство от тайшей: «от Аблая и от сына ево Аюки, от Ирки, от Тархана, от Ишкепа, от Алдара, от Малая, от Даена с сыном, от Зорокту, от Даши тайши... от всекого тайши по два человека...» (Златкин И.Я., 1964, с. 207, ссылка на ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стлб. 535, л. 62). Аюка ошибочно назван сыном Аблая, но речь идёт именно о нём, т.к. кочевья Аблая, Дайчина и, вероятно, Аюки в это время находились по соседству. Если бы Аюка родился в 1642 г., то в 1657 г. ему было бы 15 лет. Маловероятно, что в этом возрасте он мог проводить самостоятельную политику. В 1662-1664 гг., во время башкирского восстания, Дайчин и Аюка вместе кочевали на Яике, куда к ним приезжал в 1663 г. посол Пётр Шубников. Надо полагать, они заняли территории кочевий, принадлежавшие до этого Мончаку, перебазировавшемуся на Волгу. Аюка в это время распоряжался землями в верховьях Яика, так как влиятель-

Аблая, в это время находились в верховьях Иртыша, в 3-х днях пути от г.Тара, то есть, географически в южной Сибири (рис. 5).

нейший ногайский тархан Иш-Мухаммет Девлетбаев признал над собой его власть и получил от него кочевья вверх по Яюку (Колесник В.И., 2002, с. 90).

На Волге Аюка появлялся в 1667 году, когда он поставил подпись под шертью за себя и отца Мончака (Костенков К.И., 1870; 1996, с. 435-436).

При этом ещё в начале января 1667 года, когда в стане Дайчина и Мончака гостил Эвлия Челеби, ни о ком из детей Мончака не сообщается, если не брать в расчёт рассказ Челеби о заупокойном ритуале, совершённом в это время по смерти одного из сыновей Мончака. В 1671 г. Аюка разгромил в Прииртышье или на Алтае Аблая, захватил его улусы и после этого окончательно перекочевал на Волгу.

То, что кочевья Дайчина и Аюки (улус, аймак или хотон) в период правления Шуньчжи находились в непосредственной близости от кочевий Аблая, может иметь значение для понимания пути, по которому китайский амулет попал на Волгу, а также роли Дайчина и Аюки в дальних улусах, т.е. в Средней Азии и Джунгарии в этот период. Кочевья Аблая в 1640-х гг. находились между оз. Зайсан и Балхаш. Через эти кочевья проходила дорога из России в Китай, и услугами Аблая пользовались в это время все посольства и караваны из России. По этой причине, когда в декабре 1668 г. в Москву прибыло посольство от Аблая и его сына Чагана, ему придавали настолько большое значение, что уже в день приезда послы были «у великого государя на дворе на приезде и видели его государские пресветлые очи», а поденный корм им дали в два раза больше, нежели другим послам. В документе говорится о заслугах Аблая перед Россией в оказании помощи российским караванам, направляющимся в Китай и, что для нас важно, «...Аблаи-тайша и сын его Чаган кочуют на Булане, а от *Мончакова* кочеванья до Аблаева 2 месяца ездю. А за *Аблаем Тайчина-тайши* дочь. Скорым ездом от Тобольска до Аблаева кочеванья 15 дней, а от Тары ходу 3 дни. А Бухарской земли [Вост. Туркестан] к Абалу-хану [Абдаллах-хану] 15 дней, к Еркеню месяц, а бухарские ханы Аблаю-тайше дань дают, а к Мугальскому царству ходу месяц...» (Славянская энциклопедия, 2004).

Сын Дайчина Мончак находился в 2-х месяцах пути от Аблая, то есть на Волге, а дочь Дайчина за Аблаем. Смысл этого указания можно понимать двояко: дочь Дайчина замужем за Аблаем или кочует за Аблаем, так как она упоминается в контексте указаний на расстояния от его ставки до наиболее значимых центров. Этот документ отражает значение, которое имел Аблай для России в торговых делах, а перечень направлений и расстояний подчёркивает, что тайша хошеутов занимал центральный торговый узел (рис. 8). Для нас важно, что кочевья Дайчина и Аюки находились на основной дороге из России в Китай. Отметим и то, что посольство от Аблая прибыло в Москву в декабре 1668 года, а через 2,5 года после этого Аюка разгромил Аблая, пленил его вместе с сыном, а их улусы присоединил к своим.

Выводы, полученные в результате анализа нарративных источников, полностью подтверждаются и картографическими данными. На карте «Тартарии» Николааса Витсена на территории Джунгарии южнее г. Тара к востоку от р. Иртыш и озёр Бараба и Зайсанг отмечена «орда *Контайши*», *Аблай* – «*принц калмыков*» и *Далайчидан* (Дайчин?). Имя Аюки здесь отсутствует, но сохраняется имя погибшего в 1444 г. на Сев. Кавказе Хо-Урлюка (рис. 2).

На другом варианте карты Витсена нанесено имя Аюки. Вверх по течению р. Иртыш на левом берегу показана *земля наследника Аблая*, а напротив - «*Контайши* калмыцкого». Вниз по течению в месте слияния двух рек к юго-востоку от *Аюки* расположен *Аблай*. Сохраняются имена *Контайши* (Батур-хунтайджи) и *Далайчинхан* (Дайчин) (рис. 3). Картам Н. Витсена можно доверять как источнику. Первое упоминание в печати о его карте относится к 1680 г. Издана она позже, а материалы, которые легли в основу её создания, датируются, преимущественно, 50-60-ми гг. XVII в. Витсен

писал, что «особенно полезной была небольшая, резанная по дереву карта Сибири, сделанная по приказу царя Алексея Михайловича заботами сибирского воеводы Петра Ивановича Годунова». Карта охватывает северные области от Новой Земли до Китая, то есть речь идёт о чертеже Сибири 1667 г. (Витсен Н., 2010, предисловие). Голландец отмечал, что имел дело «с многочисленными... чертежами каждой местности или реки». Витсен очень ценил эти чертежи, потому что они были сделаны «самими жителями или их соседями, собственным опытом, без помощи каких-либо их предшественников...» (Витсен Н., 2010, предисловие). Большинство из них были выполнены в виде «путевых полос». И еще больше он имел «росписей» - описаний этих чертежей. Б.П. Полевой недавно установил, что среди них имелись и многочисленные подробные, так называемые «чертежи с урочищи», которые служили «прилогами» не только к общему чертежу Сибири 1667 г., но и к другим общим чертежам Сибири. Видимо, Витсен знал и чертеж Сибири 1673 г., и его «прилоги» – «чертежи в подвоение ясаку». Наконец, весьма многие сведения для своей карты он смог извлечь из тех многочисленных письменных источников, основная часть которых была им опубликована в труде «Северная и восточная Татария» 1692 г. (Витсен Н., 2010). Все сказанное позволяет понять, почему Н. К. Витсену удалось издать большую карту Татарии с таким множеством самых разнообразных сведений о Сибири (Полевой Б.П., 1973).

На карте «Великой Тартарии» Гийома де Лиля, составленной в 1706 году, указан г. Тара, южнее *земля Аблая* (Terres de Ablay) и крепость Берке – «резиденция Аблая, принца калмыков», к востоку – *Сенге* (Sengioe resi[dence] de kol[mouc], ниже *орда дербетов* (djrjetsig H[ord]), а под ним народ *торгоуты* (Peoples Torgouti). Где обозначены торгоуты, там указана и ставка *Аюки* (Aïokus) (рис. 4). На этой карте точно отражена ситуация в Джунгарии в хронологическом интервале между смертью Батурхунтайджи и отъездом Аюки на Волгу. Карта насыщена топонимами, этнонимами и именами. При этом ставка Аблая показана на перекрёстке важнейших торговых путей. Здесь отсутствуют персонажи, сошедшие с исторической сцены (например, Контайша), нет Дайчина, но не присутствуют и лидеры 80-х гг. XVII в (нет, например, Галдана); ни в обозначениях, ни в подписях нет путаницы. Эта карта соответствует ситуации второй половины 50-х гг. XVII века. Ошибочно обозначен только Хо-Урлюк, сведений о смерти которого в походе на Северный Кавказ картограф не имел.

Дополнительную информацию даёт карта, составленная по заданию Петра I пленными шведскими офицерами в 1720-1725 годах (рис. 5). Она меньше других насыщена этнонимами и именами тайшей. По-прежнему в Джунгарии обозначена ставка Контайши (Батурхунтайджи), но имена Хо-Урлюка, Дайчина и Аблая отсутствуют. Ставка Аюки помечена в междуречье Волги и Урала, а Саратов расположен на левом берегу. Топографическая ситуация на карте совпадает с обстановкой между 1672 и 1674 гг.

Можно сделать вывод, что до смерти Мончака Аюка, если и бывал на Волге, то лишь наездами из Джунгарии, чтобы оценить обстановку и подготовить окончательную перекочёвку сюда улуса Дайчина. Ситуация в Центральной Азии к этому времени заметно ухудшилась, а на Волге становилась всё более благоприятной. Россия поощряла расселение калмыков не только в левобережье Волги, но и далее на запад, так как размещение калмыцких кочевий на правобережье Волги создавало заградительный кордон от нападений с юга на русские пределы. Русское правительство, начиная с 60-х гг. XVII в., стало уже более доверительно относиться к калмыцким тайшам и признавать их заслуги, в знак чего в 1664 г. им было отправлено русское военное знамя. Это значит, что калмыцкое войско было признано составной частью русской армии. В декабре 1664 г. тайша Мончак получил царскую грамоту, которая «похваляла» калмыков за то, что они перешли на «нагорную сторону Волги». Как упоминалось, в январе 1667 г. Мончака и Дайчина ещё застал в живых Эвлия Челеби, но Аюки при них не было. Однако в том же

году договор с Россией заключали уже не они, а Аюка. В.М.Бакунин позже писал: «Пунцук (Мончак) вёл войну с зенгорцами и с прочими хошоутами [то есть с Аблаем] и не окончив оную, умре *около* 1669 года, поруча по себе правление калмыцкого народа старшему своему сыну Аюке...» (Бакунин В.М., 1995, с. 25). Фактически с этого времени сын Мончака стал управлять поволжскими калмыками, но потребовалось ещё несколько лет, чтобы подавить центробежные силы.

При Аюке шла массовая миграция калмыков на Волгу. По сведениям «Краткой истории калмыцких ханов», во время правления Аюки, то есть после 1669-71 г., к нему прибыли в разное время: «Дорчжи Рабтан, родная его тетка, прибыла из Зюнгари с 1000 подвластных и, присоединившись к своему племяннику, увеличила Калмыцкий улус. Дербетский владелец Солом Церен тайши в году Модон Барс (1674) прибыл на Волгу с 4000 кибиток (около 20 тыс. человек) подвластных и, подчинившись Аюке тайджию, увеличил его силу... Беспрерывные войны и смятения, происходившие в Зюнгари, были причиною того, что ойраты, именуемые хара халимак (черные калмыки, теленгиты), с Цаган Батур тайчжием перекочевали из Зюнгари в Россию в году Гал Барс (1686) и были поселены при р. Ахтубе». Аюка тоже не сидел на одном месте: «... Он ездил в Зюнгарию и привел на Волгу тех торгутов, которые оставались в Зюнгари...», то есть, вероятно, людей из улуса своего деда Дайчина, а теперь своих поданных. Интересно, что именно эту последнюю волну миграции китайцы считали собственно переселением калмыков на Волгу (Златкин И.Я., 1964). Это ещё не полный перечень массовых переселений ойрат-калмыков на Волгу.

Не исключено, что китайский амулет мог попасть на Волгу с кем-то из этих переселенцев. Следует отметить, что китайские посольства в XVII веке Нижнее Поволжье не посещали и не могли доставить сюда амулет, но через Среднюю Азию и Джунгарию, где в период Шуньчжи располагались Аюка и его дед Дайчин, проходили, как уже говорилось, торговые пути в Китай. По этой причине амулет мог быть оставлен торговцами и посольскими караванами в качестве подарка. Ещё чаще в Китай ездили сами ойраты и калмыки, где вели себя не всегда корректно. Их посольства и торговые караваны составляли до 3000 человек, которые под видом дипломатической миссии занимались в Китае грабежами и разбоем. Кроме того, такие «посольства» направлял чуть ли не каждый тайша, в результате экономика и население Китая несли большие потери. В период правления второго маньчжурского императора Китая Сюань Е династия Цин прочно утвердилась у власти, окончательно подчинив себе весь Китай, подавила последние очаги сопротивления на юге и могла давать отпор таким «гостям». В 1683 году, например, богдыхан Сюань Е вежливо указал хану Галдану на эти безобразия и запретил пускать за Китайскую стену посланцев более чем по 200 человек (Бичурин Н.Я., 1854, с. 67-68). Кроме посольств Галдана, ограничиваются и представительства других тайшей, среди которых имеется Аюка: «Да и от тех владельцев, которые без твоих (Галдана) пашпортов сами от себя присылают к нам дань, а имянно – от элетского владельца Гарма-Данцин-Хошоуция, от хошотского владельца Борокудзи-тайши, от дербетского владельца Алдар-тайши, от торгутского владельца *Аюки-тайши*, присылаемых послов свыше 200 человек на границах наших пропущено не будет» (Митиров А.Г., 1998, с. 92). Из этого видно, что, кроме джунгаров, элетов и чоросов (родственников хана Аюки по матери), в Пекин ходят в большом составе и посольства калмыков – хошеутов, дербетов и торгутов самого Аюки.

В период Шуньчжи, когда Аюка находился ещё в Джунгари, одно из таких посольств могло привезти интересующий нас амулет. Послы калмыков везли богдыхану дары и получали подарки в ответ. Рядовому члену посольства амулет такого высокого достоинства, как найденный в Энгельсе, подарить не могли, а кому-либо из высокородных тайшей – могли. О том, что дед Аюки Дайчин, а может быть, и он сам, бывали в

Китае, мы можем судить по запискам Н.Витсена, сделанным в Москве в 1664 году. Н.Витсен расспрашивал встретившихся ему здесь калмыцких послов о восточных землях, и они сообщили голландцу, что у них есть братья, которые бывали в Индии, Китае и других странах. Кроме того, Н.Витсен тайно встречался с калмыцким тайджи, который находился под арестом и попал в Москву после того, как был предан дядей и сдан русским войскам. Тайша утверждал, что ещё молод и мало знает о других странах, что касается его владений, его страна простирается от Волги до «Могол», а та до Китая. Отец и дед ездили в Китай и там видели таких же людей, как Витсен (западноевропейцев). Звали калмыка «тайчжи Йалба Доис». По его словам, он сменил своё имя после продолжительной болезни. Йалба, как поясняет голландец, это его новое имя, а Доис – имя отца (Витсен Н., 1996, с. 102-107, 123-126). Очевидно, что Витсен общался с Манжи-Ялбо, одним из старших внуков тайши Дайчина (Тепкеев В.Т., 2009, с. 11-15), и его свидетельство, что отец и дед бывали в Китае, является прямым подтверждением, что Дайчин посещал Китай и, следовательно, мог привезти оттуда найденный в Энгельсе амулет. При этом маловероятно, что данный предмет был отобран калмыками у кого-нибудь из китайцев-простолюдинов, так как иметь вещи с императорской символикой им запрещалось под угрозой смертной казни.

Даже в случае, если этот амулет попал на Волгу не с самим Аюкой, а с другими переселенцами-калмыками, трудно предположить, что хан не знал о нём. Аюка, выросший в Джунгарии и общавшийся с китайскими посольствами, человек любознательный, по словам китайского посла Тулишена, расспрашивавший членов посольства в 1714 году о деталях китайских обычаев и традиций, не мог не знать основное значение государственной символики императоров Цин.¹⁵ Хан должен был воспринимать амулет как могущественный талисман и символ единой верховной власти. Поэтому трудно предположить, что Аюка мог допустить, чтобы кто-то при нём обладал амулетом с императорской символикой, то есть атрибутом единоличной власти.

После смерти хана Аюки в 1724 году и Петра I в 1725 году Россия на десятилетия приостановила экспансию на юг. Значение Саратова в качестве связующего звена и центра взаимоотношений с калмыками снижается, а калмыцкий базар, располагавшийся на территории нынешнего г.Энгельса, постепенно приходит в запустение. В 1747 году в результате указа императрицы Елизаветы о постройке соляных амбаров в этой местности возникает Покровская слобода в качестве перевалочной базы для транспортировки соли с озера Эльтон в Центральную Россию. Ведущая роль во взаимоотношениях с калмыками возвращается к Астрахани.

Подводя итоги, заметим, что с 1630 по 1655 год нельзя говорить о волжских калмыках, так как на Волге они бывают лишь эпизодически и только несколькими улусами. С 1655 по 1672 годы калмыки осваивают берега преимущественно в дельте Волги и по Ахтубе. В это время кочевники ещё неразрывно связаны с ойратами Джунгарии, и волжские калмыки являются неотъемлемой частью ойрато-калмыцкой этнической общности. Они постоянно перемещаются по территории от Тибета и Сибири до Северного Кавказа, и с уверенностью говорить, в какой момент те или иные кочевые улусы являются волжскими, а в какой нет, практически невозможно. С 1672 по 1692 год, в правление Аюки, в Поволжье формируется Калмыцкое ханство. В 1692 году оно

¹⁵ В литературе не раз возникал вопрос о грамотности хана Аюки. В связи с тем, что под договорами он не ставил подпись, а только печать, в то время как его более молодые соратники ставили подпись, сложилось мнение, что Аюка не владел грамотой. Имеются и такие объяснения, что он не подписывался из политических соображений. Если признать, что Аюка родился в 1630-34 гг., то в момент создания Зая Пандитом «ясного письма» в 1648 г. Аюке было более 18 лет, и переучиваться со старомонгольского алфавита на новый ему было сложно. Кроме того, Аюка наверняка знал, что китайские императоры, которым тайши старались подражать в причёске, одежде и в поведении, никогда на указах не ставили подпись, а только печать (Сидихменов В.Я., 2004, с. 25).

оформляется фактически и юридически и существует до 1771 г. при хане Аюке и его наследниках.

Аюка-хан, вероятнее всего, родился не в 1647 году, как утверждалось в энциклопедиях конца XIX-начала XX в.в. и в Большой Советской Энциклопедии 1951 г., но также и не в 1642 г., как указывается в современных энциклопедических изданиях и литературе, а при жизни Хара-Хулы – до 1634 года, как считал Иакинф Бичурин, то есть, когда часть торгоутов начала переселение в сторону Волги. Так, Н.Н.Пальмов отмечал: «Совершенно приходится отвергать прежние взгляды, будто калмыки пришли на Волгу, обосновались здесь в 1628, 1630, 1632 и т.д. годах. Оснований для таких взглядов нет» (Пальмов Н.Н., 2007, с. 371). Тайша Шукюр-Дайчин совершал походы в Заволжье в 1633-1635 гг., но отец Аюки тайша Мончак в это время самостоятельной роли не играл и в документах не значится, хотя, вероятно, он участвовал в походах и оставил жену с малолетним сыном у тестя в Джунгарии. Возможно, Мончак в Джунгарию так и не вернулся в связи с обострившейся борьбой за власть между различными ойратскими группировками. Малолетний Аюка по-прежнему воспитывался в Джунгарии у матери и деда Батур-хунтайджи, умершего в 1654 г. Сведения о деде Аюки по отцовской линии тайше Дайчине в течение пяти лет между 1646 и 1652 гг. отсутствуют. Вероятнее всего, в это время он находился в Тибете, где светскую и военную власть осуществляли родственные ему хошеуты. Богомолье явно затянулось, что не вяжется с характером деятельного и амбициозного политика Дайчина. Объяснением может быть предполагаемое участие деда Аюки в тибетско-хошеутовских посольствах в Китай этого времени, где он мог получить в дар амулет времён правления Шуньчжи.

До смерти Батур-хунтайджи Аюка, вероятно, пребывал на территории его кочевий, а в 1654-56 годах переместился к Дайчину, который в 1657 г. ещё находился близ верховий Иртыша. В начале 1660-х гг. Дайчин и Аюка кочевали в верховьях Яика. Поэтому предание, что Дайчин привёз на Волгу малолетнего Аюку в 1655 году, является лишь легендой. Дайчин и Аюка имели в Средней Азии и на Южном Урале свои улусы до 1672 года, когда Аюка стал фактическим властителем волжских калмыков, перевёл на Волгу живших на «дальних кочевьях» торгоутов и привлёк к себе остававшиеся там улусы. Кочевья Аюки и Дайчина в Джунгарии были расположены на основной дороге из России в Китай. Между 1657 и 1668 гг. Аюка мог, находясь на своей территории, сам бывать в Китае или посылать туда своих людей. Даже окончательно обосновавшись на Волге в 1671 г., Аюка не только продолжал участвовать в жизни Джунгарии, но и поддерживал не прерывающиеся контакты с Китаем (Китайские документы и материалы..., 1994, с. 60).

Таким образом, китайский амулет времён Шуньчжи мог оказаться в окрестностях Саратова в широких хронологических рамках между 1655 и 1771 годами, но наиболее вероятно – в период с 1715 г. по 1724 г., когда Аюка размещал здесь свою летнюю ставку. Найденный в Энгельсе китайский амулет мог быть привезён на Волгу как самим ханом Аюкой или кем-то из его ближайшего окружения, так и другими переселенцами из Джунгарии. В любом случае, велика вероятность, что Аюка знал об этом предмете, каким-то образом соприкасался с ним, а возможно, являлся его хозяином.

Литература

- Абулгази-Баядур-Хан*. Родословная история о татарах. Пер. с фр. В. К. Тредиаковского: в 2 т. Репринтное издание 1768 г. СПб., 2010.
- Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995.
- Биография Зая-пандиты // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе.* Элиста, 1969.

- Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1854.
- Бруин, Корнелий де.* Путешествие через Московию. М., 1873.
- Богоявленский С.К.* Материалы по истории калмыцкого народа в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1939. Т.5.
- Белевы путешествия* через Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Ч. 1., Ч.4.
- Быков А.А.* Монеты Китая. М., 1969.
- Витсен Николаас.* Северная и Восточная Тартария. Амстердам, 2010. Т. I.
- Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И.Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М., 1966.
- Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635-1758). М., 1964.
- История калмыцких ханов* // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники.. Элиста, 2003.
- Китайские документы и материалы* по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV-XIX вв. Алматы, 1994.
- Костенков К.И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870.
- Костенков К.И.* Калмыки // Мифы древней Волги. Саратов, 1996.
- Котвич В.Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия Российской Академии Наук. VI серия. СПб., 1919. Т. 13, вып. 16-18.
- Кушева Е. Н.* Сказки Генерального двора как источник по истории городов Поволжья на рубеже XVII–XVIII вв. // Города феодальной России. М., 1966.
- Кычанов Е.И.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Элиста, 1999.
- Максимов Е.К., Мезин С.А.* Саратов Петровского времени. Саратов, 1997.
- Максимов Е.К., Мезин С.А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010.
- Митиров А.Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998.
- Моисеев А.И., Моисеева Н.И.* История и культура калмыцкого народа (XVII-XVIII вв.). Элиста, 2006.
- Николаас Витсен.* Путешествие в Московию. СПб., 1996.
- Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию. М., 1996.
- Пальмов Н.Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007.
- Полевой Б.П.* О картах Северной Азии Н.К. Витсена // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая. 1973, № 2.
- Походный журнал 1722 года.* СПб., 1855.
- Преображенская П.С.* Из истории русско-калмыцких отношений в 50-60-х годах XVII века // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1.
- Решетов Д.Г.* Последние кочевники // Саратовское озеро. Мифопоэтический атлас. Энгельс, 2007.
- Россохин И. К.* Описание путешествия, коим ездили Китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб. Июнь, № 6, № 10, 1764.
- Русско-монгольские отношения.* 1607-1636. Сборник документов. М., 1959.
- Русско-монгольские отношения.* 1636-1654 г. Сборник документов. М., 1974.
- Сергеева О.В.* Первые крепости // Саратовское озеро. Мифопоэтический атлас. Энгельс, 2007.
- Сидихменов В.Я.* Маньчжурские правители Китая. Минск, 2004.
- Словарь-справочник «Слова о полку Игореве».* Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1. М.-Л., 1965.
- Славянская энциклопедия.* XVII век. М., 2004. Т. 2.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1998. Т.18.
- Тепкеев В.Т.* Манжи-Ялбо и борьба за власть в правящем доме торгоутов в начале 60-х гг. XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. История, этнология и религиоведение. 2009. № 1.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. III.
- Хайжуй Ли, Линъюй Фэн, Вэйминь Ши.* Китай. Знакомство с древней культурой. Исторический путеводитель. М., 2007.
- «Шара-Туджи»* - монгольская летопись XVII века. Сводный текст, пер., введение и примеч. Н. П. Шастинной. М.-Л., 1957.
- Шкода К.И.* Очерки истории города (главы из неопубликованной работы). // Сообщения Энгельского краеведческого музея. Сборник научных трудов. Вып. 8. Саратов, 2010.
- Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. М., 1961.
- Эрдниева У.Э., Максимов К.Н.* Калмыки. Элиста, 2007.

Рис. 1. Китайский амулет из г.Энгельса.

Рис. 2. Фрагмент карты «Тартарии» Николааса Витсена, составленной по документам 1650-х-60-х гг. Здесь на территории северной Джунгарии отмечены орда Контайшии, «Аблай - принц калмыков» и Далайчидан (Дайчин). Имя Аюки отсутствует

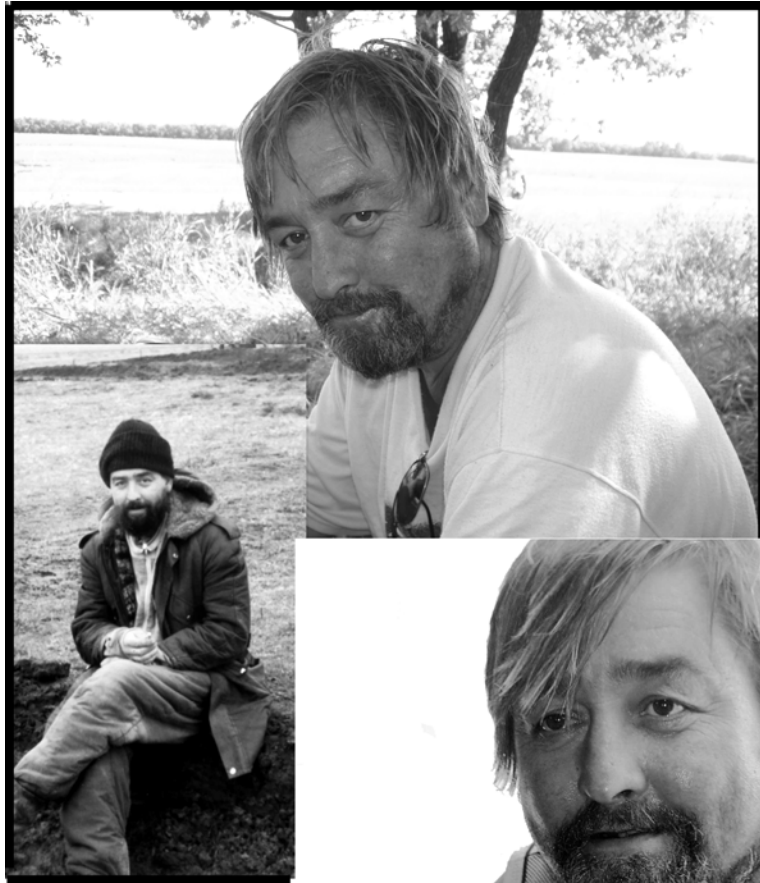
Рис. 3. Фрагмент варианта карты «Тартарии» Николааса Витсена. Здесь появляется имя принца Аюки, а Аблай уже не «принц», а «принципатус». Сохраняются имена Контайши (Батур-хунтайджи) и Далайчинхан (Дайчин)

Рис. 4. Фрагмент карты «Великой Тартарии» Гийома де Лиля 1709 г. Здесь к югу от ставки Аблая сохраняется имя Аюки, но отсутствует имя Дайчина

Рис. 5. Фрагмент «карты Петра I», составленной, вероятно, в 1720-1725 гг. пленными шведскими офицерами в Сибири. Саратов находится на левом берегу, а ставка хана Аюки – в междуречье Яки и Волги

**ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА МАТЮХИНА
(1.02.1964 – 17.05.2011)**

17 мая 2011 года после тяжелой продолжительной болезни ушел из жизни Александр Дмитриевич Матюхин, саратовский археолог, известный своими успешными полевыми исследованиями в Поволжье, Подонье и Калмыкии.

А.Д.Матюхин родился 1 февраля 1964 года в г. Саратове. В 1986 году он закончил исторический факультет Саратовского госуниверситета и после непродолжительной работы в сельской школе, как тогда и было заведено, пришел работать в Научно-исследовательскую археологическую лабораторию Саратовского государственного

университета. Пришел уже состоявшимся специалистом, так как имел опыт работы в экспедициях еще со школьных лет, и все пять лет обучения в университете был наиболее активным членом археологических экспедиций. Первый раз Александр попал в экспедицию еще будучи школьником, в 1975 году и с тех пор «заболел» археологией.

Пройдя хорошую полевую школу и получив теоретическую базу за время обучения на историческом факультете в СГУ, Александр с головой окунулся в полевые работы. Каждый свободный от хозяйственных работ день он старался посвятить инициативным полевым исследованиям. Одна из его первых научных работ, опубликованная в 1992 году – «Сарматские памятники I-IV вв. Саратовского Правобережья (краткий обзор материалов)», определила круг его основных интересов на годы вперед. Вся научная деятельность А.Д.Матюхина была направлена в первую очередь на изучение раннего железного века Поволжья, а конкретнее – истории поздних сарматских племен в пограничье степи и лесостепи. Для исследований был выбран микрорегион на Правобережье Волги – бассейн реки Карамыш (левый приток р. Медведица), где им в течение 90-х годов прошлого века и начале нынешнего были исследованы десятки курганов.

Планомерные полевые работы приносят закономерный успех, и за это время А.Д.Матюхиным была исследована серия интереснейших позднесарматских захоронений в районе с. Б.Дмитриевка и с. Двоенка. Особенно в свое время привлекло внимание хорошо сохранившееся и не разграбленное захоронение знатной сарматки с богатым погребальным инвентарем в кургане 13 Большедмитриевского могильника. Погребение содержало не только уникальный набор украшений (золотые пронизи, медальоны, фибулы и серьги со вставками сердолика и граната, янтарные бусы и др.), но и набор импортных бытовых предметов, показавших широкие торговые связи местного населения с Северным Причерноморьем, Средней Азией и Западной Европой.

Итоги исследований сарматских древностей были отражены в ряде научных публикаций. Исследованные позднесарматские захоронения позволили А.Д.Матюхину сделать вывод, что в отличие от лесостепного Подонья сарматы Правобережья Волги сохранили свой «степной» облик и подвижный тип хозяйства, а наличие многочисленных импортных предметов указывает на сохранившиеся связи с западноевропейскими и северокавказскими центрами производств и после готского нашествия.

Но в процессе раскопок курганов всякий исследователь помимо интересующего его материала, закономерно исследует захоронения и других эпох. И здесь удача не миновала А.Д.Матюхина. В курганах у сел Большие Копены, Быковка, Белогорье, Двоенки, Золотая Гора исследованы погребения всех этапов бронзового века, в том числе погребение катакомбной культуры в кургане 4 Большая Дмитриевка-II с прекрасным образчиком прикладного искусства – литым бронзовым топориком с пышным орнаментом, который украсил обложки нескольких сборников научных трудов. Раскопки А.Д.Матюхина в окрестностях села Большая Дмитриевка значительно пополнили источниковую базу эпохи средней бронзы лесостепного Правобережья Волги. Из многочисленных погребений срубной культуры, исследованных Александром в Поволжье, наибольшую известность приобрел раннесрубный курганный могильник Золотая Гора, содержащий погребения воинов-колесничих с наборами псалиев. Результаты раскопок этого могильника нашли отражение в монографии «Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное».

В смутные девяностые годы, после распада НИИАЛ СГУ, Александр, как и многие другие саратовские археологи, был приглашен работать в Калмыкию, где зарекомендовал себя как универсальный специалист-полевик. Практически все последние годы его жизни и деятельности были связаны с экспедициями в южных регионах России, где ему также посчастливилось сделать ряд интересных находок в курганных могильниках эпохи бронзы и раннего железного века.

Однако связь с родной землей не прерывалась. В 2003 году А.Д.Матюхин проводит масштабные работы в Лысогорском районе, в окрестностях села Большие Копены, ниже впадения в Медведицу р. Карамыш и неподалеку от с. Большая Дмитриевка, его излюбленного места раскопок. Исследованные здесь памятники относились к средней и поздней бронзе. Александр подготовил к печати большую работу по итогам раскопок у с. Большие Копены, но не успел ее опубликовать.

В полевой работе Александр был неутомим, каждый курган исследовался досконально, горизонтальными зачистками проверялись малейшие подозрения на могильные пятна, а уж в зачистке погребений ему не было равных, он мог часами не отрываться от работы. С таким же рвением и упорством он производил археологические разведки. Здесь его «коньком» были поиски курганов на автомобиле, которые начинались ранним утром и заканчивались обычно с наступлением сумерек, когда уже нельзя было производить фотосъемку.

Александр отличался общительным, добрым характером, внимательным к членам экспедиции, он всегда был душой компании и многим запомнился своими песнями, когда он мог сесть прямо на землю, осмотреть всех исподлобья веселым прищуренным взглядом, ударить по струнам и запеть своим мягким голосом. Это был человек, для которого как нельзя лучше подходит определение «археология – это не профессия, это – образ жизни». Он и жил в археологии с одиннадцатилетнего возраста и до конца своих дней.

Друзья и коллеги

Список научных трудов А.Д.Матюхина

Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2, с. 135-152 (в соавторстве с С.В.Ляховым).

Сарматские памятники I-IV вв. Саратовского Правобережья (краткий обзор материала) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3, с. 144-158.

Исследование курганов у с.Б.Дмитриевка // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2, с. 49-52.

Новые памятники эпох ранней и средней бронзы из курганов у сел Новая Квасниковка и Большая Дмитриевка // Древняя история Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992, с. 108-139 (в соавторстве с С.В.Ляховым).

Новое позднесарматское погребение из Саратовского Заволжья // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1993. Вып. 3, с. 65-69.

Новые памятники раннего железного века из Саратовского Заволжья // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып.1, с. 158-169.

Из истории исследования Большедмитриевского курганного могильника // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994, с. 88-93.

Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1, с. 119-139 (в соавторстве с А.И.Юдиным, А.П.Захариковым, Г.И. Касанкиным).

Курган-кенотаф раннего железного века в Саратовском Правобережье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1, с. 162-165.

Истоки сложения срубной культуры Нижнего Поволжья (по итогам исследований курганных могильников) // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996, с. 319-328 (в соавторстве с А.И.Юдиным, А.П.Захариковым, Г.И. Касанкиным).

Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2, с. 182-198.

Большедмитриевский могильник в системе сарматских древностей Волго-Донского междуречья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южно-русских степей (матер. междунар. конф.). Саратов, 1997, с. 163-166.

Погребение с псалиями из Саратовского Правобережья // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998. Вып. 6, с. 60-63.

Позднесарматские катакомбы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (тез. докл.). Ростов-на-Дону, 1998, с. 108.

Тайны «золотых курганов» // Памятники Отечества. № 3-4(40), 1998, с. 16-19 (в соавторстве с С.В.Ляховым).

Охранные исследования в Саратовском Правобережье // АО 1997, М., 1999, с. 215.

Погребение эпохи ранней бронзы у с. Белогорье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3, с. 48-52.

Формирование периферии кочевого мира в раннем железном веке // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии (матер. междунар. научн. конф.). Саратов, 2000, с. 170-173.

Исследование могильника Островной в Ики-Бурульском районе Калмыкии // Могильник Островной: Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. М.; Элиста, 2002, с. 9-105 (в соавторстве с Н.И.Шишлиной, Е.В.Цуцкиным).

Погребение мастера по металлообработке в Саратовском Поволжье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А.Городцова в Государственном Историческом музее. М., 2003. Ч. I, с. 113-115 (в соавторстве с Е.И.Гаком и Н.В.Рындиной).

Лесостепь и сарматы Правобережья Волги // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Волгоград,, 2004, с. 209-212.

Социальная структура раннесрубной культуры по материалам могильников Кочетное и Золотая Гора // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6, с. 36-50 (в соавторстве с А.И.Юдиным).

Раннесрубные курганные могильники Золотая гора и Кочетное. Саратов, 2006. 116 с. (в соавторстве с А.И.Юдиным).

Раскопки курганов на западе Ставрополя // АО 2005. М., 2007 (в соавторстве с Я. Б. Березиным, А. Л. Чухаркиным).

Кавказские импульсы у сарматских племён лесостепного правобережья Волги // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. Волгоград,, 2007, с. 117-120.

Роговая фигурная пряжка из курганного могильника Кевюды 1 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. М., 2007. Вып. VII, с. 75-84 (в соавторстве с А.А.Калмыковым).

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ САРАТОВСКОГО КРАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКОВ №№ 1 – 9

Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов, 1996. 184 с., ил.

Юдин А.И. Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году (3).

Исследования 1995 года

Захариков А.П. Стоянка Непряхино: орудия на отщепах (14).

Юдин А.И. Новые памятники энеолита-бронзы в Саратовском Заволжье (28).

Тихонов В.В. Грунтовой могильник Калач в Саратовском Заволжье (37).

Кочерженко О.В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка (53).

Ракушин А.И. Раскопки кургана у с. Давыдовки (56).

Изотова М.А. Стоянка раннего железного века у с. Куриловка (57).

Моржерин К.Ю. Раскопки грунтового могильника XIV в. в урочище Мартышкино (62).

Исследования предыдущих лет

Хреков А.А. Раннеэнеолитические памятники лесостепного Прихоперья (64).

Ляхов С.В. Уникальное погребение средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка (77).

Баринов Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье (84)

Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II (98).

Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья (119).

Лопатин В.А. Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья (140).

Моисеев О.В. Новые погребения скифского времени из курганов у с. Медяниково (158).

Матюхин А.Д. Курган-кенотаф раннего железного века в Саратовском Правобережье (162).

Семенова И.В. Доследование разрушенного кургана у д. Александровка (166).

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА МИРОНОВА (1938-1996) (178)

Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997. 256 с., ил.

Юдин А.И. Охрана и изучение археологического наследия Саратовского края в 1996 году (4).

- Захариков А.П.* Новые материалы с местонахождения Солёный Овраг (12).
- Юдин А.И.* Исследования Варфоломеевской стоянки в 1996 году (к характеристике материального комплекса слоя 2А) (16).
- Хреков А.А.* Археологические исследования в районе с. Рассказань (40).
- Лопатин В.А.* Исследование Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище Мартышкино (56).
- Тихонов В.В.* Охранные раскопки памятников эпохи поздней бронзы в Духовницком районе Саратовской области (63).
- Лопатин В.А., Хоркин Д.А.* Керамические литейные формы с поселения срубной культуры у с. Усть-Курдюм (71).
- Изотова М.А.* Курган эпохи поздней бронзы у п. Дубки (78).
- Ляхов С.В.* Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII-XIV вв. в 1996 году (79).
- Моржерин К.Ю.* Комаровский грунтовой могильник XIII-XIV вв. на р. Сердобе (97).
- Полевые исследования предыдущих лет*
- Захариков А.П.* Многослойная стоянка Непряхино (предварительная публикация) (99).
- Мамонтов В.И.* Погребение катакомбной культуры Первомайского курганного могильника (123).
- Тименков Д.М.* Погребения эпохи средней бронзы могильника Крутец (128).
- Харрис И.* Три кенотафа катакомбной культуры из курганного могильника Цаган Нур в Калмыкии (137).
- Дремов И.И.* Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы (146).
- Моржерин К.Ю.* Случайные находки на территории Саратовской области (из фондов СОМК, поступления 1980-1995 гг.) (165).
- Юдин А.И.* Сарматские погребения из курганов у с. Верхний Еруслан (170).
- Матюхин А.Д.* Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка (170).
- Лопатин В.А.* Позднесарматское захоронение из степного Заволжья (198).
- Миронов В.Г.* К вопросу о жилищах и хозяйственно-бытовых сооружениях на городечных памятниках Саратовского Поволжья (историографический очерк) (211).
- Ляхов С.В.* Новые кочевнические погребения и отдельные находки X-XI вв. Нижнего Поволжья (217).
- Касанкин Г.И.* Жилище XIV в. на золотоордынском поселении у с. Подгорное (233).
- Баринев Д.Г.* Золотоордынское поселение около поселка Шумейка (241).

Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1999. 223 с., ил.

Семенова И.В., Дремов И.И. Патриарх саратовских археологов (3).

Организация охраны памятников археологии в Поволжье

Юдин А.И. Охранные археологические работы с Саратовской области в 1997 году (13).

Назаров А.А. Археологическая карта Волгоградской области (17).

Юдин А.И. Разведки и раскопки в Саратовском Поволжье (25).

Ставицкий В.В. Некоторые итоги охранных исследований в Посурье Пензенской неолитической экспедиции (40).

Матюхин А.Д. Погребение эпохи ранней бронзы у с.Белогорье (48).
Лопатин В.А. Исследования Смеловского грунтового могильника (53).
Дремов И.И., Семенова И.В. Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов (55).
Изотова М.А. Поселение эпохи поздней бронзы у с.Нееловка (64).
Мамонтов В.И. Материалы одиночного кургана у пос. Тихоновка (64).
Хреков А.А. Культовое место Шапкино II и некоторые вопросы мировоззрения постзарубинцев Прихоперья в первые века нашей эры (74).
Расторопов А.В. Охранные исследования Садовского селища в Верхнем Посурье (1996-1997 гг.) (89).
Ляхов С.В. Охранные раскопки в Саратовском Правобережье (94).
Недашковский Л.Ф. Разведочные исследования золотоордынских памятников Саратовского района в 1993-1997 гг. (100).

Исследования предыдущих лет

Захариков А.П. Технология изготовления бифасиальных орудий нижних слоев стоянки Непряхино (108).
Юдин А.И. Многослойное поселение Кумыска на р.Торгун (122).
Тихонов В.В., Якубовский Г.Л. Новые памятники и отдельные находки киммерийского времени Саратовского Поволжья (158).
Изотова М.А. Древнерусское поселение Алмазово II (175).

Из музейных фондов и архивов

Матюхина Ю.А., Моржерин К.Ю. Поливная кашинная керамика с Укека (189).
Баринов Д.Г. Золотоордынские памятники Саратовского Поволжья по нумизматическим данным (204).
Ахтемзянов С.С., Гумаюнов С.В. Кокрятское городище (211).
Большакова Л.В. Архивные материалы об археологических памятниках Саратовского уезда (214).

Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Вып. 4. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2001, 156 с., ил.

Исследования 1998-2000 гг.

Хреков А.А. Неолитические погребения стоянки Рассказань-III (3).
Юдин А.И. Алексеевское городище в г.Саратове (22).
Лопатин В.А. Северо-восточная периферия Смеловского могильника (81).
Сергеева О.В., Хоркин Д.А. Охранные археологические исследования Саратовского областного центра дополнительного образования «Поиск» в 1998-2000 гг. (86).
Моржерин К.Ю. Исследования в окрестностях с.Кошели (108).
Недашковский Л.Ф. Раскопки Хмелевского I селища в 1999 году (118).

Исследования предыдущих лет

Дремов И.И. Ураков Бугор: материалы раннего мезолита, средней и финальной бронзы (124).
Баринов Д.Г. Древнерусские поселение и могильник у с.Калмантай (134).
Методика археологических исследований
Сингатулин Р.А. О перспективе подводных археологических исследований Волжского бассейна (142).
Памяти Д.А.Хоркина (149).

Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2003. 234 с., ил.

Полевые и камеральные исследования 2001 года

- Тихонов В.В.* Раскопки грунтового могильника Калач-1 в 2001 году (3).
Лопатин В.А. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище «Мартышкино» (материалы эпохи поздней бронзы) (10).
Сингатулин Р.А. Опытные палеофонографические исследования сарматской керамики (32).

Исследования предыдущих лет

- Юдин А.И.* Неолитическое искусство населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) (37).
Дремов И.И. Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) (72).
Григорьев В.В. Древние металлургические шлаки Степного Поволжья (94).
Хреков А.А. К вопросу о памятниках финальной бронзы Волго-Донского лесостепного междуречья (103),
Дремов И.И., Семенова И.В. Курган позднесавроматского времени у с. Березовка (129).
Баринов Д.Г., Сергеева О.В. Находки позднесарматского времени из фондов Эгельсского краеведческого музея (136).
Балановский А.В., Сингатулин Р.А., Овчинников Э.В. Новые подходы к изучению трипольской керамики (150).
Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья (157).
Бузланов С.А. Материалы к археологической карте Екатериновского района (бассейн р. Сердоба) (220)

Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 6. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. 80 с., ил.

- Сергеева О.В.* Раскопки грунтового могильника ямно-катакомбного времени около с.Шумейка (3).
Хреков А.А. Тростянский курган и некоторые вопросы древней истории Волго-Донского лесостепного междуречья (5).
Дремов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В. Широкий Карамыш, курган 4 (20).
Юдин А.И., Матюхин А.Д. Социальная структура раннесрубного общества по материалам могильников Кочетное и Золотая Гора (36).
Лопатин В.А., Четвериков С.И. Курганная группа у села Варыпаевка (51).
Игнатова М.Е., Лопатин В.А. Пиктограмма с хтонической мифологемой на керамическом сосуде из Смеловки (66).
Сингатулин Р.А. Археологические разведки на территории поселка Увек и близлежащей акватории Волгоградского водохранилища в 2002 г. (71).

Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. 124 с., ил.

- Юдин А.И.* Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите (3).
- Лопатин В.А., Четвериков С.И.* Исследования курганного могильника «Мессер V» на севере Волго-Донского междуречья (23).
- Тупалов И.В., Африканов Ю.А.* Курган эпохи бронзы «Суворовский-1 (52)
- Хреков А.А.* Поселение инясевского типа у озера Разнобрычка в лесостепном Прихоперье (59).
- Сингатулин Р.А.* Палеофонографические подходы при исследовании раннесредневековой керамики (66).
- Сергеева О.В.* Находки средневекового времени из разрушенного погребения у с. Смеловка (72).
- Сингатулин Р.А.* Археологические исследования на Увекском городище в 2004 г. (76).
- Браташова С.А.* К вопросу о планиграфии Укека (91).
- Пигарёв Е.М.* К вопросу об исследовании «Чертова городища» (98).
- Кубанкин Д.А., Мальшиев А.Б., Тугушев П.Е.* Разведки на севере Саратовского района Саратовской области в 1998-2005 гг. (103).
- Волков В. А.* Саратовская ученая архивная комиссия и охрана памятников археологии в Нижнем Поволжье (111).

Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. 194 с., ил.

- Малов Н.М.* Задано-Авилковский энеолитический могильник (по материалам раскопок И.В.Синицына) (3).
- Мальшиев А.Б.* Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2006-2007 гг. (16)
- Тупалов И.В.* Курган эпохи бронзы у г.Ртищево (38).
- Юдин А.И.* Курганы у с.Мокрое (48).
- Лопатин В.А.* Поселение у с. Нижняя Красавка (по раскопкам 2007 года) (70)
- Хреков А.А.* Сарматские памятники лесостепного Прихоперья (94).
- Ляхов С.В.* Костяные накладки сложносоставного лука из погребений хазарского времени Егорлык-Калаусского междуречья (107).
- Хреков А.А.* Постзарубинецкое поселение инясевского типа у с. Подгорное (113).
- Дремов И.И.* Исследования на Шумейском городище в 2006 г. (122).
- Пантелеев С.А.* Чертово городище (137).
- Сингатулин Р.А.* Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. (140).
- Кубанкин Д.А.* Находка на Увеке печати «князя Михаила» (157).
- Кочеткова М.А., Сингатулин Р.А., Гаврилова Е.А.* О возможности новых информационных технологий при археозоологических исследованиях (на материалах Увекского городища) (163).
- Материалы к археологической карте Саратовской области*
- Каргин Ю.Ю.* Мониторинг археологических памятников в левобережье р.Малый Иргиз (166).
- Волков В.А.* Разведки в Пугачевском районе Саратовской области в 2007 году (180).
- Малов Н.М.* Археологические памятники Петровского района и их изучение (187).

Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9. Саратов: Издательский дом «Полиграфия Поволжья», 2009. 194 с., ил.

- Юдин А.И.* О проблемах сохранения памятников археологии на территории Саратовской городской агломерации (3).
- Ляхов С.В.* Погребения эпохи поздней бронзы из курганов у станции Кулатка Хвалынского района Саратовской области (20).
- Лопатин В.А.* Исследования поселения Нижняя Красавка в 2008 году (38).
- Цимиданов В.В.* Социальная дифференциация в срубном обществе Саратовского Поволжья (52).
- Браташова С.А.* Мегалиты Сосновки (74).
- Тугушев П.Е.* Городище «Петровский городок» у села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области: два аспекта исследования (91).
- Хреков А.А., Дьяченко И.Н.* Постзарубинецкая стоянка у с.Репное (105).
- Сингатулин Р.А.* Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2006 г. (112).
- Евтеев А.А., Кубанкин Д.А.* Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005-2007 гг. (129).
- Марьксин Д.В., Сингатулин Р.А.* Опытные стереофотограмметрические исследования средневековой гончарной керамики (152).
- Волков В.А.* Археологическое картографирование в Нижнем Поволжье в досоветский период (159).
- Каргин Ю.Ю.* Археологическое наследие и новостройки: теоретический аспект (175).

Сведения об авторах

Афоньков Николай Николаевич – реконструктор, представитель военно-исторического общественного движения, г. Саратов.

Браташова Светлана Александровна, кандидат географических наук, преподаватель ОЦДОД «Поиск», г.Саратов.

Быков Владимир Юрьевич – учитель истории СШ с.Семеновка Аркадакского района Саратовской области.

Волков Владимир Александрович – кандидат исторических наук, археолог ГАУК «НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области», г.Саратов.

Дремов Игорь Иванович – педагог дополнительного образования ОЦДОД «Поиск», г.Саратов.

Каргин Юрий Юрьевич - кандидат исторических наук, консультант комитета по делам молодежи Администрации Волгоградской области.

Кубанкин Дмитрий Иванович – старший научный сотрудник Саратовского областного музея краеведения.

Кубанкина Олеся Анатольевна - научный сотрудник Саратовского областного музея краеведения.

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета.

Ляхов Сергей Витальевич – ведущий специалист ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края.

Моржерин Константин Юрьевич – заведующий сектором археологии Саратовского областного музея краеведения.

Попова Нина Ивановна (1935-2008) – руководитель клуба юных археологов «Искатели», г.Балаково, Саратовская область.

Семенова Ирина Викторовна – научный сотрудник Музея Н.Г.Чернышевского, г.Саратов.

Сергеева Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Энгельсского краеведческого музея, г.Энгельс, Саратовская область.

Тихонов Валерий Викторович, археолог ГАУК «НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области», г.Саратов.

Хреков Анатолий Анатольевич, заслуженный учитель РФ, доцент кафедры истории Балашовского института Саратовского госуниверситета, г.Балашов, Саратовская область.

Юдин Александр Иванович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ГАУК «НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области», г.Саратов.

Список сокращений

АВЕС	– Археология Восточно-Европейской степи
АО	– Археологические открытия
БКМ	– Балашовский краеведческий музей
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИМАО	– Императорское Московское археологическое общество
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
ОАИЕ	– Общество археологии, истории и естествознания при Казанском университете
РА	– Российская археология
САИ	– Свод археологических источников.
СА	– Советская археология
СУАК	– Саратовская ученая архивная комиссия
ТИЭ	– Труды института этнографии
Тр.ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея

Содержание

От редактора.....	3
Хреков А.А., Быков В.Ю. Новые материалы раннего энеолита лесостепного Прихоперья: Завьяловский клад (предварительная публикация).....	6
Юдин А.И. Поздний энеолит степей Нижнего Поволжья.....	15
Хреков А.А. Памятники воронежской культуры в бассейне Хопра.....	38
Лопатин В.А. Вольско-лбищенский вектор культуругенеза.....	56
Тихонов В.В. Курганный могильник Казенный в окрестностях Саратова.....	79
Сергеева О.В. Охранные раскопки в Марковском и Балаковском районах Саратовской области в 2009 г.	94
Попова Н.И., Каргин Ю.Ю. Исследование курганов на Натальинских островах в Балаковском районе Саратовской области.....	105
Моржерин К.Ю. Колт гуннской эпохи из Саратовского Заволжья.....	124
Матюхин А.Д., Ляхов С.В. Курган хазарского времени из северной Калмыкии.....	127
Кубанкин Д.А. Некоторые находки из раскопок на Увекском городище в 2010-2011 гг. (предварительное сообщение).....	141
Кубанкина О.А. Знаки на керамике Увекского городища (по материалам раскопок 2011 г.).....	152
Афоньков Н.Н. Стрелковый пояс и кошель золотоордынского времени из курганного могильника у с. Усть-Курдюм.....	158
Браташова С.А. Ранний казацкий некрополь на Увекском городище.....	164
Волков В.А. Деятельность Саратовской ученой архивной комиссии по пропаганде историко-археологических знаний.....	174
Дрёмов И.И., Семёнова И.В. Китайский амулет из Покровска и связи ойрат-калмыков с Саратовом, Средней Азией и Китаем.....	197
Памяти Александра Дмитриевича Матюхина.....	215
Содержание выпусков №№ 1-9.....	220
Сведения об авторах.....	226
Список сокращений.....	228

Научное издание

Археологическое наследие Саратовского края.
Саратов, 2012. Вып. 10.

Статьи изданы в авторской редакции

Подписано к печати 26.01.2012. Формат 60x84 1/8

ООО «Издательство «Научная книга»
410054, г.Саратов, ул.Б.Садовая, 127

Отпечатано в типографии ООО «ИППОЛиТ-XXI век»
г.Саратов, ул. Б.Казачья 79/85
Уч.-изд. л. 28,75. Тираж 300 экз. Заказ .